

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР #1

Обнаженная для тебя

Сильвия Дэй — бесспорная королева
нежной эротической прозы.

New York Times

ВСЕ ОТТЕНКИ ЛЮБВИ.
ЗАПРЕТНЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

Сильвия ДЭЙ

Ева и Гидеон внешне вполне успешные и благополучные люди, но внутри каждого из них скрыто слишком много мрачных секретов. Им придется пройти долгий непростой путь навстречу, прежде чем они смогут обнажить друг перед другом не только тела, но и души.

Международный бестселлер с тиражом 2 миллиона экземпляров, проданных только на английском языке. Сенсация 2012 года. По свидетельству авторитетного издания «Bookseller», за последнее десятилетие ни один роман в мягкой обложке не пользовался таким высоким спросом, как «Обнаженная для тебя».

- -
 - [Благодарности](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
-
-

Бесплатные книги по заказу читателей | Не нашли книгу, пишите "Какая книга вам нужна" и она появится на сайте

Посвящается доктору Дэвиду Алену Гудвину с безграничной любовью и благодарностью.

Спасибо, Дэйв. Вы спасли мне жизнь.

Данная книга представляет собой художественное произведение. Все имена, образы, места и события являются плодом авторского воображения или были использованы без умысла. Возможное сходство с реальными людьми, как живыми, так и умершими, местами действия или событиями есть результат сугубо случайного совпадения.

Благодарности

Выражаю глубочайшую благодарность своему редактору Хилари Сайрес, которая буквально вцепилась в это произведение и заставила меня работать над ним. В основном пинками под зад. Ее постоянная требовательность, не позволявшая мне пренебрегать деталями, заставляла меня работать с большей отдачей, что в итоге сделало книгу гораздо — гораздо! — лучше.

Без тебя, Хилари, «Обнаженная для тебя» не стала бы тем, что она есть.

Огромное тебе спасибо!

Марте Трахтенберг, потрясающему редактору текста. Эта книга очень важна для меня, к чему она отнеслась с полнейшим пониманием. *Спасибо, Марта!*

Виктории Колота, за ее неустанные труды по дизайну и подборке шрифтов. Она взяла мой незатейливый текст и придала ему выразительности. *Спасибо, Виктория!*

Тере Клейнфелтер, которая, прочтя первую половину книги, призналась мне, что очарована ею. *Спасибо, Тера!*

Всем девчонкам, что в какой-то момент юности побывали в Кросс-Крик. *Да сбудутся все ваши мечты. Вы этого заслуживаете.*

А также Алистер и Джессике из «Семи греховных лет», которые воодушевили меня на написание повести о Гидеоне и Еве. Мне так радостно, когда вдохновение посещает дважды!

— А не завалиться ли нам в бар, чтобы отпраздновать такое событие?

Подобное предложение моего соседа по квартире ничуть меня не удивило. Кто-кто, а Кэри Тейлор всегда готов был праздновать что угодно и по любому поводу. И в этом был один из секретов его очарования.

— По-моему, напиваться перед выходом на новую работу не самая удачная идея.

— Да брось ты, Ева!

Кэри, победно улыбаясь, сидел на полу нашей новой гостиной среди полудюжины коробок. И хотя с момента переезда прошло уже несколько дней, мы так и не успели распаковать их. Что не мешало Кэри замечательно выглядеть. Поджарый, темноволосый и зеленоглазый, он принадлежал к тому редкому типу мужчин, которые великолепны в любое время дня и ночи. Подобное панибратство я могла стерпеть только от него, так как он был для меня самым дорогим человеком на земле.

— Я ведь не о попойке говорю, — гнул свою линию Кэри. — Всего-то по бокалу-другому вина. Мы вполне можем славно посидеть часок, а к восьми вернуться.

— Ну не знаю, хватит ли у меня на все времени, — отозвалась я, показав на штаны и майку для занятий йогой. — Вообще-то, после прогулки до офиса я собиралась поразить своим видом тренажерный зал.

— Быстренько прогуляешься, а потренируешься еще быстрее, — заявил Кэри, при этом так изогнув бровь, что я прыснула со смеху.

Честное слово, я со дня на день ждала, что его тянущая на миллион долларов физиономия наконец украсит собою рекламные щиты и обложки глянцевого журналов. Он был сногшибателен независимо от выражения его лица.

— Как насчет того, чтобы отметить завтра после работы? — выдвинула я встречное предложение. — Если мой первый день пройдет успешно, то тогда и вправду будет что отпраздновать.

— Договорились. А я обновлю нашу кухню: состряпаю что-нибудь на обед.

— Хм... — (Кэри безумно любил стряпать, хотя именно это не относилось к числу его талантов.) — Здорово!

Сдунув упавшую на лицо непослушную прядь волос, он ухмыльнулся:

— Кухня у нас просто класс, за такую любой ресторан удавился бы. В ней просто невозможно плохо готовить.

И хотя у меня оставались сильные сомнения на сей счет, я предпочла завязать с разговором о еде, а потому, помахав ему рукой, направилась к двери. Вызвала лифт, спустилась на первый этаж и, послав улыбку швейцару, широко распахнувшему передо мной дверь, вышла на улицу.

Стоило оказаться снаружи, как меня окутали, словно приглашая познакомиться поближе, звуки и запахи Манхэттена. Казалось, будто от моего прежнего дома в Сан-Диего меня отделяет не только вся страна, но и целые миры. Два крупнейших мегаполиса: один бесконечно сдержанный и пронизанный чувственной ленью, а другой — переполняемый жизнью и неистовой энергией. Вообще-то, я мечтала поселиться в Бруклине, в доме без лифта, однако, будучи послушной дочкой, оказалась в Верхнем Вест-Сайде. Если бы рядом не было Кэри, я чувствовала бы себя несчастной и одинокой в громадной квартире, в месяц стоившей больше, чем основная масса людей зарабатывает за год.

— Добрый вечер, мисс Трэмелл, — произнес швейцар, слегка коснувшись своей шляпы. — Вам вызвать такси?

— Нет, Пол, спасибо. — Я покачалась на пятках спортивных туфель. — Пройдусь пешком.

— С полудня стало прохладней. Погодка обещает быть приятной, — улыбнулся он.

— Мне говорили, что надо наслаждаться июнем, пока не наступил июль с его чертовой жарой.

— Весьма толковый совет, мисс Трэмелл.

Я вышла из-под ультрасовременного стеклянного навеса, как ни странно абсолютно не контрастировавшего с почтенными на вид нашим и соседними зданиями, и пошла вперед, наслаждаясь покоем своей относительно тихой улочки, пока не достигла шумного, суетливого, забитого транспортом Бродвея. Меня не оставляла надежда, что в один прекрасный день, который наступит довольно скоро, я смогу слиться с городом в единое целое, но пока еще не чувствовала себя настоящей жительницей Нью-Йорка. Да, у меня уже имелись и домашний адрес, и работа, но я все еще побаивалась метро, не слишком преуспела в искусстве ловить такси и не могла не таращиться по сторонам, хотя и пыталась заставить себя этого не делать. Уж слишком много было новых ощущений и впечатлений.

Чего стоили ошеломляющая смесь запахов выхлопных газов и еды с лотков уличных торговцев, какофония голосов зазывал и музыки уличных исполнителей, внушающее благоговейный ужас разнообразие лиц, образов, стилей, акцентов, потрясающих архитектурных чудес... И машины! Господи боже мой! Ничего подобного этому непрерывному плотному потоку транспорта я сроду не видела.

То и дело улица оглашалась надрывным завыванием сирен: «скорая», полицейская или пожарная машины пытались расчистить себе путь среди множества желтых такси. А неуклюжие, тяжелые мусоровозы, ухитрявшиеся пробираться по узким боковым улочкам с односторонним движением, или юркие фургончики, каким-то чудом проскакивавшие чуть ли не вплотную, но никого не задев, просто повергали меня в ужас.

Настоящие ньюйоркцы воспринимали все это как само собой разумеющееся, город был для них знаком и уютен, как домашние тапочки. Они не обращали внимания на пар, клубившийся над вентиляционными отверстиями на тротуарах. Они не реагировали, когда внизу с ревом проносился очередной поезд подземки, тогда как я, с идиотской ухмылкой на физиономии, каждый раз непроизвольно вздрагивала. Влюбившись в Нью-Йорк с первого взгляда, я с восторгом впитывала все, что показывал мне город, и мои чувства стали еще сильнее оттого, что теперь я не только жила здесь, но и работала.

Приятно было сознавать, что я направляюсь к зданию, где мне предстоит трудиться. А это, помимо всего прочего, означало обрести в жизни новый путь. С завтрашнего утра я приступала к обязанностям помощницы Марка Гэррити в «Уотерс, Филд и Лимэн», одном из виднейших рекламных агентств США. Мой отчим, крупный финансист Ричард Стэнтон, был недоволен тем, что я согласилась на подобную должность. Он считал, что если бы не моя гордыня, то я устроилась бы в контору его друга. И пользы от этого, по его мнению, было бы гораздо больше.

— Ты так же упряма, как твой отец, — говорил он мне. — Он тоже норовит все делать сам, хотя при его зарплате копа ему придется всю жизнь погашать кредиты на твое образование.

Да, для них обоих это было камнем преткновения: мой отец ни в какую не соглашался уступить.

— Черта с два я позволю, чтобы учебу моей дочери оплачивал кто-то другой, — заявил Виктор Рейес, когда Стэнтон сунулся к нему с таким предложением.

Позицию отца я уважала. Подозреваю, что Стэнтон тоже, хотя и не хотел этого признавать. В принципе, я хорошо понимала их обоих, поскольку изо всех сил боролась за то, чтобы самостоятельно оплачивать свои счета. Но пока безуспешно. Что же до отца, то для него это было вопросом чести. В свое время моя мать наотрез отказалась выйти за него замуж, что не

помешало ему неукоснительно исполнять свои отцовские обязанности по отношению ко мне.

Помня об ошибках прошлого и понимая, что досадовать на них бесполезно, я сосредоточилась на том, чтобы как можно быстрее добраться до места работы. Специально выбрала для этого понедельник с его деловитым многолюдьем, а когда засекала время, то с удовольствием отметила, что дорога до Кроссфайр-билдинг, где находился офис «Уотерс, Филд и Лимэн», заняла менее получаса.

Запрокинув голову, я скользнула взглядом по фасаду здания, до тонкой полоски неба вверх. Небоскреб производил сильное впечатление: отделанный синим стеклом, он весь искрился и словно пронизывал облака. Поскольку я проходила здесь собеседования, то уже знала, что интерьер по ту сторону богато украшенных, отделанных медью вращающихся дверей внушает благоговейный трепет: полы и стены были из белого с золотистыми прожилками мрамора, а турникеты — из полированного алюминия.

Вытащив из кармана свой новехонький пропуск, я продемонстрировала его двоим охранникам в черных костюмах. Пропустили они меня не сразу, скорее всего из-за того, что одета я была отнюдь не по-деловому, но тем не менее пропустили. Осталось подняться на лифте на двадцатый этаж и дойти до дверей офиса. Время пошло.

Я уже направлялась к лифтам, когда стройная, ухоженная брюнетка зацепилась сумочкой за турникет. Оттуда дождем посыпалась мелочь. Монеты со звоном покатались по мраморному полу, а находившиеся поблизости люди делали вид, будто ничего не замечают. С сочувственной улыбкой я присела на корточки, чтобы помочь незнакомке собрать монеты. Моему примеру последовал и один из охранников.

— Спасибо, — смущенно улыбнулась она.

— Не за что, — ответила я, улыбнувшись в ответ. — Со мной такое бывало.

Сидя на корточках, я потянулась за лежавшей у прохода пятицентовой монеткой и наткнулась на пару роскошных мужских ботинок, на которые ниспадали шитые на заказ черные брюки. Я ждала, что незнакомец уберет ногу, но, поскольку он и не подумал этого сделать, мне пришлось запрокинуть голову, чтобы получше разглядеть неожиданное препятствие. Сперва я обратила внимание на роскошный костюм-тройку, а потом — на его обладателя, отличавшегося удивительно стройным и крепким телосложением. Но, увидев его лицо, я испытала настоящий шок.

«Вау... У меня нет слов! Вау!»

Он со звериной грацией присел на корточки прямо передо мной, и я, оказавшись лицом к лицу с этим воплощением изысканной мужественности, только и могла, что смотреть, открыв рот.

А потом между нами пробежало нечто вроде электрического разряда.

Взгляд незнакомца изменился, словно с его глаз соскользнул защитный щиток, открыв испепеляющую силу воли, буквально вытягивавшую воздух из моих легких. Излучаемый им магнетизм усилился до такой степени, что уже, казалось, воспринимался на физическом уровне, как некое вибрирующее силовое поле.

Я чисто инстинктивно отпрянула — и шлепнулась на задницу, а заодно основательно приложила локтями к мраморному полу, хотя едва ли почувствовала боль. Все мое внимание было приковано к находившемуся передо мной мужчине. Иссиня-черные волосы обрамляли удивительно красивое лицо, достойное резца скульптора. Твердая линия рта, прямой нос, ярко-голубые глаза. Несколько варварская красота. Глаза его слегка сузились, однако лицо оставалось бесстрастным.

Костюм и рубашка незнакомца были черными, а галстук — голубым, в цвет глаз. И оценивающий взгляд этих голубых глаз был обращен на меня. Сердце мое забило быстрее,

губы непроизвольно приоткрылись. И пахло от него чем-то приятным и одновременно греховным. Не одеколоном. Может быть, мылом. Или шампунем. Чем-то потрясающе притягательным. Как и он сам.

Он подал мне руку, продемонстрировав запонки из оникса и очень дорогие на вид часы.

С судорожным вздохом я вложила ладонь в его руку, а когда он сжал ее, сердце у меня так и екнуло. От его прикосновения по моему телу будто пробежал ток, заставив приподняться волоски сзади на шее. Мгновение незнакомец оставался неподвижным, между красивыми бровями залегла морщинка.

— С вами все в порядке?

Голос его, приятный и звучный, был тронут хрипотцой, от которой меня пробрала дрожь, пробудив мысли о сексе. Потрясающем сексе. На секунду мне показалось, что еще немножко — и он доведет меня до оргазма.

— Все прекрасно, — облизав пересохшие губы, выдавила я.

Он поднялся с грацией пантеры, затем помог встать на ноги и мне. Мы по-прежнему смотрели друг на друга, потому что отвести взгляд я попросту не могла. Он был моложе, чем мне показалось вначале. По моим прикидкам ему не было и тридцати, хотя во взгляде сквозил жизненный опыт. А еще твердость и острый ум.

Я чувствовала, как меня влечет к нему, словно он накинул на меня лассо и медленно, но неумолимо тянет к себе.

Но, несмотря на свое полуобморочное состояние, я все-таки нашла в себе силы отстраниться. Он был не просто хорош собой, он выглядел так, что буквально сражал наповал. Незнакомец принадлежал к той категории парней, от одного вида которых у женщины возникает желание разорвать на них рубашку, да так, чтобы пуговицы разлетелись во все стороны, а вместе с ними — и остатки сдержанности. Я смотрела на него, утонченного и элегантного в этом очень дорогом костюме, и думала лишь о грубом, примитивном, сумасшедшем сексе.

Он наклонился, чтобы поднять пропуск, который я, оказывается, уронила, и мне каким-то чудом удалось освободиться от власти его провоцирующего взгляда и более-менее прийти в себя.

И я тут же испытала дикое раздражение. Надо же, он само спокойствие, а на меня вдруг ни с того ни с сего накатило нечто непонятное! И с чего бы это? Черт возьми, да он меня ослепил!

Незнакомец снова взглянул на меня, и от его позы — он стоял передо мной практически на коленях — голова моя снова пошла кругом. Не сводя с меня глаз, он начал медленно подниматься.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? По-моему, вам не мешало бы на минутку присесть.

Меня бросило в жар. Да уж, хорошего мало: выглядеть неуклюжей недотепой в глазах самого привлекательного и уверенного в себе мужчины, какого я когда-либо встречала.

— Ничего страшного. Я просто потеряла равновесие. Все нормально.

Я обернулась к виновнице происшествия. Поблагодарив помогавшего ей охранника, она с извинениями направилась ко мне. Я протянула ей пригоршню собранных монет, однако взгляд ее упал на божество в черном костюме, и она вмиг забыла о моем существовании. Выждав момент, я просто высыпала мелочь ей в сумочку, а когда рискнула снова поднять глаза на незнакомца, то увидела, что он смотрит прямо на меня, не обращая внимания на распинающуюся перед ним брюнетку. Да-да, перед ним, а вовсе не передо мной, хотя именно я пришла ей на помощь!

— Простите, я могу взять свой пропуск? — проигнорировав брюнетку, сказала я.

Незнакомец протянул мне пропуск. Я попыталась взять его так, чтобы избежать непосредственного контакта с его рукой, однако наши пальцы соприкоснулись, и меня вновь словно ударило током.

— Спасибо, — пробормотала я.

Выскочив через вращающуюся дверь на улицу, я остановилась и судорожно вдохнула насыщенный миллионами разнообразнейших запахов воздух Нью-Йорка.

Перед зданием стоял блестящий черный внедорожник «бентли», и в его тонированных стеклах я увидела свое отражение. Лицо покраснелось, серые глаза горели лихорадочным огнем. Такой я видела себя только в зеркале ванной комнаты, когда наводила марафет, перед тем как лечь в постель с мужчиной. Это выражение ни с чем невозможно было спутать: именно так я выглядела в предвкушении секса, чем сейчас вроде бы и не пахло.

«Господи! Возьми себя в руки!»

Каких-то пять минут, проведенные с Опасным Брюнетом, наполнили меня страстной, неумемной энергией. Я до сих пор ощущала его магнетизм. Меня так и тянуло вернуться назад, к нему. Конечно, можно было попытаться объяснить это тем, что я просто не довела до конца то, ради чего явилась в Кроссфайр-билдинг, но зачем себя обманывать?!

— Достаточно, — тихонько буркнула я себе. — А ну, двигай давай!

Оглушительно сигналившее такси проскочило прямо перед носом у другого. Водитель успел ударить по тормозам и просто чудом не налетел на ступивших раньше времени на проезжую часть пешеходов. И водители, и пешеходы разразились возмущенными криками, отчаянно замахали руками, но скорее для порядка, поскольку уже через минуту будут вспоминать о неприятном эпизоде как об очередном штрихе обыденной жизни большого города.

Слившись с потоком пешеходов, я направилась в сторону тренажерного зала, и губы мои тронула улыбка.

«Ах, Нью-Йорк, — подумала я, чувствуя, что снова прихожу в себя. — С тобой не соскучишься».

* * *

Я намеревалась размяться на беговой дорожке, а потом провести часок на тренажерах, но, увидев собравшихся на тренировку начинающих кикбоксеров, решила присоединиться к ним. По окончании занятия все мое тело ныло от усталости, и я точно знала, что сегодня засну как убитая.

— У тебя здорово получается.

Вытерев пот с лица полотенцем, я взглянула на заговорившего со мной молодого человека. Рослого, стройного, мускулистого, с пронизательными карими глазами и гладкой кожей цвета кофе с молоком. Его длинные густые ресницы контрастировали с наголо обритой головой.

— Спасибо, — слегка скривив губы, ответила я. — Наверное, сразу видно, что у меня это первая тренировка?

Он ухмыльнулся и протянул руку:

— Паркер Смит.

— Ева Трэмелл.

— Ты, Ева, обладаешь природной сноровкой. Еще пара тренировок — и у тебя будет нокаутирующий удар. В таком городе, как Нью-Йорк, умение постоять за себя жизненно необходимо. — Он махнул в сторону висевшей на стене пробковой доски, к которой были

прикреплены листочки с объявлениями. Оторвав полоску от одного из них, он протянул ее мне: — Слышала когда-нибудь про крав-мага?

— Ага, видела в кино с Дженнифер Лопес.

— Я обучаю этому боевому искусству и буду рад видеть тебя в наших рядах. Вот здесь адрес моего сайта и номер телефона спортзала.

Мне понравились его непосредственность, открытый взгляд и искренняя улыбка. Вполне возможно, что он просто-напросто меня клеил, однако полной уверенности не было: сбивала с толку его спокойная сдержанность. Паркер стоял, скрестив руки, что выгодно подчеркивало его рельефные бицепсы. На нем были черная майка и удлиненные шорты, на ногах — разношенные кроссовки «Конверс». Шею украшала этническая татуировка.

— На сайте указано время. Зайди проверь, подходит ли тебе.

— Непременно об этом подумаю.

— Да уж подумай. — Он снова протянул мне руку, и я почувствовала его крепкое, доверительное рукопожатие. — Надеюсь, еще увидимся.

* * *

Когда я вернулась домой, в квартире витали сказочные ароматы, а из динамиков лился задушевный голос Адель, исполнявшей «Chasing Pavements». Заглянув через открытую дверь на кухню, я увидела Кэри, который, покачиваясь в такт музыке, что-то помешивал на плите. На столешнице стояли открытая бутылка вина и два бокала, причем один был наполнен красным вином.

— Эй! — подойдя поближе, окликнула его я. — Что стряпаешь? У меня есть время принять душ?

Кэри налил вина во второй бокал и отработанным изящным движением подтолкнул его по стойке ко мне. Глядя на него, невозможно было представить, что его мать употребляла наркотики, его детство прошло по приемным семьям, а юность и того хуже — по исправительным учреждениям для несовершеннолетних.

— Пасту с мясным соусом. И погоди с душем, обед уже готов. Хорошо провела время?

— В тренажерном зале — да.

Я села на один из барных стульев и рассказала ему о тренировке по кикбоксингу и о Паркере Смите.

— Не хочешь пойти со мной?

— Заниматься крав-мага? — Кэри покачал головой. — Слишком уж жесткое искусство. Я весь покроюсь синяками и в результате останусь, чего доброго, без работы. Но сходить туда с тобой, пожалуй, схожу. Проверю, часом, не псих ли какой этот малый.

Он переложил пасту из кастрюли в дуршлаг.

— Хм, почему обязательно псих? — поморщилась я.

Отец научил меня разбираться в парнях. Именно поэтому я сразу поняла, насколько опасен тот бог в дизайнерском костюме. На лицах обычных людей, когда они кому-нибудь помогают, непроизвольно появляется дежурная улыбка просто для того, чтобы сгладить неловкую ситуацию и установить мгновенный контакт.

Правда, я тоже не стала ему улыбаться.

— Детка, — взяв с полки тарелки, произнес Кэри, — ты жутко сексуальная. И не у каждого мужчины хватит храбрости вот так сразу взять и пригласить тебя на свидание.

В ответ я снова презрительно сморщила нос.

Он поставил передо мной тарелку с пастой под томатным соусом с мясным фаршем и горохом.

— У тебя что-то на уме. Выкладывай, в чем дело?

Хмм... Я взяла ложку, твердо решив на сей раз о еде не распространяться.

— Тут такое дело. Я встретила парня, который на данный момент, наверное, круче всех на планете. А возможно, вообще самый крутой в мировой истории.

— Неужели? А мне казалось, это я такой. Ну, давай выкладывай.

Кэри расположился по другую сторону барной стойки, поскольку предпочитал есть стоя. Я подождала, пока он отправит в рот пару ложек своей стряпни, и только тогда набралась храбрости попробовать ее сама.

— Да тут и рассказывать особо нечего. Я ухитрилась шлепнуться в вестибюле Кроссфайра на задницу, а он подал мне руку и помог подняться.

— Длинный или коротышка? Блондин или брюнет? Толстый или тощий? Цвет глаз?

Я запила вторую ложку пасты вином.

— Высокий. Темноволосый. Стройный, но крепкий. Глаза голубые. Судя по одежде и аксессуарам, до неприличия богатый. И безумно сексуальный. Знаешь, как это бывает: иногда вроде бы крутые парни не вызывают никакого полового влечения, а какой-то ничем не примечательный замухрышка может обладать колоссальной сексуальной притягательностью. Но у моего незнакомца все в одном флаконе.

И снова, как это было, когда Опасный Брюнет прикоснулся ко мне, в животе запорхали бабочки. Перед моим внутренним взором возникло его потрясающее лицо. Нет, иметь такую неотразимую внешность для мужчины просто недопустимо. Даже преступно. Клетки моего мозга еще явно не восстановились после шока, полученного от встречи с таинственным незнакомцем.

Кэри облокотился на стойку, длинная челка упала на зеленые глаза.

— И что было после того, как он помог тебе встать?

— Ничего, — пожала плечами я.

— Ничего?

— Я ушла.

— Что? Не стала с ним флиртовать?

Я отправила в рот еще одну ложку пасты. Надо же, а блюдо вышло совсем не дурным! Или я просто здорово проголодалась.

— Кэри, ты не въезжаешь. Он не из тех парней, с которыми можно заигрывать.

— Да нет в природе такого парня, с которым нельзя заигрывать. Даже женатые и вполне счастливые в браке ребята вовсе не против безобидного флирта.

— То-то и оно, что ничего «безобидного» с этим парнем и рядом не стояло, — буркнула я.

— Ага, стало быть, он из таких, — глубокомысленно кивнул Кэри. — Да, скверные парни бывают чертовски привлекательны, хотя лучше не сходитья с ними слишком близко.

Уж кому, как не ему, этого было не знать, поскольку и мужчины, и женщины всех возрастов штабелями валялись у его ног. Но при всем богатстве выбора он — непонятно почему — постоянно попадал впросак и в качестве партнеров выбирал себе то психопатов, то мошенников, то типов с суицидальными наклонностями, то особ, не отличающихся постоянством... Короче, уж он-то всякого навиделся.

— Это не тот парень, о котором можно думать просто как о забаве, — призналась я. — В нем такая мощь. И, спорю на что угодно, в постели он — нечто фантастическое.

— Ладно, я все понял. Знаешь, лучше забудь своего крутого парня, но оставь в памяти его образ, чтобы он ублажал тебя в твоих фантазиях.

Поскольку мне и самой хотелось отделаться от мыслей о незнакомце, я сменила тему:

— Что планируешь на завтра?

Кэри принялся расписывать свою повестку дня, упомянув рекламу джинсов, средства для загара, нижнего белья и одеколona.

Я постаралась выбросить из головы все постороннее и полностью сосредоточиться на том, что говорил Кэри. Спрос на Кэри Тейлора увеличивался день ото дня. Его профессиональная репутация и способности получали все большее признание у рекламных фотографов, а вместе с репутацией росли и его гонорары. Я радовалась за него и гордилась им. Он прошел долгий, нелегкий путь и заслужил успех.

Только после обеда я обратила внимание на две большие подарочные коробки, стоявшие возле дивана.

— А это что такое?

— Последние поступления, — ответил Кэри, пройдя следом за мной в гостиную.

Я уже и сама догадалась, что это посылки от Стэнтонa и мамули. Деньги были просто необходимы моей матери для счастья, и меня радовало, что Стэнтон, ее муж № 3, оказался способен удовлетворить все ее многочисленные потребности и прихоти. Порой мне искренне хотелось положить этому конец, но маме трудно было понять, что я смотрю на деньги несколько иначе, чем она.

— И что теперь?

Кэри положил руку мне на плечо, что для него не представляло особого труда, так как он был на целых пять дюймов выше меня.

— Не будь неблагодарной. Он любит твою маму. Любит задаривать ее. А она любит задаривать тебя. Но он прекрасно знает, что ты таких вещей на дух не переносишь, а потому делает это не для тебя, а для нее.

Я вздохнула, признав его правоту.

— Ну и что там?

— Гламурные шмотки для участия в субботнем благотворительном обеде. Сногшибательное платье для тебя и смокинг от Бриони для меня, поскольку, покупая подарки для меня, он старается для тебя. Ты становишься гораздо терпимее, когда я нахожусь рядом и слушаю твоё брюзжание.

— Чертовски верно. Слава богу, что он это понимает.

— Да уж конечно понимает. Он все знает, иначе не был бы так несметно богат.

Кэри взял меня за руку и потянул в комнату.

— Пошли. Сама увидишь.

* * *

На следующее утро, без десяти девять, я прошла сквозь вращающуюся дверь в вестибюль Кроссфайр-билдинг. На мне было простое облегающее платье, а уличные туфли я уже в лифте сменила на подходящие к платью черные лодочки. Мои волосы были уложены в замысловатую прическу, напоминавшую, по словам Кэри, цифру восемь. Сама я толком укладывать волосы не умела, но вот он обладал способностью создавать не просто прически, а гламурные шедевры. Мой облик дополняли маленькие жемчужные серьги-гвоздики, подаренные отцом, и часы «Ролекс», полученные от Стэнтонa и матери.

Поначалу меня одолевали сомнения, не слишком ли я выпендрилась, но, войдя в вестибюль, вспомнила, как вчера растянулась на полу в спортивном прикиде, и порадовалась, что с виду

ничем не напоминаю ту неуклюжую девицу. Во всяком случае, на физиономиях охранников, которым я показала свой пропуск, никакого узнавания не отразилось. Поднявшись на двадцать этажей, я вышла в холл офиса «Уотерс, Филд и Лимэн». Двойные двери в стене из пуленепробиваемого стекла вели в приемную. Когда я поднесла пропуск к стеклу, сидевшая в приемной за столом в форме полумесяца секретарша нажала на кнопку, и двери отворились.

— Привет, Мегуми, — поздоровалась я, войдя внутрь.

Мегуми была очень симпатичной, с явной примесью азиатской крови. Густые черные волосы подстрижены в стиле «боб», карие глаза и полные розовые губы. И шикарная блузка цвета клюквы.

— Привет, Ева. Марк еще не пришел, но ты ведь знаешь, где твое рабочее место?

— Конечно.

Помахав ей рукой, я повернула налево и прошла до конца коридора, потом снова повернула налево и оказалась в когда-то просторном, а ныне разделенном на рабочие секции помещении. Одна из этих секций предназначалась для меня.

Сумочку и пакет с уличной обувью я убрала в нижний ящик своего стола, после чего включила компьютер и извлекла пару вещиц, которые принесла, чтобы придать своему рабочему месту больше индивидуальности. Одна представляла собой коллаж из трех фотографий в рамке — мы с Кэри на пляже Коронадо-Бич, мама со Стэнтоном на его яхте во Французской Ривьере и отец на дежурстве в патрульной машине в Оушенсайде, Калифорния. Вторую вещицу — букетик ярких цветов из стекла — Кэри вручил мне сегодня утром как подарок в честь моего первого трудового дня. Я поставила букетик рядом с фотографиями и откинулась назад полюбоваться эффектом.

— Доброе утро, Ева.

Я встала из-за стола и повернулась к боссу:

— Доброе утро, мистер Гэррити.

— Прошу называть меня просто Марк, без церемоний. Пройдем в мой кабинет.

Я последовала за ним по коридору, снова отметив, какая приятная внешность у моего нового босса: блестящая темная кожа, небольшая бородка и карие глаза со смешинкой. У Марка была квадратная челюсть и очаровательная лукавая улыбка. Аккуратный, подтянутый, он держался с естественным достоинством, внушавшим уважение и доверие.

Жестом предложив мне занять один из стульев перед его столом из стекла и хрома, он дождался, пока я сяду, и лишь после этого опустил в свое кресло фирмы «Аэрон». На фоне облаков и небоскребов за окном Марк казался более значительным, хотя на самом деле являлся лишь младшим менеджером по работе с клиентами, а кабинет его был просто каморкой по сравнению с кабинетами директоров и других руководителей.

— Ну как, обживаешься на новой квартире? — улыбнулся Марк.

Признаться, меня удивило, что он помнит такие детали, но я это оценила. Я познакомилась с ним во время второго собеседования, и он уже тогда мне понравился.

— Более или менее, — ответила я. — Хотя нераспакованных коробок еще предостаточно.

— Ты ведь из Сан-Диего, верно? Чудесный город, но здорово отличается от Нью-Йорка. Тебе здесь, наверное, не хватает пальм?

— Чего мне не хватает, так это сухого воздуха. К здешней сырости так сразу не привыкнешь.

— Погоди, что еще летом будет, — улыбнулся он. — Ну ладно. Поскольку сегодня твой первый рабочий день, а ты у меня первая помощница, нам необходимо подумать о нашем будущем сотрудничестве. Признаюсь, я не привык давать поручения, но не сомневаюсь, что быстро научусь.

— С удовольствием буду выполнять все ваши поручения, — мгновенно расслабившись, заявила я.

— Получить помощницу — это шаг вперед по карьерной лестнице, и я хочу, чтобы наша совместная работа была тебе в радость. А скажи-ка мне, Ева, ты кофе пьешь?

— Кофе — один из моих любимейших напитков.

— Здорово! Такая помощница мне по душе. — Его улыбка сделалась еще шире. — Я не собираюсь поручать тебе готовить для меня кофе, но не возражал бы, если бы ты помогла мне разобраться с новой кофеваркой на одну чашку, которую поставили в комнате отдыха.

— Легко, — ухмыльнулась я.

— Как жаль, что у меня ничего больше для тебя нет. — Он нерешительно почесал затылок. — Впрочем, почему бы для начала не показать тебе материалы, с которыми я работаю?

* * *

Остаток дня пролетел незаметно, слившись в единое целое. Сперва Марк побеседовал с двумя клиентами, а потом провел совещание с творческой группой, разрабатывавшей концепцию для технического колледжа. Было чрезвычайно интересно наблюдать за тем, как идея, передаваемая из рук в руки, точно эстафетная палочка, проходит на твоих глазах путь от зарождения до воплощения. Я с удовольствием задержалась бы подольше, хотя бы для того, чтобы лучше узнать расположение кабинетов, но в десять минут пятого у меня зазвонил телефон.

— Офис Марка Гэррити. Ева Трэмелл на проводе.

— Оторви задницу от стула и спускайся вниз. Надеюсь, ты не забыла, что мы вчера договорились как следует поддаться?

Наигранная грубость Кэри вызвала у меня улыбку.

— Ладно-ладно. Я почти готова.

Я выключила компьютер, прибрала рабочее место и у лифтов достала сотовый, чтобы послать Кэри эсэмэску «Уже иду». Я услышала звуковой сигнал подошедшего лифта и, пока ждала, когда откроются двери, нажала на кнопку «Отправить сообщение» на своем мобильнике. Затем сделала шаг в сторону лифта, подняла голову и внезапно поймала на себе взгляд знакомых голубых глаз. У меня перехватило дыхание.

В лифте не было никого, кроме бога секса.

Серебристый галстук и белоснежная рубашка выгодно подчеркивали цвет его глаз. Он стоял в расстегнутом пиджаке, небрежно засунув руки в карманы брюк. Увидеть его было для меня все равно что врезаться на бегу в стену, о наличии которой я даже не подозревала.

Я застыла на месте, не в силах отвести взгляд от мужчины, на сей раз показавшегося мне еще более неотразимым, чем тогда. Таких иссиня-черных волос я никогда не видела. Блестящие и довольно длинные, они доходили до воротника рубашки. Эта сексуальная деталь — совсем как шапочка взбитых сливок поверх шоколадно-орехового пломбира — добавляла некую пикантность, этакую крутизну, его облику преуспевающего бизнесмена. Хотя если верить маме, длинные волосы носят только злодеи и психи.

Руки мои сжались. Я с трудом подавила в себе желание погладить его по голове, чтобы проверить, действительно ли его волосы столь же шелковисты на ощупь, как и на вид.

Двери начали закрываться. Тогда он шагнул вперед и нажал на кнопку, чтобы они остались открытыми.

— Ева, здесь хватит места для двоих.

Его уверенный, словно тронутый дымком голос вывел меня из ступора.

«Откуда он знает мое имя?» — изумилась я, но тут же вспомнила, что он поднял пропуск, который я вчера уронила в вестибюле. Я уж начала было подумывать о том, чтобы сказать ему, будто я кого-то жду и вызову другую кабину, но потом все же взяла себя в руки.

Какого черта я дергаюсь? Теперь понятно, что он работает здесь, в Кроссфайр. Стало быть, мы неизбежно будем сталкиваться и я не смогу постоянно удирать от него. Да и зачем? Наоборот, если мне не хочется каждый раз терять голову от его красоты, то не лучше ли иметь возможность видеть его настолько часто, чтобы он стал для меня чем-то вроде предмета обстановки.

Ха! Если бы!

— Спасибо, — входя внутрь, сказала я.

Он отпустил кнопку и сделал шаг назад. Двери закрылись, лифт пошел вниз, и я тут же пожалела о своем решении поехать вместе с ним.

От одного осознания того, что он здесь, рядом со мной, я вся покрылась мурашками. В замкнутом пространстве он, казалось, испускал физически ощутимые сексуальные флюиды, что заставляло меня беспрестанно переминаться с ноги на ногу. Меня непреодолимо тянуло к нему, словно он обращался ко мне с беззвучным приказом, который я инстинктивно была готова выполнить.

— Как прошел первый рабочий день? — спросил он, поразив меня еще больше. Его глубокий голос точно обволакивал с головы до ног.

«Откуда он, черт возьми, знает, что это мой первый день?»

— Э-э... Спасибо, прекрасно, — ответила я, приложив титанические усилия, чтобы мой голос предательски не дрожал. — А у вас?

Я чувствовала его взгляд на своем лице, но сама не отрывала глаз от дверей лифта. У меня жутко билось сердце и противно сосало под ложечкой. Я пребывала в полнейшем смятении.

— Ну, для меня этот день не первый, — с легкой усмешкой ответил он. — Но прошел удачно. А дальше обещает быть еще лучше.

Я кивнула и вымучила улыбку, так как решительно не представляла себе, что он имеет в виду. На двенадцатом этаже лифт остановился, впустив оживленно переговаривавшуюся между собой тройцу. Я отступила, освободив для них место, и очутилась в противоположном от него

углу кабины. Точнее, могла очутиться, не сдвинься с места и он. Неожиданно мы оказались еще ближе друг к другу, чем прежде.

Он поправил безупречный узел галстука, задев при этом мою руку. Я судорожно вздохнула и попыталась отвлечься от его будоражащей близости, сосредоточившись на разговоре новых пассажиров. Но куда там! Это было невозможно. Ведь здесь находился он. Совсем рядом. Великолепный, обворожительный, благоухающий. Мысленно я невольно представила себе крепкое мужское тело под этим костюмом и то, как прижимаюсь к нему.

Когда лифт наконец остановился, я чуть было не застонала от облегчения и пулей выскочила наружу. Он вышел следом, непринужденно обняв меня сзади твердой рукой. От его прикосновения я задрожала как в лихорадке.

У турникетов он убрал руку, и у меня вдруг возникло странное чувство утраты. Я взглянула на него, пытаясь хоть что-нибудь прочесть по его лицу, но оно, хотя и было обращено ко мне, ничего не выражало.

— Ева!

Все изменилось, стоило мне увидеть Кэри, небрежно прислонившегося к мраморной колонне. На нем были обтягивающие джинсы, делающие его стройные ноги еще длиннее, и мешковатый зеленый свитер под цвет глаз. На Кэри обращали внимание все, кто находился в вестибюле. Поравнявшись с ним, я замедлила шаг, а бог секса, пройдя мимо нас, вышел через вращающуюся дверь и скользнул на заднее сиденье того самого черного «бентли», который я видела здесь накануне вечером.

— Ну и ну! — присвистнул Кэри, когда машина отъехала. — Судя по тому, как ты на него смотрела, это тот самый парень, о котором ты говорила. Верно?

— Ох, да. Тот самый.

— Так вы что, вместе работаете? — Кэри взял меня за руку и потянул на улицу.

— Нет.

Я остановилась и оперлась на Кэри, чтобы переобуться в уличные туфли, в то время как поток пешеходов обтекал нас с обеих сторон.

— Представления не имею, кто он такой. Но он спросил, как прошел мой первый рабочий день, так что лучше мне это выяснить.

— Понятно... — ухмыльнулся Кэри и поддержал меня под локоть, пока я неловко переступала с одной ноги на другую. — Точнее, непонятно, как рядом с ним кто-то вообще ухитряется работать. У меня, честно сказать, просто мозги съехали набекрень.

— Не сомневаюсь, что это универсальный эффект. — Я выпрямилась. — Ну, пойдём. Мне необходимо выпить.

* * *

Следующее утро было отмечено легкой пульсирующей болью в затылке, напоминавшей о том, что вчера мне, пожалуй, не стоило так много пить. Последние два бокала вина явно оказались лишними. Однако, поднимаясь в лифте на двадцатый этаж, я сожалела о вчерашней попойке куда меньше, чем могла бы. По существу, выбор передо мной стоял небогатый: или перебраться с алкоголем, или пустить в ход вибратор. Но будь я проклята, если стану добиваться оргазма с помощью устройства на батарейках, заменяющего собой Опасного Брюнета! Конечно, он ни о чем не узнает и вряд ли догадается, что смог настолько меня возбудить, но себя ведь не обманешь, и мне не хотелось удовлетворять сексуальные фантазии о нем подобным способом.

Забросив пакет в нижний ящик стола и убедившись, что Марка на месте еще нет, я сварила

чашку кофе и вернулась на свое рабочее место посмотреть полюбоившиеся мне рекламно-деловые блоги.

— Ева!

От его неожиданного появления — на темном лице, как всегда, сияла белозубая улыбка — я подскочила чуть ли не до потолка.

— Доброе утро, Марк.

— Вот именно, доброе. Похоже, ты приносишь мне удачу. Пошли в мой кабинет. Ноутбук прихвати. Ты сегодня сможешь немного подольше посидеть?

— Конечно, — бодро ответила я, заразившись его энтузиазмом.

— Именно это я и надеялся услышать.

Он опустил в кресло, я села на один из стульев перед его столом и включила ноутбук.

— Итак, — начал он, — мы получили заказ на рекламу водки «Кингсмен», причем клиент назвал именно меня в качестве исполнителя. Такого еще не случалось.

— Мои поздравления!

— Я их принимаю, хотя давай все-таки повременим с ними до тех пор, пока реально не оформим контракт. Нужно оговорить условия, стоимость заказа и все такое. Они хотят встретиться со мной для обсуждения деталей сегодня вечером.

— Вау! А что, это всегда так делается?

— Ничего подобного. Обычно они ждут, когда мы ответим на запрос предложений, и только потом встречаются с нами, но марку водки «Кингсмен» недавно приобрела «Кросс индастриз», у которой дюжина дочерних компаний. Для нас иметь дело с одной из них большая удача. Они сами все прекрасно понимают и поэтому заставляют нас стоять на ушах. Завтрашняя их встреча со мной как раз по этой части.

— Обычно такими вещами занимается вся команда. Верно?

— Да, в качестве исполнителя выступает целая группа. Но похоже, ребята процедуру знают и понимают, что, обратившись к большому боссу, в итоге будут иметь дело с младшим менеджером, таким как я. Вот они и решили выйди напрямую на меня, а сейчас хотят устроить нечто вроде смотрин. Впрочем, справедливости ради нужно признать, что запрос предложений — это все равно что задание, так что я не могу обвинять их в излишней требовательности. Особенно если принять во внимание, что речь идет о сотрудничестве с «Кросс индастриз». — Он пробежал пальцами по своим тугим кудряшкам, тем самым непроизвольно показав, что на седьмом небе от счастья. — А какого ты мнения о водке «Кингсмен»?

— Э... Хм... Честно говоря, в жизни о ней не слышала.

Марк откинулся в кресле и рассмеялся:

— Ну, слава богу. А то я боялся, что я такой один. Хорошо и то, что по данному поводу нет никаких публикаций. Любая шумиха в прессе раньше времени только вредит.

— А я чем могу помочь? Ну, кроме того, что исследую водку и слегка задержусь?

Марк в задумчивости поджал губы:

— Давай записывай...

Мы работали без обеда, оставшись в офисе и после того, как он опустел. Я была настолько увлечена, что, когда уже после семи у Марка, разорвав тишину, вдруг зазвонил смартфон, вздрогнула от неожиданности.

Марк, не отрываясь от работы, включил громкую связь.

— Привет, беби.

— Эй, приятель, ты хотя бы накормил бедную девочку? — требовательно осведомился бархатный мужской голос.

Марк посмотрел на меня сквозь стеклянную стену своего кабинета и смущенно

пробормотал:

— Э... Как-то забыл.

Я торопливо отвернулась и прикусила нижнюю губу, чтобы скрыть улыбку.

Человек на другом конце провода хмыкнул.

— Бедняжка всего два дня как устроилась, а ты мало того что завалил ее работой, так еще и голодом уморить норовишь. Эдак она от вас быстро сбежит.

— Вот дерьмо! Ты совершенно прав. Стив, голубчик...

— Завязывай со своим «Стив, голубчик». Она любит китайскую кухню?

Я показала Марку два поднятых вверх больших пальца. Он ухмыльнулся.

— Ага. Любит.

— Отлично. Буду через двадцать минут. Предупреди охрану.

И ровно через двадцать минут шум в приемной возвестил о появлении Стивена Эллисона. Стив оказался здоровенным парнем, одетым в темные джинсы, поношенные рабочие башмаки и облегающую рубашку на пуговицах. Рыжеволосый, с веселыми голубыми глазами, он был таким же симпатичным, как и его партнер, но совсем на другой лад. Втроем мы устроились за столом Марка, разложили по бумажным тарелкам кусочки цыпленка «кун пао», брокколи с говядиной и, добавив липкого белого риса, взялись за палочки для еды.

Я узнала, что Стивен работал подрядчиком и они с Марком сошлись еще в колледже. За ними нельзя было наблюдать без восхищения и белой зависти. Их отношения были столь гармоничны, что проводить с ними время оказалось удивительно приятно.

— Ни хрена себе! — присвистнул Стивен, когда я потянулась за третьей порцией. — Ну у тебя и аппетит. Как в тебя столько влезает и куда потом девается?

— Отправляется вместе со мной в тренажерный зал. Может быть, в этом все дело? — пожалала я плечами.

— Не обращай на него внимания, — хмыкнул Марк. — Стивен просто завидует. Ему-то приходится следить за своей фигурой. Чтобы не теряла девической стройности.

— Черт побери! — воскликнул Стивен, покосившись на своего сожителя. — Нужно обязательно пригласить ее на ланч в свою компанию. Я смогу здорово подняться, если побьюсь об заклад, сколько способна умять такая худышка.

— Вот было бы забавно, — улыбнулась я.

— Ха. В тебе есть какая-то сумасшедшинка. По улыбке видно.

Я опустила глаза, постаравшись не вспоминать о том, как ярко проявлялась эта самая «сумасшедшинка» на бунтарском, саморазрушительном этапе становления моей личности.

— Не морочь голову моей помощнице, — пришел мне на выручку Марк. — И что ты вообще можешь смыслить в отвязных женщинах?

— Ну, я знаком с некоторыми из них. Теми, что вечно трутся возле геев. Нравится им наша точка зрения. — На лице его расплылась широкая ухмылка. — Да и еще кое-что знаю. Эй! Что вы на меня так вылупились? Я просто хотел проверить, насколько оправданна столь разнузданная реклама гетеросексуальности.

Совершенно очевидно, что для Марка это было новостью, однако, судя по улыбке на его губах, он от души забавлялся, так как не сомневался в прочности их отношений.

— О?

— Ну и как оно тебе? — храбро спросила я.

— Утверждать, будто процесс перехваливают, не могу, поскольку отношусь к другой демографической группе, да и опыт мой весьма ограничен, — пожал плечами Стивен. — Но скажу, что вполне могу обойтись и без этого.

На меня произвело сильное впечатление то, что Стивен смог изложить свою историю в

столь близких Марку рекламных терминах. У них были совершенно разные сферы деятельности, однако они всегда делились всем, что касалось работы, и внимательно выслушивали друг друга.

— Ну, теперь я спокоен, — сказал ему Марк, взяв палочками брокколи. — Похоже, у тебя все отлично.

К тому времени, как мы покончили с едой, в офисе уже появились уборщицы. Марк настоял на том, чтобы вызвать для меня такси.

— Мне завтра прийти пораньше? — спросила я Марка.

— Должно быть, в прошлой жизни ты совершил нечто очень хорошее, и тебе воздается в нынешней, — сказал Стивен, пихнув Марка плечом.

— Мне просто воздается за то, что в нынешней жизни приходится терпеть тебя, — хмыкнул Марк.

— Эй! — делано возмутился Стивен. — Что значит «терпеть»? Я не мочусь в сортире где попало. И даже стульчак опускаю.

Марк бросил на своего сожителя нарочито сердитый взгляд, в котором тем не менее читалась теплая привязанность.

— И как, помогает?

* * *

В четверг мы с Марком усиленно готовились к назначенной на четыре встрече с представителями «Кингсмен». Провели информационно насыщенный ланч с двумя парнями из творческой группы, которых предполагалось подключить к процессу, когда он дойдет до соответствующей стадии, а потом просмотрели все, что только можно было найти в Интернете и СМИ, относительно «Кингсмен».

Ближе к трем часам я начала слегка нервничать, поскольку знала, как обстоит дело с транспортом, но Марк даже после того, как я показала на циферблат, спокойно продолжил заниматься делами и лишь в четверть четвертого, на ходу натягивая пиджак, вышел из своего офиса с широкой улыбкой на лице.

— Ева, присоединяйся.

Я, удивленно моргая, смотрела на него из-за стола.

— Ты серьезно?

— Слушай, ты так здорово поработала, помогая мне подготовиться. Неужели тебе не хочется посмотреть, что из этого выйдет?

— Еще как хочется. — Я вскочила из-за стола, тщательно разгладив узкую прямую черную юбку и отогнув манжеты шелковой блузки с длинным рукавом, поскольку знала, что должна соответствовать своему боссу и выглядеть идеально. В силу удачного стечения обстоятельств моя малиновая блузка оказалась точно в тон галстуку Марка. — Спасибо!

Мы прошли к лифтам, и меня слегка удивило то, что Марк отправил кабину не вниз, а вверх. Мы поднялись на последний этаж и, выйдя из лифта, оказались в приемной, значительно более просторной и внушительной, чем у нас на двадцатом. Папоротники и лилии в кашпо наполняли холл чудесными ароматами. На выполненном из матового пуленепробиваемого стекла дверях красовалась энергичная надпись «Кросс индастриз».

Внутри нас попросили немного подождать. От кофе и минералки мы отказались и после пятиминутной задержки были приглашены в закрытую комнату для совещаний.

Когда секретарша взялась за дверную ручку, Марк бросил на меня испытующий взгляд:

— Готова?

— Готова, — улыбнулась я.

Дверь открылась, и Марк галантно пропустил меня вперед. Но лучезарная улыбка мгновенно застыла на моих губах, когда я увидела мужчину, вставшего при моем появлении. Застыла и я сама, тем самым перекрыв проход Марку, который, естественно, наткнулся на меня. От неожиданного толчка я полетела вперед, однако меня ловко подхватил Опасный Брюнет. Он обнял меня за талию и слегка приподнял, так что я уперлась ему в грудь. Я почувствовала, что задыхаюсь и одновременно теряю последние остатки здравого смысла. Даже сквозь разделявшие нас слои ткани я чувствовала его твердые как камень бицепсы и накачанный брюшной пресс, к которому волей-неволей прижималась животом. Когда он сделал глубокий вдох, мои соски затвердели, отреагировав на еще более тесный контакт с его грудью.

«О нет! Это просто проклятие какое-то». Череда не слишком приятных образов пронеслась перед моим мысленным взором. Я словно увидела, как еще тысячу раз в предстоящие дни, недели и месяцы спотыкаюсь, шлепаюсь, грохаюсь и растягиваюсь перед богом секса.

— Еще раз привет, — произнес он, и его бархатный голос пронзил меня в самое сердце. — Столкнуться с вами, Ева, это всегда удовольствие.

Я покраснела от смущения и тайного вожделения, но была не в силах отстраниться, хотя прекрасно понимала, что в комнате, кроме него, находятся еще два человека. Да и откуда было взяться силам, если он смотрел только на меня, а его крепкое тело, казалось, источало ненасытное желание.

— Мистер Кросс, — подал голос Марк. — Прошу прощения за такое появление.

— Не стоит. Оно получилось запоминающимся.

Когда Кросс наконец опустил меня на пол, я слегка покачнулась, потому что от полноты ощущений у меня вдруг ослабли колени. Костюм на нем снова был черным, а рубашка и галстук — светло-серыми. И выглядел он, как всегда, непозволительно хорошо.

Интересно, каково это иметь такую потрясающую внешность? Ведь везде, где бы он ни появился, наверняка возникает дикий ажиотаж.

Марк деликатно поддержал меня сзади под локоток; Кросс же не сводил тяжелого взгляда с его руки до тех пор, пока я не высвободилась.

— Ладно. Вот и прекрасно. — Марк собрался и деловым тоном продолжил: — Это моя помощница, Ева Трэмелл.

— А мы уже встречались. — Кросс пододвинул одно из кресел для посетителей поближе к своему. — Ева.

Я бросила вопросительный взгляд на Марка, все еще не в силах оправиться от столь тесного контакта с сексуальным богом в костюме от Фиорованти.

— Ева, садись, — тихо приказал Кросс.

Марк коротко кивнул, но я уже опускалась в кресло. Прежде чем сознание успело воспротивиться, мое тело инстинктивно подчинилось команде Кросса.

На протяжении следующего часа, пока Марка с пристрастием допрашивали Кросс и два директора «Кингсмен» — привлекательные брюнетки в элегантных брючных костюмах, — я старалась расслабиться и не переживать. Особый энтузиазм проявляла дама в малиновом, явно желавшая привлечь внимание Кросса, тогда как ее коллега в кремовом сосредоточилась на моем боссе. Похоже, на всех троих произвели впечатление способность Марка внятно объяснить принципы работы агентства и умение убедить, что сотрудничество с ним может принести торговой марке клиента ощутимую выгоду.

Меня восхищало то, что Марку удавалось сохранять хладнокровие под таким нажимом — прежде всего со стороны Кросса, явно доминировавшего на этой встрече.

— Хорошо сработано, мистер Гэррити, — похвалил его Кросс, когда предварительное обсуждение завершилось. — Жду возможности рассмотреть ваш ответ на запрос предложений, когда подойдет время. — Ева, а что могло бы соблазнить тебя попробовать «Кингсмен»?

От неожиданности я заморгала:

— Прошу прощения?

Его пронизывающий взгляд буквально опалял огнем, причем создавалось такое впечатление, будто он никого не замечает, кроме меня. Так что я еще больше зауважала Марка, который каким-то чудом ухитрился выдержать это испытание и в течение часа ни разу не сбиться с мысли.

Кресло Кросса стояло перпендикулярно столу, прямо передо мной. Его правая рука покоилась на гладкой деревянной поверхности, по которой он барабанил длинными, изящными пальцами. Мой взгляд упал на видневшееся из-под манжеты запястье, и вид этой полоски золотистой кожи, покрытой черными волосками, вызвал у меня томление внизу живота. Все в нем было таким... мужским.

— Какой из предложенных Марком концепций ты можешь отдать предпочтение? — снова спросил он.

— Думаю, все они по-своему хороши.

— Если необходимо, я могу попросить освободить помещение. Но мне нужен честный ответ. — Его красивое лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

— Мистер Кросс, я уже дала честный ответ, но могу добавить, что, по моему мнению, большая сексуальность позволит расширить демографическую группу. Но у меня недостаточно... — вцепившись в подлокотники кресла, начала я.

— Согласен. — Кросс встал и застегнул пиджак. — Мистер Гэррити, вот вам и магистральное направление. Встретимся снова на следующей неделе.

Мгновение я сидела неподвижно, ошеломленная столь неожиданным поворотом событий, потом перевела взгляд на Марка. Тот, похоже, не знал, что и думать. Он был приятно удивлен и в то же время несколько растерян.

Я поднялась и направилась к выходу, чувствуя всем своим существом, что Кросс идет рядом. Звериная грация и надменная сдержанность его движений невероятно возбуждали.

Кросс проводил меня прямо до лифта. По пути он вроде бы перекинулся с Марком парой фраз насчет спорта, но я была так поглощена своей реакцией на его присутствие, что уже ничего не видела и не слышала. Когда лифт подошел, я вздохнула с облегчением и поспешно шагнула вперед вслед за Марком.

— Минуточку, Ева, — придержал меня сзади за локоть Кросс и, обратившись к слегка ошарашенному Марку, добавил: — Она спустится со мной.

Пока кабина не начала спуск, Кросс молчал, а потом, снова нажав на кнопку вызова, неожиданно спросил:

— Ты с кем-нибудь спишь?

Вопрос прозвучал так обыденно, что мне потребовалась секунда на его осмысление.

— А вам какое дело?

Он взглянул на меня, и я опять увидела то, что отметила еще в первую нашу встречу: удивительную силу и железный самоконтроль. И я невольно попятилась. Снова. Но на сей раз, по крайней мере, не навернулась. А это уже прогресс.

— Дело в том, Ева, что я хочу тебя трахнуть. И должен знать, что или кто стоит на моем пути.

Внезапно я почувствовала острую боль между ног и, чтобы не потерять равновесие, прислонилась к стенке. Он подался ко мне, чтобы поддержать, но я остановила его, выставив

вперед руку.

— А может, мне это просто неинтересно, мистер Кросс.

Он изогнул губы в легкой улыбке и сразу как-то удивительно похорошел. Хотя, казалось бы, куда больше!

«Господь Всемогущий!»

Сигнал, возвестивший о прибытии лифта, застал меня врасплох. Я была словно натянутая струна. Пожалуй, мне еще никогда не приходилось испытывать подобного возбуждения. И такого жгучего желания к другому человеку. И такой дикой обиды на того, кого так хотела.

Я вошла в лифт и повернулась к нему лицом.

— До следующего раза, Ева, — улыбнулся он.

Двери закрылись, и я повисла на латунном поручне, не в силах восстановить дыхание. Но к тому моменту, как двери открылись и я увидела расхаживавшего по площадке перед лифтами Марка, мне все же удалось более или менее взять себя в руки.

— Господи, Ева! — резко остановившись, пробормотал он. — Что это, черт возьми, было?

— Сама не знаю. — Мне было трудно дышать. Разговор с Кроссом привел меня в крайнее раздражение и смущение. И хотя мне очень хотелось поделиться своими чувствами, босс все же был не тем человеком, которому я могла излить душу. — Да и какая, собственно говоря, разница. Ты ведь знаешь, что он собирается открыть для тебя финансирование.

На озабоченной физиономии Марка наконец появилась улыбка.

— Да, он может.

— Как любит говорить мой сосед по квартире, это надо отметить. Могу я организовать столик для вас со Стивеном?

— Почему бы и нет? Закажи на семь в ресторане «Чистая еда и вино». А если у них все занято, постарайся нас удивить.

Но не успели мы вернуться в кабинет Марка, как его тут же прихватило начальство: Майкл Уотерс, главный исполнительный директор и президент компании, а также Кристин Филд и Уолтер Лимэн, исполнительный директор и вице-президент соответственно. Я, постаравшись не привлекать к себе внимания, обогнула эту четверку и проскользнула на свое рабочее место.

Позвонив в ресторан, я стала умолять зарезервировать столик на двоих. После долгих уговоров они наконец согласились. И я отправила послание на голосовую почту Марка: «Сегодня тебе явно везет. Обед заказан на семь. Желаю как следует оттянуться».

На этом рабочий день закончился, и я поспешила домой.

* * *

— *Что* он сказал? — покачал головой Кэри, опустившись на противоположный конец нашего белого дивана.

— То самое. — Я с удовольствием сделала очередной глоток превосходно охлажденного совињона, который купила по дороге домой. — У меня самой была такая же реакция. Признаться, я до сих пор не уверена, что весь этот разговор мне не померещился под действием его феромонов.

— И?

Я подобрала под себя ноги, устроившись в уголке дивана.

— Что «и»?

— Ева, ты прекрасно знаешь «что». Вы оба взрослые люди. — Взяв с кофейного столика нетбук, Кэри пристроил его на скрещенных ногах. — Ты собираешься его послать или как?

— Слушай, я ведь его вообще не знаю. Даже, как зовут, не знаю, только фамилию, а он вдруг выдает такое!

— Зато он прекрасно знает, как тебя зовут, — буркнул Кэри, начав стучать по клавиатуре. — Слушай, а что это вообще за история с водкой? И главное, почему они вдруг обратились к твоему боссу?

— Марк очень талантлив. Если у Кросса вообще есть хоть какое-то деловое чутье, он не мог не оценить моего босса.

— Я сказал бы, что в бизнесе он толк знает, — заметил Кэри, развернув свой нетбук монитором ко мне, чтобы показать домашнюю страницу «Кросс индастриз», хвастливо украшенную потрясающим фото Кроссфайр-билдинг. — Ева, это его здание. Гидеон Кросс владеет им.

«Черт побери!» От волнения я даже закрыла глаза. «Гидеон Кросс». Я подумала, что имя ему подходит. Такое же сексуальное и изысканно-мужественное, как и сам его обладатель.

— У него есть люди, занимающиеся маркетингом для дочерних компаний. Наверное, дюжины людей.

— Кэри, кончай.

— Он крутой, богатый и хочет покувыркаться с тобой в койке. В чем проблема?

— Знаешь, как-то неловко всякий раз на него наткаться, — укоризненно посмотрела я на Кэри. — А я надеюсь задержаться на этой работе всерьез и надолго. Она мне по-настоящему нравится. И Марк мне по-настоящему нравится. Он вовлек меня в процесс, и я уже так многому от него научилась.

— Помнишь, что говорил доктор Трэвис насчет взвешенного риска? Если есть потребность что-то взять, бери. Ты в состоянии с этим справиться. Вы с Кроссом оба взрослые люди. — Кэри снова занялся поиском в Интернете. — Вау! Представляешь, ему до тридцати еще два года! Только подумай, какой ресурс жизненных сил!

— А ты подумай, какая бесцеремонность. Если хочешь знать, меня оскорбило именно то, как он это выдал. Мне противно чувствовать себя влагилицем с ногами.

Кэри помедлил, бросив на меня нежный, сочувственный взгляд.

— Прости, детка. Ты такая сильная. Намного сильнее меня. Я этого просто не замечаю, а ведь тебе приходится нести ту же ношу, что и мне.

— Не думаю, чтобы меня это особенно напрягало. — Я отвела глаза, поскольку не желала вспоминать, через что нам довелось пройти в прошлом. — Дело не в том, будто мне позарез нужно, чтобы он пригласил меня на романтическое свидание. Но должен же быть какой-то более приличный способ сообщить женщине, что тебе хочется затащить ее в постель!

— Ты права. Он самонадеянный козел. Вот и пусть посохнет по тебе, пока яйца не посинеют. Ему только на пользу пойдет.

Кэри всегда мог заставить меня улыбнуться. Этого от него не отнимешь.

— Сильно сомневаюсь, чтобы у Кросса хоть раз в жизни синели яйца, но фантазия чудесная, — усмехнулась я.

— Что делаем сегодня вечером? — решительно захлопнул нетбук Кэри.

— Вообще-то, я подумывала о том, чтобы наведаться в Бруклин, в секцию крав-мага.

После встречи с Паркером Смитом я провела небольшое расследование, и сейчас мысль о том, чтобы снять напряжение с помощью серьезной физической нагрузки, казалась мне все более привлекательной.

Конечно, это не шло ни в какое сравнение с возможностью трахнуть с Гидеоном Кроссом, но, как я догадывалась, было значительно менее опасно для здоровья.

— Трудно представить, чтобы твоя мама и Стэнтон позволили тебе таскаться сюда вечерами по несколько раз в неделю, — заявил Кэри. Он запахнул поплотнее свою стильную джинсовую куртку, хотя на улице было не холодно.

Переоборудованный склад, который Паркер Смит использовал как тренировочный зал, представлял собой неоштукатуренное кирпичное здание в некогда заброшенном, а ныне боровшемся за возрождение промышленном районе Бруклина. За массивными металлическими дверями бывшей зоны доставки находилось необъятное помещение. Мы с Кэри с трибуны наблюдали за тем, как внизу, на матах, тренируется с полдюжины бойцов.

— Ох!

Я сочувственно моргнула, когда один из них пропустил удар ногой в пах: даже при наличии щитков удар наверняка был весьма болезненным.

— Кэри, а откуда, интересно, Стэнтон может узнать о том, что я здесь бываю?

— А как ты скроешь от родных то, что угодила в больницу? — взглянув на меня, хмыкнул он. — Я серьезно. Крав-мага — жесткое боевое искусство. Посмотри, сейчас всего лишь спарринг, но он проводится при полном контакте. И даже если тебя не выдадут синяки и шишки, твой отчим все равно так или иначе узнает. Он всегда в курсе событий.

— Это благодаря маме. Она вечно ему обо всем докладывает. Но я ей ничего не стала говорить.

— Почему?

— Ей не понять. Она решит, будто я хочу научиться постоять за себя из-за того, что со мной случилось, почувствует себя виноватой, а потом на меня же свою печаль и выльет. И она никогда не поверит, что меня просто привлекают физические нагрузки и разрядка для снятия напряжения.

Подперев подбородок ладонью, я смотрела на Паркера Смита, вышедшего в паре с женщиной. Он был хорошим инструктором. Внимательный и терпеливый, он умел объяснять все доходчиво и понятно. А если занятия и проводились в депрессивном районе, это вполне соответствовало тому, чему он учил. Пустующий пакгауз — самое подходящее место для освоения азов самообороны.

— Он по-настоящему крутой мальш, этот Паркер, — пробормотал Кэри.

— И между прочим, носит обручальное кольцо.

— Уже заметил. Таких классных ребят быстро окольцовывают.

Закончив тренировку, Паркер подошел к нам. Его темные глаза сияли, на лице играла широкая улыбка.

— Ну, что скажешь, Ева?

— Где мне надо расписаться?

Его сексуальная улыбка окончательно доконала Кэри, и он больно, до онемения, сжал мою руку.

— Пошли отсюда.

* * *

Пятница началась довольно удачно. Марк ввел меня в курс дела относительно сбора информации для запроса предложений, а заодно рассказал кое-что о Гидеоне Кроссе и «Кросс

индастриз», отметив, что они с Кроссом ровесники.

— Мне приходится постоянно напоминать себе об этом, — признался Марк. — Рядом с ним почему-то сразу забываешь о его возрасте.

— Что есть, то есть, — согласилась я, втайне разочарованная тем, что не увижу Кросса в ближайшие два дня.

Попытки убедить себя в том, что это не имеет значения, оказались безуспешны. Я и сама не подозревала, насколько вдохновляла меня перспектива постоянно сталкиваться с ним, пока не лишилась такой возможности. Оказывается, просто находиться рядом с ним, смотреть на него уже было огромным удовольствием. И к сожалению, ничего возбуждающего на выходные у меня не намечалось.

Я делала заметки в кабинете Марка, когда услышала, что зазвонил мой телефон, и, извинившись, побежала ответить.

— Офис Марка Гэррити...

— Ева, дорогая, как дела?

Узнав голос отчима, я тяжело опустилась на стул. Голос Стэнтонна всегда казался мне похожим на звон старых монет: весомый, значительный, надменный.

— Ричард, надеюсь, ничего не случилось. С мамой все в порядке?

— Конечно. Все чудесно. Мама твоя, как всегда, прекрасна.

Едва он заговорил о жене, тон его смягчился, за что я была ему благодарна. По правде говоря, я была ему за многое благодарна, однако существовало одно «но», перевешивающее чашу весов не в его пользу. Я знала, как переживает мой отец из-за их огромной, несопоставимой разницы в доходах.

— Господи, — облегченно вздохнула я, — рада это слышать. Надеюсь, вы получили мою благодарность за платье и смокинг для Кэри?

— Да. Очень трогательно с твоей стороны, хотя, ты ведь знаешь, мы это делаем не из расчета на благодарность. Извини, я сейчас... — Он перекинулся парой фраз с кем-то, скорее всего с секретарем. — Ева, дорогая. Я хотел бы пригласить тебя сегодня на ланч. Пришлю за тобой Клэнси.

— Сегодня? Но ведь мы все равно встречаемся завтра вечером. Ты что, не можешь подождать?

— Никак. Нужно встретиться сегодня.

— Но у меня перерыв на ланч всего час.

Почувствовав, что кто-то похлопывает меня по плечу, я обернулась и увидела подошедшего ко мне Марка.

— Используй два, — шепнул он. — Ты это заслужила.

Улыбнувшись, я губами изобразила «спасибо».

— Ричард, в двенадцать подходит?

— Прекрасно. С нетерпением жду встречи.

У меня не было особых причин с нетерпением ждать встречи со Стэнтонном, однако незадолго до полудня я, как и обещала, вышла на улицу, где меня ждал автомобиль. Клэнси, шофер и телохранитель Ричарда Стэнтонна, распахнул передо мной дверцу и повез меня по деловому центру. И уже через двадцать минут я сидела в офисе Стэнтонна за столом для совещаний, на котором был сервирован чудесный ланч для двоих.

Ричард появился вскоре после меня. Выглядел он очень элегантно и, несмотря на седину и избороздившие лицо морщины, не утратил былой привлекательности. Его глаза цвета потертой голубой джинсы светились острым умом. Подобраный, атлетически сложенный, он, невзирая на загруженность делами, всегда находил время, чтобы поддерживать себя в форме, и в

результате заполучил трофей в лице моей матери, ставшей его женой.

При его появлении я поднялась, и он наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Чудесно выглядишь, Ева.

— Спасибо.

Я была очень похожа на свою маму, тоже натуральную блондинку, но серые глаза унаследовала от отца.

Стэнтон, занявший место во главе стола, весьма выигрышно смотрелся на фоне видневшегося за его спиной города.

— Угощайся, — сказал он, и это прозвучало как приказ, что было естественно для столь могущественного человека. Такого же, как Гидеон Кросс.

Интересно, каким был Стэнтон в возрасте Кросса?

Взяв вилку, я налегла на цыпленка и греческий салат, благо все было вкусно, а мне страшно хотелось есть. Радовало и то, что Стэнтон не сразу перешел к делу, дав мне возможность насладиться едой, однако передышка оказалась недолгой.

— Ева, дорогая, я хотел бы обсудить твой интерес к крав-мага.

— Прошу прощения? — застыла я.

Стэнтон хлебнул ледяной воды и откинулся назад. Лицо его окаменело, и я сразу поняла: то, что он сейчас скажет, мне явно не понравится.

— Когда ты вчера вечером пошла в этот Бруклинский спортзал, твоя мать была вне себя. Я едва ее успокоил, объяснив, что смогу устроить все так, чтобы ты удовлетворяла свои интересы более безопасным способом. Она не желает...

— Погоди. — Я аккуратно положила вилку. Аппетит как-то сразу пропал. — Откуда она узнала, где я была?

— Проследила по звонкам на твой сотовый.

— Не может быть! — Я прямо-таки задохнулась от возмущения. Меня потрясла непринужденность его ответа, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. Желудок скрутило: сейчас он был скорее настроен извергнуть ланч, а не переварить его. — Вот, значит, почему она настаивала, чтобы я использовала телефон твоей компании. К соображениям экономии это никакого отношения не имеет.

— Конечно же имеет, отчасти. Но заодно позволяет ей чувствовать себя гораздо спокойнее.

— Гораздо спокойнее? Шпионя за родной дочерью! Ричард, это ненормально. Как ты не понимаешь! Она что, по-прежнему ходит к доктору Петерсену?

— Да, конечно, — слегка смутился Стэнтон.

— А она рассказывает ему о своих закидонах?

— Не знаю, — натянуто ответил он. — Тут уже личное дело Моники. Я не встречаю.

Ну конечно, он не встречал. Он ее баловал. Потворствовал ей во всем. И тем самым портил ее. Позволял заботе о моей безопасности перерасти в манию.

— Ей давно пора обо всем забыть. Я и то забыла.

— Ева, ты не была ни в чем виновата. А она чувствует свою вину за то, что не защитила тебя. Мы должны предоставить ей возможность для самооправдания.

— Возможность? Да она изведет меня своими преследованиями! — У меня схватило голову. Какое право имеет мать посягать на мою личную жизнь? Себя с ума сводит, а заодно и меня. — Этому нужно положить конец.

— Все можно легко уладить. Я уже поговорил с Клэнси. Он будет отвозить тебя в Бруклин. Мать успокоится, да и тебе будет гораздо удобнее.

— Ой, только не пытайся повернуть так, будто все делается ради моего же блага. — Подступившие слезы обиды душили и жгли глаза. И кроме того, меня бесило то, что о Бруклине

мы говорили точно о стране третьего мира. — Я взрослая женщина. Я сама принимаю решения. Таков, черт возьми, закон!

— Ева, не надо говорить со мной подобным тоном. Я всего-навсего забочусь о твоей матери. И о тебе.

— Ты потворствуешь ей, тем самым способствуя развитию ее болезни. И меня норовишь сделать больной! — вскочив из-за стола, воскликнула я.

— Сядь. Тебе надо поесть. Моника переживает, боится, что ты питаешься не слишком полезно для здоровья.

— Ричард, она вообще по любому поводу переживает. И проблема серьезнее, чем ты думаешь. — Я бросила салфетку на стол. — Все. Мне пора возвращаться на работу.

Я повернулась и, пулей выскочив из комнаты, забрала у секретарши Стэнтонна свою сумочку, но положила ей на стол свой мобильник. Клэнси, поджидавший в приемной, последовал за мной, и у меня хватило здравого смысла не пытаться от него отделаться. Ведь он выполнял распоряжения исключительно Стэнтонна, и никого другого.

Всю дорогу, пока Клэнси вез меня обратно, я кипела от негодования, хотя в глубине души прекрасно понимала, что в конечном счете и сама не намного лучше Стэнтонна. По той простой причине, что, как всегда, готова уступить, готова опять позволить маме настоять на своем. Сердце мое разрывалось от жалости к ней. Ведь ей, бедняжке, и так досталось, и я не могла позволить себе заставить ее переживать еще больше. Она была ужасно ранима, да к тому же по-настоящему любила меня, пусть ее любовь и граничила порой с безумием.

Так или иначе, но вернулась я в поганом настроении. Клэнси уехал, а я осталась стоять на тротуаре, озираясь по сторонам в надежде увидеть аптеку, где можно было бы купить плитку шоколада, или магазин, где продают мобильники.

Обойдя в результате весь квартал, я купила полдюжины шоколадных батончиков и вернулась к Кроссфайр. И хотя отсутствовала я около часа, желания использовать предоставленное Марком дополнительное свободное время у меня не было. Напротив, мне не терпелось приняться за работу, чтобы отвлечься от мыслей о своей чокнутой семейке.

Оказавшись в пустой кабине лифта, я развернула батончик и жадно впилась в него зубами, твердо решив покончить с шоколадом до того, как достигну двадцатого этажа. Но лифт остановился на четвертом. Чему я даже обрадовалась, поскольку получила лишнюю возможность насладиться вкусом таявших во рту темного шоколада и карамели.

Двери раздвинулись. Перед лифтом стоял Гидеон Кросс, он беседовал с какими-то двумя мужчинами.

И, как всегда, при виде его у меня перехватило дыхание, что воскресило улегшееся было раздражение. Почему он оказывает на меня такое воздействие? Когда же я наконец приобрету иммунитет к его мужскому обаянию?

Он заметил меня, и его губы изогнулись в улыбке, от которой замерло сердце.

Здорово. Не везет так не везет.

Кросс перестал улыбаться и слегка нахмурился.

— Закончим позже, — впившись в меня взглядом, бросил он собеседникам.

Он шагнул в лифт, жестом дав им понять, чтобы оставались на месте. Мужчины удивленно заморгали, потом посмотрели на меня, затем на Кросса и снова на меня. Я вышла, решив, что ехать с ним в одной кабине опасно для психики.

— Не спеши, Ева. — Кросс взял меня за локоть и втянул обратно.

Двери закрылись, и лифт мягко пришел в движение.

— Что вы себе позволяете?! — возмутилась я.

Не хватало на мою голову еще одного доминантного самца, норовящего мною командовать!

С меня довольно и Стэнтонна.

Положив мне руки на плечи, Кросс обратил на меня взгляд своих удивительно ярких голубых глаз.

— Что-то не так. Что именно?

Между нами проскочил уже знакомый электрический разряд, причем мой боевой настрой только усилил возникшее притяжение.

— Вы.

— Я?

Он ласково провел по моим плечам пальцами, затем, отпустив меня, полез в карман, вытащил оттуда ключ и вставил в отверстие на панели. Все световые индикаторы этажей отключились, кроме одного, самого верхнего.

Сегодня на Кроссе был черный костюм в тончайшую серую полоску. Я впервые увидела его со спины, что стало для меня некоторым открытием. По сравнению с его широкими, но не слишком массивными плечами талия казалась еще тоньше, а ноги — длиннее. Ниспадавшие на воротник шелковистые волосы так и манили потрогать их. Я хотела его до дрожи. Я хотела схватки.

— Я сегодня не в том настроении, мистер Кросс.

— Могу создать тебе нужное настроение, — бросил он и стал смотреть, как стрелка над дверью отсчитывает остающиеся внизу этажи.

— Мне это неинтересно.

Кросс оглянулся на меня через плечо. Его рубашка, как и галстук, была того же убойного, небесно-голубого цвета, что и глаза. Эффект был потрясающим.

— Не лги, Ева. Никогда.

— А я и не лгу. Ну да, возможно, я испытываю к вам некоторое влечение. И что с того? Полагаю, большинство женщин могут сказать то же самое. — Завернув остатки батончика в обертку, я сунула его в пакет, а пакет запихнула в сумочку. Когда дышишь одним воздухом с Гидеоном Кроссом, потребность в шоколаде отпадает сама собой. — Но лучше оставить все как есть.

Он неторопливо повернулся и уставился на меня; чувственные губы раздвинулись в некоем подобии улыбки. Его самоуверенность и беззаботность еще больше раздражили меня.

— «Влечение» — слишком невыразительное слово для, — он обвел жестом пространство между нами, — этого.

— Можете считать меня сумасшедшей, но для того, чтобы я согласилась кувыркаться, голой и потной, с кем-то в койке, этот человек мне должен сначала понравиться.

— Какое там сумасшествие, — пожал он плечами. — Но у меня нет ни времени на ухаживания, ни особого желания.

— Ну что ж, мы оба такие, какие есть. Порадуемся этому и спокойно расстанемся.

Кросс придвинулся еще ближе, протянув руку к моему лицу. Я с трудом удержалась, чтобы не отпрянуть. Мне не хотелось доставлять ему удовольствие видеть мое смятение. Он провел подушечкой большого пальца по уголку моего рта, а потом, облизав палец, вкрадчиво сказал:

— Шоколад и ты. Восхитительно.

Меня буквально затрясло, а внизу живота сладко заныло: я представила, как слизываю шоколад с его убийственно сексуального тела.

Глаза Кросса потемнели, и он вдруг перешел на интимный шепот:

— Ева, романтика не в моем репертуаре. Но есть тысячи других способов привлечь тебя. Позволь мне их продемонстрировать.

Кабина замедлила ход и остановилась. Он извлек ключ из панели, и двери открылись.

Я отступила в уголок в безуспешной попытке спастись.

— Меня это действительно абсолютно не интересует.

— Посмотрим. Дай мне всего пять минут.

Кросс взял меня под локоть и мягко, но настойчиво вывел из лифта.

Я сдалась и пошла за ним. С одной стороны, мне нравилось возникавшее в его присутствии электрическое поле, а с другой — было интересно, что еще он может сказать. В любом случае, это стоило пяти минут.

Он стремительным шагом вошел в приемную. Сидевшая за столом милая рыжеволосая секретарша тут же вскочила: она явно собиралась что-то ему сообщить. Но Кросс нетерпеливо покачал головой, и она, таращась на меня во все глаза, удивленно смотрела, как мы торопливо проходим мимо.

Слава богу, идти по коридору до кабинета Кросса оказалось недалеко. При виде вошедшего босса его личный секретарь поднялся, но, заметив, что тот не один, деликатно промолчал.

— Скотт, если кто-нибудь будет меня спрашивать, скажи, чтобы перезвонили попозже, — бросил Кросс, одновременно подталкивая меня сквозь распахнутые двойные стеклянные двери в кабинет.

Несмотря на дикое раздражение, я не могла не оценить по достоинству просторный командный пункт Гидеона Кросса. Из расположенных с двух сторон огромных, от пола до потолка, окон открывался прекрасный вид на город, от офиса кабинет отделяла стеклянная перегородка. Темная стенка напротив массивного письменного стола была покрыта плоскими экранами, на которых транслировались новости со всего мира. Кабинет был разделен на три отдельные зоны, каждая из которых казалась больше, чем весь кабинет Марка; там имелся и бар с усыпанными сверкающими камнями хрустальными графинами, разноцветное содержимое которых оживляло интерьер, выполненный в черных, серых и белых тонах.

Кросс нажал на кнопку в столе, и двери закрылись, нажал на другую — и стеклянная перегородка словно покрылась инеем, утратив прозрачность и надежно укрыв нас от взглядов персонала. В окнах из сапфирового стекла отражались экранные сюжеты, так что насчет приватности беспокоиться не приходилось. Сняв пиджак, он повесил его на хромированную вешалку.

— Ева, чего-нибудь выпьешь? — повернулся он ко мне, поскольку я так и осталась стоять на пороге.

— Нет, спасибо.

Черт возьми, в жилете, без пиджака, он выглядел даже круче. Так было еще лучше видно, как классно он сложен. Какие у него широкие плечи, накачанные мускулы, упругие, вырисовывающиеся при каждом движении ягодицы.

— Присядь, — указал мне Кросс на черный кожаный диван.

— Мне пора на рабочее место.

— А у меня в два важная встреча. Чем быстрее мы разберемся с нашим вопросом, тем скорее сможем вернуться к делам. Давай садись.

— О каком таком «нашем вопросе» вы говорите?

С тяжелым вздохом он подхватил меня на руки и, как невесту, отнес к дивану, потом осторожно усадил и пристроился рядом.

— О твоём отказе, вот о каком. Самое время обсудить, что надо сделать, чтобы ты согласилась лечь под меня.

— Чудненько! — На всякий случай я отодвинулась подальше и подоткнула под себя подол своей изумрудно-зеленой юбки, сильно пожалев, что не надела брюки. — Я нахожу ваше предложение непристойным и крайне оскорбительным.

А еще в высшей степени интересным, хотя именно этого я признавать не собиралась.

Кросс уставился на меня прищуренными глазами.

— Может, я выразился чуть грубовато, но зато честно. Тем более что ты не производишь впечатления женщины, падкой на лесть и не любящей откровенность.

— Единственное, чего я хочу, так это то, чтобы во мне видели человека, а не надутую куклу из секс-шопа.

— Хм, неплохо сказано, — поднял брови Кросс.

— Так мы закончили?

Я встала, но он схватил меня за руку и притянул обратно.

— Едва ли. Мы пока всего лишь обозначили некие темы для обсуждения. Начнем с того, что мы с тобой оба привлекательны, испытываем сильное сексуальное влечение, но никто из нас не имеет склонности к ухаживаниям. Так чего же ты хочешь? Чего именно? Обольщения? Ева, тебе что, хочется, чтобы тебя обольщали?

Разговор этот одновременно и захватывал, и смущал меня. Ну и конечно искушал. Ведь я оказалась лицом к лицу с великолепным самцом, демонстрирующим неприкрытое желание к совокуплению. Однако мое смятение взяло верх.

— У меня нет склонности к сексу, который планируется, как деловая операция.

— Заранее оговоренные условия уменьшают вероятность последующего разочарования из-за несбывшихся чрезмерных ожиданий.

— Вы, наверное, шутите! — нахмурилась я. — Да вы хоть слышите, что вы несете? Зачем, вообще, называть это перепихом? А почему не запланированным семяизвержением в оговоренное отверстие?

В ответ он запрокинул голову и расхохотался. Этот глубокий гортанный звук подействовал на меня, словно теплая волна. Я еще сильнее, почти до боли, почувствовала его близость. И такая, совсем земная, смешливость сделала моего бога секса более человеческим. Он будто стал существом из плоти и крови. Реальным.

Я поднялась и на всякий случай отодвинулась подальше.

— Конечно, при случайном сексе вино и розы абсолютно без надобности. Но, господи боже мой, в любом случае это действие должно быть очень личным. Дружеским. И уж во всяком случае оно требует взаимного уважения.

Кросс встал, глаза его потемнели.

— В моих личных делах нет места двусмысленности. А ты пытаешься лишить мой подход определенности. Похоже, у тебя есть на то основания.

— Я пытаюсь сделать только одно: вернуться на свое рабочее место. — Подергав ручку, я тихонько выругалась, когда она не подалась. — Кросс, выпустите меня.

И тут я почувствовала, как он подошел ко мне сзади и оперся о стекло по обе стороны от моих плеч, словно заключив меня в клетку. Я поняла, что инстинкт самосохранения мне изменил.

Его несокрушимая воля ощущалась мною почти на физическом уровне, как сильное магнитное поле, а когда он придвинулся еще ближе, это поле притянуло меня и я словно оказалась в каком-то коконе. Все находившееся снаружи перестало существовать, а мое изолированное от внешнего мира тело жадно потянулось к нему. Несмотря на дикое раздражение, я чувствовала к нему такое влечение, что кружилась голова. Ну как, спрашивается, могло меня так тянуть к мужчине, слова которого вызвали гнев и досаду?

— Повернись, Ева.

От него шла волна столь явного возбуждения, что глаза мои непроизвольно закрылись. Господи, как чудно от него пахло! Его мощное тело дышало жаром, а его сексуальный голод

будил во мне встречное желание. Раздражение после разговора со Стэнтоном и обмена «любезностями» с самим Кроссом еще больше усиливало вожеление.

Я хотела его. Жутко хотела. Однако близость с ним, если говорить откровенно, не сулила мне ничего хорошего. Я могла сама распорядиться собственной жизнью и не нуждалась ни в чьей помощи.

Мой пылающий лоб прикоснулся к охлажденному кондиционером стеклу.

— Хватит, Кросс.

— Уже все. Расслабься. Не стоит так волноваться.

Его губы скользнули по моему уху, он положил мне руку на живот и прижал к себе. Он был возбужден не меньше меня, и я ощутила ягодицами его твердый, напрягшийся член.

— Повернись и скажи «до свидания».

Я послушно повернулась и привалилась к двери, чтобы охладить разгоряченную спину. Он склонился надо мной, так что его густые волосы упали на лицо, и, опершись плечом на дверь, придвинулся еще ближе. Мне стало трудно дышать. Сильная рука, ранее обнимавшая меня за талию, теперь — сводя меня с ума — лежала на изгибе моего бедра. Он бросил на меня пронзительный, требовательный взгляд.

— Поцелуй меня, — охрипшим голосом произнес Кросс. — Подари мне такую малость.

Я облизала пересохшие губы. И тогда он с глухим стоном жадно впился в мой рот. Его губы оказались неожиданно мягкими и нежными. Не выдержав, я вздохнула — его язык проскользнул внутрь и стал исследовать меня медленными волнообразными движениями. Его поцелуй был ласковым, умелым, но агрессивным, причем ровно настолько, чтобы свести меня с ума.

Словно со стороны, я увидела, что моя сумочка падает на пол, а пальцы гладят его по голове. Я схватила его за волосы, еще сильнее прижавшись к нему губами. С утробным рыком он принялся облизывать мой язык. Я чувствовала, как гулко стучит его сердце: живое доказательство того, что рядом со мной человек из плоти и крови, а не прекрасный, но недостижимый образ, порожденный больным воображением.

Кросс отодвинулся от двери и, обхватив меня одной рукой за затылок, а другой за ягодицы, оторвал от пола.

— Все. Я хочу тебя, Ева. Будь что будет, но мне уже не остановиться.

Зажатая в железных объятиях, я чувствовала каждый дюйм этого горячего великолепного тела. Я поцеловала его в ответ, причем так, словно хотела съесть живьем. Все мои нервные окончания обострились, кожа покрылась капельками пота, нежные груди отяжелели, а клитор пульсировал в такт биению сердца.

Я едва осознала, что уже не стою, а лежу. Кросс склонился надо мной, упершись коленом в край дивана. Он запустил правую руку мне под подол, и рука эта неуклонно скользила вверх по моему бедру.

Когда он добрался до подвязок, поддерживавших шелковые чулки, его дыхание сделалось тяжелым. Он скользнул глазами по моему телу, а потом задрал мою юбку, обнажив меня ниже талии.

— О господи, Ева!

Я услышала исходивший из его груди какой-то примитивный — низкий, вибрирующий, рокошущий — звук, и моя кожа покрылась мурашками.

— Твоему боссу чертовски повезло, что он гей.

Словно в тумане я увидела, как на меня наваливается тело Кросса. Ноги мои раздвинулись, чтобы обхватить его бедра, а мышцы напряглись. Мне уже не терпелось ускорить контакт, которого я на самом деле страстно желала с того самого момента, как впервые увидела Кросса. Он опустил голову и снова властно впился мне в губы.

Но, внезапно отпрянув, вскочил на ноги.

А я так и осталась лежать — задыхающаяся, потная, сгорающая от желания и на все готовая. А потому не поняла, с чего это он так резко вскочил.

Позади него кто-то стоял.

Ошеломленная столь неожиданным вторжением в наше личное пространство, я поспешно приняла сидячее положение, судорожно одернув задранную юбку.

— ...назначено на два часа, находится в приемной.

До меня не сразу дошло, что в кабинете мы с Кроссом по-прежнему вдвоем, а голос, который я слышала, доносится из динамика. Кросс, тяжело дыша, стоял у другого конца дивана. Лицо его было красным, брови нахмурены, галстук свободно болтался на шее, а в области ширинки виднелся весьма впечатляющий бугорок — результат неконтролируемой эрекции.

Я с ужасом представила себе, как, должно быть, выгляжу со стороны. И вспомнила, что мне уже давным-давно следовало быть на рабочем месте.

— Господи!

Он запустил обе пятерни себе в волосы.

— И это посреди сраного рабочего дня! Прямо в моем чертовом сраном кабинете!

Я встала, стараясь вернуть себе более или менее приличный вид.

— Эй!

Он подошел ко мне, снова потянувшись к моей юбке.

Жутко разозлившись на него из-за того, что, вместо того чтобы вернуться в офис, я чуть было не занялась черт-те чем, я сердито хлопнула его по рукам.

— Прекрати. Отпусти.

— Помолчи, Ева, — цыкнул он на меня и, потянув за край черной шелковой блузки, вернул ее на место, так что пуговицы снова образовали ровную линию на груди. После этого он спокойными, уверенными движениями распрямил и разгладил на мне юбку. — Прическу поправь.

Кросс надел пиджак и подтянул узел галстука. Мы вместе подошли к двери, а когда я опустила на корточки, чтобы поднять сумочку, он присел рядом и, взяв меня за подбородок, заглянул мне в глаза.

— Ау, — ласково позвал он. — С тобой все в порядке?

У меня сжало горло. Я была взбудоражена, ошеломлена и совершенно сбита с толку. Со мной отродясь такого не случалось. А больше всего бесило то, что я потеряла голову из-за мужчины с поистине клиническим подходом к вопросу о сексуальной близости. Одна только мысль об этом вызывала депрессию.

Я дернула головой, чтобы высвободить подбородок.

— А тебе как кажется: со мной все в порядке?

— Мне кажется, что ты прекрасна. И ужасно хочется тебя поиметь. Причем хочется так, что сил нет терпеть. Однако это чревато опасными последствиями. Я могу снова попытаться вернуться в исходное положение, поэтому мне, наверное, стоит тебя отпустить, раз уж ты сама об этом просишь.

— Что-что, а красиво говорить ты умеешь, — буркнула я, неожиданно поняв, что ничуть не задета.

Ведь, по правде сказать, столь неистовое желание овладеть мною служило в моих глазах серьезным оправданием всему прочему.

Подхватив сумочку, я поднялась на нетвердых ногах. Сейчас первым делом необходимо как можно скорее отсюда убраться. А потом, после работы, можно немного посидеть в одиночестве с бокалом вина.

Кросс встал вместе со мной.

— Я заканчиваю в пять. И найду за тобой.

— Нет. Это ничего не изменит.

— Черта с два не изменит.

— Кросс, не будь таким самонадеянным. Да, я на секунду потеряла самоконтроль, но по-прежнему не хочу того, чего хочешь ты.

Его пальцы сжали дверную ручку.

— Еще как хочешь. Ты просто не желаешь принять мою манеру тебе это предлагать. Ну что ж, будем повторять встречи и попытки.

Ну да, конечно. Он все решил за меня.

Прикрыв ладонью его пальцы, я надавила на дверную ручку, а потом, поднырнув под его руку, выскочила за дверь. Секретарь Кросса, поспешно встав из-за стола, обалдело вытаращился на меня, как, впрочем, и сидевшие в приемной посетители: женщина и двое мужчин.

— Скотт проведет вас в мой кабинет. Я сейчас вернусь, — раздался за моей спиной голос Кросса.

Уже возле приемной он перехватил меня — его рука прошлась по моим ягодицам и легла на бедро. Не желая устраивать сцен, я отстранилась только тогда, когда мы дошли до лифтов.

Он спокойно нажал на кнопку вызова.

— Так не забудь, Ева, в пять часов.

— Я занята, — буркнула я.

— Тогда завтра.

— Занята до конца выходных.

— С кем? — натянуто спросил он, встав передо мной.

— Это не твое...

— Не надо, — закрыл он мне ладонью рот. — Потом скажешь. И прежде чем произнести «никогда», посмотри на меня и честно признайся: похож я на человека, которому говорят «нет»?

Лицо его было суровым, а взгляд прищуренных глаз — непреклонным. Я поежилась. Уверенности в том, что в волевом противостоянии с Гидеоном Кроссом победа будет за мной, у меня, естественно, не было.

Проглотив комок в горле, я дождалась, когда он опустит руку.

— Думаю, нам обоим не помешает слегка остыть. Взять хотя бы пару дней на размышления.

— В понедельник после работы, — заявил он.

Тут двери лифта открылись. Я вошла внутрь, повернулась к нему и строго сказала:

— В понедельник за ланчем.

На ланч отводится один час, и это служило своего рода гарантией.

— У нас непременно все получится, Ева, — было последним, что я услышала, прежде чем двери закрылись.

Однако его слова прозвучали не как обещание, а скорее как угроза.

* * *

— Не переживай, Ева, — сказал Марк, когда я, с опозданием чуть ли не на четверть часа, нарисовалась возле своего рабочего стола. — Ты ничего не пропустила. Я сам задержался за ланчем с мистером Лимэном и только-только вернулся.

— Спасибо.

Но все равно чувствовала я себя ужасно. Казалось, мое так хорошо начинавшееся пятничное утро было в другой жизни.

До пяти мы плотно работали, обсуждая заказ для ресторанов быстрого питания и сопоставляя возможные подходы к рекламе сети бакалейных магазинов.

— Тут бы неплохо вернуть что-нибудь про прекрасных любовников, — пошутил Марк, который и понятия не имел о том, насколько подходила его шутка к моей личной жизни.

Я только-только выключила компьютер и как раз вытаскивала из ящика сумочку, когда у меня на столе зазвонил телефон. Бросив взгляд на циферблат и убедившись, что сейчас ровно пять, я решила не отвечать, потому что формально рабочий день закончился. Но потом, вспомнив о своем затянувшемся ланче, я решила себе в наказание снять трубку:

— Офис Марка Гэррити...

— Ева, солнышко, Ричард сказал, что ты забыла мобильник в его кабинете.

Услышав голос матери, я тяжело вздохнула и обмякла на стуле. Перед моим мысленным взором тут же возник скрученный носовой платок — неперемный атрибут ее истерики. Эта деталь всегда бесила меня, но и вызывала дикую жалость.

— Привет, мама. Как ты?

— О, спасибо. Все прекрасно.

Голос моей мамы казался чем-то средним между голосами Мэрилин Монро и Скарлетт Йохансон, то есть был слегка хриловатым и одновременно девически нежным.

— Клэнси уже завез его к тебе на работу и оставил у охранника внизу. Ведь сейчас без сотового как без рук. Никогда не знаешь заранее, когда понадобится позвонить...

Конечно, можно сохранить телефон и просто переадресовывать поступающие на него звонки на мой новый номер, который мама не знала, но сейчас меня заботило другое.

— А что говорит доктор Петерсен о твоей мании отслеживать меня по сотовому телефону?

— Доктор Петерсен знает, как я о тебе беспокоюсь, — помолчав, ответила она.

— Мама, — сказала я, ущипнув себя за переносицу, — по-моему, самое время опять устроить нам общую встречу.

— О... ну да, конечно. Доктор тоже говорил, что хотел бы снова с тобой увидеться.

«Возможно, поскольку подозревает, что ты не больно-то откровенна».

— Знаешь, мне очень нравится моя новая работа, — сменила я тему.

— Это замечательно, Ева! А твой босс хорошо к тебе относится?

— О да, он чудесный. О лучшем и мечтать не приходится.

— А он симпатичный?

— Даже очень. Но уже занят, — улыбнулась я.

— Черт побери, с хорошими мужчинами всегда так!

Она рассмеялась, а я расплылась в довольной улыбке.

Меня радовало, когда она была счастлива, и мне очень хотелось, чтобы это случалось как можно чаще.

— Жду не дождусь нашей завтрашней встречи на благотворительном обеде.

Моника Трэмелл-Баркер-Митчелл-Стэнтон являлась неотъемлемым элементом жизни высшего общества: блистательная красавица, которая явно не могла пожаловаться на недостаток внимания.

— Давай выберем денек, — восторженно пропела мама, — и проведем вместе, ты, я и Кэри. Сходим в спа-салон, почистим перышки, отмоемся до блеска. Думаю, после такой напряженной работы тебе не помешает массаж.

— Да, было бы здорово. Кэри наверняка тоже будет в восторге.

— Очень хорошо! Я пришлю за вами машину часам к одиннадцати.

— Мы будем готовы.

Повесив трубку, я откинулась на стуле и вздохнула: оргазм в горячей ванне — что может быть лучше. И если Гидеон Кросс каким-то чудом узнает, что я мастурбировала, думая о нем, мне плевать. Сексуальная фрустрация ослабляла мои позиции, и я знала, что он непременно воспользуется моей слабостью. Вне всякого сомнения, у него еще до конца дня найдется готовое решение.

Я уже сунула ноги в уличные туфли, когда телефон зазвонил снова. Мою маму трудно сбить с намеченного курса. Пять минут, прошедшие с момента окончания нашей беседы, были промежутком времени, как раз достаточным для того, чтобы она сообразила, что основная волновавшая ее тема, а именно вопрос о сотовом, осталась за рамками разговора. И опять я сначала решила не снимать трубку, однако мне чертовски не хотелось, чтобы оставались какие-то недоговоренности. Словом, неохота было тащить накопившиеся за день проблемы с собой домой.

Я ответила, как обычно, хотя бодрости в голосе за день поубавилось.

— Знаешь, я все время думаю о тебе.

Когда я услышала бархатный, хриловатый голос Кросса, то почувствовала глубокое облегчение. Я только сейчас поняла, что втайне страстно надеялась услышать его вновь. Сегодня. Господи! На меня накатило такое сильное желание, что уже не приходилось сомневаться в том, что он стал для меня наркотиком, источником неких сверхинтенсивных сигналов.

— Я тебя до сих пор чувствую, Ева. Ощущаю твой вкус. После того как ты ушла, я с трудом выдержал все, что на меня навалилось: две встречи и телеконференцию. Так что у тебя есть преимущество: выкладывай свои требования.

— Ах! — воскликнула я. — Надо подумать... — Я неожиданно вспомнила прикол Кэри насчет синих яиц. — Хм... Ничего на ум не приходит. Но могу дать дружеский совет. Проведи время с женщиной, которая будет пускать от тебя слюни, чтобы ты мог почувствовать себя богом. Затрахай ее так, чтобы больно было ходить. А когда увидишь меня в понедельник, глядишь, уже перегоришь и твоя жизнь — с учетом обсессивно-компульсивного расстройства личности — снова войдет в привычную колею.

В трубке послышался скрип кожаной обивки, и я поняла, что он откинулся на спинку кресла.

— Ладно, Ева, проехали. Но в другой раз осторожнее подбирай выражения. Если будешь подвергать сомнению мои умственные способности, я тебя отшлепаю.

— Только не меня. Мне такие вещи не нравятся.

Нравятся не нравятся, но предостережение, сделанное подобным тоном, подействовало на меня возбуждающе. Да уж, воистину Опасный Брюнет.

— Ладно, мы это обсудим. А пока скажи лучше, что тебе нравится.

— Надо отдать тебе должное: твой голос идеально подходит для секса по телефону, но мне пора идти. У меня свидание с моим вибратором, — резко поднявшись, заявила я.

Конечно, для полноты эффекта мне стоило повесить трубку, но я не могла удержаться от соблазна насладиться его реакцией. К тому же мне нравилось с ним разговаривать.

— Ох, Ева. — В устах Кросса мое имя прозвучало как-то по-декадентски. — Ты что, хочешь, чтобы я на коленях тебя умолял? А может, удастся подбить тебя на секс втроем, с участием Э. Л.?

Я проигнорировала оба вопроса. Повесив на плечо пакет и сумочку, я мысленно порадовалась, что он не видит, как дрожат мои руки. А проблему электронных любовников я с ним вообще обсуждать не собиралась. Мастурбация — не та тема, которую можно обсуждать с

мужчиной, тем более с мужчиной посторонним, но проявляющим ко мне интерес.

— С Э. Л. у меня налажено полное взаимопонимание: мы точно знаем, что одного из нас используют. Причем не меня. Счастливо, Гидеон.

Повесив трубку, я решила спуститься с двадцатого этажа по лестнице. Во-первых, это позволяло избежать поездки на лифте, а во-вторых, вполне могло заменить поход в спортзал.

* * *

Я была счастлива, что этот ужасный день наконец закончился, и вошла в квартиру, приплясывая. Мое искреннее восклицание: «Господи, как же хорошо дома!», сопровождаемое энергичными па, вспугнуло парочку на диване.

Я испуганно охнула, ругая себя за бесцеремонность. Нет, вообще-то, я не застучала Кэри и его гостя за неприличным занятием, но они сидели достаточно близко друг к другу, что говорило о некоторой интимности.

И я сразу подумала о Гидеоне Кроссе, предпочитавшем срывать покровы интимности с самого интимного акта, какой только можно себе представить.

Конечно, в моей жизни было все: и случайные связи, и близость по расчету. И кому, как не мне, знать, что секс и любовь — разные вещи, однако я вряд ли смогла бы считать секс чем-то сродни рукопожатию. И мне было даже немножко жаль Кросса с его однобоким подходом, хотя он явно был не тот человек, который мог вызывать жалость или сочувствие.

— Привет, детка, — поднявшись с дивана, улыбнулся Кэри. — Хорошо, что ты успела застать Трея.

— У меня через час занятия, — повернулся ко мне Трей. — Но очень рад, что мне удалось с тобой познакомиться.

— Я тоже.

Бросив пакет на пол и положив сумочку на барную стойку, я пожала протянутую мне руку, окинув парня внимательным взглядом. Примерно моего возраста, среднего роста, с хорошо развитой мускулатурой, с буйной белокурой шевелюрой, спокойными карими глазами и явно перебитым носом.

— Не возражаете, если я налью себе бокал вина? Денек выдался еще тот.

— Я тоже не откажусь, — отозвался Трей.

— И я с вами, — переместившись к бару, сказал Кэри.

На нем были черные джинсы свободного покроя и черный мешковатый свитер, что придавало ему небрежный и в то же время элегантный вид. Черный цвет выгодно подчеркивал его темно-каштановые волосы и зеленые глаза.

Я полезла в винный холодильный шкаф и вытащила первую попавшуюся бутылку.

Пока я откупоривала и разливала вино, Трей, засунув руки в карманы джинсов и слегка покачиваясь на каблуках, тихонько переговаривался с Кэри.

Зазвонил телефон, и я сняла со стены трубку.

— Алло.

— Привет, Ева. Это Паркер Смит.

— Привет, Паркер. — Я прислонилась к барной стойке. — Как дела?

— Надеюсь, я тебе не помешал. Номер телефона мне дал твой отчим.

Я с трудом удержалась, чтобы не выругаться. Этот Стэнтон меня уже просто достал.

— Нет, ничуть. А в чем дело?

— Честно? У нас всюю идет модернизация. Твой отчим прямо как добрая фея из сказки.

Предложил обеспечить спортзал системами безопасности, да и вообще провести некоторые важные усовершенствования. Поэтому я и звоню. До конца недели зал будет закрыт на реконструкцию. Занятия возобновятся в следующий понедельник.

Я зажмурилась, постаравшись подавить нахлынувшее раздражение. Ведь Паркер не виноват, что мама со Стэнтоном повернуты на контроле за мной. Они наверняка даже не видят иронии в том, что стараются обеспечить мою безопасность именно там, где как раз и учат самообороне, то есть обеспечению безопасности.

— Звучит неплохо. Жду не дожусь. Мне понравилось у тебя тренироваться.

— Мне тоже приятно с тобой работать. И я сделаю все, чтобы твои родители не думали, что зря потратили деньги.

Я поставила перед Кэри полный бокал и сделала приличный глоток. Да, я никогда не переставала удивляться тому, какую готовность к сотрудничеству пробуждают деньги. Но опять же Паркер не виноват.

— О чем речь!

— Значит, на той неделе начнем. Расписание у твоего водителя.

— Прекрасно. До встречи.

Я повесила трубку и случайно перехватила взгляд Трея, брошенный на Кэри, — мягкий, томный, полный желаний. Да, нельзя быть такой эгоисткой. Мои проблемы могут и подождать.

— Трей, жаль, что тебе надо уходить. Как насчет того, чтобы в среду вечером поесть пиццы? Хотелось бы нормально посидеть, а не общаться на бегу.

— У меня в среду занятия, — смущенно улыбнулся он и, покосившись на Кэри, добавил: — Но во вторник я свободен.

— Вот и хорошо, — улыбнулась я в ответ. — Закажем еду на дом и устроим роскошный вечер.

Кэри, который как раз закрывал за Треем дверь, послал мне в знак признательности воздушный поцелуй, а вернувшись на кухню, взял свой бокал и сказал:

— Ну ладно. Давай-ка выпей, Ева. А то вид у тебя неважнецкий.

— Есть такое дело, — согласилась я и, прихватив бутылку, перешла в гостиную.

— Это все Гидеон Кросс? Так ведь?

— Все так. Но я не хочу сейчас о нем говорить.

Хотя настойчивость Гидеона и возбуждала меня, необходимость постоянно сопротивляться ему выжимала из меня все соки.

— Поговорим лучше о вас с Треем. Как вы познакомились?

— Пересеклись на работе. Он подрабатывает ассистентом фотографа. Ну что, сексуальный парнишка? — Глаза у Кэри радостно вспыхнули. — И настоящий джентльмен. В полном смысле этого слова. Очень старомодный.

— Надо же, а я и не знала, что такие еще не перевелись! — пробормотала я и залпом выпила вино.

— Как прикажешь тебя понимать?

— Ой, не обращай внимания. Извини, Кэри. Он чудесный и явно тобой увлечен. А он что, учится на фотографа?

— На ветеринарного врача.

— Вау! Вот это круто!

— Мне тоже так кажется. Ну ладно, хватит о Трее. Похоже, тебя что-то здорово достало. Выкладывай.

— Да, мамочка моя, — вздохнула я. — Узнала, что хочу тренироваться у Паркера, и устроила кипиш.

— Что-что? Откуда она узнала? Клянусь, я слова никому не сказал.

— Знаю, что ты тут ни при чем. У меня и в мыслях такого не было. — Взяв со стола бутылку, я заново наполнила свой бокал. — Нет, ты только прикинь: она отследила звонки с моего мобильного.

Брови Кэри поползли на лоб:

— Ты чего, серьезно? Ужас какой!

— Да уж, что есть, то есть. Я и Стэнтону это сказала, но он и слышать ничего не желает.

— Ну ни хрена себе! — Кэри запустил пятерню в свои длинные волосы. — И что ты собираешься делать?

— Завести новую машину. И встретиться с доктором Петерсеном. Может быть, он сможет хоть немного привести ее в чувство.

— Правильное решение. Пусть с ней ее психотерапевт разбирается. Ну... а на работе у тебя все в порядке? Ты по-прежнему от нее тащишься?

— Еще как! — заверила его я, откинувшись головой на спинку дивана и закрыв глаза. — Ты и работа, только это меня сейчас спасает.

— А что у тебя с тем крутым миллиардером, которому приспичило тебя поиметь? Ну, давай, Ева, колись. Я просто умираю от любопытства. Как дела?

Ну и конечно, я ему все рассказала. Надо же было хоть с кем-то поделиться. Наконец я закончила, но Кэри не произнес ни слова. А когда я подняла голову и взглянула на него, то увидела, что он нервно кусает губу, а глаза у него лихорадочно горят.

— Кэри? Ты о чем сейчас думаешь?

— О том, какую классную историю ты рассказала. Меня даже проняло.

Он рассмеялся, и в этом теплом мужском смехе словно растворилось мое накопившееся за день раздражение.

— Сейчас он, наверное, в полной растерянности. Я бы дорого отдал, чтобы увидеть его физиономию, когда он получил от тебя от ворот поворот. В следующий раз не будет выпендриваться.

— Поверить не могу, что он и вправду это сказал. — Но едва в моей памяти всплыл угрожающий голос Кросса, как ладони тут же вспотели, оставив на бокале влажный след. — Какого хрена он о себе возомнил?

— Да ладно тебе, в намерении отшлепать ничего такого нет. И потом, он же завалил тебя на диван, то есть хотел поиметь в миссионерской позе, а значит, ему не чужды традиции, — зашелся от смеха Кэри. — Ты представляешь собой явный вызов для парня, который всегда привык добиваться своего. И чтобы заполучить тебя, он даже готов пойти на уступки, к чему, бьюсь об заклад, не привык. Так просто скажи ему, чего ты хочешь.

Я разлила по бокалам оставшееся вино. Легкое опьянение сняло некоторое напряжение. Но чего я хочу? Если, конечно, оставить в стороне очевидное.

— Мы с ним совершенно несовместимы.

— Да ну? А как можно назвать то, что произошло на его диване?

— Послушай, Кэри, давай подытожим все, что произошло. Он помог мне подняться в вестибюле, а потом предложил с ним трахнуть. Вот так, на полном серьезе. Предположим, я подцепила парня в баре. Так перед тем как затащить меня к себе домой, он и то проявил бы ко мне больше интереса. Типа, эй, детка, как тебя зовут? Часто сюда заглядываешь? У тебя дружок есть? Что будешь пить? Танцевать любишь? Ты что, где-то рядом работаешь или как?

— Ну все. Понял, не дурак. — Он поставил пустой бокал на стойку. — Пошли отсюда. Завалимся в какой-нибудь бар. Натанцуемся до упаду. Может, встретим ребят, которые скажут тебе что-нибудь приятное.

— Или, по крайней мере, угостят выпивкой.

— Ну это уже перебор. Кросс тогда, в своем кабинете, предлагал тебе выпить.

Я покачала головой и решительно поднялась.

— Ладно, будь что будет. По-быстрому приму душ — и двинем.

* * *

И мы двинули: зажгли так, что только держись. Переходили из одного клуба в другой, от Трайбеки до Ист-Виллиджа, глупо тратя деньги на входную плату, но сказочно оттягиваясь. Я уже не чувствовала под собой ног от бесконечных танцев, но держалась и в результате дождалась, что Кэри, сдавшись первым, пожаловался на свои сапоги с высокими каблуками.

Мы только что вывалились из очередного клуба с техно-поп-музыкой, решив добратся до ближайшей сетевой аптеки, чтобы купить мне шлепанцы, когда наткнулись на зазывалу, который предлагал посетить находящееся неподалеку заведение.

— Прекрасное местечко. Вы сможете расслабиться и дать ногам отдохнуть, — произнес он без присущей большинству уличных торговцев и зазывал назойливой улыбки.

Более того, одежда его — черные джинсы и водолазка с облегающим воротом — была слишком качественной для простого зазывалы, и это меня заинтриговало. Рекламных листовок или брошюрок у него тоже не было. Вместо этого он вручил мне визитку, на золотых буквах, напечатанных на веленовой бумаге, играли огни уличного освещения. Весьма удачный рекламный ход, отметила я про себя.

Нас обтекал неторопливый поток пешеходов. Кэри, принявший на грудь значительно больше меня, уставился на карточку.

— Выглядит отпадно.

— Покажете эту карточку — вас обслужат по высшему разряду.

— Клёво.

— Пошли, — взял меня за руку Кэри. — Может, найдешь в этом заведении классного парня.

Когда мы добрались до места, я уже еле переставляла ноги, но, увидев шикарный вход, немного ожила. Из-за открытых дверей доносился задушевный голос Эми Уайнхаус, все посетители, выходявшие оттуда с довольными улыбками на лицах, были хорошо одеты. Перед входом стояла длинная, загибающаяся за угол очередь. Однако зазывала не обманул: его карточка оказала магическое действие. Нас тут же пропустили внутрь, и элегантная администраторша провела нас по лестнице наверх, в тихий VIP-бар, откуда были видны расположенные внизу сцена и танцпол. Нам отвели уютную зону отдыха у балкона с двумя бархатными кушетками в форме полумесяца, а затем вручили винную карту со словами:

— Выпивка за счет заведения. Желаем приятно провести вечер.

— Вау! — присвистнул Кэри. — Да нас тут ценят.

— Наверное, зазывала узнал твою физиономию по рекламе.

— Просто улет! — ухмыльнулся он. — Господи, надо же, какой удачный вечер! Оттягиваюсь с лучшей подругой в преддверии важного поворота в своей жизни.

— О?

— Да вот надо посмотреть, как пойдут дела с Треем.

Я была в полном восторге. Мне казалось, что я всю жизнь только и ждала, когда же он наконец найдет кого-то, кто будет с ним правильно обходиться.

— Он еще не приглашал тебя на свидание?

— Нет, но не думаю, будто это из-за того, что он ничего такого не хочет.

Кэри пожал плечами и разгладил свою футболку из мятой ткани. В черных кожаных штанах и в напульсниках с шипами он смотрелся действительно потрясающе и очень сексуально.

— Мне кажется, что он хочет сначала прояснить ситуацию с тобой. Он обалдел, узнав, что я живу с женщиной и ради нее пересек всю страну. Он боится, что это является признаком бисексуальности и я тайно в тебя влюблен. Вот почему я рад, что вы с ним сегодня пересеклись. Он наконец смог собственными глазами увидеть, что мы просто друзья.

— Извини, Кэри. Непременно постараюсь сделать все, чтобы его успокоить.

— Да ладно, ты ни в чем не виновата. Не переживай. И вообще, чему быть, того не миновать.

Меня, однако, его слова не успокоили. Я обязательно должна была ему помочь.

И тут возле нашего столика остановились двое парней.

— Не возражаете, если мы к вам присоединимся? — спросил тот, что был повыше.

Я посмотрела на Кэри, потом — на ребят. Они были точно два брата, причем весьма привлекательные. Оба дружелюбно улыбались, держались раскованно и просто. Я уже собралась было сказать «конечно», когда чья-то теплая рука крепко сжала мое голое плечо.

— Здесь уже занято!

У сидевшего напротив меня Кэри отвисла челюсть, когда Гидеон Кросс, обогнув диванчик, протянул ему руку.

— Тейлор, насколько я понимаю. Гидеон Кросс.

— Кэри Тейлор, — с широкой улыбкой пожал руку Гидеона Кэри. — Впрочем, ты и сам знаешь. Рад познакомиться. Слышал-слышал о тебе.

Я была готова его убить.

— Приятно об этом узнать. — Гидеон присел рядом со мной, закинув руку мне за спину так, что его пальцы то и дело, как бы случайно, но по-хозяйски поглаживали меня по плечу. — Возможно, тогда еще не все потеряно.

Я резко повернулась к нему лицом и яростно прошипела:

— Ты что делаешь?

— То, что надо, — твердо встретил он мой взгляд.

— Хочу танцевать, — хитро улыбнулся Кэри, встав с места. — Скоро вернусь. — И, не обратив внимания на мой умоляющий взгляд, послал мне воздушный поцелуй и ушел с теми двумя парнями.

Я посмотрела им вслед: сердце бешено колотилось. Так или иначе, но прошла уже целая минута и игнорировать Гидеона дальше было уже нелепо. Да и невозможно.

Мой взгляд скользнул по нему. На нем были слаксы цвета асфальта и черный джемпер с V-образным вырезом, что создавало впечатление небрежной изысканности. Меня новый облик Кросса просто очаровал, он стал, казалось, чуть мягче, хотя я и знала, что последнее всего лишь иллюзия. Ведь Кросс был твердым как сталь.

Я глубоко вздохнула. И так, больше тянуть уже невозможно, надо попробовать завязать разговор. В конце концов, я в своем праве. Ведь это он попытался пропустить стадию знакомства и без всяких прелюдий затащить меня прямым в постель.

— Ты выглядишь... — Я хотела сказать «фантастически», «великолепно», «обворожительно», но осеклась и, запинаясь, закончила: — Мне нравится, как ты выглядишь.

— Надо же, хоть что-то во мне тебе понравилось, — удивленно поднял он брови. — И что именно? Вообще или только прикид? Мой джемпер? Или брюки?

Что-то в его тоне меня покорило.

— А если я скажу, что только джемпер?

— Куплю дюжину таких и буду носить, на хрен, каждый день.

— Это будет нелепо.

— Так тебе не нравится джемпер? — насмешливо спросил он.

Я поймала себя на том, что рефлекторно сжимаю и разжимаю руки, лежавшие на коленях.

— Джемпер мне очень нравится, — не стала врать я. — Но и костюмы тоже.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, выдержал паузу, а потом кивнул и спросил:

— Как прошло свидание с Э. Л.?

«Черт возьми!» Я опустила глаза. Одно дело — трепаться насчет мастурбации по телефону, и совсем другое — обсуждать интимные подробности под пронизывающим взглядом его голубых глаз. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Я о таких вещах не распространяюсь.

Он провел пальцами по моей щеке и нежно сказал:

— Да ты покраснела.

Разговор его явно забавлял, и я поспешила сменить тему:

— Ты часто здесь бываешь?

Вот дерьмо! И где только я откопала такую избитую фразу?!

— По мере необходимости, — накрыв мою руку своей ладонью, ответил он.

Я вдруг почувствовала приступ необъяснимой ревности, который заставил меня напрячься.

— Что ты хочешь сказать? — бросила я на Кросса негодующий взгляд, в душе удивившись, с чего это так завелась. — Приходишь сюда, когда хочешь кого-нибудь подклеить?

Губы Гидеона изогнулись в убийственной улыбке.

— Когда возникает необходимость принимать важные решения. Это мой клуб, Ева.

Ну конечно. О господи!

Симпатичная официантка поставила перед нами два бокала с розовым напитком со льдом и, одарив Гидеона кокетливой улыбкой, произнесла:

— Как было заказано, мистер Кросс: два «Столи элит» с клюквенным соком. Чем еще могу быть полезна?

— Спасибо. Пока больше ничего не надо.

Девушка явно выполнила сделанный заранее заказ, но до меня не сразу дошло, что именно она принесла. А принесла она тот самый коктейль, который я обычно заказывала в клубах, в том числе и сегодня. Я ощутила нервную дрожь. Гидеон демонстративно попробовал коктейль, посмаковав его, как хорошее вино. Глотательные движения его мускулистой шеи привели меня в полный экстаз, но это были пустяки по сравнению с тем, что со мной творил его пронизывающий взгляд.

— Неплохо, — пробормотал он. — Потом скажешь, правильно ли мы смешиваем твой любимый коктейль. — И поцеловал меня.

Его движение было стремительным, но я и не пыталась увернуться от его холодных губ, пахнувших клюквенным соком. Восхитительно! И тут все бушевавшие во мне эмоции и переполнявшее меня внутреннее напряжение вырвались наружу. Я буквально вцепилась в его густую шевелюру и всосала в себя его язык. Он глухо застонал, стон этот музыкой прозвучал в моей душе, между ногами тут же стало мокро, и я, испугавшись собственной бурной реакции, отпрянула, не в силах восстановить дыхание.

Но Гидеон, вплотную придвинувшись ко мне, скользнул губами по моему уху. Он тоже тяжело дышал. Стук кубика льда о стекло его бокала звоном отдавался в моем воспаленном мозгу.

— Я хочу тебя, Ева, — слышался его хриплый шепот. — Хочу до изнеможения!

Неожиданно взгляд мой упал на бокал с розовым напитком. В голове царила жуткая неразбериха из обрывочных мыслей, воспоминаний и сомнений.

— Откуда ты узнал?

Его язык заскользил по раковине моего уха, и меня бросило в дрожь. Я тянулась к нему каждой клеточкой своего тела. На безуспешные попытки сопротивляться уходили последние остатки сил.

— Узнал что? — не понял он.

— Что я обычно пью. Как зовут Кэри.

Он глубоко вздохнул, поставил бокал на стол и откинулся, положив колено на диванную подушку между нами. Рука его снова оказалась на спинке дивана, кончики пальцев мягкими круговыми движениями поглаживали мое плечо.

— Так ведь ты не только в моем клубе побывала. Расплачивалась кредитной картой, поэтому определить, что ты заказываешь, не составило труда. Ну а имя Кэри Тейлор значится в договоре о найме вашей квартиры.

У меня все поплыло перед глазами. «Невозможно...» Мой сотовый телефон. Моя кредитная карта. Моя сраная квартира. Не было сил вздохнуть. Оказавшись зажатой между Гидеоном и мамой, я испытала приступ клаустрофобии.

— Боже мой, Ева! Почему ты так побледнела? Ты похожа на привидение. — Он сунул мне в руку бокал. — Ну-ка, выпей.

Опять «Столи» с клюквенным соком. Я залпом осушила бокал. Мой желудок резко запротестовал, но потом смирился.

— Так что, выходит, ты хозяин дома, где мы живем? — спросила я.

— Чудно, конечно, но да.

Он переместился на стол, сел лицом ко мне, так что я оказалась как бы между его ног, забрал у меня пустой бокал и взял мои похолодевшие руки в свои.

— Гидеон, ты что, сумасшедший?

— Ты это серьезно? — Его подбородок сразу затвердел.

— Да. Вполне. Моя мама тоже отслеживает меня. Но она посещает психотерапевта. А у тебя есть свой психотерапевт?

— Пока нет. Но, учитывая, что ты сводишь меня с ума, возможно, придется им обзавестись.

— Стало быть, такое поведение для тебя нехарактерно. — Сердце мое бешено стучало, в ушах стоял неприятный звон. — Или все же характерно?

Он пригладил волосы, которые я растрепала ему в порыве страсти.

— Я всего лишь собрал информацию, которую ты сама мне предоставила.

— Не тебе! И не для того! Ты наверняка нарушил какой-нибудь закон об охране персональных данных, — бросила я на него растерянный взгляд. — Но зачем тебе все это нужно?

Тут он дал волю нормальным человеческим эмоциям. Вид у него был раздосадованный.

— Черт побери, чтобы побольше о тебе узнать!

— Гидеон, но почему ты не мог просто взять и спросить меня о том, что тебя интересует? Или у тебя здесь какие-то треклятые трудности?!

— Все мои трудности связаны с тобой. — Он схватил со стола бокал и одним глотком наполовину опорожнил его. — Мне не удавалось остаться с тобой наедине дольше чем на пять минут.

— И все потому, что ты не хотел говорить ни о чем другом, кроме как о твердом намерении затащить меня в койку.

— Тсс, Ева! — сжал он мою руку. — Потихе!

Я присмотрелась к нему, постаравшись вобрать взглядом каждую черточку его лица. Увы, даже если я и хотела найти хоть один изъян в его безупречной внешности, мне не удалось это сделать. Более того, я была абсолютно не способна оторвать глаза от его мужественного лица.

Правда, здесь я оказалась не одинока. Все находившиеся рядом женщины реагировали точно так же. Он был не только хорош собой, но еще и очень богат, а деньги делают привлекательными даже лысых, пузатых стариков. А Кроссу было достаточно всего лишь щелкнуть пальцами, чтобы вызвать оргазм.

— Что это ты так на меня смотришь? — спросил он.

— Думаю.

— О чем? — Его рот сжался в твердую полосу. — Только предупреждаю: если ты опять ляпнешь что-нибудь насчет оговоренного отверстия, запланированного семяизвержения или чего-нибудь в этом роде, я за себя не отвечаю.

— Мне хочется расставить все точки над «і». А то, похоже, я не могу оценить тебя по достоинству, — вымученно улыбнулась я.

— Я бы и сам не прочь кое-что выяснить, — буркнул он.

— А меня очень интересует одно. А что, тебе самому такой подход, как «я хочу тебя трахнуть», представляется удачным?

Лицо Гидеона стало бесстрастным.

— Ева, я как-то на эту тему не думал.

— Ладно. Ты хочешь выяснить, что нужно, чтобы уложить меня в постель. Именно поэтому ты находишься сейчас здесь, в этом клубе? Из-за меня? Только говори откровенно, а не то, что, как тебе кажется, я хочу услышать.

Взгляд его был прямым и честным.

— Да, я здесь из-за тебя. Да, я все подстроил.

Неожиданно до меня дошло, почему уличный зазывала был так круто одет. Нас завлек сюда парень, работавший на «Кросс индастриз».

— Значит, ты решил, что если заманишь меня сюда, то я соглашусь с тобой перепихнуться?

— Надежда умирает последней, хотя я и ожидал, что мне потребуется нечто большее, чем случайная встреча за бокалом коктейля, — скривил он в усмешке рот.

— Ты прав. Но к чему такая спешка? Почему было не подождать до понедельника, до ланча?

— Потому что ты решила оттянуться. Конечно, забавам с Э. Л. я помешать не могу, но не дать тебе подцепить в баре какого-нибудь кретина вполне в моих силах.

— Да какое там «оттянуться»! Я просто снимаю напряжение после трудного дня.

— Не ты одна. Но ты, чтобы снять напряжение, выпиваешь и танцуешь. — Он потрогал пальцем одну из моих сережек. — А я сначала стараюсь решить проблему, которая меня напрягает. — Его голос смягчился, и это разбудило улегшееся было желание.

— И что, твоя проблема — это я?

— Абсолютно точно, — едва заметно улыбнулся он.

Я понимала, что услышать от него такое действительно дорогого стоит. Гидеон Кросс не стал бы тем, кем он есть, в столь раннем возрасте, имея он обыкновение выслушивать «нет» с благодарностью.

— А что ты понимаешь под ухаживанием?

— Время, в течение которого ты общаешься с женщиной, но не трахаешь ее, — задумчиво произнес он.

— Тебе что, не нравится женское общество?

— Нравится. До тех пор пока не приходится сталкиваться с чрезмерными ожиданиями или

притязаниями на мое время, — уже не задумчиво, а скорее хмуро сказал он. — На мой взгляд, лучший способ избежать и того и другого — перевести отношения исключительно на сексуальную или же дружескую основу.

И опять это раздражающее упоминание о «чрезмерных ожиданиях». Для него это явно было больной темой.

— Значит, у тебя есть друзья среди женщин?

— Разумеется. — Он сжал мои ноги своими, тем самым словно приковав к месту.

— И что тебе это дает? Ты отделяешь секс от всего прочего в твоей жизни. От дружбы, работы... от всего.

— У меня имеются на то веские основания.

— Конечно имеются. Кто бы сомневался. Ладно, вот что я думаю... — Однако сосредоточиться, когда он был рядом, оказалось весьма непросто. — Я сказала тебе, что не стремлюсь к ухаживаниям, и это действительно так. Работа является для меня основным приоритетом, а личная жизнь — жизнь одинокой женщины — занимает близкое к ней второе место. Жертвовать своим временем ради пустого общения мне не хочется, а свободного, для выстраивания каких-то прочных отношений, у меня практически нет.

— В этом мы с тобой сходимся.

— Но я люблю секс.

— Вот и прекрасно. Тогда займись им со мной, — приглашающе улыбнулся он.

— Мне необходима эмоциональная связь с мужчиной, с которым я делю постель, — легонько пихнула я его в плечо. — Не обязательно, чтобы она была очень сильной или глубокой, но для секса мне требуется нечто большее, чем простое соглашение, за которым нет никаких чувств.

— Почему?

Да, сейчас вся напускная легкомысленность Гидеона куда-то исчезла. При всей эксцентричности нашего разговора, Гидеон говорил на полном серьезе.

— Ну, если хочешь, можешь считать это одной из моих причуд. Не люблю, когда меня просто используют для секса. Чувствую себя недооцененной.

— А ты не можешь взглянуть на вещи по-другому? Что именно ты используешь партнера для секса?

— Не с тобой.

Он был слишком сильным, слишком требовательным. Его глаза загорелись хищным блеском, когда я имела неосторожность обнажить перед ним свои слабые стороны.

— Кроме того, — торопливо продолжила я, — мы сейчас просто играем словами. А мне в сексуальных отношениях требуется равенство. Или первенство.

— Ладно.

— Ладно? Быстро же ты сдался! Особенно с учетом того, что тебе потребуется соединить воедино две вещи, чего ты всю жизнь старательно избегал.

— Не скажу, будто мне сейчас очень уютно, и не претендую на полное понимание, но я тебя слушаю, а это самое главное. Скажи, что мне делать.

У меня перехватило дыхание. Такого я от него не ожидала. Кросс был мужчиной, не желавшим чем бы то ни было осложнять секс, а я женщиной, тяготевшей к осложнению секса. И он стоял на своем. Пока.

— Гидеон, нам нужно подружиться. Я не претендую на то, чтобы мы стали неразлучными друзьями или наперсниками, вовсе нет. Но мы должны знать друг о друге не только анатомические подробности, но несколько больше. А это означает, по крайней мере для меня, что, кроме активного траханья, мы должны проводить вместе какое-то время. Причем в таких

местах, где волей-неволей придется сдерживаться.

— А разве сейчас мы не тем самым занимаемся?

— Тем самым. Но пойми, что я имею в виду. Сейчас я на это согласия не давала. Ты мог бы сделать все то же самое, но более деликатно. Не так нагло. — Я коснулась пальцами его губ, чтобы не дать ему возможности возразить. — Но, со своей стороны, не могу не признать, что ты пытался найти время для разговора, а я не больно-то шла навстречу.

И тут он слегка прикусил мои пальцы зубами.

— Эй, ты чего? — ойкнула я, отдернув руку.

Тогда он поднес мою руку ко рту и поцеловал укушенное место, коснувшись его языком. Как бы успокаивая. И одновременно провоцируя.

Повинуясь защитному рефлексу, я спрятала руку под стол, поскольку полной уверенности в том, что мы все решили и уладили, у меня не было.

— Таким образом, ты знаешь, что никаких чрезмерных ожиданий и в помине нет. Когда мы с тобой будем проводить время вместе, но без активного траханья, я не буду считать это ухаживанием. Договорились?

— Идет.

Гидеон улыбнулся, тем самым развеяв остатки моих сомнений. Улыбка его была словно молния во тьме, ослепительной и прекрасной. Я же хотела его так страстно, что это вызывало физическую боль.

Его руки, соскользнув вниз, обхватили мои бедра. Он легонько сжал их и притянул меня чуть поближе. Подол моего короткого черного платья задрался, и его взгляд обратился к тому, что было под ним. Он так похотливо облизал языком губы, что мне показалось, будто я кожей чувствую его прикосновение.

Внизу, на танцполе, звучал взывавший о милосердии голос Даффи. У меня неожиданно защемило в груди.

Мне уже было более чем достаточно, но я, словно со стороны, вдруг услышала собственный голос, произносивший:

— Хочу еще выпить.

В субботу утром я встала с жутким похмельем, но, по моим соображениям, это было не самое большое наказание, что я заслужила. Вроде бы сама негодовала по поводу договорного секса, который предлагал мне Гидеон, и сама же решилась на определенную договоренность. Я так сильно его хотела, что пошла на рассчитанный риск, нарушив некоторые свои правила. Утешало только то, что он свои тоже нарушил.

Приняв горячий душ, я отправилась в гостиную, где застала Кэри, свежего как огурчик, на диване с нетбуком. Почувствовав доносившийся с кухни запах кофе, я направилась туда и налила себе самую большую кружку, какую смогла отыскать.

— Доброе утро, солнышко, — окликнул меня Кэри.

Сжимая между ладоней кружку со столь необходимой мне дозой кофеина, я присела рядом с ним на диване.

— Это доставили тебе, пока ты торчала в душе, — указал он на коробку.

Я поставила кружку на кофейный столик и взяла коробку. Она была завернута в коричневую бумагу и перевязана ленточкой, а наверху каллиграфическим почерком было выведено мое имя. Внутри оказался пузырек из янтарного стекла, к горлышку которого была прикреплена записка: «Выпей меня». Средство от похмелья. На дне коробки лежала визитная карточка Гидеона.

Ну что ж, подарок вполне подходящий. После встречи с Гидеоном я чувствовала себя так, словно провалилась в кроличью нору и оказалась в удивительном, чарующем мире, в котором, однако, привычные правила почти не действуют. Я попала на территорию, не нанесенную ни на какие карты, восхищающую и устрашающую одновременно.

Я покосилась на Кэри, смотревшего на пузырек с сомнением.

— Будь здоров!

Вытащив пробку, я без долгих раздумий вылила содержимое в рот. На вкус оно оказалось чем-то вроде противного сладковатого сиропа от кашля. У меня даже желудок свело от отвращения, но потом по всему телу разлилось приятное тепло. Вытерев рот тыльной стороной ладони, я заткнула пустую бутылку пробкой.

— Что это за пойло? — поинтересовался Кэри.

— Отвратительное. Напоминает паленую собачью шерсть. — (Кэри наморщил нос.) — Однако эффективное.

Средство действовало. Уже сейчас я чувствовала себя значительно лучше.

Кэри достал из коробки визитку Гидеона, перевернул и протянул ее мне. На обратной стороне решительным, четким почерком было выведено «Позвони мне». И номер телефона.

Я повертела карточку в руках. Подарок доказывал, что Гидеон думал обо мне. Его упорство и целеустремленность восхищали. И льстили.

Меня абсолютно не волновали проблемы Гидеона. Однако меня возбуждали его прикосновения и радовала его ответная реакция на мои ласки. Я понимала, что готова пойти на все, лишь бы ощутить на своем теле его руки.

Когда Кэри попытался вручить мне телефон, я покачала головой:

— Пока рано. Чтобы иметь с ним дело, нужна ясная голова, а я еще с бодуна.

— Вы с ним классно смотрелись вчера вечером. Он точно запал на тебя.

— А я точно запала на него.

Устроившись в углу дивана, я прижалась щекой к подушке и свернулась калачиком.

— Мы собираемся вместе тусоваться, время от времени заниматься сексом, причем от

души, но в остальном сохранять полнейшую независимость. Никаких обязательств, никаких ожиданий, никакой ответственности.

Кэри нажал кнопку на своем нетбуке, и в другом конце комнаты застрекотал принтер. Потом Кэри закрыл компьютер, положил на кофейный столик и полностью переключил внимание на меня.

— Возможно, это перерастет во что-то серьезное.

— А возможно, и нет, — усмехнулась я.

— Цинично.

— Кэри, я не ищу для себя вечного счастья, особенно если в роли сказочного принца выступает магнат вроде Кросса. На примере матери я поняла, каково связать свою жизнь с мужчиной, наделенным властью. Это тяжелая работа, если учесть и то, что твой компаньон загружен лишь частично. Деньги делают маму счастливой, а мне этого было бы недостаточно. Мой отец любил маму. Просил выйти за него замуж, стать спутницей его жизни. Но она отвергла его, потому что он не занимал высокого поста и не имел внушительного счета в банке, — таковы ее требования к мужу. С точки зрения Моники Стэнтон, для заключения брака любовь не является обязательной, а поскольку ни один мужчина не мог устоять перед блеском ее глаз и чарующим голосом, она не собиралась останавливаться на том, кто не соответствовал ее требованиям. А отец, к сожалению, никак им не соответствовал. — Взглянув на часы, я увидела, что уже пол-одиннадцатого. — Думаю, пора собираться.

— Обожаю посещать спа-салон с твоей мамой, — улыбнулся Кэри, и это разогнало омрачавшие мое настроение тени. — Чувствую себя при этом прямо как бог.

— Да, и я тоже. Во всяком случае, как в свите богини.

Нас вдруг охватило такое нетерпение, что мы решили спуститься вниз и встретить машину на улице, а не ждать звонка портье о ее прибытии.

Когда мы с Кэри вышли из подъезда — я в платье до пят и босоножках на каблуке, а он в сидящих на бедрах облегающих джинсах и футболке с длинным рукавом, — швейцар с улыбкой поздоровался с нами.

— Мисс Трэмелл, мистер Тейлор, доброе утро. Такси вызвать?

— Нет, Пол, спасибо, — ухмыльнулся Кэри. — На сегодня у нас запланировано посещение спа-салона «У Перрини».

— Ах «У Перрини»! — понимающе кивнул Пол. — Я своей жене на юбилей купил подарочный сертификат. Ей так понравилось, что теперь собираюсь сделать это традицией.

— Очень правильное решение, Пол, — заявила я. — Женщин надо баловать, это никогда не выйдет из моды.

В это время подъехал Клэнси, и Пол открыл для нас заднюю дверь. Мы забрались внутрь, взвизгнув от восторга, когда обнаружили на сиденье коробку обалденно дорогих шоколадных конфет. Открыв коробку, мы за обе щеки принялись уплетать вкуснейшие трюфели.

Клэнси отвез нас напрямиком в заведение Перрини, где релаксация начиналась прямо от входа. Переступив порог этого спа-салона, вы сразу же попадали в другой мир. Арочные проходы были задрапированы портьерами из роскошного шелка, а расставленные здесь и там огромные кресла и шезлонги украшали расшитые разноцветными камнями подушки.

В подвесных золоченых клетках щебетали птицы, по углам в кадках росли развесистые пальмы. Декоративные фонтанчики услаждали слух плеском воды, а из искусно замаскированных динамиков лилась нежная струнная музыка. Воздух наполняли ароматы экзотических пряностей, что создавало у посетителя ощущение, будто он оказался в восточной сказке из «Тысячи и одной ночи».

Роскошь здесь была на грани излишества. Заведение «У Перрини» могло удовлетворить

самые экзотические капризы тех, кто мог себе это позволить. Так, к моменту нашего появления в салоне моя мама уже успела принять молочно-медовую ванну.

Изучив список предлагаемых процедур, я решила отказаться от привычного набора «женщины-воительницы» в пользу «страстной нежности». Неделю назад я уже сделала эпиляцию, но остальные процедуры, обещавшие сексуальную неотразимость, были именно то, что нужно.

С головой погрузившись в этот волшебный мир, я вернулась к реальности лишь тогда, когда услышала голос вальяжно расположившегося в кресле рядом со мной Кэри:

— Миссис Стэнтон, а вы знакомы с Гидеоном Кроссом?

У меня даже челюсть отвисла. Черт побери, уж он-то прекрасно знал, что моя мама сама не своя до любых новостей о моих романтических (а иногда и не слишком романтических) приключениях.

Мама, сидевшая по другую сторону от меня, подалась вперед, по-девичьи наивно выражая свое восхищение привлекательным и богатым мужчиной.

— Естественно. Он один из богатейших людей мира. Занимает двадцать пятую позицию в списке Форбса, если мне память не изменяет. Весьма привлекательный молодой человек, к тому же щедрый участник многих моих детских благотворительных проектов. Самой собой, им многие интересуются, но, Кэри, не думаю, что он гей. У него репутация любителя женщин.

— А жаль, — ухмыльнулся Кэри, игнорируя то, как яростно я трясла головой. — Да мне бы все равно ничего не светило, потому что он запал на Еву.

— Ева, поверить не могу! Как ты могла скрыть от меня такое?

Я взглянула на мамочку, чье ухоженное, без единой морщинки, лицо выглядело совсем молодым и было похоже на мое. Я вообще во всем была именно мамина дочка, вплоть до фамилии. Единственной уступкой, сделанной ею моему отцу, было имя: она согласилась назвать меня в честь его матери.

— Да тут и рассказывать нечего, — возразила я. — Мы просто... друзья.

— Это дело поправимое, — заявила Моника с таким напором, что мне стало страшно. — Не понимаю, как это я упустила из виду, что ты работаешь с ним в одном здании. Уверена: стоило ему на тебя разок взглянуть — и его тут же хватил удар. Хотя, говорят, он предпочитает брюнеток... Хм. Ладно, в любом случае, известно также, что у него прекрасный вкус. А это явно говорит в твою пользу.

— Да нет между нами ничего такого. И прошу тебя, не вздумай вмешиваться. Ты поставишь меня в неловкое положение.

— Чушь! Если кто и знает, как обращаться с мужчинами, так это я.

Я раздраженно вжала голову в плечи. Слава богу, подоспело время массажа. Чувствуя, что отчаянно в нем нуждаюсь, я растянулась на столе и закрыла глаза, расслабляясь, чтобы набраться сил перед предстоящим долгим вечером.

Как и все девушки, я любила наряжаться и хорошо выглядеть, но участие в благотворительных мероприятиях было не развлечением, а нелегкой работой. Необходимость поддерживать светскую беседу утомляла, а ведь приходилось еще безостановочно улыбаться и рассуждать о бизнесе и людях, которых я знать не знала. Вот Кэри возможность показать себя на таком сборище явно была на пользу, а иначе я отбивалась бы от участия изо всех сил.

Я вздохнула. Ну кого я, спрашивается, пытаюсь дурить? Очевидно ведь, что в конечном счете все равно бы пошла.

Мама со Стэнтоном именно потому и занимались программами помощи попавшим в сложное положение детям, что они так много значили для меня. И в конце концов, необходимость порой бывать на официальных мероприятиях — это не столь уж высокая плата

за возвращение.

Глубоко вздохнув, я осознанно расслабилась, отмечая про себя, что нужно будет позвонить отцу, и задумалась о том, как лучше поблагодарить Гидеона за средство от похмелья. Конечно, можно воспользоваться электронной почтой, благо адрес есть на визитке, но это слишком просто. Кроме того, я ведь не знаю, кто читает его электронную почту.

Позвоню ему из дома, вот и все. А почему нет? Он сам просил — нет, настаивал на этом, что подтверждало его требование на визитной карточке. И тогда я снова услышу его чарующий голос.

Дверь отворилась, и вошла массажистка.

— Привет, Ева. Вы готовы?

«Не вполне. Но что делать, раз уж я пришла».

* * *

Мы замечательно провели время в спа-салоне, а затем мама с Кэри высадили меня у нашего дома, а сами отправились присматривать для Стэнтонна новые запонки. Оказавшись одна, я решила позвонить Гидеону. Но хотя в доме никого не было, я не смогла набрать его номер с первого раза: что-то меня останавливало.

Он ответил после первого же гудка.

— Ева.

То, что он мигом узнал, кто звонит, меня ошарашило. «Откуда у него мой номер?»

— Э-э... Привет, Гидеон.

— Я в квартале от тебя. Сообщи консьержу, что скоро буду.

— Что? — У меня было такое ощущение, будто я чего-то не поняла. — Где будешь?

— У тебя, где же еще. Я сейчас как раз за углом. Ева, позвони консьержу.

Он отключился, а я тупо уставилась на телефон, поскольку до меня не сразу дошло, что Гидеон вот-вот придет. Слегка обалдев, я связалась по интеркому с консьержем и сообщила, что жду гостя. Я еще не успела повесить трубку, как Гидеон вошел в холл. И спустя несколько минут стоял под моей дверью.

И только тут до меня дошло, что на мне лишь коротенький шелковый халатик, а прическа и макияж уже сделаны в расчете на предстоящее мероприятие. И какое, спрашивается, впечатление произведет на него мой вид?

Я затянула потуже поясик и впустила его, надеясь, что это не выглядит акцией обольщения. Гидеон задержался в дверях, окинув долгим взглядом меня всю: от прически до покрытых французским лаком ногтей на ногах. Меня его облик ошеломил не меньше. То, как он выглядел в потертых джинсах и футболке, вызвало у меня желание немедленно сорвать с него все это зубами.

— Стоило проехаться, Ева, чтобы узреть тебя в таком виде, — произнес он, сделав шаг вперед и закрыв за собой дверь. — Как самочувствие?

— Прекрасно. Благодаря тебе. Спасибо. — У меня внутри все дрожало оттого, что он был здесь, в моей квартире; я была на грани обморока. — Не из-за этого же ты заехал.

— Я здесь, потому что ты долго не звонила.

— Вот уж не знала, что было назначено определенное время.

— Мне срочно нужно кое о чем тебя спросить, и, конечно, я хотел знать, как ты после вчерашнего. — Его темные глаза скользили по мне, роскошные иссиня-черные волосы обрамляли лицо, от вида которого перехватывало дыхание. — Господи, до чего же ты

прекрасна, Ева. Не могу припомнить, когда мне чего-нибудь так сильно хотелось.

От этих незатейливых слов меня бросило в жар. Сделав, пожалуй, слишком уязвимой.

— А что за срочное дело?

— Поедем сегодня на благотворительный обед вместе.

Я отпрянула, удивленная и взволнованная этим предложением.

— Ты туда тоже собираешься?

— Как и ты. Я проверил и выяснил, что твоя мать точно там будет. Давай явемся вместе.

Рука моя непроизвольно поднялась к горлу, мысли в голове метались: я разрывалась между удивлением, связанным с тем, как много ему обо мне известно, и беспокойством, вызванным его неожиданным предложением.

— Это не то, что я имела в виду, когда говорила, что будем вместе проводить время.

— Почему не то? — Простой вопрос прозвучал как вызов. — В чем проблема? Почему бы нам не появиться вместе на мероприятии, которое мы все равно планировали посетить, только порознь?

— Это не больно-то осмотрительно. Событие весьма заметное.

— Ну и что?

Гидеон подошел поближе и потрогал пальцем мой локон. В голосе его слышалось опасное урчание, от которого я задрожала как в лихорадке. Я ощущала тепло его большого, крепкого тела и вдыхала насыщенный мужской запах его кожи. С каждой минутой его чары воздействовали на меня все сильнее.

— Люди начнут строить ненужные догадки, моя мама в первую очередь. Она уже чует твой холостяцкий запах.

Наклонив голову, Гидеон прижался губами к изгибу моей шеи.

— Да плевать мне на то, кому что взбредет в голову. А с твоей мамой я как-нибудь слажу.

— Если ты так думаешь, то просто плохо ее знаешь, — задыхаясь, произнесла я.

— Заеду за тобой в семь.

Его язык прошелся по бешено пульсировавшей жилке на моей шее, и я вконец растаяла, а когда он привлек меня ближе, мое тело обмякло. Но даже при этом мне удалось выдохнуть:

— Я еще не сказала «да».

— Но и «нет» не скажешь. — Он ухватил зубами мочку моего уха. — Я тебе не дам.

Я открыла рот с намерением возразить, но он впился в него губами, заткнув с помощью жаркого, влажного поцелуя. Неспешные, смакующие движения его языка вызвали у меня нестерпимое желание того, чтобы он проделал то же самое у меня между ног. Я вцепилась руками ему в волосы и изогнулась дугой, когда он сжал меня в объятиях.

Как и в его кабинете на работе, я оказалась лежащей на диване, прежде чем осознала, что он меня туда перенес, а мой удивленный вздох перехватили его губы. Его ловкие, умелые пальцы расстегнули халат, и он стал мягко, ритмично массировать ладонями мои груди.

— Гидеон...

— Ш-ш-ш. — Он посасывал мою нижнюю губу, в то время как его пальцы покручивали и потягивали нежные соски. — Я с ума схожу, зная, что под халатом ты голая.

— Ты заехал не... О! О! Боже...

Его рот блуждал по моей груди, и меня бросило в жар, а на коже выступили капельки пота. Мечущийся взгляд упал на стоявшие на телевизоре часы.

— Гидеон, нет!

Он приподнял голову и взглянул на меня потемневшими глазами.

— Знаю, это безумие. Я не... Мне этого не объяснить, Ева, но я должен добиться твоего согласия. Я об этом без конца думаю, уже не первый день.

Он запустил руку мне между ног, и они бесстыдно раздвинулись, слишком уж возбуждено было мое тело. Я горела как в лихорадке. Другая его рука продолжала мять мои груди, отчего они набухли и сделались невероятно чувствительными.

— Ты у меня такая влажная, — промурлыкал он, раздвигая пальцами мою промежность. — Здесь ты тоже прекрасна: розовая, бархатистая. Такая мягкая. Ты ведь сегодня не делала эпиляцию, правда? — (Я покачала головой.) — Слава богу. Кажется, мне десяти минут не вытерпеть, не прикасаясь к тебе, а о десяти часах и говорить нечего.

Его палец осторожно проскользнул в меня.

Глаза мои закрылись. Я ощущала себя очень уязвимой: я лежала распростертая, нагая, во мне был палец мужчины, чья осведомленность насчет бразильской эпиляции указывала на интимнейшее знание женщин. Мужчины, остававшегося полностью одетым и стоявшего на коленях на полу рядом со мной.

— Какая ты ладная. — Палец Гидеона подался назад, а потом вновь мягко погрузился в меня. Спина моя изогнулась, когда я страстно обвилась вокруг него. — И полна желаний. Скажи, ты давно трахалась в последний раз?

Я тяжело сглотнула.

— Не до того было. Куча дел: диссертация, поиски работы, переезд...

— Тогда понятно.

Он вытащил палец, а потом ввел мне во влагалище уже два, и я не смогла сдержать сладострастный стон. У этого мужчины были уверенные и умелые руки, которыми он брал все, что хотел.

— Ты противозачаточные средства используешь?

— Да. — Руки мои вцепились в края подушки. — Конечно.

— Я покажу тебе, на что способен, и ты сделаешь то же самое, когда дашь мне войти в тебя.

— О господи, Гидеон...

Я задыхалась, мои бедра бесстыже изогнулись, подаваясь навстречу его похотливым пальцам. Ощущение было такое, будто я оказалась на грани спонтанного самовоспламенения.

Такого возбуждения я еще в жизни не испытывала. Потребность в оргазме чуть ли не сводила меня с ума. Если бы сейчас вошел Кэри и застал меня извивающейся в гостиной, в то время как Гидеон трахает меня, то я даже не вздрогнула бы.

Гидеон тоже тяжело дышал. Его лицо покраснелось от вожделения, обращенного на меня. Я же всего-навсего беспомощно откликалась на его похоть.

Его рука сместилась с моей груди на щеку и провела по ней.

— Э, да ты покраснела. Я тебя шокировал.

— Да.

От его улыбки, распутной и довольной, у меня стеснило грудь.

— Я хочу чувствовать в тебе свою сперму, когда трахаю тебя. Хочу, чтобы и ты чувствовала в себе мою сперму, думая о том, как я выглядел и какие звуки издавал, когда изливал ее в тебя. Потому что, думая об этом, ты будешь с нетерпением ждать, когда я стану проделывать с тобой это снова и снова.

Лоно мое трепетало вокруг его движущихся пальцев, а непристойности чуть ли не доводили до оргазма.

— Ева, я намерен расписать тебе способы, какими хочу, чтобы ты меня ублажала, и ты усвоишь их все... Используешь их все, и у нас будет самый взрывной, первобытный, ничем не сдерживаемый секс. Ты ведь это и сама знаешь, верно? Чувствуешь, как это у нас будет.

— Да, — выдохнула я, схватившись за груди, чтобы унять боль в напрягшихся, затвердевших сосках. — Пожалуйста, Гидеон.

— Ш-ш-ш... Я получил тебя. — Большим пальцем он мягкими круговыми движениями массировал мой клитор. — Смотри мне в глаза, когда будешь кончать.

По мере того как он разминал мой клитор, неспешно, ритмично, то погружая, то извлекая пальцы, мое внутреннее напряжение возрастало с невероятной силой.

— Ну, давай, Ева, — приказал Гидеон. — Сейчас!

Я дошла до оргазма: взвизгнула, вцепилась в подушку так, что побелели костяшки пальцев, и подмахнула бедрами навстречу его руке, совершенно забыв о чем-либо похожем на стыд или стеснение. Я смотрела ему прямо в глаза, не имея сил отвести взгляд, полыхавший яростным мужским торжеством. В этот момент он владел мною. Я сделала все, как он хотел. И он это знал.

Меня, пульсируя, пронизывало обжигающее наслаждение. Кажется, сквозь рев крови в ушах слышался и его хриплый голос, но слов разобрать я не могла, а потом он закинул одну мою ногу на спинку дивана и приник ртом к промежности.

— Нет... — Я попыталась оттолкнуть руками его голову. — Не могу!

Все во мне слишком набухло, было слишком чувствительным, однако, когда его язык, подрагивая, коснулся моего клитора, меня снова, даже сильнее, чем в первый раз, захлестнуло желание. Он облизывал мою трепетавшую половую щель, дразня меня, искушая обещанием нового оргазма, хотя я знала, что он не может наступить опять так быстро.

Затем его язык проник в меня, и я закусила губу, сдерживая крик. Уже во второй раз я подошла к пику наслаждения, тело мое неистово содрогалось, нежные мышцы промежности напрягались вокруг его неутомимого языка. Вибрация его рычания пронизывала насквозь, но сил, чтобы отстранить его, у меня не было. Гидеон снова стал ласкать мой клитор, посасывая его мягко... неустанно... пока я не кончила снова, выдыхая его имя.

Я была совершенно размякшей, когда Гидеон вернул мою ногу в прежнее положение, и все еще дышала с трудом, когда он покрывал поцелуями мой живот и груди. Облизав каждый сосок, он обхватил меня руками и приподнял. Я бессильно повисла в его объятиях, тогда как он с такой яростью впился в мой рот, причиняя жгучую боль, которая выдала, насколько близок он был к самому краю.

Он запахнул мой халат и встал, глядя на меня сверху.

— Гидеон?..

— Ева, в семь часов. — Потянувшись вниз, он коснулся моей лодыжки и погладил кончиками пальцев усыпанный бриллиантами ножной браслет, который я надела, готовясь к вечеру. — Не снимай этот браслет. Я хочу трахнуть тебя, когда на тебе не будет ничего больше.

— Привет, папуля. Я тебя поймала. — Перехватив телефон, я подтянула барный стул. Мне не доставало отца. Последние четыре года мы жили достаточно близко друг от друга, чтобы видиться по крайней мере раз в неделю. Теперь от его дома в Оушенсайде меня отделяла вся страна. — Как поживаешь?

Он приглушил звук телевизора.

— Теперь, когда ты позвонила, гораздо лучше. А как твоя первая рабочая неделя?

Я описала ему все рабочие дни, с понедельника до пятницы, упуская только то, что касалось Гидеона.

— Марк, мой босс, мне очень нравится, — завершила я свой отчет, — и вообще, атмосфера в агентстве просто необыкновенная, как будто пронизанная особыми флюидами. Каждое утро иду на работу с радостью, а как день кончается, просто уходить не хочется.

— Ну, надеюсь, оно и дальше так пойдет. Но с другой стороны, свободное время тебе тоже необходимо. Пренебрегать им не стоит: веселись, пока молодая. Правда, здесь надо знать меру.

— Это точно: как раз вчера вечером я явнохватила через край. Мы с Кэри прогулялись по клубам, и в итоге я проснулась с похмелья.

— Вот черт, даже не говори мне об этом, — простонал он. — Бывает, я просыпаюсь по ночам в холодном поту при мысли о том, что ты в Нью-Йорке. И немного отхожу, убеждая себя в том, что ты слишком сообразительна, чтобы испытывать судьбу. Благо отец и мать вбили тебе правила безопасности прямиком в ДНК.

— Что правда, то правда, — со смехом согласилась я. — Кстати, это мне напомнило вот о чем: я теперь занимаюсь в секции крав-мага.

— Да ну? — Последовала пауза. — У нас тут, в полиции, один малый силен по этой части. Вот пригляжусь к нему, а когда приеду к тебе, сравню впечатления.

— Ты приедешь в Нью-Йорк?! — воскликнула я, не скрывая восторга. — Ох, папуля, это будет замечательно. Хотя я и скучаю по Калифорнии, но Манхэттен просто изумителен. Думаю, он и тебе понравится.

— Да мне любое место в мире понравится, лишь бы ты там была. — Он немного помолчал, а потом спросил: — Как там твоя мама?

— Мама... Ну, она мама и есть. Красивая, очаровательная и одержимая навязчивыми идеями.

У меня защемило в груди, и я потеряла больное место. По моим догадкам, папа до сих пор любил маму. Он так и не женился. Это было одной из причин, по которым я не рассказывала ему о том, что со мной случилось. Будучи копом, он настоял бы на предъявлении обвинений, а для мамы скандал стал бы настоящей катастрофой. Кроме того, меня беспокоило, что он может потерять к ней уважение, а то и начать обвинять ее, хотя в случившемся ее вины не было. Едва узнав, что проделывал со мной ее пасынок, мама оставила мужа, с которым была счастлива, и подала на развод.

Не прерывая разговора, я помахала рукой Кэри, влетевшему в квартиру с маленьким голубым пакетом с логотипом фирмы «Тиффани».

— Сегодня мы были в спа-салоне. Чудесный способ завершить неделю.

— Очень рад, что вы проводите время вместе, — отозвался отец голосом, выдававшим улыбку. — А какие дальнейшие планы на выходные?

Я не стала говорить о благотворительном мероприятии, поскольку прекрасно понимала, что любое упоминание о подобных светских тусовках, участие в которых обходится в

астрономические суммы, лишь углубляет пропасть, разделяющую моих родителей.

— Мы с Кэри пойдем перекусить, а завтра я планирую сначала как следует отоспаться, а потом весь день провести дома в пижаме, посмотреть фильмы, заказать еду на дом, ну и все такое прочее. В общем, денек растительного существования перед очередной напряженной рабочей неделей.

— Звучит просто божественно. Пожалуй, в свой следующий выходной возьму с тебя пример.

Взглянув на часы, я увидела, что уже перевалило за шесть, и сказала:

— Ну, мне пора собираться. Ты уж поосторожнее там, на своей работе, ладно? А то я ведь тоже за тебя переживаю.

— Буду стараться. Пока, детка.

От этого до боли знакомого прощания у меня комок встал в горле.

— Ой, папа, стой. Я собираюсь приобрести новый сотовый. Как куплю, сразу пошлю тебе номер.

— Что, снова? Ты же посылала совсем недавно, сразу как переехала.

— Ну... короче, долго рассказывать. И неинтересно.

— Хм... Тогда не откладывай. Мобильные, они нужны для безопасности и чтобы играть в «Сердитых птиц».

— Тащусь от этой игры! — Я рассмеялась, а когда он тоже рассмеялся, в груди моей разлилось тепло. — Звякну тебе через несколько дней. Будь здоров.

— Это уж непременно.

Положив трубку, я некоторое время сидела молча, ощущая полноту гармонии своего мира: чувство, никогда не длившееся долго. Примерно через минуту мои размышления прервала врубленная на всю мощь стереосистема в спальне Кэри, и музыка группы «Хиндер» заставила меня оторвать зад от стула. Я поспешила в свою комнату готовиться к вечеру с Гидеоном.

* * *

— Ожерелье надевать или нет? — спросила я Кэри, когда он вошел в мою спальню. Выглядел он потрясающе: изысканно и круто одновременно, и, уж конечно, сразу привлекал к себе внимание.

— Хмм. — Кэри склонил голову набок, пристально меня рассматривая. — Ну-ка, приложи еще раз.

Я приложила к шее золотое монисто.

Присланное мамой платье было ярко-красного — точно пожарная машина — цвета, но по фасону напоминало тунику: одно плечо было голым, косой вырез открывал ложбинку между грудей, а длинный разрез — правое бедро. Платье полностью обнажало спину, вплоть до копчика, и держалось сзади лишь на унизанном горным хрусталем тонком шнуре.

— Даже не думай, — заявил он. — Поначалу я склонялся к золотым подвескам, но теперь, наверное, лучше всего подойдут серьги с бриллиантами, самые большие, какие у тебя найдутся.

— Что? Правда?

Я хмуро воззрилась на свое отражение, тогда как Кэри подошел к моей шкатулке с драгоценностями и принялся там шарить.

— Вот! — Он протянул мне серьги, подаренные мамой на мое восемнадцатилетие. — Именно то, что надо. Примерь.

Я последовала его совету и убедилась, что он прав. Вид был совсем другой, чем с золотым

ожерельем: меньше блеска, но куда больше откровенной чувственности. Кроме того, серьги удивительно гармонировали с браслетом на правой лодыжке, который так понравился Гидеону. Волосы у меня были убраны назад, а по спине спускались нарочито небрежным каскадом. Выглядела я сексуальной до невозможности, что еще больше подчеркивали дымчатые тени для век и блеск для губ.

— Кэри Тейлор, и что бы я без тебя делала?

— Детка... — он положил мне руки на плечи и прижался своей щекой к моей, — этого ты никогда не узнаешь.

— Ты, между прочим, тоже классно выглядишь.

— А то нет?

Он моргнул и отступил на шаг. В своем роде Кэри мог бы посостязаться и с Гидеоном, при всех его деньгах. Правда, по сравнению с брутальной красотой Гидеона внешность Кэри была более утонченной, но каждый по-своему был неотразим. Смотреть на них было сплошным удовольствием, граничащим с вожделением.

Когда я только познакомилась с Кэри, он был тощим наркоманом с затуманенным, потерянным взглядом. Но меня сразу потянуло к нему, и я начала с того, что присоединилась к нему на занятиях по групповой терапии. Поначалу он обошелся со мной довольно грубо, поскольку считал, что мной, как и другими, руководит желание перепихнуться, но, когда я твердо и недвусмысленно дала понять, что этого мне не надо, в нем пробудился интерес, и в конечном счете мы стали лучшими друзьями. Он заменил мне брата, которого у меня никогда не было.

Зазвонил интерком, и я подскочила, осознав, что вся на нервах.

— Забыла сообщить консьержу, что Гидеон вернется, — глядя на Кэри, сказала я.

— Не беспокойся, я все улажу.

— А ничего, что тебе придется ехать без меня со Стэнтоном и мамой?

— Шутишь? Они ведь меня любят. — Его улыбка затуманилась. — А что, у тебя есть сомнения, стоит ли ехать с Кроссом?

Я глубоко вздохнула, припомнив, что еще совсем недавно лежала на спине и испытывала оргазм за оргазмом.

— Нет, на самом деле нет. Просто все происходит слишком быстро и оборачивается лучше, чем я ожидала, да и вообще представляла себе, что захочу...

— Просто тебе интересно знать, где тут улов. — Кэри протянул руку и легонько постучал пальцем по кончику моего носа. — Ева, он и есть улов. Ты его поймала. Вот и наслаждайся.

— Пытаюсь.

Я была благодарна Кэри за понимание меня и того, как работало мое сознание. Жить рядом с ним было куда легче, поскольку я знала, что он всегда поможет заполнить пробелы, осмыслить которые мне самой не под силу.

— Нынче утром я провел некоторое расследование и выяснил массу пикантных подробностей. Распечатка у тебя на столе. Если захочешь, можешь посмотреть.

Я вспомнила стрекотание принтера, работавшего как раз перед нашей поездкой в салон. Приподнявшись на цыпочки, я чмокнула Кэри в щеку.

— Ты лучше всех. Я люблю тебя.

— И я тебя тоже, детка, — отозвался он и направился к двери. — Спустишь вниз и приведу его сюда. Не спеши: он явился на десять минут раньше.

Улыбаясь, я проводила Кэри взглядом, а когда он вышел в коридор, затворив за собой дверь, прошла в маленькую комнатку рядом с моей спальней и на крайне непрактичном секретере, присмотренном мне мамой, нашла папку с распечатками текстов и изображений. Усевшись, я

погрузилась в историю Гидеона Кросса.

И ощутила себя чуть ли не свидетельницей крушения поезда, узнав, что он доводился сыном Джеффри Кроссу, бывшему главе фирмы, которая занималась инвестиционными ценными бумагами. В итоге Джеффри Кросса уличили в организации колоссальной аферы по «схеме Понци», иными словами, финансовой пирамиды. Гидеону было всего пять лет, когда его отец пустил себе пулю в лоб, предпочтя смерть неминуемому тюремному заключению.

«Ох, Гидеон!»

Я попыталась представить его ребенком: симпатичный темноволосый мальчик с дивными голубыми глазами, полными жуткой растерянности и печали. Этот образ разбивал мне сердце. Страшно даже подумать, что пришлось пережить бедному мальчику в столь нежном возрасте. Его мать со временем вышла замуж за Кристофера Видала, музыкального администратора, и родила еще двоих детей, Кристофера Видала младшего и Айерленд Видал, но создавалось впечатление, что прибавление семейства и обретение финансовой стабильности пришли слишком поздно, для того чтобы избавить Гидеона от последствий пережитого тяжелого потрясения. Болезненные эмоциональные раны вынудили его замкнуться в себе.

Размышляя о подходе Гидеона к таким вопросам, как ухаживание, общественная жизнь и секс, я довольно критично и заинтересованно изучила фотографии, на которых он был с женщинами, и убедилась, что мама тут не ошиблась — одни брюнетки. Женщина, попадавшаяся на снимках чаще других, имела явные признаки испанской крови. Она была выше меня ростом и скорее стройная, чем пышная.

— Мадемуазель Перес, — пробормотала я, неохотно признавая, что она весьма хороша собой. В ее манере держаться чувствовалась всегда восхищавшая меня ярко выраженная уверенность.

— Ты не находишь, что уже пора? — прервал мои размышления Кэри, в голосе которого угадывалась легкая усмешка. Он стоял в дверях моей комнаты, небрежно прислонясь к косяку.

— Правда?

— Думаю, через минуту он к тебе нагрянет. Едва себя сдерживает. — (Я закрыла папку и встала.) — Ну что, интересное чтение?

— Очень.

Мне на самом деле было интересно узнать, как отец Гидеона, а особенно его самоубийство повлияли на его жизнь. Впрочем, было очевидно, что все ответы на подобные вопросы дожидаются меня в соседней комнате.

Я вышла из спальни, прошла по коридору к гостиной и немного помедлила на пороге. Гидеон стоял у окна спиной ко мне и смотрел на город. Сердце мое забилось часто-часто. Мне было видно его отражение в стекле. Взгляд Гидеона был сосредоточенным, линия рта жесткой. Скрещенные на груди руки выдавали скрытое беспокойство, некую настороженность. Отстраненный и далекий, он, по сути, был человеком, который всегда одинок.

Ощувив мое присутствие, а возможно, и мое желание, Гидеон повернулся и замер, а я скользила по нему взглядом, впитывала в себя его образ. Все в нем выдавало могущественного магната, а его сексуальная привлекательность буквально обжигала глаза. От одного вида порочно обрамлявших лицо черных волос пальцы мои сжимались в неудержимом желании в них вцепиться. А когда он на меня посмотрел... сердце мое готово было выскочить из груди.

— Ева.

Демонстрируя каждым шагом силу и грацию, он подошел ко мне и, взяв руку, поднес ее к губам. Взгляд его был требовательным — жарким и сосредоточенным, — а стоило его губам коснуться моей кожи, как вверх по руке пробежали мурашки, в памяти всплыли грешные прикосновения его губ к моему телу. Что вызвало мгновенное возбуждение.

— Привет.

— Привет. Выглядишь потрясающе. Мне не терпится тебя показать, — сказал он, и глаза его потеплели.

— Хочется верить, что оправдаю твои надежды, — произнесла я с удовлетворенным вздохом, вызванным комплиментом.

Крохотная складочка залегла между его бровями.

— Ты все взяла, что нужно?

Тут подоспел Кэри с моей черной бархатной шалью и с перчатками до локтей:

— Вот, держи. А блеск для губ я сунул в твою сумочку.

— Ты лучше всех, Кэри.

Он подмигнул, тем самым дав мне понять, что заметил презервативы, лежащие во внутреннем кармашке.

— Спущусь вниз вместе с вами.

Забрав у Кэри шаль, Гидеон набросил ее мне на плечи, и от прикосновения его рук к шее меня словно ударило током, так что я не сразу заметила, как Кэри протягивает мне перчатки. Спуск на лифте оказался настоящим тестом на умение выдерживать острейшее сексуальное напряжение. Кэри, правда, вроде бы ничего не замечал: стоял себе слева от меня, засунув руки в карманы, и посвистывал. Но вот Гидеон прямо-таки излучал мужскую силу, даже при том, что не двигался и не издавал ни звука. Я чувствовала исходящий от него магнетизм: я снова покрылась мурашками, а дыхание сделалось учащенным и неглубоким. Когда двери открылись и выпустили нас из замкнутого пространства, я испытала облегчение.

Внизу, дожидаясь кабины, стояли две женщины, которые при виде Гидеона и Кэри чуть не потеряли сознание. У меня сразу улучшилось настроение, и я даже улыбнулась.

— Леди, — приветствовал их Кэри неискренней улыбкой.

Я нутром чувствовала, как напряженно работают клетки их мозга, посылая им неверные сигналы.

В отличие от Кэри Гидеон ограничился холодным кивком и стал подталкивать меня к выходу, придерживая рукой за низ оголенной спины. От этого прикосновения, похожего на электрический разряд, меня бросило в жар. Я сжала руку Кэри:

— Прибереги для меня танец.

— Непременно. Скоро увидимся.

Нас уже ждал лимузин, и, когда мы вышли на улицу, водитель предупредительно открыл дверь. Скользнув по сиденью к противоположному краю, я поправила платье. Когда Гидеон устроился рядом и дверь закрылась, я ощутила его изумительный запах. Я вдыхала этот аромат, убеждая себя, что мне стоит расслабиться и просто наслаждаться его обществом. Он взял меня за руку и пробежал пальцами по ладони: простое прикосновение, вызвавшее бурное желание. Я сбросила шаль, чувствуя, что мне слишком жарко.

— Ева.

Гидеон нажал кнопку, и между нами и водителем стало опускаться разделительное стекло, а в следующий миг он уже посадил меня на колени и страстно поцеловал. Я сделала то, чего мне хотелось с момента его появления в моей гостиной: запустила пальцы в его волосы, яростно отвечая на поцелуй. Я была без ума от того, как он целовался: словно обезумел от страсти, словно был вне себя от нетерпения и уже не мог сдерживаться ни секунды. Я присосалась к его языку, зная, как это нравится ему, как это нравится мне и как пробуждает во мне желание с той же страстью присосаться и к другим частям его тела.

Его руки заскользили по моей голой спине, и я застонала, ощутив бедром напор его возбужденного члена. Сместившись, я раздвинула ноги и убрала подол платья прочь, мысленно

поблагодарив мать за то, что она присмотрела для меня столь удобную, подходящую для интима одежду. Сжимая коленями его бедра, я обняла его за плечи, и мои поцелуи сделались еще яростнее. Я просовывала язык ему в рот, кусала его нижнюю губу, гладила его язык своим...

Взяв за талию, Гидеон отодвинул меня и откинулся на сиденье, запрокинув голову, чтобы видеть мое лицо. Он тяжело дышал.

— Что ты делаешь со мной?

Я пробежалась пальцами по его груди, чувствуя сквозь рубашку мощные мышцы, потом мои пальцы соскользнули к его животу, в то время как мысленно я представляла себе, как он должен выглядеть абсолютно голым.

— Щупаю тебя. Чертовски тобой наслаждаюсь. Хочу тебя.

Он перехватил мои запястья.

— Позже. Мы сейчас посреди Манхэттена.

— Нас же никто не видит.

— Не в этом дело. Сейчас не место и не время начинать то, чего мы не сможем закончить и за несколько часов. Я и так с сегодняшнего полудня уже сам не свой.

— Так давай и завершим все сейчас.

Его хватка усилилась.

— Мы не можем здесь этим заниматься.

— Почему не можем? — Внезапно у меня возникла удивительная догадка. — Слушай, а ты вообще занимался сексом в лимузине?

— Нет. — У него окаменело лицо. — А ты?

Не ответив, я посмотрела в окно на поток транспорта и пешеходов. Мы находились всего лишь в нескольких дюймах от сотен людей, но тонированное стекло скрывало нас от взглядов, и это пробуждало во мне бесстыдное безрассудство. Я хотела ублажить его. Я хотела знать, что способна достать Гидеона Кросса, и здесь не было никого, кто остановил бы меня, кроме него самого. Я возобновила поцелуи, покачиваясь туда-сюда, чтобы тереться о его затвердевший член. Он стиснул зубы, дыхание его сделалось свистящим.

— Ты нужен мне, Гидеон, — произнесла я, вдыхая его запах, ставший сейчас, когда он возбуждился, еще резче. — Ты сводишь меня с ума.

Отпустив запястья, он обхватил ладонями мое лицо, его губы впились в мои. Я потянулась к его ширинке и расстегнула две пуговицы, чтобы добраться до молнии. Он напрягся.

— Мне это нужно, — прошептала я прямо ему в губы. — Дай мне это.

Гидеон не расслабился, но и новых попыток остановить меня тоже не предпринял. Его тяжелый член упал в мои ладони, и Гидеон издал стон, болезненный и страстный одновременно. Я нежно сжала его пенис обеими руками. Он был твердым как камень и очень горячим. Мои руки усиленно заработали, а когда Гидеон содрогнулся, у меня перехватило дыхание.

Гидеон схватил меня за бедра, а затем засунул руку под подол моего платья, нащупав большим пальцем тесемочку моих красных «танга».

— Какое у тебя обалденное влагалище, — пробормотал он, коснувшись губами моего рта. — Я хочу раздвинуть тебе ноги и облизывать влагалище до тех пор, пока ты не начнешь умолять о том, чтобы я засадил туда свой член.

— Я готова просить об этом хоть сейчас, если хочешь.

Продолжая поглаживать его пенис одной рукой, я полезла другой в сумочку за презервативом.

Он просунул руку мне в трусики, тем самым усугубив мое и без того болезненное желание.

— Я почти тебя не касался, — прошептал Гидеон, и глаза его сверкнули в сумраке

салона, — а ты уже готова.

— Ничего не могу с этим поделать.

— А я и не хочу, чтобы ты с этим что-то делала.

Он засунул палец мне в промежность и закусил нижнюю губу, когда я беспомощно вцепилась в него.

— Не было бы ничего хорошего в попытке остановить то, что ты со мной делаешь, да мне это и не под силу.

Разорвав зубами пакетик из фольги, я протянула его Гидеону: из отверстия торчал презерватив.

— Я в этом не сильна.

Его рука сжала мою.

— С тобой я нарушаю все свои правила.

Эти произнесенные низким голосом слова прозвучали столь серьезно, что меня словно окатила теплая волна. Я ему поверила.

— Правила на то и существуют, чтобы их нарушать.

Я увидела, как блеснули его зубы, потом он ткнул пальцем в кнопку на панели рядом с ним и скомандовал:

— Езжай не останавливаясь, пока не получишь нового указания.

Щеки мои пылали. Свет фар другого автомобиля, проникнув сквозь тонированное стекло, скользнул по моему лицу, выдав мое смущение.

— Что с тобой, Ева? — проорчал он, искусно раскатывая презерватив. — Ты сама совратила меня на секс в лимузине, но покраснела, когда я сказал водителю, что не хочу, чтобы нас с тобой прерывали?

Это неожиданное игривое замечание еще больше усилило мое желание. Оперевшись для равновесия о его плечи, я приподнялась на коленях так, что моя промежность оказалась прямо над головкой напрягшегося члена Гидеона. Он схватил меня за бедра и с громким треском рванул на мне трусики. Резкий звук и его яростное движение распалили меня еще сильнее, до лихорадочного жара.

— Не спеши, — хрипло распорядился он, приподнимая бедра, чтобы спустить ниже штаны.

При этом движении он потерял членом о мою промежность, и я застонала — болезненно и опустошенно, словно все предыдущие оргазмы не удовлетворили, а лишь усилили мое желание.

Он напрягся, когда я, обхватив его член, направила набухшую головку в свою мокрую половую щель. Замкнутое пространство салона было наполнено ароматами нашего вожделения, возбуждающими запахами феромонов, заставлявшими меня трепетать каждой клеточкой своего тела. Кожа моя горела, словно ее покалывало иголками, груди налились тяжестью и стали необычайно чувствительными.

Это было именно то, чего я хотела с того самого мгновения, как впервые его увидела, — обладать им, взобраться на его великолепное тело и впустить его в себя.

— Господи, Ева! — охнул он, когда я опустилась на него. Его руки безостановочно мяти мои бедра.

Я закрыла глаза, чувствуя себя слишком уязвимой. Мне хотелось с ним интимности, но, пожалуй, ее здесь было даже слишком много. Мы словно находились в коконе, отделявшем нас от остального мира. Я чувствовала крайнее возбуждение Гидеона и прекрасно понимала, что сейчас он пребывает в таком же удивительном состоянии, как и я.

— Ты такая упругая.

В этих с трудом произнесенных словах улавливался намек на восторженную муку.

Я брала от него все больше, позволяя ему проникать все глубже, и прерывисто дышала, чувствуя, как он расширяет мне влагалище.

— Ты такой большой.

Прижав ладонь к нижней части моего живота, он нащупал большим пальцем мой пульсирующий клитор и начал массировать его медленными, умелыми, мягкими движениями. Мое влагалище напряглось и еще больше сжалось, словно стараясь поглубже втянуть его член в себя. Я открыла глаза и взглянула на него из-под опущенных век. Господи, как же он был красив! Как прекрасно было это мощное тело в элегантном смокинге, напрягшееся в первозданном порыве к совокуплению.

Его шея изогнулась, голова вжалась в спинку сиденья, как будто мы силились разорвать невидимые путы.

— О боже, — выдохнул Гидеон сквозь стиснутые в экстазе зубы. — Я сейчас кончу.

Его слова взволновали меня еще сильнее. На коже выступили капельки пота, а промежность так увлажнилась, что его член проник в меня чуть ли не до матки. Я раскрыла рот в немом крике: он вошел так глубоко, что я едва это выдерживала. Мне приходилось двигаться из стороны в сторону, чтобы хоть как-то облегчить неожиданное болезненное давление. Но мое влагалище с благодарностью приняло этот огромный член: оно пульсировало, сжималось, трепетало на грани оргазма.

Выругавшись, Гидеон схватил мое бедро свободной рукой, заставляя меня откинуться, в то время как его грудь яростно вздымалась. Это изменило мое положение, и я открылась окончательно, приняв его в себя полностью. Его бросило в жар. Я ощутила это даже сквозь одежду. На верхней губе выступили капли пота.

Подавшись вперед, я провела языком по его губам и даже замурлыкала от удовольствия, ощутив солоноватый привкус. Его бедра нетерпеливо двигались. Я чуть-чуть приподнялась, но он остановил меня яростным движением:

— Помедленнее!

Его просьба звучала как угроза, а его властный голос еще больше усилил остроту моих ощущений.

Я опустилась, снова принимая его в себя, и, когда его проникновение уже превзошло пределы моей вместимости, меня пронзила странная, сладкая боль. В то время как от точки взаимопроникновения наших тел растекалось наслаждение, наши взгляды встретились, и я вдруг осознала, что наши тела практически полностью, не считая самых сокровенных и интимных частей, прикрыты одеждой. Это показалось мне нестерпимо чувственным, как и издаваемые Гидеоном звуки, судя по которым он испытывал столь же запредельное наслаждение, как и я.

В безумном возбуждении я впилась губами в его рот, вцепившись пальцами в намокшие от пота пряди волос. Целуя его, я одновременно вращала бедрами, подаваясь навстречу сводящим с ума круговым движениям его большого пальца и чувствуя, как с каждым проникновением его огромного пениса в мою тающую под этим напором сердцевину во мне все сильнее вызревает оргазм.

Остатки разума покинули меня окончательно, уступив место примитивным телесным инстинктам. У меня уже не было возможности сосредоточиться на чем-либо, кроме безумного процесса совокупления, яростного желания скакать на его члене до тех пор, пока томительное напряжение, достигнув высшей точки, не прорвется запредельным наслаждением.

— Как хорошо, — всхлипывая, стонала я. — Ты чувствуешь... Ах! Боже, это слишком хорошо!

С помощью обеих рук Гидеон задал ритм моим движениям и придал моей посадке наклон,

при котором мощно вздувшаяся головка его члена натирала внутри меня чувствительное, отзывавшееся болью место. Напрягшись и задрожав, я поняла, что вот-вот кончу просто от этих его умелых, мощных толчков.

— Гидеон!

Когда моя сердцевина содрогнулась в экзотических спазмах оргазма, распространявшихся по всему трепещущему телу, он взял меня за затылок и, глядя, как я буквально распадаюсь на части, удерживал мой взгляд, хотя так хотелось закрыть глаза. Оказавшись во власти этого взгляда, я застонала и кончила сильнее, чем когда-либо в жизни. Тело мое дергалось в такт каждой пульсации наслаждения.

— Трах-трах-трах! — рычал он, подбрасывая свои бедра навстречу моим.

Гидеон засаживал в меня свой член мощными, яростными толчками. Я чувствовала, как его пенис становится все тверже и толще, и жадно следила за ним, желая видеть его семяизвержение. Расширенные в экстазе глаза Гидеона утратили фокус, от бывшего самоконтроля не осталось и следа, прекрасные черты исказило дикое стремление к высшей точке.

— Ева!

Он кончил, издав какой-то животный звук, потрясший меня своей яростью. Оргазм заставил его содрогнуться, но черты лица на миг смягчились, выдав неожиданную ранимость Гидеона.

Зажав его лицо в ладони, я успокаивающе скользнула губами по его рту, в то время как мои щеки обдавало его судорожное, прерывистое дыхание.

— Ева.

Обхватив руками, он прижал меня к себе и уткнулся потным лицом в мою шею. Я знала, как он себя чувствует. Раздетым. Голым.

Мы довольно долго оставались в таком положении, вбирая последние содрогания. Повернув голову, Гидеон нежно поцеловал меня: проникновение его языка в мой рот, как ни странно, успокоило мои взбудораженные нервы.

— Вау, — выдохнула я.

Его рот дернулся.

— Да, — улыбнулась я.

Гидеон пригладил влажные прядки волос на моих висках, кончики его пальцев скользнули по моему лицу чуть ли не с благоговением.

От того, как он смотрел на меня, мою грудь пронзила боль. Он выглядел ошеломленным и... благодарным, его глаза были теплыми и нежными.

— Мне не хочется прерывать этот момент.

Чувствуя, что мой вопрос уже висит в воздухе, я озвучила его:

— Но?..

— Но я не могу свалить с этого обеда. Мне еще речь произносить.

— О!

Настроение у меня упало. Я осторожно приподнялась, прикусив губу от ощущения влажного скольжения его члена из меня. Одного этого трения было достаточно, чтобы желание вернулось. Непохоже, чтобы его пенис размягчился.

— Черт побери! — выругался он. — Я опять тебя хочу.

Прежде чем я успела отстраниться, он перехватил меня, достал откуда-то носовой платок и мягко прошелся им у меня между ног. То был глубоко интимный акт, под стать сексу, который мы только что имели.

Вытертая насухо, я присела с ним рядом, выудила из сумочки блеск для губ и через край

зеркальца своей пудреницы проследила за тем, как Гидеон снял презерватив, закрутил его, завернул в салфетку и отправил в скрытый от глаз мусорный контейнер. После чего убрал нажатием кнопки разделительное стекло и отдал водителю распоряжение двигаться к месту нашего назначения, затем устроился на сиденье и уставился в окно. Я чувствовала, как он отстраняется, связь между нами слабела и истончалась. Оказалось, что и сама я сжалась в уголке сиденья, подальше от него, тем самым способствуя тому, что дистанция между нами все более увеличивалась. Недавнее тепло сменилось ощутимым холодом, да таким, что я снова накинула шаль. Когда я поерзала на сиденье, убирая косметичку, он даже не шелохнулся, словно меня здесь и не было вовсе.

Неожиданно Гидеон открыл бар, достал бутылку и, не глядя на меня, спросил:

— Бренди?

— Нет, спасибо, — ответила я слабым голосом.

Похоже, он ничего не заметил. Или это его попросту не заботило. Он налил себе порцию и убрал бутылку.

Уязвленная и растерянная, я натянула перчатки, пытаюсь понять, что же пошло не так.

Я почти не запомнила событий того вечера. Когда мы проходили сквозь журналистский строй, непрерывно, словно фейерверк, вспыхивали камеры, но я едва их замечала, хотя и нацепила на лицо дежурную улыбку. Я целиком ушла в себя, поскольку чувствовала, в каком напряжении находится Гидеон.

Когда мы уже входили в здание, кто-то окликнул его по имени. Он обернулся, а я, воспользовавшись этим, поспешила смешаться с остальными гостями, толпившимися на ковровой дорожке. Оказавшись в холле, я схватила с подноса проходившего мимо официанта пару бокалов шампанского и, озираясь в поисках Кэри, мигом осушила один. Заметив Кэри в противоположном конце зала в компании мамы и Стэнтон, я поспешила туда, оставив по дороге пустой бокал на столе.

— Ева! — Когда мама увидела меня, ее лицо просветлело. — В этом платье ты выглядишь сногшибательно!

Она расцеловала меня, правда не касаясь губами, в обе щеки. В льдисто-голубом, мерцающем, облегающем платье мама и сама выглядела потрясающе. Украшавшие уши, шею и запястье сапфиры подчеркивали выразительность ее глаз и белую кожу.

— Спасибо.

Отпив глоток шампанского из второго бокала, я вспомнила о своем намерении поблагодарить за платье. Подарок по-прежнему мне нравился, вот только удобный разрез на бедре уже так не радовал.

Кэри подошел ко мне и взял меня под руку. Он сразу догадался, что я расстроена. Я покачала головой, давая понять, что не хочу сейчас распространяться на сей счет.

— Может, еще шампанского? — мягко спросил он.

— Будь добр.

Приближение Гидеона я ощутила даже раньше, чем увидела лицо мамы, засиявшее, словно Таймс-сквер в новогоднюю ночь. Да и Стэнтон, похоже, подтянулся и подобрался.

— Ева. — Гидеон коснулся рукой моей обнаженной спины, послав мощный энергетический импульс. Я почувствовала, как дрожат его пальцы, и невольно подумала о том, что его снедают те же страсти, что и меня. — Ты сбежала.

Прозвучавший в его тоне укор заставил меня напрячься и бросить на него многозначительный взгляд: все, что можно было позволить себе на публике.

— Ричард, вы знакомы с Гидеоном Кроссом?

— Да, разумеется.

Двое мужчин обменялись рукопожатиями.

— Нам обоим выпала удача сопровождать самых красивых женщин Нью-Йорка, — произнес Гидеон, привлекая меня к себе.

Стэнтон, глядя на мою маму с благосклонной улыбкой, выразил согласие.

Я допила шампанское и с радостью обменяла пустой бокал на полный, что принес Кэри. Благодаря алкоголю в желудке моем слегка потеплело, а образовавшийся там тугой узел несколько ослаб.

— Не забывай: ты здесь со мной, — хрипло прошептал Гидеон.

Он что, с ума сошел? Какого черта? Глаза мои сузились.

— Кто бы говорил!

— Не здесь, Ева. — Он кивнул окружающим и отвел меня в сторону. — И не сейчас.

— И никогда, — буркнула я, однако пошла с ним, чтобы не устраивать сцену при матери.

Потягивая шампанское, я действовала словно на автопилоте, повинуюсь чувству самосохранения, к которому не прибегала уже много лет. Гидеон представлял меня каким-то людям, и, полагаю, вела я себя как положено, выдавала какие-то дежурные фразы и улыбалась в нужных местах, однако на самом деле все это ничуть меня не занимало. Я была полностью сосредоточена на возникшей вдруг между нами ледяной стене и собственном болезненном раздражении. Если мне требовались какие-то доказательства того, что Гидеон твердо придерживался принципа не общаться с женщинами, с которыми переспал, то я получила по полной программе.

Когда всех пригласили к обеду, я проследовала с ним в банкетный зал, где запихнула в себя что-то съестное, выпила несколько бокалов подававшегося к столу красного вина. Я слушала разговор Гидеона с соседями по столу, но слов не воспринимала. Только модуляции, только чарующую глубину голоса, даже оттенок. Он, со своей стороны, не предпринимал ни малейших попыток вовлечь меня в беседу, чему я была только рада. Сомневаюсь, чтобы в подобном состоянии мне удалось бы выдать что-то толковое.

Так я и сидела молча, пока он не встал и под аплодисменты не направился к сцене. Я повернулась и проводила его взглядом, все так же восхищаясь его звериной грацией и красотой. Двигался он легко, размашисто, но неторопливо, всем своим видом требуя к себе внимания и уважения.

Он вовсе не казался вымотанным нашим бешеным трахом в лимузине. Честно говоря, сейчас он стал совершенно иным. Это снова был тот самый человек, которого я встретила в вестибюле: в высшей степени сдержанный, исполненный спокойной силы.

— В Северной Америке, — начал он, — сексуальному насилию в детстве подвергается каждая четвертая женщина и каждый шестой мужчина. Оглянитесь вокруг себя. Кто-то из сидящих с вами за столом или сам пережил нечто подобное, или знает кого-то из переживших. Такова печальная правда.

Я вся обратилась в слух. Гидеон был прекрасным оратором, да и его вибрирующий баритон оказывал гипнотическое воздействие, однако что зацепило меня по-настоящему, так это сама тема, равно как и страстная, порой даже шокирующая манера ее изложения. Я начала оттаивать, мои недавние раздражение и отчуждение уступали место изумлению. Мое представление о нем менялось на глазах, по мере того как я превращалась всего лишь в одну из его слушательниц в этой восхищенной аудитории. Гидеон не был больше мужчиной, совсем недавно задевшем мои чувства: то был блестящий оратор, затрагивавший в своем выступлении глубоко волновавшую меня тему.

Когда он закончил, я вскочила и захлопала в ладоши, удивив, кажется, этим и его, и себя. К счастью, аудитория поддержала меня. Люди аплодировали стоя, и со всех сторон до меня доносились приглушенные комплименты в его адрес. Вполне заслуженные.

— Вы счастливая молодая особа.

Повернувшись на голос, я увидела симпатичную рыжеволосую женщину лет сорока.

— Мы просто... друзья.

Она отреагировала безоблачной улыбкой, хотя явно мне не поверила.

Люди начали выходить из-за столов. Я уже хотела было взять свою сумочку, чтобы покинуть это мероприятие, когда ко мне вдруг подошел молодой человек с вызывающей завистью густой и буйной золотисто-каштановой шевелюрой и дружелюбными серо-зелеными глазами. Симпатичный, с мальчишеской ухмылкой, он вызвал у меня, пожалуй, первую с того момента, как я выбралась из лимузина, не дежурную, а искреннюю улыбку.

— Привет, — произнес он.

Парень держался так, словно хорошо меня знал, что ставило меня, понятия не имевшую,

кто он такой, в несколько неловкое положение.

— Привет.

Он рассмеялся: то был чарующий, легкий звук.

— Я Кристофер Видал, брат Гидеона.

— О, конечно.

Лицо мое пылало. Трудно было поверить, что я настолько ушла в свои переживания, что не смогла прикинуть одно к другому.

— Да ты покраснела.

— Прошу прощения, — произнесла я с застенчивой улыбкой. — Просто смутилась. Не знала, как лучше сказать, что читала о тебе статью, чтобы это не прозвучало неловко.

— Тронут тем, что ты это запомнила, — рассмеялся молодой человек. — Только не надо говорить, что она была напечатана в «Пэйдж сикс».

Этот раздел светской хроники в «Нью-Йорк пост» специализировался на слухах и сплетнях.

— Нет, — торопливо заверила его я. — Кажется, в «Роллинг стоунз».

— Ну, с этим можно жить. — Он протянул мне руку. — Может, потанцуем?

Оглянувшись, я увидела Гидеона у подножия лестницы, что вела на сцену. Его окружали жаждавшие поговорить с ним люди, преимущественно женщины.

— Сама видишь, некоторое время он будет занят, — ухмыльнулся Кристофер.

— Да. — Уже отворачиваясь, я вдруг узнала одну из осаждавших Гидеона особ — Магдалену Перес. После чего схватила свою сумочку и одарила Кристофера улыбкой: — Обожаю танцевать.

Взявшись за руки, мы перешли в танцевальный зал. Оркестр заиграл вальс, и мы легко, естественно закружились под музыку. Кристофер оказался ловким, искусным танцором, умевшим вести партнершу.

— А как ты познакомилась с Гидеоном?

— Да мы и не познакомились. — Я кивнула промелькнувшему мимо Кэри, который вел застывшую как изваяние блондинку. — Просто я работаю в Кроссфайр, и мы с ним пару раз столкнулись. Чисто случайно.

— Ты у него работаешь?

— Нет. В «Уотерс, Филд и Лимэн».

— А, рекламное агентство, — хмыкнул он.

— Ага.

— Должен сказать, что Гидеон, видно, здорово на тебя запал, если после пары «случайных столкновений» пригласил на такое мероприятие.

Про себя я выругалась. Конечно, внутренне я была готова к тому, что наше появление вместе вызовет толки, но спускать оскорбление не собиралась. Это следовало пресечь раз и навсегда.

— Гидеон знаком с моей матерью, именно она пригласила меня сюда. А уж то, что двое взрослых людей решили приехать сюда вместе, на одной машине, а не на разных, касается только их двоих.

— А, так, стало быть, ты свободна?

Я глубоко вздохнула, чувствуя неловкость, несмотря на легкость и грациозность наших движений.

— Да, не занята.

Лицо Кристофера осветила мальчишеская улыбка.

— Ого, похоже, этот вечерок начинает оборачиваться для меня удачно.

Остаток танца он заполнил презабавными историями, касавшимися музыкальной

индустрии. Я смеялась от души, что помогло мне отвлечься от мыслей о Гидеоне.

Как только танец закончился, подошел Кэри и пригласил меня на следующий. Мы с ним вместе посещали уроки танцев, так что представляли собой прекрасную пару. В его объятиях я расслабилась, радуясь тому, что имею в его лице моральную поддержку.

— Ну, как тебе сборище? — поинтересовалась я.

— Знаешь, за обедом я оказался рядом не с кем-нибудь, а с главным координатором «Фэшн уик». И эта дама со мной заигрывала! — Он улыбался, но глаза у него были обеспокоенные. — Знаешь, когда я попадаю в такие места... так вот одетый, то просто не могу в это поверить. Ты спасла мне жизнь, Ева. А потом полностью ее изменила.

— Да ладно, все это время ты спасал мой рассудок. Поверь мне, мы квиты.

Его рука крепче сжала мою, взгляд стал напряженным.

— У тебя огорченный вид. Он все испортил?

— Боюсь, я сама все испортила. Но поговорим об этом позже.

— Ты боишься, что я прямо при всех надеру ему задницу?

Я вздохнула.

— На мой взгляд, тебе не стоит этого делать. Хотя бы ради моей мамы.

Кэри слегка коснулся губами моего лба.

— Я его заранее предупредил. Он знает, чем дело пахнет.

— Ох, Кэри.

От любви к нему у меня ком встал в горле, хотя губы непроизвольно изогнулись в удивлении: ясно же было, что Кэри в известном смысле воспринимает Гидеона как «большого брата». Впрочем, таков уж он был, мой Кэри.

— Я вас прерву, — сказал появившийся рядом Гидеон.

И это не было просьбой.

Остановившись, Кэри взглянул на меня. Я кивнула. Он поклонился и попятился, не сводя с лица Гидеона пылающего, гневного взгляда. Гидеон привлек меня к себе и повел в танце точно так же, как и во всем прочем, с доминантной уверенностью. При этом он существенно отличался от моих предыдущих партнеров по танцам. Умением он не уступал Кристоферу, а с движениями моего тела был знаком не хуже Кэри, однако его отличал решительный, агрессивный стиль, по существу пронизанный сексуальностью. И стоило мне вновь оказаться в объятиях мужчины, с которым мы так недавно были близки, как я, невзирая на все свои переживания, начала возбуждаться.

Запах от него исходил восхитительный, с сексуальным подтекстом, а когда он, скользящими шагами, вел меня в танце, внутри разгоралось жгучее воспоминание о том, что совсем недавно он был там.

— Все убегаешь, — проворчал Гидеон, хмуро глядя на меня сверху вниз.

— Ну, ты, похоже, от одиночества не страдал. Магдалена мигом подхватила.

Выгнув бровь, он привлек меня ближе:

— Ревнуешь?

— Серьезно?

Я отвела глаза. Он раздраженно фыркнул:

— Ева, держись подальше от моего брата.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

Меня это возмутило, что было не так уж плохо после всего этого недавнего самокопания и сомнений, одолевавших меня после того, как мы перепихнулись, словно дикие кролики. Я решила проверить, как сработает такой поворот в мире Гидеона Кросса:

— Гидеон, держись подальше от Магдалены.

У него напряглось лицо.

— Да мы с ней просто друзья.

— Следует понимать, что ты с ней не спал... еще?

— Нет, черт побери! И не собираюсь. Послушай... — Музыка смолкла, и он остановился. — Мне надо идти. Я привез тебя сюда и очень хотел бы отвезти обратно, но если тебе здесь нравится, то можешь оставаться. Продолжай веселиться. А домой тебя отвезут твоя мать и Стэнтон.

Веселиться? Он что, шутит или не врубается? Или, хуже того, вовсе списал меня со счета, так что даже не обращает внимания на мое настроение.

Я отстранилась от него, чтобы его запах не кружил мне голову.

— Как-нибудь сама разберусь. Забудь обо мне.

— Ева. — Он потянулся ко мне, и я торопливо отступила.

— Я ее заберу, Кросс, — произнес Кэри, обнимая меня.

— Не становись на моем пути, Тейлор, — предостерег Гидеон.

— А мне показалось, будто у тебя какая-то срочная работенка, — фыркнул Кэри.

Я сглотнула, хотя в горле образовался ком.

— Гидеон, ты произнес прекрасную речь. Это было лучшее впечатление за весь вечер.

Он резко, словно от оскорбления, вздохнул и запустил пятерню в волосы, а потом внезапно выругался. Что стало причиной, я поняла лишь после того, как он вытащил из кармана вибрирующий мобильник и уставился на экран.

— Мне надо идти. — Он поймал и удержал мой взгляд, а затем слегка провел кончиками пальцев по моей щеке. — Я тебе позвоню. — После чего он исчез.

— Хочешь остаться? — тихо спросил Кэри.

— Нет.

— Ну, тогда я отвезу тебя домой.

— Нет, не надо. — Мне хотелось немного побыть одной. Посидеть в горячей ванне с бутылкой холодного вина и избавиться от депрессии. — Тебе лучше остаться здесь, это может принести пользу твоей карьере. Поговорить мы сможем дома, после твоего возвращения. Или завтра. Я собираюсь весь день проваляться на диване.

Его взгляд с сомнением скользнул по моему лицу.

— Уверена? — (Я кивнула.) — Хорошо.

Но было видно, что я его не убедила.

— А вот если ты попросишь швейцара вызвать к подъезду лимузин Стэнтон, то я смогу заглянуть в дамскую комнату.

— Ладно. — Кэри пробежал пальцами по моей руке. — Я заберу из гардероба твою шаль и буду ждать на улице.

Поход в туалет занял больше времени, чем я ожидала. Во-первых, меня то и дело останавливали желающие перекинуться парой фраз: похоже, из-за того, что я появилась в сопровождении Гидеона Кросса. А во-вторых, в ближайший туалет нескончаемым потоком входили женщины, так что я нашла другой, в дальнем конце помещения. Где и заперлась в кабинке, чтобы прийти в себя. Никого, кроме служительницы, там не было, а потому можно было не спешить.

Я была уязвлена настолько, что мне трудно было дышать, не говоря уже о полной сумятице в голове. Почему он так странно прикоснулся к моему лицу? Почему так взбесился, когда я не осталась возле него? И какого черта вздумал грозить Кэри? Все это в совокупности придавало новый смысл старому выражению «бросать то в жар, то в холод».

Я закрыла глаза, стараясь восстановить самообладание. Господи, ну только этого мне не хватало!

В лимузине я позволила себе эмоционально обнажиться и до сих пор чувствовала себя жутко уязвимой. Мне потребовались долгие часы психотерапевтических занятий, чтобы научиться избегать подобного состояния. И сейчас я хотела одного: поскорее попасть домой, укрыться, избавиться от постоянной необходимости прикидываться, будто со мной все в порядке, хотя дело обстояло с точностью до наоборот.

«Ты сама в это вляпалась, — напомнила я себе. — Вот теперь и расхлебывай».

Глубоко вздохнув, я выбралась наружу и замерла от удивления. У раковины, скрестив руки, стояла Магдалена. Она явно проследила за мной. И вот теперь она дожидалась момента, когда я расслаблюсь и потеряю способность к самозащите. Я вздрогнула, но справилась с растерянностью и решительным шагом подошла к раковине, чтобы вымыть руки. Магдалена повернулась и посмотрела в зеркало, изучая мое отражение. Я, в свою очередь, изучала ее. В жизни она выглядела еще лучше, чем на фото. Высокая, стройная, с огромными темными глазами и каскадом прямых черных волос. Губы были сочными и красными, скулы высокими и рельефными, платье сдержанно-сексуальным: кремовый атлас, потрясающе контрастировавший с ее оливковой кожей. Она выглядела как офигенная супермодель и была чертовски сексуальна.

Когда я взяла поданное служительницей полотенце, Магдалена заговорила с ней по-испански, попросив оставить нас наедине. Я не преминула добавить к этой просьбе «Por favor, gracias». Магдалена, подняв бровь, пристально посмотрела на меня, но и я, ясное дело, в долгу не осталась, смерив ее столь же холодным взглядом.

— Ох, надо же, — пробормотала она, как только служительница вышла, и издала действующий на нервы скрипучий звук, словно царапнув ногтями классную доску. — Ты с ним уже перепихнулась.

— А ты нет.

Это, похоже, ее удивило.

— Ты права. Я нет. А знаешь почему?

Я выудила из сумочки пять баксов и бросила на серебряный поднос.

— Да потому, что он не хочет.

— И я тоже не хочу, потому что ему не нужны серьезные отношения. Он молод, прекрасен и наслаждается этим.

— Это точно, — кивнула я.

Глаза ее сузились, с лица исчезла улыбка.

— Он не уважает женщин, которых трахают. Стоит ему запихнуть в тебя свой член — и больше ты его не интересуешь. Так было со всеми его подстилками. Но я по сию пору здесь, потому что меня он хочет удержать надолго.

Мне удалось сохранить хладнокровие, хотя удар был нанесен ею расчетливо, в самое уязвимое место.

— Как трогательно.

Выйдя из туалета я, больше нигде не задерживаясь, поспешила к машине Стэнтон, сжала руку Кэри и нырнула внутрь, с нетерпением ожидая, когда машина тронется с места.

* * *

— Привет, детка! — воскликнул Кэри, когда на следующее утро я выползла в гостиную. Он валялся на диване в одних свободных спортивных штанах, забросив скрещенные ноги на

кофейный столик. Растрепанный, полураздетый, он выглядел на удивление естественно и уютно. — Как спалось?

Я подняла вверх оба больших пальца и отправилась на кухню за кофе, но возле барной стойки остановилась, увидев огромный букет роз. Они источали дивный аромат, и я вдохнула его полной грудью.

— Это еще что?

— Принесли час назад. Воскресная доставка. Чудесные и жутко дорогие.

Я сорвала прикрепленную пластиковой лентой карточку и открыла ее.

Я все время думаю о тебе.

Гидеон

— От Кросса? — спросил Кэри.

— Ага.

Я провела большим пальцем по надписи, очевидно сделанной им от руки. Почерк был решительный, мужественный и сексуальный. А жест весьма романтичный, особенно со стороны парня, в репертуар которого романтика вроде бы не входила.

Бросив карточку на стойку, словно обжегшись, я налила себе кружку кофе, молясь о том, чтобы кофеин придал мне сил и восстановил мой здравый смысл.

— Непохоже, чтобы тебя это впечатлило.

Кэри, смотревший футбольный матч, приглушил звук.

— Все, что с ним связано, для меня плохая новость. Просто какой-то гигантский генератор проблем. Мне только одно и нужно: держаться от него подальше.

Кэри проходил курс терапии вместе со мной, поэтому прекрасно все понимал: и использованный мной психотерапевтический жаргон, и мое отношение к происходящему. Он и сам не испытывал затруднений, разговаривая со мной в том же духе.

— А еще все утро телефон надрывался. Но я не хотел тебя беспокоить и поэтому вырубил звук.

Чувствуя между ног остаточную боль, я свернулась на диване, борясь с возникшим вдруг желанием проверить голосовую почту и узнать, точно ли это звонил Гидеон. Мне хотелось услышать его голос, а заодно и получить объяснение случившемуся вчера вечером.

— Звучит здорово. Давай так и оставим до конца дня.

— Да что случилось?

Подув на дымящуюся кружку, я сделала глоток.

— Похоже, я затрахала ему в лимузине мозги настолько, что он заледенел.

Кэри бросил на меня проницательный взгляд. Да, эти зеленые глаза видели такое, что не каждый способен выдержать.

— Ты перевернула его мир. Так?

— Похоже, что так.

И одна мысль об этом выводила меня из себя. Между нами была связь, это точно. Вчера вечером я хотела его больше всего на свете, а сегодня не хотела иметь с ним ничего общего.

— Это было нечто. Лучший сексуальный опыт в моей жизни, и он пережил все это вместе со мной. Точно знаю, так оно и было. Он впервые в жизни занялся этим в машине и поначалу даже как-то противился, но потом я прихватила его так лихо, что у него уже не нашлось сил сказать «нет».

— Что, правда? Никогда? — Кэри провел рукой по утренней щетине. — Забавно.

Большинство парней начинают трахаться как раз в машинах, еще в школьные годы. По правде говоря, я и представить не мог, что есть такие, кому это незнакомо.

— Полагаю, этот секс в лимузине сделал меня шлюхой, — пожалала плечами я.

— Он что, так и сказал? — напрягся Кэри.

— Нет. Он так не говорил. Это я поняла из разговора с его «подругой» — Магдаленой. Да ты видел эту сучку, она есть на большинстве снимков, которые ты скачал из Интернета. Ей захотелось опробовать свои коготки в непринужденной беседе между нами, девочками, в туалете.

— Стало быть, сучка ревнивая.

— У нее сексуальная неудовлетворенность. Хочет с ним трахнуть, но боится, потому что всех оттраханных девиц он посылает куда подальше.

— Это он так сказал?

Вопрос был задан спокойно, но в нем улавливались нотки гнева.

— Ну, не такими, конечно, словами. Он сказал, что не спит с друзьями женского пола. Короче говоря, одни у него для того, чтобы перепихиваться, другие — чтобы переписываться. Это разные группы, и относится он к ним по-разному. — Я хлебнула еще кофе. — Я его предупредила, что со мной этот номер не пройдет, и он ответил, что тут мы можем договориться, однако, боюсь, он из тех, кто может сказать что угодно, лишь бы добиться своего.

— Или ты пошлешь его на фиг.

— Эй, нечего придумывать ему извинения! — вспыхнула я. — Ты, вообще, на чьей стороне?

— Конечно на твоей, детка. — Кэри потянулся и потрепал меня по колену. — Всегда на твоей.

Я взяла его мускулистую руку и в молчаливой благодарности провела пальцами сверху вниз. Многочисленные тонкие белые шрамы, испещрявшие его кожу, на ощупь не чувствовались, но я никогда не забывала об их существовании. И каждый день не уставала радоваться тому, что он жив-здоров и является неотъемлемой частью моей жизни.

— Ну а ты как время провел?

— Не могу пожаловаться. — Его глаза порочно блеснули. — Затащил ту пышную блондинку в кладовку. Ну, скажу тебе, у нее и сиськи!

— Тогда порядок, — усмехнулась я. — Уверена, ты ее удовлетворил.

— Я старался. — Он взялся за трубку и подмигнул мне. — Что заказывать будем? Еду из «Сабвея»? Китайскую? Индийскую?

— Да я не голодна.

— Чушь, ты всегда голодна. И если ничего не выберешь, я сам займусь готовкой. И тебе придется лопать мою стряпню.

Я подняла руки, показывая, что сдаюсь.

— Ладно-ладно. Но решай сам.

* * *

В понедельник я пришла на работу на двадцать минут раньше, решив, что так мне удастся избежать встречи с Гидеоном. Добравшись без происшествий до письменного стола, я почувствовала такое облегчение, что поняла: со мной явно не все в порядке. Настроение постоянно менялось, мысли метались.

А вот Марк появился в превосходном расположении духа, все еще окрыленный успехами,

достигнутыми на прошлой неделе, и мы сразу же погрузились в работу. В воскресенье я выкроила время, чтобы сопоставить маркетинг разных марок водки, а он, проявив уважение к моим стараниям, ознакомился с результатами изысканий и внимательно выслушал мои соображения. А поскольку Марку поручили рекламную кампанию нового производителя электронных книг, мы сделали первые шаги и в этом направлении.

Таким образом, утро было загружено работой, время текло быстро и незаметно, а задумываться о личной жизни мне было попросту некогда. А потому, ответив на телефонный звонок и услышав в трубке голос Гидеона, я оказалась совершенно к этому не готова.

— Ну, как начался понедельник? — поинтересовался он, и от звука его голоса я ощутила нервную дрожь.

— Суматошно.

Бросив взгляд на часы, я с удивлением увидела, что уже двадцать минут двенадцатого.

— Хорошо. — Он помолчал. — Вчера я пытался тебе звонить. Оставил пару посланий. Мне хотелось услышать твой голос.

Я глубоко вздохнула, глаза сами собой закрылись. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы в течение дня так и не прослушать голосовую почту. Более того, не будучи уверена в собственной стойкости, я попросила Кэри, если он увидит, что я поддаюсь слабости, воспрепятствовать этому силой.

— Я отгородилась от мира и немного поработала.

— А цветы мои получила?

— Да. Замечательные. Спасибо.

— Они напомнили мне о твоём платье.

Это еще что за чертовщина? У меня возникло подозрение, что у него имеется осложненное расстройство личности.

— Некоторые женщины могли бы сказать, что это романтично.

— Меня волнует только то, что скажешь ты. — В трубке послышался скрип его стула: он поднялся на ноги. — Я думал о том, чтобы остановиться... Хотел...

Я тяжело вздохнула, поняв, что сдаюсь.

— Рада, что этого не случилось.

— Ты права, что на меня обиделась, — произнес он после долгой паузы.

— Ну ладно, проехали.

— Хорошо. Послушай... Я заказал ланч в свой офис, и нам не придется тратить время на дорогу.

После сказанного им в субботу «Я позвоню тебе» я мучительно гадала, захочет ли он новой встречи, после того как вернется из какой-то там своей поездки. И хотя я понимала, что с этими отношениями нужно завязывать, но все же нервничала, поскольку не могла побороть желание быть с ним. Мне хотелось снова пережить чудесные минуты нашей близости, чтобы забыть о тех моментах, когда я чувствовала себя полным дерьмом.

— Гидеон, у нас нет никаких причин для совместного ланча. В пятницу вечером мы провели подготовку, а в субботу... довели дело до конца. Давай на этом и остановимся. Оставим все как есть.

— Ева, — в его голосе почувствовалось раздражение, — я знаю, что вел себя ужасно. Позволь мне объясниться.

— Ты не обязан. Все в порядке.

— Нет, не в порядке. Мне нужно увидеть тебя.

— Я не хочу...

— Ева, все можно устроить очень просто. Хотя ты, конечно, можешь усложнить дело. —

Тон его сделался жестче, и мое сердцебиение участилось. — Но в любом случае тебе придется меня выслушать.

Я закрыла глаза, отдавая себе отчет в том, что простое прекращение телефонного разговора вовсе не сделает меня счастливой.

— Хорошо. Я поднимусь.

— Спасибо. — Он громко вздохнул. — Жду не дождусь, когда мы увидимся.

Положив трубку, я некоторое время смотрела на фотографии на столе, пытаюсь сформулировать то, что скажу Гидеону, и морально подготовиться к тому воздействию, которое он оказывает на меня. Я уже поняла, что при виде его жутко возбуждаюсь, но здесь уж ничего не поделаешь. Усилием воли я заставила себя отвлечься от мрачных мыслей и вернуться к делам. Но позднее мне все равно придется подумать о том, что, работая с Гидеоном в одном здании, я постоянно буду с ним сталкиваться. Впрочем, сейчас разобраться бы с ланчем.

Мысленно уступив неизбежности, я вернулась к работе, сопоставляя визуальное воздействие различных рекламных вкладок.

— Ева.

Я подпрыгнула и резко развернулась, с ужасом осознав, что Гидеон стоит около моего рабочего места. Как всегда в его присутствии, сердце мое бешено заколотилось. Быстрый взгляд на часы показал, что пятнадцать минут промелькнули, как один миг.

— Гид... Мистер Кросс, не стоило сюда приходить.

Лицо его было спокойным и бесстрастным, но вот в глазах бушевала буря.

— Готова?

Выдвинув ящик, я забрала оттуда сумочку, и это движение помогло мне скрыть глубокий дрожащий вздох. Пахнул он потрясающе, а выглядел еще лучше.

— Мистер Кросс, — послышался голос Марка. — Весьма рад вас видеть. У вас возникли какие-то...

— Нет, я к Еве пришел. У нас с ней свидание за ланчем.

Я напряглась, увидев, как поднялись брови Марка, но он, надо отдать ему должное, быстро овладел собой, и его лицо приобрело обычное доброжелательное выражение.

— К часу вернусь, — заверила я его.

— Буду ждать. Приятного аппетита.

Гидеон обнял меня за талию и повел к лифтам, немало удивив Мегуми. Он нажал кнопку вызова, я же смущенно переминалась с ноги на ногу, переживая из-за того, что любое его прикосновение действует на меня как наркотик. Пока мы дожидались лифта, он смотрел на меня, пробегая пальцами по рукаву моей атласной блузки.

— Стоит мне закрыть глаза, и я вижу тебя в том красном платье. Слышу издаваемые тобой звуки. Чувствую, как ты скользишь по моему члену, сжимая его, словно в кулаке, пробуждая такую твердость, что даже больно делается.

— Не надо. — Я отвела глаза, не в силах выдержать интимность его взгляда.

— Ничего не могу с этим поделать.

Когда лифт наконец пришел, я вздохнула с облегчением. Гидеон втащил меня в кабину и, вставив ключ в панель, резко притянул к себе.

— Ева, я собираюсь тебя поцеловать.

— Я не... — начала я, но он остановил меня, закрыв мне рот поцелуем.

Я сопротивлялась, сколько могла, но хватило меня ненадолго. Как только его язык стал медленно и нежно поглаживать мой, я растаяла. Его поцелуев я желала еще с того времени, как у нас был секс. Хотелось убедиться, что он ценит произошедшее между нами, что это имеет такое же значение для него, как и для меня.

Когда он отпустил меня, я поняла, что мне не хватает воздуха.

— Пошли.

Дверь отворилась, и он вытащил ключ.

Рыжеволосая сотрудница в приемной на сей раз не сказала ничего, хотя посмотрела на меня довольно странно. А вот его секретарь, напротив, встал и поздоровался со мной, назвав по имени:

— Добрый день, мисс Трэмелл.

— Привет, Скотт.

— Принимайте все звонки, — коротко кивнул ему Гидеон.

— Да, разумеется.

Я вошла в роскошный кабинет, невольно посмотрев на диван, на который меня — в то первое посещение — затащил Гидеон. На барной стойке уже был сервирован ланч: два блюда с крышечкой на металлических подносах.

— Можно взять твою сумочку? — спросил он.

Я уставилась на него. Он успел снять пиджак и теперь стоял передо мной в одном жилете. Его рубашка казалась еще белее на фоне темных волос, обрамляющих его мужественное лицо с ослепительно-голубыми, полными страсти глазами. Он был так невероятно хорош собой, что мне уже не верилось, что я занималась любовью с таким красавцем.

Хотя он, похоже, к нашему роману относился совсем по-другому.

— Ева?

— Ты прекрасен, Гидеон. — Слова сорвались с моих губ сами собой.

Брови его удивленно поползли вверх, взгляд смягчился.

— Рад, что тебе приятно смотреть на меня.

Я отдала ему свою сумочку и отошла подальше, поскольку поняла, что мне необходимо личное пространство. Он повесил пиджак и сумочку на вешалку и направился к бару.

— Но давай на этом и закончим, — скрестив на груди руки, заявила я. — Я не хочу тебя больше видеть.

— Я не это имел в виду, — запустив пятерню в волосы, хрипло выдохнул Гидеон.

Внезапно на меня навалилась чудовищная усталость, изнеможение, вызванное постоянной борьбой с самой собой.

— А я серьезно. Мы с тобой... То была ошибка.

Лицо его окаменело.

— Нет, это не ошибка. Ошибкой как раз было то, как я вел себя после.

Я уставилась на него, напуганная яростью его отрицания.

— Гидеон, я говорю не о сексе, а о своем согласии на эти ненормальные отношения между нами. Ясно ведь, что с самого начала это было неправильно. Мне просто стоило прислушаться к своим инстинктам.

— Ева, ты хочешь быть со мной?

— Нет. Это не то...

— Ты не согласна на то, что мы обсуждали в баре. Желаешь большего?

У меня гулко застучало сердце.

— Ты о чем?

— Обо всем. — Он сделал пару шагов от бара ко мне. — Я хочу быть с тобой.

— Еще в субботу, похоже, тебе ничего такого не хотелось. — Мои скрещенные на груди руки напряглись.

— Я... колебался.

— Да ну? И я тоже.

Он хлопнул себя по бедрам, а потом, как и я, скрестил руки.

— Господи, Ева!

Глядя, как его ломает, я почувствовала, что во мне пробуждается слабый луч надежды.

— Если это все, что ты хотел сказать, то на том и закончим.

— Черта с два!

— Послушай, нам все равно ничего не светит, если каждый раз после секса тебя будет так колбасить.

Было видно, как он борется сам с собой.

— Я привык все держать под контролем. Мне иначе никак. А ты в лимузине словно с катушек слетела, что подействовало на меня не лучшим образом.

— Ты уверен?

— Ева, — начал он, подойдя еще ближе, — у меня в жизни не было ничего подобного. Я даже представить себе не мог, что такое возможно. Но теперь, после такого... Я без ума от желания иметь тебя.

— Гидеон, это всего лишь секс. Потрясающий секс, но ты воспринимаешь все так, словно у тебя не все дома.

— Дерьмо! Я ведь признаю, что вел себя не лучшим образом. К сожалению, сделанного не воротишь. Однако неужели из-за этого мы вот так просто возьмем и расстанемся. Ты изложила мне свои правила, и я постарался к ним приспособиться, но как-то незаметно, чтобы ты хоть чуточку попыталась приспособиться ко мне. А ведь тебе стоило бы пройти полпути мне навстречу. — Его лицо было напряжено от разочарования. — Приблизиться хотя бы на долбаный дюйм.

Я уставилась на него, пытаясь понять, к чему он клонит и куда это нас заведет, и в итоге мягко спросила:

— Чего ты хочешь, Гидеон?

Он привлек меня к себе, обняв за шею.

— Хочу и дальше испытывать те чувства, которые испытываю, когда я с тобой. Ты просто скажи, что я должен делать. И предоставь некоторое пространство на случай, если напортачу. Я ведь никогда прежде такого не делал. Мне учиться надо.

Приложив ладонь к его груди, я ощутила гулкое биение его сердца. Гидеон был взволнован, страстен, и я чувствовала, как меня разрывает на части. Что ему ответить? Чем руководствоваться: инстинктом или здравым смыслом?

— Не делал раньше чего?

— Да ничего из того, что требует проводить с тобой уйму времени. Вне постели.

Меня окатила мощная до абсурда волна удовлетворения.

— Гидеон, ты отдаешь себе отчет в том, сколько времени и сил потребуют эти отношения? Я и так вымотана до предела. К тому же пытаюсь решить кое-какие личные проблемы, а еще моя новая работа... и чокнутая мать. — Мои пальцы прикрыли ему рот прежде, чем он попытался его открыть. — Но ты этого стоишь, и я ужасно тебя хочу. По всему выходит, что у меня и выбора-то нет.

— Ева, черт побери! — Гидеон приподнял меня, поддерживая одной рукой под ягодицы, чтобы я могла обхватить его ногами за талию, и крепко поцеловал в губы, а затем потерся своим носом о мой. — Мы со всем этим разберемся.

— Ты так говоришь, будто это будет легко.

Я-то знала, что иметь со мной дело непросто, и уж точно не сомневалась, что по сей части он мне не уступит.

— Когда легко, это скучно.

Гидеон отнес меня к бару и усадил на барный стул, затем снял крышку с моей тарелки, продемонстрировав здоровенный чизбургер с картошкой фри. Благодаря теплой гранитной плите под тарелкой блюдо не остыло.

Я застонала от восторга, только сейчас осознав, до какой степени проголодалась. А после нашего разговора аппетит полностью вернулся ко мне.

Развернув салфетку, Гидеон положил ее мне на колени, не преминув при этом сжать колено, после чего уселся рядом.

— Ну и как мы станем это делать?

— А что тут делать: бери руками да клади в рот.

Брошенный им кривой взгляд вызвал у меня улыбку. Хорошую, приятную улыбку. Находиться с ним рядом вообще было приятно, всегда так бывало... до поры до времени.

С довольным стоном я вгрызлась в бургер, наслаждаясь его вкусом и ароматом. Вроде бы обычный чизбургер, но вкус был божественный.

— Правда, вкусно? — спросил он.

— Обалденно. Честно говоря, полезно иметь при себе парня, который так хорошо разбирается в бургерах. — Я вытерла рот и руки. — Насколько ты по натуре собственник?

Он положил бургер и замер. Я начала понимать, о чем он думает.

— Я считал, что об этом мы договорились с самого начала. Но чтобы не было сомнений, должен сказать, что никаких других мужчин у тебя не будет.

Меня затрясло от резкой недвусмысленности его слов и ледяного взгляда. Было очевидно, что у него есть темная сторона. Я давно научилась распознавать и избегать мужчин с опасными тенями в глазах. Однако хорошо знакомые тревожные колокольчики, которые должны были бы сейчас, в случае с Гидеоном, зазвенеть, молчали.

— А женщины сойдут? — спросила я, чтобы снять напряженность.

У него поднялись брови.

— Я знаю, что парень, с которым ты делишь квартиру, бисексуал. Ты тоже?

— А тебя это волнует?

— Я не стану делить тебя ни с кем. Меня это не устроит. Ева, твое тело принадлежит только мне.

— А твое принадлежит мне? Исключительно?

Его взгляд опалял огнем.

— Да. И надеюсь, ты будешь извлекать из этого частое и немалое преимущество.

Ну что ж, посмотрим...

— Но ты видел меня голой, — поддразнила я с хрипотцой в голосе. — Ты знаешь, что получаешь, а я нет. То, что мне удалось увидеть до сих пор, мне нравится, но это было не все.

— Это можно исправить прямо сейчас.

При мысли о том, что он разденется для меня, я нервно заерзала. От него это не укрылось, и рот его порочно скривился.

— Нет, не стоит, — с сожалением произнесла я. — А то в пятницу, помнится, я основательно задержалась.

— Тогда вечером.

Я тяжело сглотнула:

— Годится.

— К пяти я разберусь со всеми делами.

Он непринужденно вернулся к еде, довольный тем фактом, что мы с ним только что согласовали и обозначили в своем сегодняшнем расписании «сводящий с ума секс».

— Но торопиться не стоит, — заметила я, открывая мини-бутылочку кетчупа. — Я планировала после работы пойти в тренажерный зал.

— Пойдем вместе.

— Правда?

Я перевернула бутылочку и постучала по доньшку. Гидеон взял у меня бутылочку и с помощью ножа выложил кетчуп на мою тарелку.

— Похоже, мне не мешает сбросить избыток энергии до того, как я увижу тебя голой. Уверен, ты ведь хочешь сохранить завтра способность ходить.

Я уставилась на него, удивленная непринужденностью, с которой было сделано это заявление, хотя, судя по своеобразному выражению на его лице, то была не совсем шутка. У меня внутри все сжалось от мучительного предвкушения. Было нетрудно вообразить, что собирается проделать со мной Гидеон Кросс, и моя тяга к нему лишь усилилась. Но тут я вспомнила, что тянуло к нему не меня одну:

— Магдалена может стать для меня проблемой.

Откусив от бургера кусок, Гидеон запил его водой.

— Она сказала, что говорила с тобой и разговор вроде как не удался.

Я отдала должное ее последовательности и продуманным попыткам убрать меня с дороги. Мне следовало проявлять осторожность, да и Гидеону не мешало бы что-то насчет нее предпринять, например отделаться от нее хотя бы на время.

— Да уж, не удался, — согласилась я. — Но знаешь, меня как-то не порадовали ее заверения в том, что ты не уважаешь женщин, с которыми трахаешься, и что в тот момент, когда ты запихнул в меня свой член, я перестала для тебя существовать.

Гидеон окаменел.

— Она так и сказала?

— Слово в слово. И еще добавила, что приберегает тебя до той поры, когда ты

перебесишься.

— Да быть такого не может!

В его низком голосе послышались гневные нотки.

У меня скрутило желудок от понимания того, что сейчас, в зависимости от того, что скажет Гидеон, дела могут обернуться или по-настоящему хорошо, или по-настоящему плохо.

— Ты мне не веришь?

— Конечно верю.

— Она может стать для меня проблемой, — повторила я, не желая закрывать тему.

— Она не станет проблемой. Я с ней поговорю.

Сама мысль о том, что он будет с ней говорить, была мне отвратительна, потому что вызывала бешеную ревность. И с этим надо было что-то делать.

— Гидеон...

— Да?

Он покончил с бургером и принялся за картошку.

— Так уж вышло, что я чертовски ревнива, а потому способна на глупости. — Я поковырялась в тарелке. — Тебе следует хорошенько подумать и решить для себя, действительно ли ты хочешь иметь дело с женщиной, наделенной таким обостренным чувством собственного достоинства. С самого начала наших отношений это было для меня большим вопросом. Я знала, что с ума сойду, если не буду иметь право объяснить свою позицию.

— Теперь у тебя такое право есть.

— Ну вот, ты даже не хочешь говорить со мной серьезно! — покачала я головой, отправив в рот еще кусочек чизбургера.

— Да я в жизни своей не был так серьезен, как нынче. — Протянув руку, Гидеон провел кончиком пальца по уголку моего рта и слизал налипший на него соус. — Знаешь, ты ведь не одна обладаешь собственническим чувством. Я и сам склонен считать свое только своим.

Вот уж в чем, а в этом я ни минуты не сомневалась.

Я откусила еще кусочек, думая о предстоящем вечере. Меня сжигало нетерпение. Мне до смерти хотелось увидеть Гидеона голым. До смерти хотелось пройтись по всему его телу руками и губами. До смерти хотелось еще раз довести его до безумия. Я была чертовски близка к отчаянию из-за того, что не могу прямо сейчас оказаться под ним, ощутить, как он наваливается на меня, проникает в меня, все сильнее, все глубже...

— С такими мыслишками ты опять опоздаешь, — грубовато заметил он.

— Откуда ты знаешь, что у меня за мысли? — удивилась я.

— Да у тебя все на лице написано. И я намерен добиться того, чтобы такое выражение появлялось на твоём лице как можно чаще.

Гидеон накрыл свою тарелку, встал, достал из кармана визитную карточку и положил рядом со мной. На обратной стороне карточки он написал номера домашнего и сотового телефонов.

— Вопрос, учитывая все, о чем мы говорили, звучит по-дурацки, но мне нужен номер твоего мобильного.

— Ох! — Мне стоило немалых усилий отвлечься от постельных образов. — Как обзаведусь, сообщу сразу же. Покупка телефона — моя первоочередная задача.

— А что случилось с тем, с которого ты посылала сообщения на той неделе?

Я наморщила нос.

— Мама использовала его, чтобы отслеживать мои передвижения по городу. Она как ребенок... одержима желанием от всего меня уберечь.

— Понимаю. — Он погладил мою щеку костяшками пальцев. — Ты это имела в виду, когда

говорила, что мать за тобой надзирает?

— Да, к сожалению.

— Хорошо. Вопрос с телефоном решим после работы, а потом отправимся на тренировку. Он тебе нужен, с ним спокойнее. Да и я хочу иметь возможность звонить тебе всякий раз, когда возникнет желание.

Больше в меня уже не лезло, и я, положив остаток бургера, вытерла рот и руки.

— Было очень вкусно. Спасибо.

— Всегда рад доставить удовольствие. — Он подался ко мне и на миг коснулся губами моих губ. — Тебе надо в ванную комнату?

— Ага. Только возьму из сумочки зубную щетку.

Спустя несколько минут я уже изучала санузел, скрытый за дверью, практически сливавшейся со стенными панелями из красного дерева. Мы чистили зубы над раковиной, а наши взгляды встречались в зеркале. Это было так по-домашнему, так нормально, что, кажется, доставило истинное удовольствие нам обоим.

— Я отвезу тебя обратно вниз, — заявил Гидеон, направившись через кабинет к вешалке.

Я пошла было за ним, но, поравнявшись с его рабочим столом, остановилась и положила ладонь на пустую поверхность перед его креслом.

— Это здесь ты проводишь большую часть дня?

— Да.

Он уже надел пиджак и выглядел при этом так сексуально, что мне захотелось его укусить. Но вместо этого я, подскочив, уселась на стол напротив его кресла. По моим часам, у меня имелось в запасе еще пять минут. Разве что в обрез, чтобы вернуться вовремя на работу, ну да ладно. У меня не было сил противиться желанию опробовать свои новые права.

— Садись, — махнула я рукой в сторону кресла.

Он поднял брови, но, не споря, обошел стол и грациозно опустился на сиденье. Раздвинув ноги, я поманила его согнутым пальцем.

— Ближе.

Он подкатился вперед, заполнив собой пространство между моими ногами, обхватил меня за бедра и, глядя в упор, заявил:

— В один прекрасный день, Ева, и он наступит скоро, я отрахаю тебя на этом самом месте.

— Но пока ограничимся поцелуем, — произнесла я, подаваясь навстречу его губам. Держась за его плечи, я облизала его раздвинутые губы и проникла языком внутрь, дразня своей нежностью. Он со стоном впился в мои губы так, что мне даже больно стало. — В один прекрасный день, и он наступит очень скоро, — прошептала я, — я встану на колени под этим столом и отсосу у тебя. Не исключено, что ты в это время будешь говорить по телефону, играя, как в «Монополию», в свои миллионы. Но забалдеешь так, что пропустишь ход и продуешь кучу денег.

Его прижатые к моему рту губы изогнулись.

— Могу себе это представить. А потом я проникну в каждую дырочку твоего аппетитного тела — чего ты и добиваешься.

— Ты, случайно, не жалуешься?

— Ангел мой, да у меня слюнки текут.

Такая нежность ошеломила меня, хотя, конечно же, доставила огромное удовольствие.

— Ангел?

Он ласково замурлыкал и поцеловал меня.

Мне трудно было поверить, что всего за какой-то час все так переменялось. Кабинет

Гидеона я покидала в совершенно ином расположении духа, нежели входила в него. Если тогда я ощущала на спине его руку со страхом, то сейчас с предвкушением.

Скотту я помахала, а хмурую сотрудницу в приемной одарила лучезарной улыбкой.

— Похоже, я ей не нравлюсь, — сказала я Гидеону, когда мы с ним дожидались лифта.

— Кому?

— Этой твоей рыжей.

Он бросил на нее взгляд, и она расцвела в улыбке.

— Ну конечно, — проворчала я, — это ты ей нравишься.

— Я ей зарплату плачу.

Мой рот скривился.

— Само собой разумеется. И не имеет никакого отношения к тому, что ты самый сексуальный мужчина на свете.

— Что, и даже сейчас?

Он прижал меня к стенке, обжигая горящим взглядом.

Я уперлась ладонями в его живот и облизала нижнюю губу, ощутив напрягшиеся при моем прикосновении стальные мышцы пресса.

— Это просто наблюдение.

— Мне нравишься ты.

Упершись ладонями в стенку по обе стороны от моей головы, Гидеон наклонился и нежно меня поцеловал.

— И ты мне тоже. Но ты, случайно, не забыл, что у тебя работа?

— На кой черт, спрашивается, становиться боссом, если не можешь делать, что тебе хочется?

— Хмм.

Когда подошла кабина, я поднырнула под руку Гидеона и скользнула внутрь. Он прокрался следом и, словно хищник, подступил ко мне сзади, обхватив и притянув к себе. Он засунул руки в мои передние карманы и прижал к себе еще сильнее. Исходившее от него тепло вызывало столь мучительное желание, что это уже граничило со своего рода пыткой. В отместку я принялась тереться о него задом и улыбнулась, когда Гидеон испустил свистящий вздох и напрягся.

— Полегче, — резко предостерег он. — У меня встреча через пятнадцать минут.

— А ты будешь обо мне думать, сидя за своим столом?

— Непременно. А ты будешь думать обо мне, сидя за своим. Таков порядок, мисс Трэмелл.

Я положила голову ему на грудь, восхищаясь командной ноткой в его голосе.

— Странно, если бы было иначе, мистер Кросс. Я вообще только о тебе и думаю.

Когда мы добрались до двадцатого этажа, он отпустил меня.

— Спасибо за ланч.

— Думаю, это мне надо благодарить тебя. Увидимся позже, Опасный Брюнет.

Прозвище его удивило, но, похоже, понравилось.

— Стало быть, в пять. Не заставляй меня ждать.

Из подошедшего лифта вышла Мегуми. Гидеон вошел в кабину и стоял, не отрывая от меня взгляда, пока не закрылись двери.

— Ты набираешь очки, — сказала Мегуми. — Я просто зеленею от зависти.

Я же не нашлась что ответить, так как еще не разобралась в своих чувствах и боялась сглазить. Кроме того, подсознательно меня терзала предательская мысль, что ощущение счастья не продлится долго. Все складывалось слишком уж хорошо.

Усевшись за стол, я принялась за работу.

— Ева, — позвал меня Марк из своего кабинета. — Могу я минутку с тобой поговорить?

— Разумеется.

Я прихватила ноутбук, хотя выражение его лица и тон подсказывали мне, что он не потребуется. А уж когда Марк закрыл за мной дверь, предчувствие усилилось.

— Все в порядке?

— Да.

Он подождал, пока я сяду, а потом, вместо того чтобы занять место за столом, пододвинул свое кресло ко мне.

— Прямо не знаю, как и сказать...

— Да просто возьми и скажи. А я уж попробую понять.

Он смотрел на меня с состраданием, явно испытывая смущение.

— Конечно, мне вроде бы встречать не следует. Я лишь твой босс, и личные дела меня не касаются, но я собираюсь вмешаться, потому что ты мне нравишься, Ева, и я хочу, чтобы ты работала здесь долго.

У меня свело живот.

— Это здорово. Я правда люблю свою работу.

— Вот и отлично. Отлично. Я рад. — По его лицу промелькнула улыбка. — Ты просто, ну... будь поосторожнее с Кроссом, ладно?

Я заморгала, встревоженная тем, какое направление принимает разговор.

— Ладно.

— Он блестящий, богатый, сексуальный, так что мне понятна его привлекательность. При всей моей любви к Стивену признаюсь, что Кросс и меня чуточку цепляет. Есть в нем притягательная сила, этого не отнимешь. — Марк, явно смущаясь, говорил быстро и сбивчиво. — И уж конечно, мне понятен его интерес к тебе. Ты красивая, смышленная, честная, внимательная... Я мог бы продолжать долго, потому что ты великолепна.

— Спасибо, — тихо отозвалась я, надеясь, что не выгляжу настолько больной, насколько себя чувствую.

Такого рода дружеское предостережение, равно как и понимание того, что другие могут видеть во мне очередную крошку на недельку, усугубляло болезненное чувство незащищенности.

— Я просто не хочу, чтобы тебе пришлось страдать, — пробормотал он и при этом выглядел таким же несчастным, какой чувствовала себя я. — Ну и потом, должен признать, тут есть и эгоистические соображения. Мне не с руки терять прекрасную помощницу только потому, что она не захочет работать в здании, принадлежащем ее бывшему парню.

— Марк, я ценю твою заботу и высокое мнение обо мне. Но поверь, тебе не стоит за меня беспокоиться. Я уже большая девочка. И ничто не сможет заставить меня бросить эту работу.

— Ну и ладно, — с явным облегчением вздохнул он. — Давай все забудем и займемся делом.

Мы так и поступили, хотя мне и не удалось отогнать от себя мысли о том, что меня ждет. И действительно, чем меньше времени оставалось до конца рабочего дня, тем больше росла моя тревога, что я не соответствую требованиям Гидеона. Чувство собственной неполноценности расплзлось, как грязное пятно, марая радостное предвкушение.

Гидеон, как и грозился, был точен и, похоже, пока мы спускались в переполненном лифте, не замечал моего интроспективного настроения. Женщины украдкой посматривали в его сторону, но против этого у меня возражений не было. Вот если бы они не тарацились на такого крутого парня, было бы чему удивиться.

Когда мы миновали турникет, он взял меня за руку, и наши пальцы сплелись. Такой

простой, но интимный жест удивительно растрогал меня. Но я знала, что должна держать себя в руках, поскольку, как только проникнусь благодарностью к нему за то, что он проводит со мной время, это станет началом конца. И если это случится, мы оба потеряем ко мне всякое уважение.

«Бентли» уже стоял у тротуара, и водитель Гидеона дождался в готовности у задней двери. Гидеон взглянул на меня.

— Я тут прихватил кое-какую спортивную одежду, на тот случай, если ты захочешь наведаться в свой спортзал. Вроде он называется «Равноденствие». А если нет, так можно податься и в мой.

— А «твой», это где?

— Я предпочитаю посещать «Кросс тренинг» на Тридцать пятой улице.

Любопытство насчет того, как он узнал, где я тренируюсь, начисто выветрилось, стоило мне услышать слово «Кросс» в названии спортзала.

— Не хочешь же ты сказать, что владеешь еще и тренажерным залом?

— Не залом, а сетью. — На его лице появилась широкая ухмылка. — Вообще-то, обычно я занимаюсь смешанными боевыми искусствами с персональным тренером, но иногда и туда наведываюсь.

— Сеть, — повторила за ним я. — Ну конечно...

— Выбор за тобой, — тактично произнес он. — Я отправлюсь, куда твоя душа пожелает.

— Хорошо, едем в твой зал.

Гидеон открыл заднюю дверь, и я залезла в машину. Пристроив сумочку и спортивную сумку на коленях, я выглянула в окно как раз в тот момент, когда машина отъезжала от поребрика. Двигавшийся рядом с нами седан находился так близко, что его можно было потрогать рукой. Я еще не привыкла к плотному потоку транспорта на Манхэттене в часы пик. Нет, у нас в Калифорнии машины тоже ездили чуть ли не вплотную друг к другу, но при этом еле тащились, но в Нью-Йорке сумасшедшая скорость в бесконечном потоке машин пугала меня настолько, что я каждый раз боялась, что поездка может оказаться последней.

То был целый новый мир. Новый город, новая квартира, новая работа, новый мужчина. Столько всего нового сразу. Думаю, нетрудно понять, что это вызывало некоторое головокружение.

Взглянув на Гидеона, я обнаружила, что он смотрит на меня, но выражение лица у него было абсолютно непроницаемым. Я же чувствовала жуткое желание вперемешку с не менее жутким страхом. Я понятия не имела, что сделаю с Гидеоном, но зато точно знала, что не смогу остановиться, даже если бы и захотела.

Первым делом мы отправились в магазин, чтобы приобрести мне мобильный. Продавщица, помогавшая нам выбрать телефон, была совершенно очарована Гидеоном. Стоило ему проявить малейшую заинтересованность, как она начинала описывать все подробнейшим образом, при этом всячески норовила подойти к нему поближе.

Я попыталась отделаться от них и найти в магазине кого-нибудь, кто счел бы нужным помочь лично мне, однако Гидеон взял меня за руку, чтобы я не сбежала. Затем мы заспорили о том, кому платить. Он почему-то был уверен, что ему, хотя телефон приобретался для меня.

— Ты и оператора мне норовишь своего подсунуть! — возмущенно заявила я, отпихнув его банковскую карту и сунув в руки продавщице собственную.

— Так ведь это практично, — возразил Гидеон. — Все звонки ко мне будут для тебя бесплатными.

Он умело переставил акценты.

— Я вообще не стану тебе звонить, если ты сию же минуту не заберешь свою чертову кредитку!

Мой ультиматум сработал, хотя, похоже, и не обрадовал. Ну что ж, придется ему это пережить.

К тому времени, когда мы вернулись к машине, настроение его явно улучшилось.

— Энгус, теперь в тренажерный зал, — велел он водителю.

Устроившись на сиденье, Гидеон вытащил из кармана свой смартфон и забил в него мой новый номер, потом взял мой телефон и занес туда свой домашний, рабочий и мобильный номера. Это заняло у него почти весь путь до «Кросс тренинга».

Как и следовало ожидать, трехэтажный фитнес-центр представлял собой воплощенную мечту энтузиаста здорового образа жизни. Все было самого высокого качества и очень современным. Даже женская раздевалка выглядела как в научно-фантастическом фильме.

Но когда я, переодевшись для тренировки, вышла в холл и заметила Гидеона, все остальное тут же поблекло. Я впервые увидела его в удлинённых шортах и майке, впервые увидела его обнаженные руки и ноги.

Я застыла на месте, и какая-то особа, выходявшая следом, налетела на меня. Я, запинаясь, пробормотала извинения: так меня поразило великолепное тело Гидеона. Ноги у него были загорелыми, мускулистыми и потрясающе пропорциональными, а уж от вида его рук у меня перехватило дыхание. Рельефные бицепсы и мощные предплечья со жгутами вен выглядели брутально и в то же время чертовски сексуально. Волосы он убрал в хвостик, открыв шею и лицо.

Господи! И с этим мужчиной я была близка. У меня это просто не укладывалось в голове: слишком уж он был красив.

Гидеон стоял, прислонясь к стене, и в упор смотрел на меня.

Наконец он направился ко мне и, обойдя вокруг, провел пальцами по моим оголенным животу и спине, отчего по коже у меня побежали мурашки. Я тут же обняла его за шею и игриво чмокнула в губы.

— Черт возьми, что это на тебе надето? — поинтересовался он, кажется несколько умиротворенный моим восторженным приветствием.

— Одежда.

— В этом топике ты выглядишь голой.

— Так я думала, что нравлюсь тебе голой.

Втайне я была весьма довольна сделанным утром выбором, еще до того, как узнала, что мы будем тренироваться вместе. Топик представлял собой треугольник с длинными лямками на плечах и с липучками, что позволяло подтягивать грудь. Модель специально предназначалась для женщин с пышными формами, и у меня это был первый топ, в котором мой бюст не вываливался наружу. Что же до замечания Гидеона, то оно было вызвано телесным цветом толика, подобранного в тон полоске на черных штанах для занятий йогой.

— Ты нравишься мне голой, когда мы наедине, — проворчал он. — Мне придется сопровождать тебя всякий раз, когда ты соберешься на тренировку.

— Возражать не стану, поскольку и мне то, что вижу, очень даже по вкусу.

К тому же его собственнический инстинкт доставлял мне извращенное удовольствие, тем более что в субботу мы расстались не слишком хорошо. Две крайности, причем одни из многих.

— Ладно, давай займемся тем, зачем пришли, — сказал он. По пути он снял с вешалки два украшенных логотипами полотенца. — А то мне не терпится тебя оттрахать.

— А мне не терпится быть оттраханной.

— О господи, Ева! — Его рука до боли сжала мою. — Куда идем? Поднятие тяжестей? Тренажеры? Бегущая дорожка?

— Бегущая дорожка. Хочу немного побегать.

Он повел меня в зал. Я заметила, что женщины не просто провожали его взглядом. Многие, как замороженные, шли за ним следом. Всем им хотелось оказаться там же, где будет заниматься и он, но я их за это не винила. Сама умирала от нетерпеливого желания увидеть его в деле.

Когда мы добрались до казавшихся бесконечными рядов велотренажеров и бегущих дорожек, то выяснилось, что рядом нет двух свободных.

Гидеон подошел к мужчине, занимавшему дорожку между двумя незанятыми:

— Не могли бы вы сделать одолжение и перейти на одну из них?

— Да, конечно, — бросив на меня понимающий взгляд, ухмыльнулся парень.

— Большое спасибо.

Заняв освободившуюся дорожку, Гидеон показал мне на соседнюю. И прежде чем он успел запрограммировать нагрузку, я шепнула:

— Только смотри не трать слишком много энергии. Я хочу, чтобы на сей раз ты отымел меня в миссионерской позе. Так и представляю себе, как ты лежишь сверху и трахаешь меня до смерти.

— Нет, Ева, этого ты себе не представляешь, — обжег он меня взглядом.

От предвкушения секса и ощущения своей женской власти у меня слегка закружилась голова. Я встала на дорожку и начала разогревать мышцы быстрым шагом, а затем постепенно увеличила скорость в такт звучащей из iPod песне «Sexu Back» в исполнении Джастина Тимберлейка. Бег всегда был для меня как физическим, так и умственным упражнением, хотя порою мне хотелось просто бежать, позабыв о волнующих меня проблемах.

Через двадцать минут я сбавила темп, а потом остановилась, рискнув наконец бросить взгляд на Гидеона, продолжавшего бежать, словно хорошо смазанная машина. Он бежал и просматривал транслировавшиеся на настенном экране новости Си-эн-эн. Но когда я вытирала пот с лица, он весело мне подмигнул. Глотнув воды из бутылки, я перешла к тренажерам, выбрав тот, с которого хорошо было видно Гидеона.

Отмотав ровно полчаса на дорожке, он перешел к силовым тренажерам, и пока работал с ними, быстро и рационально, я не могла не думать о том, до какой степени сильно в нем мужское начало. Конечно, я хорошо знала, что скрыто у него под шортами, но, без сомнения, он был мужчиной, который работал за письменным столом, но свое тело поддерживал в готовности

к бою.

Когда я взяла мяч для фитнеса, чтобы проделать кое-какие упражнения для брюшного пресса, ко мне подошел один из тренеров. Симпатичный и прекрасно сложенный, чего и следовало ожидать в заведении такого уровня.

— Привет, — произнес он с улыбкой киногероя, продемонстрировав великолепные белые зубы. У него были темно-каштановые волосы и глаза почти того же цвета. — Первый раз у нас, верно? Кажется, раньше мы не встречались.

— Да, впервые.

— Дэниел. — Он протянул мне руку. Я тоже представилась. — Ева, ты всем довольна?

— Пока все нормально. Спасибо.

— А какой коктейль ты предпочитаешь?

— Прошу прощения? — нахмурилась я.

— Коктейль по выбору. — Он сложил руки на груди, и короткие рукава фирменной рубашки-поло натянулись на мощных, рельефных бицепсах. — Когда ты записывалась, разве тебя не угостили коктейлем в баре внизу? Тебе положено.

— Вот оно что, — смущенно пожала плечами я, подумав, что в любом случае это очень мило. — Я еще не успела познакомиться с вашими правилами.

— А клуб-то тебе показали? Если нет, давай устройю экскурсию. — Он легонько взял меня под руку и махнул в сторону лестницы. — Кроме того, как новому члену, тебе положено три часа индивидуальных занятий с тренером. Мы можем начать сегодня вечером или назначить время на неделю. И конечно, буду рад отвести тебя в фитнес-бар, чтобы ты ознакомилась с нашим меню.

— Не думаю, что мне все это положено. Я не член клуба, — поморщилась я.

— А... — Он подмигнул. — Разовая посетительница? Вот и прекрасно. Конечно, если вас не обслуживают по полной программе, невозможно получить полное представление, но, уверяю, «Кросс тренинг» — лучший фитнес-центр на Манхэттене.

И тут за спиной Дэниела возник Гидеон.

— Обслуживание по полной программе в любом случае положено девушке владельца заведения, — обняв меня за талию, произнес он.

То, что он назвал меня своей девушкой, вызвало самый настоящий выброс адреналина. И хотя это вовсе не обязательно означало серьезный уровень отношений, но звучало все равно здорово.

— Мистер Кросс. — Дэниел напрягся и отступил на шаг, а затем протянул руку: — Весьма рад вас видеть.

— Дэниел всячески нахваливал мне это место, — сказала я Гидеону, когда они обменялись рукопожатиями.

— По-моему, я и сам неплохо разрекламировал его.

Волосы Гидеона были мокрыми от пота, но пахло от него все так же восхитительно. Я и представить себе не могла, что потный мужчина может так чертовски здорово пахнуть.

Его ладони скользнули по моим рукам, а губы коснулись моей макушки.

— Ну, пошли. Пока, Дэниел.

Я помахала тренеру на прощание:

— Спасибо, Дэниел.

— Всегда рад служить.

— Уж кто бы сомневался, — проворчал Гидеон. — Ему глаз от твоих сисек не оторвать.

— Это очень красивые сиськи.

В ответ он что-то недовольно пробурчал. И я сдержала рвавшийся наружу смех. Гидеон

весьма чувствительно шлепнул меня по ягодице, заставив сдвинуться с места.

— Эта твоя чертова тряпочка, которую ты именуешь топиком, не оставляет никакого простора для воображения. Да, и не торчи долго под душем. Все равно скоро опять вспотеешь.

— Погоди, — удержала я его за руку, прежде чем он успел уйти в мужскую раздевалку. — Тебе не покажется непристойным, если я признаюсь, что вовсе не хочу, чтобы ты принимал душ? Если признаюсь, что хочу отыскать местечко где-нибудь поблизости, чтобы оказаться с тобой, таким потным, в койке?

У Гидеона заходили желваки, взгляд потемнел.

— Ева, я начинаю за тебя бояться. Иди собери свои вещи. Тут за углом есть отель.

Через пять минут мы уже были на улице. Гидеон шел быстро, и я старалась не отставать. Внезапно он остановился, повернулся и, не обращая внимания на снующих вокруг людей, страстно меня поцеловал. Я была так потрясена, что лишь подставила губы. От этого жаркого и сладостного поцелуя у меня защемило сердце. Вокруг зазвучали аплодисменты.

Когда он наконец меня отпустил, голова моя шла кругом, а в легких не хватало воздуха.

— Что это было? — выдохнула я.

— Прелюдия, — ответил он и рванул к отелю с такой скоростью, что я даже не успела прочитать его название.

Гидеон промчался мимо швейцара и напрямик направился к лифтам. Я догадалась, что отель принадлежит Гидеону, раньше, чем портье успел поздороваться с ним.

Двери лифта закрылись, и Гидеон, бросив спортивную сумку на пол кабины, попытался снять с меня спортивный топик, но тут двери снова раскрылись, и я оттолкнула его руки. Он поднял свою сумку, и мы вышли. У лифта нас никто не ждал, в коридоре тоже никого не было. Гидеон вытащил универсальный ключ, и спустя момент мы уже были в номере. Я тут же запустила руки ему под рубашку, чтобы ощутить влажную кожу и перекачывавшиеся под ней твердые мускулы.

— Раздевайся. Сейчас же!

Рассмеявшись, он снял кроссовки, стянул через голову майку и сбросил шорты.

О господи! От вида его обнаженного тела у меня до предела обострились нервные окончания. Пресс у него был как стиральная доска, а суперсексуальные мышцы таза образовывали то, что Кэри называл Аполлоновой поясницей. В отличие от Кэри Гидеон не сводил волосы на груди с помощью воска, однако они были столь же ухоженными, как и все его тело. Гидеон представлял собой великолепный образец доминантного самца, живое воплощение всего того, о чем я мечтала в своих фантазиях и чего хотела в жизни.

— Я умерла и воспарила на небеса, — заявила я, без смущения пожирая его взглядом.

— Ты все еще одета.

С этими словами Гидеон набросился на меня и сорвал топик прежде, чем я успела вздохнуть. Штаны съехали вниз, а туфли я скинула сама, причем так торопливо, что потеряла равновесие и упала на кровать. И не успела я перевести дух, как он уже оказался на мне.

Мы покатались по постели, сплетаясь в тугий узел. Его прикосновения повсюду оставляли на мне огненные следы. Чистый, сильный запах его кожи воздействовал и как афродизиак, и как наркотик одновременно, усиливая мою тягу к нему до степени безумия.

— Ева, ты так прекрасна.

Он сжал рукой мою грудь, перед тем как взять сосок в рот.

Жаркое прикосновение его языка исторгло у меня крик, и с каждой секундой моя плоть сжималась все туже. Руки мои без устали скользили по его влажной от пота коже, поглаживая и массируя, находили места, прикосновения к которым вызывали у него рычание или стон. Я сплелась с ним ногами и попыталась перевернуть его, однако Гидеон был слишком тяжел и

силен.

Он приподнял голову и, с улыбкой взглянув на меня сверху, сказал:

— На сей раз моя очередь.

Его улыбка и горящие глаза вызвали у меня столь сильные ощущения, что мне стало больно.

«Слишком быстро, — промелькнула у меня мысль. — Слишком быстрое падение».

— Гидеон...

Он жадно целовал меня, вылизывая нёбо языком. Думаю, ему вполне удалось бы заставить меня кончить с помощью одних только поцелуев, если, конечно, заниматься этим достаточно долго. Решительно все в нем: как он смотрел на меня, как реагировал на мои прикосновения, как ласкал меня — оказывало на меня магическое действие. Мне хотелось вывернуться наизнанку. Его вожделение, страсть, с которой он дарил наслаждение мне и принимал его в ответ, сводили с ума.

Я пробежала руками по его влажным шелковистым волосам. Жесткие волоски на его груди щекотали мои напрягшиеся соски, а его стальное тело, соприкасаясь с моим, доводило меня до экстаза.

— Обожаю твоё тело, — прошептал он. Его губы скользнули по моей щеке к шее. Рука блуждала по телу от груди к бедрам. — Не могу им насытиться.

— Ты еще недостаточно распробовал его, — поддразнила я.

— Сомневаюсь, чтобы когда-нибудь мне этого будет достаточно. — Он покусывал и лизал мое тело, а затем прихватил зубами другой сосок и чуть потянул: легкий укол боли исторг у меня стон и заставил спину выгнуться дугой. Гидеон тут же стал его нежно посасывать, потом его губы заскользили ниже. — В жизни не хотел этого так безумно.

— Так возьми меня.

— Еще рано, — ответил он, смещаясь еще ниже и облизывая мой пупок. — Ты еще не готова.

— Что? О боже... Да более готовой, чем я, просто быть невозможно.

Я потянула его за волосы, чтобы он переместился повыше.

Гидеон схватил меня за запястья и прижал их к кровати.

— Ева, у тебя такая маленькая упругая киска. Тебе необходимо расслабиться, иначе я могу ее порвать.

Эти слова вызвали новую волну неистового возбуждения: меня безумно заводило, когда он вот так, откровенно, говорил о сексе. Но потом он скользнул еще ниже, и я напряглась:

— Нет, Гидеон. Не надо. Для этого мне следовало подмыться.

Его лицо зарылось в мою промежность, и я попыталась воспротивиться, вспыхнув от неожиданного стыда. Он слегка укусил меня за внутреннюю сторону бедра.

— Не дергайся.

— Не надо. Пожалуйста. Ты не должен этого делать.

Он взглянул на меня так, что я тут же перестала сопротивляться.

— Ты что, думаешь, я воспринимаю твоё тело иначе, чем ты мое? Я хочу тебя, Ева.

Я облизала пересохшие губы. Захваченная его животной страстью, я не могла произнести ни слова. С глухим рычанием он погружался в мягкую плоть между моих ног. Его язык проник в меня, раздвигая и вылизывая чувствительные ткани. Я непроизвольно подмахивала бедрами, а тело мое молило о продолжении. Мне было так хорошо, что хотелось плакать.

— Господи, Ева. Я мечтал вылизать твою киску с первого дня, как тебя встретил.

Когда его бархатный язык коснулся моего набухшего клитора, я еще сильнее откинулась назад.

— Да! Да! Да! Заставь меня кончить!

Он так и сделал, попеременно то вылизывая, то посасывая мой клитор. Наконец я содрогнулась в оргазме, в то время как его язык, откликаясь на движения моего тела, проникал в него все глубже. Его стоны эхом отдавались в моей промежности, вызывая новые и новые волны оргазма. Из глаз у меня потекли слезы, а физическое наслаждение смыло все сдерживавшие барьеры.

Но Гидеон не остановился. Он облизывал трепещущий вход в мое тело кончиком языка и массировал мой пульсирующий клитор до тех пор, пока я не завелась снова. Теперь во мне оказались, совершая непрерывные круговые и поступательные движения, два его пальца. Я судорожно забилась, а когда Гидеон принялся ритмично, равномерно посасывать мой клитор, кончила снова, издав хриплый, надсадный крик.

После чего он погрузил в меня уже три пальца, волнообразными движениями раздвигая мою половую щель.

— Нет. — Голова моя болталась из стороны в сторону, каждый дюйм тела горел огнем. — Больше не надо.

— Еще раз, — прохрипел он в ответ. — Еще раз — и я тебя трахну.

— Я не могу...

— Сможешь. — Он медленно обдул мою влажную плоть, возвращая чувствительность перенапряженным нервным окончаниям. — Я люблю смотреть, как ты кончаешь, Ева. Люблю слушать звуки, которые ты издаешь, видеть твои содрогания...

Он массировал чувствительную точку во мне до тех пор, пока на меня вновь не накатила волна пульсирующей, очередная волна жаркого наслаждения, не менее сильная, чем два предшествовавших оргазма.

Потом, перестав ощущать на себе его горячее тело, я сквозь затуманившийся мое сознание сладостный дурман услышала скрип выдвигаемого ящика, а затем звук рвущегося пакета. Гидеон вернулся: матрас прогнулся под его тяжестью, руки бесцеремонным рывком разложили меня на середине кровати. Он навалился на меня, придавив своим весом, прижал мои руки к бокам, словно захватывая в плен.

Мой взгляд был прикован к его разгладившемуся лицу. Его черты окаменели от вожделения, кожа туго натянулась на скулах. Глаза потемнели и расширились. И, посмотрев в их черные провалы, я поняла, что он наконец потерял самоконтроль. Я оценила, что ради меня он зашел так далеко и сделал все, чтобы ублажить меня и подготовить к предстоящей безумной скачке.

Руки мои судорожно вцепились в простыню в предвкушении того, что произойдет. Он был уверен, что уже подарил мне наслаждение, причем не один раз. Теперь пришло время ответить ему тем же.

— Трахни меня! — выкрикнула я, поощряя его безумным взглядом.

— Ева! — прорычал он в ответ мое имя и с размаху, с животной яростью, засадил в меня свой болт по самые яйца.

Я охнула. Его член был огромный и твердый как камень. И проник чертовски глубоко. Соитие произошло с невероятной силой. Эмоциональной. Ментальной. Никогда в жизни я еще не встречала такой полноты чувств и такой самоотдачи. Никто и никогда не овладевал мною с такой страстью.

Не скажу, чтобы я привыкла проявлять в сексе сдержанность, прошлый мой опыт указывал совсем на иное, однако господство Гидеона над моим телом подняло мое желание до невообразимого уровня. Никогда в жизни я не испытывала такого дикого вожделения, что казалось сущим безумием после всего того, что я уже пережила с ним до сих пор.

Я вцепилась в него, наслаждаясь возможностью ощущать его внутри, чувствовать, как он заполняет меня.

Его бедра снова и снова ударялись о мои, когда он резко входил в меня, словно говоря: «Чувствуешь меня? Я в тебе! Я обладаю тобой!»

Все его тело затвердело, мышцы груди и рук напряглись, когда он приподнялся. Стальная твердость его брюшного пресса свидетельствовала о том, что он войдет в меня снова. Еще более неистово.

Я закричала, а из его груди вырвался низкий, какой-то первобытный звук.

— Господи... Ты так прекрасна!

И он с новой силой стал пронзать меня своим членом, яростными толчками прибавая мое тело к постели. И каждый новый толчок отдавался во мне пульсирующей волной невероятного наслаждения.

«Вот так! — пронеслось в моей голове. — Вот так! Я хочу тебя именно так!»

Гидеон зарылся лицом мне в шею и, удерживая на месте, всаживал в меня свой член, при этом он хрипло шептал непристойности, тем самым доводя меня до неистовства.

— У меня никогда не было такого твердого и толстого... Как же я глубоко в тебе... Как хорошо проникает в тебя мой прибор.

Если я и думала, что уж этот-то раунд для него, то он все равно оставался со мной, был сосредоточен на мне, энергично вращал бедрами, чтобы наполнить мою плавящуюся под его напором сердцевину истинным наслаждением. Когда я издала слабый, беспомощный стон, его рот тут же нашел мой. В безумном неистовстве я впивалась ногтями в его качавшиеся бедра и подавалась всем тазом навстречу яростным толчкам его огромного члена. Мы оба обливались потом, соприкасаясь разгоряченными, влажными телами, открытые рты жадно глотали воздух. А когда во мне, словно надвигающаяся буря, стал вырваться оргазм, все мое тело напряглось и сжалось. Ругнувшись, Гидеон приподнял мои бедра навстречу его толчкам, чтобы головка члена вновь и вновь ударяла по болезненно жаждавшей этого точке.

— Кончи, Ева! — хрипло приказал он. — Кончи сейчас!

Накативший оргазм заставил меня, всхлипывая, выдать его имя, ибо то, как он удерживал мое тело, усилило и без того невероятное ощущение. Содрогаясь в конвульсиях, Гидеон откинул назад голову.

— Ах, Ева!

Сжав меня так, что я не могла дышать, он кончил сам: его оргазм был долгим и мощным.

Понятия не имею, сколько времени мы лежали, приходя в себя, соприкасаясь телами, скользя губами по плечам и шеям, успокаиваясь и умиротворяясь. Все мое тело еще долго оставалось напряженным и продолжало пульсировать.

— Вау! — с трудом удалось произнести мне.

— Ты меня в гроб вгонишь, — пробормотал он, прижимаясь к моему лицу. — Похоже, мы собрались затрахать друг друга до смерти.

— Моя-то заслуга в чем? Я ничего не делала.

Он контролировал меня полностью, и как же это было неопишимо сексуально.

— Ты дышала. Этого достаточно.

Я рассмеялась и обняла его.

Гидеон приподнял голову, потерся кончиком носа о мой и сказал:

— Надо подкрепиться, а потом продолжим.

— Неужели ты в силах продолжать? — удивилась я.

— Хоть всю ночь, — заявил он, вильнув бедрами.

Я почувствовала, что член его остается почти твердым.

— Ты прямо как машина, — вырвалось у меня. — Или как бог.

— Это все ты.

Он отпустил меня, нежно поцеловав, затем снял презерватив, завернул во взятую с прикроватного столика салфетку и отправил в мусорную корзину.

— Помоемся и закажем что-нибудь из ресторана на нижнем этаже. Если, конечно, ты сама не захочешь спуститься.

— Сомневаюсь, чтобы я могла ходить.

Вспышка его улыбки на миг остановила мое сердце.

— Рад, что не я один.

— Ты прекрасно выглядишь.

— А чувствую себя и вовсе феноменально. — Он присел на кровать и, ласково улыбнувшись, убрал волосы с моего лба.

Мне показалось, будто в его глазах промелькнуло что-то странное, и у меня защемило в груди. Я вдруг дико испугалась.

— Прими со мной душ, — сказал он, погладив мою руку.

— Дай минутку, чтобы прийти в себя, и я к тебе присоединюсь.

— Хорошо.

Он ушел в ванную, предоставив мне возможность полюбоваться его рельефной спиной и упругой задницей. Я вздохнула от чисто женского восхищения этим непревзойденным образцом самца.

Послышался шум воды. Я села на кровати и спустила ноги, ощущая восхитительную дрожь. Взгляд мой упал на слегка выдвинутый ящик прикроватного столика, и я увидела лежащие там презервативы.

У меня скрутило желудок. Отель был слишком высокого класса, чтобы снабжать всех постояльцев кондомами наряду с неперменной Библией.

Трясущейся рукой я выдвинула ящик и обнаружила там внушительный набор противозачаточных средств, включая женскую вагинальную мазь и гель, разрушающий сперматозоиды. Сердце мое бешено заколотилось, в то время как в голове всплыли воспоминания о том, как мы, охваченные похотью, попали в эту гостиницу. Гидеон не спрашивал на входе, какой номер свободен. И, несмотря на наличие у него универсального ключа, он не стал бы соваться наугад, рискуя вломиться в занятые апартаменты... если только не знал заранее, что именно этот номер будет свободен.

Ну конечно, это был его личный номер, помещение для траха, снабженное всем необходимым, чтобы хорошо провести время с женщиной, и служившее ему именно для этих целей.

Когда я поднялась на ноги и подошла к шкафу, до моего слуха донеслось, как стеклянная дверь душевой кабины в ванной открылась, а потом закрылась снова. Раздвинув двери шкафа из ореха, я заглянула внутрь. Там висела мужская одежда на все случаи жизни: деловые рубашки и брюки, а также джинсы и хаки. А потом я похолодела. Жар вожделения сменился болезненным страданием.

В правом отсеке шкафа были аккуратно сложены футболки, трусы и носки. А в верхнем ящике слева — секс-игрушки, причем нераспакованные.

В нижние ящики заглядывать не стала. Я и так уже увидела достаточно.

Я надела штаны и прихватила одну из футболок Гидеона, причем, пока одевалась, вспоминала правила, усвоенные на психотерапевтических занятиях.

Не держи это в себе. Объясни партнеру, что вызывает у тебя негативные ощущения. Выявите эту причину и преодолите ее.

Быть может, не будь я настолько потрясена глубиной своих чувств к Гидеону, то легко со всем этим справилась бы. Не исключено, не будь у нас с ним только что умопомрачительного секса, я чувствовала бы себя не столь ранимой и уязвимой. Не знаю. Знаю лишь одно. Сейчас я ощущала себя слегка грязной, в какой-то мере использованной и жутко травмированной. Это уязвляло особенно сильно, и у меня возникло прямо-таки детское желание причинить ему ответную боль.

Собрав противозачаточные средства и секс-игрушки, я швырнула их на постель. И пока он дразнящим, дурашливым голосом звал меня, я взяла свою сумку и свалила.

Опустив голову, я стыдливо проскочила мимо регистрационной стойки и покинула отель через боковую дверь. При воспоминании о портье, поздоровавшемся с Гидеоном, когда мы садились в лифт, меня бросило в краску: можно себе представить, что он обо мне подумал. Уж ему ли не знать, для каких целей держал Гидеон этот номер. Мне никак не удавалось отделаться от мысли, что я была еще одной в бесконечной череде его любовниц, и уж точно ею являлась с того момента, как мы вошли в отель.

Трудно ему было, что ли, задержаться у стойки и взять номер, который был бы только нашим?

Поначалу я бесцельно брела по улицам. Уже стемнело, и город жил ночной жизнью, которая разительно отличалась от дневной. На тротуарах заметно прибавилось тележек с горячими закусками, уличные торговцы предлагали самый разнообразный товар: картины в рамах, сувенирные футболки, видеодиски.

С каждым шагом адреналин, заставивший меня пуститься в бегство, улетучивался. Я представила себе, как Гидеон, выйдя из ванной, находит в пустом номере разбросанные по кровати секс-игрушки, и меня охватило злорадное веселье. Постепенно я начала успокаиваться... и серьезно задумываться над тем, что же все-таки на самом деле произошло. Было ли, например, совпадением то, что Гидеон привез меня в фитнес-клуб, находившийся рядом с его личным сексодромом?

Мне вспомнился разговор, состоявшийся в его кабинете, и то, как старался он объяснить свое поведение, чтобы удержать меня. Происходившее между нами смущало и беспокоило его так же, как и меня, а я прекрасно знала, что в таком состоянии легко поддастся соблазну пойти по протоптанной дорожке. И разве я сама не поступила так же? У меня годы ушли на психотерапевтические занятия, и я знала, что если тебе сделали больно, то надо постараться найти достойный выход из создавшегося положения, а не спастись бегством.

Раздираемая сомнениями, я зашла в итальянское бистро и, устроившись за столиком, заказала бокал красного вина и пиццу в надежде, что вино и еда уймут внутреннюю дрожь и позволят мне все как следует обдумать.

Как только официант принес вино, я, не ощущая вкуса, залпом выпила полбокала. Мне уже не хватало Гидеона, не хватало того веселого, игривого расположения духа, в котором он пребывал, когда я смылась. Я вся пропиталась его запахами — его кожи, жаркого, ненасытного секса. Глаза мои щипало. Я даже позволила паре слезинок сползти по щекам, хотя и находилась в весьма оживленном, полном людей ресторане. Принесли мой заказ, и я принялась за еду. На вкус она напоминала картон, хотя, думаю, ни повар, ни заведение были тут ни при чем.

Потянувшись к стулу, на который бросила сумку, я достала из нее свой новый смартфон с намерением отправить сообщение доктору Трэвису. Он настоял на том, чтобы мы поддерживали контакт до тех пор, пока я не найду себе в Нью-Йорке нового психотерапевта, и я решила в сложившейся ситуации обратиться к нему. И тут я обнаружила двадцать один пропущенный звонок от Гидеона, а также эсэмэску:

Я снова дал маху. Не бросай меня. Поговори со мной. Пожалуйста.

У меня опять полились слезы. Я растерянно прижала телефон к груди. Я не могла выбросить из головы картины того, как Гидеон развлекается с другими женщинами. Я не могла выбросить из головы картины того, как он затрачивает до умопомрачения другую женщину в

той же самой постели, используя эти чертовы игрушки, доводя ее до безумия и наслаждаясь ее телом...

Я прекрасно понимала, что размышлять о таких вещах нерационально и бессмысленно, и это заставляло меня чувствовать себя еще более никчемной и даже причиняло физическую боль.

Когда телефон завибрировал, я вздрогнула и едва его не выронила. Лелея свое страдание, я пыталась заставить себя переключиться на голосовую почту, так как знала, что звонит Гидеон. Его имя высвечивалось на экране, к тому же этот номер, кроме него, пока никто не знал. Но проигнорировать его звонок я не могла, чувствуя, что он дошел до точки. И если раньше мне до боли хотелось его уязвить, то продолжать в том же духе уже не было сил.

— Алло, — ответила я не своим, сдавленным из-за слез и переизбытка эмоций голосом.

— Ева! Слава богу! — взволнованно отозвался Гидеон. — Ты где?

Я огляделась, но не увидела ничего, что указывало бы на название ресторана.

— Понятия не имею... Я... Прости меня, Гидеон.

— Нет, Ева. Не извиняйся. Это моя вина. Но сейчас самое главное — тебя найти. Ты можешь сказать, где находишься? Ты пешком шла?

— Да. Пешком.

— Через какой выход ты выскочила, я знаю. А куда потом направилась?

Помимо его учащенного дыхания, я слышала в трубке автомобильные гудки и шум уличного движения.

— Налево.

— А после этого где-нибудь сворачивала?

— Не думаю. Хотя точно не скажу. — Я посмотрела по сторонам в поисках официанта, к которому могла бы обратиться с вопросом. — Я в ресторане. Итальянском. У него еще терраса на улице... с кованой железной оградой. Двери застекленные... Господи, Гидеон, я...

И тут я увидела его силуэт в дверном проеме с прижатым к уху телефоном. Я его сразу узнала. Он на мгновение замер на месте, а потом заметил меня у противоположной стены. Сунув телефон в карман джинсов, из тех, что висели в номере отеля, он прошел мимо пытавшейся заговорить с ним официантки и бросился ко мне. Я едва успела вскочить на ноги, как Гидеон подхватил меня и крепко обнял.

— Боже мой. — Он слегка содрогнулся и зарылся лицом в мою шею. — Ева.

Я обняла его в ответ, почувствовав запах свежести после душа. И я еще острее осознала, как он мне нужен.

— Не могу здесь торчать, — хрипло произнес Гидеон, взяв мое лицо в ладони. — Не могу сейчас находиться на людях. Поедешь со мной домой? — Что-то в моем лице, должно быть, выдало неизжитое беспокойство, поскольку он прижался губами к моему лбу и тихо-тихо сказал: — Ничего похожего на тот отель. Единственная женщина, которая там бывает, — это моя мать, не считая, конечно, экономки и слуг.

— Это глупо, — вырвалось у меня. — Какая я дура!

— Ничего подобного. — Он убрал волосы с моего лица, наклонился поближе и шепнул мне на ухо: — Если бы ты притащила меня туда, где трахаешься с другими парнями, я бы тоже взбеленился.

Появление официанта заставило нас разжать объятия.

— Принести вам меню, сэр?

— Не стоит, — ответил Гидеон, доставая из заднего кармана бумажник и выуживая из него кредитную карту. — Мы уходим.

К дому Гидеона мы отправились на такси, и всю дорогу он держал меня за руку. Вообще-то, поднимаясь в личном лифте в его пентхаус на Пятой авеню, я не должна была так нервничать. Меня было не удивить высокими потолками и довоенной архитектурой, да и в любом случае было очевидно, что парень, с которым меня угораздило связаться, должен жить именно в таком месте. Я ожидала чего-то вроде вида из окна на Центральный парк... Ну да, он, конечно, тоже имелся.

Но напряжение Гидеона было ощутимым, значит, и для него происходящее имело большое значение. Когда двери лифта открылись, выпуская нас прямо в мраморный холл его апартаментов, он наконец отпустил мою руку. Отперев двойные двери, Гидеон ввел меня внутрь, и при этом я прямо-таки сердцем чувствовала, с какой тревогой он наблюдает за моей реакцией.

Жилище Гидеона было под стать хозяину, причем разительно отличалось от его холодного ультрасовременного офиса. Пышно обставленные комнаты были наполнены предметами старины и произведениями искусства, а поблескивающие полы из твердой древесины покрывали роскошные обюссонские ковры.

— Это... изумительно, — тихо произнесла я, почувствовав себя польщенной.

Мне позволяли заглянуть в сугубо личную жизнь Гидеона, о которой я отчаянно хотела узнать побольше. И впечатление было ошеломляющим.

— Заходи. — Он чуть ли не втащил меня в гостиную. — Я хочу, чтобы ты провела здесь ночь...

— У меня с собой ничего нет, и вообще...

— Все, что тебе понадобится для начала, — это зубная щетка, а она у тебя в сумке. А за остальным утром заброшу тебя домой. Слово даю, на работу ты попадешь вовремя. — Он притянул меня к себе, уткнувшись подбородком мне в макушку. — Ева, я правда очень хочу, чтобы ты осталась, и не сержусь за то, что ты убежала, хотя мне и было чертовски больно. Более того, я хочу задержать тебя здесь как можно дольше.

— Вот и держи, я в этом нуждаюсь. — Мои руки скользнули под его футболку, с наслаждением поглаживая мускулистую гладкую спину. — А еще мне не помешало бы принять душ.

— Мне нравится, когда ты пахнешь как я, — сказал он, понюхав мои волосы, однако провел меня через гостиную и холл к спальне.

— Вау! — вырвалось у меня, когда Гидеон щелкнул выключателем.

В комнате доминировала массивная кровать из темного дерева, застеленная бельем светлокремового цвета. Вся остальная мебель, как и кровать, была тоже из темного дерева с накладками из полированного золота. Видимо, он предпочитал именно такое. Настоящее мужское логово. Здесь не было никаких произведений искусства, которые отвлекали бы от умиротворяющей панорамы Центрального парка, подчеркнутой линией великолепных жилых домов по другую сторону. По мою сторону Манхэттена.

— Ванная здесь.

Я направилась к туалетному столику на ножках в виде звериных лап. Похоже, он был переделан из старинного орехового шкафчика, точно такого же, изысканно украшенного, что стоял рядом. Гидеон, двигаясь со столь восхищавшей меня чувственной грацией, достал из этого шкафчика полотенца и подал мне. То, что я видела его в домашней обстановке, неформально одетым, трогало меня до глубины души. А то, что я единственная женщина, которой он это

позволил, и пугало, и радовало меня одновременно. Ощущение было такое, будто сейчас я видела его еще более голым, чем когда-либо раньше.

— Спасибо.

Взглянув на меня, он, кажется, понял, что я имела в виду нечто большее, чем полотенца, и его взгляд пронзил меня насквозь.

— Как здорово, что ты здесь.

— Не знаю, как это могло случиться, но я здесь, с тобой, и мне это очень-очень нравится.

— А разве важно, как это могло случиться? — Подойдя поближе, Гидеон взял меня за подбородок и поцеловал в кончик носа. — Я тебе футболку приготовил, на кровати лежит. А как ты относишься к икре и водке?

— Ну... по сравнению с пиццей это явный шаг вперед.

— Икра черная, осетровая, — улыбнулся он. — От Петросяна.

— Должна внести поправку, — заявила я, улыбаясь в ответ. — Несколько сот шагов вперед.

Приняв душ, я надела приготовленную для меня огромную футболку с фирменным логотипом «Кросс индастриз», после чего позвонила Кэри, сообщила, что ночевать не приду, и вкратце изложила происшествие в отеле.

— Я даже не знаю, что и сказать, — присвистнул он.

Правда, лишившийся дара речи Кэри Тейлор прочел мне целую лекцию.

Закруглив наконец разговор с Кэри, я присоединилась в гостиной к Гидеону. Мы устроились на полу за кофейным столиком и отдали должное деликатесной икре с крошечными тостами. Гидеон включил телевизор, по которому повторяли сериал из жизни нью-йоркской полиции, и нам как раз попался эпизод, отснятый напротив Кроссфайр.

— Классно, наверное, видеть по телику здание, которым владеешь? — поинтересовалась я.

— Не так уж плохо, если только эти ребята не перекрывают для съемок движение на несколько часов.

— Пессимист, — ткнула его плечом я.

В десять тридцать мы отправились в постель. Мы лежали на кровати, обнявшись, и смотрели последнюю часть сериала. Искры сексуального напряжения так и проскакивали между нами, однако Гидеон не предпринимал никаких поползновений, и я тоже. Подозреваю, он все еще пытался компенсировать произошедшее в отеле, доказывая, что проводить со мной время означает для него не только «активный трах».

И это срабатывало. При всей моей обалденной тяге к его невероятно сексуальному телу просто быть рядом тоже было приятно.

Спать он лег голым, и я с радостью устроилась рядом: ногу положила ему на ногу, рукой обняла за талию, а щекой прижалась к его груди. Конец фильма мне не запомнился, так что, скорее всего, сон сморил меня раньше.

Когда я проснулась, в спальне было еще темно. Откатившись на свою половину кровати, я приподнялась, чтобы посмотреть на стоявшие на прикроватном столике часы. Оказалось, что еще нет и трех. Обычно я спала всю ночь, не просыпаясь, а потому сначала решила, что непривычная обстановка не дала мне крепко заснуть, но тут Гидеон заворочался и застонал во сне. Именно эти пронизанные страданием и болью звуки разбудили меня.

— Не трожь меня! — хрипло прошептал он. — Убери, на хрен, свои мерзкие лапы!

Я замерла, а сердце мое неистово колотилось.

— Ну ты, ублюдок поганый! — Он завертелся, брыкаясь, потом спина его выгнулась, из горла вырвался стон, показавшийся мне извращенно-эротичным. — Не надо! Ах, боже... Больно!

Он корчился в конвульсиях. Я не могла больше этого выносить.

— Гидеон.

Время от времени у Кэри тоже случались кошмары, и я знала, что во время таких приступов прикасаться к человеку не следует. Вместо этого я встала на колени на своей стороне кровати и окликнула по имени:

— Гидеон, проснись.

Резко застыв, он упал на спину, напряженно и выжидающе. Грудь его ходила ходуном. Напрягшийся член лежал на животе.

Сердце мое разрывалось, но голос звучал твердо:

— Гидеон, тебе снится сон. Вернись ко мне.

Он что-то сонно промычал и испортил воздух.

— Ева?..

— Я здесь. — Поерзав, я отодвинулась, чтобы не заслонять лунный свет, но не увидела блеска его глаз, который говорил бы, что Гидеон очнулся. — Ты проснулся?

Дыхание его начало замедляться, но ответа не последовало. Руки судорожно вцеплялись в простыню. Стянув через голову футболку и бросив ее на кровать, я скользнула ближе и осторожно коснулась его руки. Гидеон не шелохнулся, тогда я стала нежно поглаживать кончиками пальцев его твердые бицепсы.

— Гидеон?

Он резко дернулся — и проснулся.

— Что? Что случилось?

Я присела на пятки, положив руки на бедра. А когда убедилась, что он смотрит на меня, запустила пальцы в его волосы, физически, по напряжению тела, ощущая, как продолжает цепляться за него ночной кошмар.

— А? Что? — грубо спросил он, приподнявшись на локте. — С тобой все в порядке?

— Я хочу тебя.

Я растянулась рядом с ним, прижалась к нему всем телом и, уткнувшись в его влажную шею, стала нежно посасывать солоноватую кожу. По опыту собственных кошмаров мне было известно, что спокойные слова и ласковые прикосновения заставляют призраков отступить в их мрачный чулан, хотя бы на время.

Его руки обхватили меня, ладони заскользили вверх-вниз по изгибам моей спины, и долгий, глубокий вздох сказал мне, что страшный сон его отпустил. Опрокинув Гидеона на спину, я навалилась сверху и жадно впилась в его рот. Его торчащий член упирался в мои половые губы, и я начала усиленно о него тереться. Гидеон запустил руки мне в волосы, взяв мой поцелуй под контроль, отчего промежность моя увлажнилась, и я стремительно созрела для секса. Казалось, что языки пламени лижут мою кожу с внутренней стороны бедер. Я терлась набухшим клитором по всей длине его толстого пениса, используя его для мастурбации, пока он не зарычал от вожделения и не перевернул меня под себя.

— Я не держу дома презервативов, — пробормотал он, а затем обхватил губами мой сосок и стал нежно посасывать.

Его неготовность тронула меня. Да уж, здесь у него точно был не сексодром. Это был его дом, а я была единственной любовницей, которую в него пустили.

— Помнишь, когда мы говорили о средствах предохранения, ты упоминала справки о состоянии здоровья, и это вполне ответственный подход, но вот...

— Я тебе доверяю.

Он поднял голову и посмотрел на меня в слабом свете луны, а затем раздвинул коленом мои ноги и ввел в меня, примерно на дюйм, свой член. Обжигающе жаркий и шелковистый.

— Ева... — выдохнул Гидеон, крепче прижимая меня к себе. — Я никогда... Господи, как с

тобой хорошо! Я так рад, что ты здесь!

Я притянула его к себе и поцеловала.

— Я тоже.

* * *

Проснулась я в той же позе, что и уснула: Гидеон лежал на мне, а его член находился во мне. Взгляд Гидеона был затуманен желанием, отяжелевшие веки частично прикрывали глаза, однако он сразу заметил, что мое забытие сменилось жарким наслаждением. Его волосы рассыпались по лицу и плечам, и таким, взъерошенным со сна, он выглядел еще сексуальнее. Ну а главное, в потрясающих глазах не осталось ни намека на терзавшую его во сне муку.

— Надеюсь, ты не против, — пробормотал он с похотливой ухмылкой, суя свой прибор туда-обратно. — Ты такая мягкая и теплая. Ничего не могу поделать со своим желанием.

Закинув руки за голову, я выгнулась дугой, вдавливая свои груди в его грудь. Сквозь узкие арочные окна было видно, что уже забрезжил рассвет.

— Хм... Вообще-то, в это время я привыкла вставать.

— В три часа у меня возникла точно такая же мысль, — заявил он, покачав бедрами и проникая в меня глубже. — И я подумал, что отплачу услугой за услугу.

Тело мое уже возбуждилось, пульс участился.

— Да уж давай, что там.

* * *

Когда мы добрались до моей квартиры, Кэри уже не было. Он оставил мне записку, что отправился на работу, но освободится достаточно рано, чтобы провести время со мной и с Треем. Поскольку прошлым вечером мне было явно не до них, то я не имела ничего против.

— У меня сегодня вечером деловой обед, — заявил Гидеон, пытаясь через мое плечо прочесть записку. — Я надеялся, что ты пойдешь со мной, чтобы чуть-чуть скрасить его.

— Не могу бросить Кэри, — произнесла я извиняющимся тоном, повернувшись к нему. — Знаешь, он совсем как кобель перед случкой, и все такое.

Его рот скривился, руки уперлись в стойку бара по обе стороны от меня. Одет он был в выбранный мною деловой костюм от «Прада», темно-серый с мягким отливом. Голубой галстук как нельзя лучше подходил к цвету глаз, и я, лежа на кровати и глядя, как он одевается, вынуждена была подавлять в себе желание все это с него сорвать.

— И хотя Кэри твой не кобель, я тебя понимаю. Раз уж так вышло, то давай встретимся попозже. Могу я заехать к тебе после обеда и остаться на ночь?

От предвкушения секса меня бросило в жар. Я провела рукой по его груди, испытав гордость оттого, что знаю, как он выглядит без одежды.

— Буду очень рада.

— Вот и прекрасно, — удовлетворенно кивнул он. — А сейчас, пока ты одеваешься, я сварю нам кофе.

— Зерна в холодильнике. Кофемолка рядом с кофейником. Мне нравится не очень сладкий, но с молоком.

Когда я вернулась через двадцать минут, Гидеон уже налил кофе в две походные кружки, и мы спустились вниз. Пол встретил нас у входа и предупредительно открыл заднюю дверь

«бентли».

Пока водитель пытался вписаться в поток транспорта, Гидеон присмотрелся ко мне и заявил:

— Нет, ты определенно хочешь моей смерти. Ты что, опять в подвязках?

Задрав подол юбки, я продемонстрировала ему край черных шелковых чулок, крепившихся к черному кружевному поясу.

Он тихонько выругался, что вызвало у меня улыбку. На мне был черный свитер с коротким рукавом и высоким горлом, чудесно подходивший к не слишком короткой плиссированной красной юбке, и туфли от Мэри Джейн. Поскольку Кэри, способного сотворить чудеса с моими волосами, поблизости не оказалось, я попросту завязала их в конский хвост.

— Тебе нравится?

— Я торчу. — Голос его был хриплым. — И как, спрашивается, я буду заниматься весь день делами, без конца представляя тебя в этом наряде?

— Так уж и «весь день», ведь есть обеденный перерыв, — заметила я, вспомнив про диван в кабинете Гидеона.

— У меня сегодня бизнес-ланч. Если бы вчера я не подтвердил, то непременно перенес бы встречу.

— Ты перенес бы важную встречу из-за меня? Польщена.

Он протянул руку и провел кончиками пальцев по моей щеке: знакомый жест, до слез трогавший своей нежностью и интимностью. У меня уже начала вырабатываться зависимость от таких прикосновений.

Я прислонилась щекой к его ладони.

— Ну, пятнадцать минут из своего дня ты для меня выкроишь?

— Постараюсь.

— Позвони, когда будешь знать время.

Глубоко вздохнув, я полезла в свою сумку и сжала рукой подарок. Я не была уверена, что он захочет его получить, но история с жутким ночным кошмаром не шла у меня из головы. Я, правда, надеялась, что этот подарок напомнит ему обо мне и нашем сексе в три часа ночи, поможет ему справиться.

— Тут у меня кое-что... Я подумала...

Неожиданно вся эта затея показалась мне глупостью.

— Что-то не так? — нахмурился Гидеон.

— Да ничего. Просто... — Я снова вздохнула и выпалила: — Послушай, у меня тут кое-что для тебя есть, но я вот только что подумала, что такие подарки... да это на самом деле и не подарок. Да и вообще теперь я вижу, что это не к месту...

— Ну-ка, дай сюда, — протянул руку Гидеон.

— Ты вообще не обязан это брать...

— Помолчи, Ева, — поманил он меня пальцем. — Давай сюда.

Я вынула подарок из сумки и вручила ему.

Гидеон в полном молчании уставился на фотографию в рамке. Рамка была очень современной, с символикой по случаю окончания университета и с вмонтированными электронными часами, которые показывали 3:00. А на фотографии, сделанной в Коронадо-Бич, была запечатлена я, в коралловом бикини и огромной соломенной шляпе. Загорелая, счастливая, я посылая воздушный поцелуй Кэри, который, изображая крутого рекламного фотографа, подбадривал меня потешными призывами: «Чудненько, дорогуша. Побольше развязности. Побольше сексуальности. Превосходно. Теперь покажи мне стерву... Ух ты!»

В растерянности я поерзала на сиденье.

— Как я уже говорила, ты вовсе не должен...

— Я... — Он прочистил горло. — Спасибо, Ева.

— Ах, ну что там...

Обрадовавшись тому, что мы наконец подъехали к Кроссфайр-билдинг, я выскочила из машины сразу же, как только водитель остановился, и принялась со смущенным видом разглаживать юбку.

— Если угодно, я могу потом заехать.

— Не надо, я сам. Ты ее назад не повезешь, — закрывая дверь «бентли», покачал головой Гидеон и указал на вращающуюся дверь рукой, в которой держал рамку.

Когда до меня дошло, что он решил взять мое фото с собой на работу, в груди разлилось приятное тепло.

* * *

Характерной особенностью рекламного бизнеса было то, что ни один последующий день не повторял предыдущий. Проведя все утро в приятных хлопотах, я только успела задуматься о том, куда отправиться в обеденный перерыв, как зазвонил телефон.

— Офис Марка Гэррити, говорит Ева Трэмелл.

— У меня хорошие новости, — с ходу выдал Кэри.

— Выкладывай!

Я по голосу слышала, что новости, в чем бы они ни заключались, и вправду хорошие.

— Я участвую в рекламной кампании «Грей айлз».

— О господи, Кэри. Просто потрясающе! Обожаю их джинсы!

— Какие у тебя планы на ланч?

— Отпраздновать с тобой, — ухмыльнулась я. — Сможешь подъехать ко мне к полудню?

— Уже в пути.

Я повесила трубку и откинулась на стуле, так радуясь за Кэри, что мне хотелось пуститься в пляс. Чтобы как-то убить пятнадцать минут, оставшиеся до обеденного перерыва, я проверила почтовый ящик и с ужасом обнаружила в дайджесте Google имя Гидеона. Более тридцати упоминаний только за сегодняшний день.

Загрузив почту и посмеявшись над повторявшимися заголовками «Таинственная женщина», я кликнула по самому первому и обнаружила в разделе сплетен собственную персону.

Там красовалось фото меня и Гидеона, целующихся, позабыв обо всем, на тротуаре неподалеку от тренажерного зала. Изображение сопровождалось кратким пояснительным текстом.

Гидеон Кросс, пожалуй самый завидный холостяк Нью-Йорка со времен Джона Ф. Кеннеди, был замечен вчера страстно обнимавшимся прямо на людной улице. Наш источник в «Кросс индастриз» опознал таинственную счастливицу как сотрудницу рекламного агентства Еву Трэмелл, дочь мультимиллионера Ричарда Стэнтонна и его жены Моники. На вопрос о характере отношений между Кроссом и Трэмелл тот же источник отметил, что в настоящее время мисс Трэмелл занимает важное место в жизни этого магната. Можем себе представить, сколько сердец разбилось нынешним утром по всей стране.

— Ох, дерьмо! — выдохнула я.

Я торопливо пробежалась по всему дайджесту в поисках похожих фотографий, заголовков и текстов, а потом, откинувшись, задумалась о том, что это может значить. Если один поцелуй тут же оказался в первых строчках новостей, какие у нас с Гидеоном шансы на то, чтобы нормально поработать над нашими отношениями?

Слегка дрожащими руками я закрыла браузер, так и не поинтересовавшись освещением темы еще и в печати. А придется. «Проклятье!»

Моим другом являлась анонимность. Она защищала меня от моего прошлого. Она защищала мою семью от ненужных проблем, да и Гидеона тоже. Я даже не была зарегистрирована в социальных сетях, так что люди, с которыми я не была напрямую связана, просто не могли меня найти.

И вот тонкая, незримая стена между мною и обществом исчезла.

— Черт!

Я вздохнула, обнаружив, что попала в неприятную ситуацию. Чего могла бы избежать, найдись в клетках моего мозга место для мыслей о чем-нибудь, кроме Гидеона.

Интересно, а как он отреагирует на поднятую шумиху. Стоило лишь подумать об этом, как у меня болезненно свело живот. А ведь есть еще и мама. Можно не сомневаться в том, что очень скоро она, взбудораженная этими публикациями, непременно позвонит.

— Дерьмо!

Вспомнив, что у нее нет номера моего нового сотового телефона, я сняла трубку рабочего и позвонила на голосовую почту, чтобы выяснить, не искали ли меня по старому. И дернулась, услышав, что почтовый ящик переполнен.

Бросив трубку, я схватила сумочку и поспешила на ланч, уверенная, что Кэри непременно поможет мне со всем этим разобраться. Меня охватило такое волнение, что я позабыла обо всем на свете, кроме необходимости поскорее встретиться с другом. А уж увидев его, и вовсе не замечала никого вокруг, пока дорогу мне вдруг не преградил неожиданно выступивший откуда-то Гидеон:

— Ева.

Взглянув на меня сверху вниз, он нахмурился, взял меня под руку и легонько развернул. Только теперь я заметила двух женщин и мужчину, которые до сих пор загоразивали его от меня. Я вымучила улыбку:

— Привет.

Гидеон представил меня своим партнерам по ланчу, а затем, извинившись, отвел в сторону:

— Что с тобой? Ты расстроена.

— Все пошло наперекосяк, — прошептала я. — Наша фотография, мы на ней вместе.

— Да, я уже видел, — кивнул он.

Я растерянно заморгала, удивляясь его невозмутимости:

— И ты совершенно спокоен?

— А чего дергаться? Начать с того, что это ведь правда.

В мою затуманенную голову змеей прокралось подозрение.

— Ты все спланировал. Сам организовал публикацию!

— Ну, не совсем так, — мягко возразил он. — Фотограф и правда накрыл нас случайно. А уж я подсказал ему, какой снимок можно публиковать, и потребовал, чтобы в публикации дали понять, кто ты есть и что нас связывает.

— Зачем? Зачем ты это сделал?

— У тебя свой способ разбираться с ревностью, а у меня свой. Мы оба заняты, и теперь все в курсе этого. А в чем ты видишь проблему?

— Меня беспокоила твоя реакция, но не только... Есть вещи, о которых ты не знаешь, и мне... — Я глубоко вздохнула. — Наши отношения не могут быть такими, Гидеон. Они не должны быть публичными. Я не хочу... Черт возьми! Я буду тебе мешать.

— Да не можешь ты мне мешать. Это просто невозможно. — Он убрал с моего лица прядь волос. — Давай позже поговорим. Но если я нужен тебе сейчас...

— Нет-нет, все в порядке. Иди занимайся делами.

Тут подошел Кэри. Он был в черных мешковатых брюках и белой футболке с V-образным вырезом, но все равно выглядел шикарно.

— Все в порядке?

— Привет, Кэри. Все замечательно. — Гидеон сжал мою руку. — Наслаждайся ланчем и ни о чем не переживай.

Легко ему было так говорить, он-то многого не знал. И у меня вовсе не было уверенности в том, что если бы знал, то желал бы меня так же.

Проводив Гидеона взглядом, Кэри уставился на меня:

— О чем не переживать? Что не так?

— Да все, — вздохнула я. — Давай поскорее уберемся отсюда, и за ланчем я тебе все расскажу.

* * *

— Ладно, — пробормотал Кэри, рассматривая снимок, который я перекинула ему на смартфон. — Это, типа, поцелуй. Типа, страстный. Похоже, парень здорово увлекся.

— В том-то и фокус. — Я хлебнула воды. — Он старался.

Кэри убрал смартфон в карман.

— На той неделе ты взялась на него из-за того, что его интересует только твое влагалище. На этой он делает общим достоянием тот факт, что его связывают с тобой серьезные, пылкие отношения, но ты снова несчастна. Знаешь, я начинаю плохо думать об этом парне: у него никак не получается найти верный подход.

Его слова меня задели.

— Кэри, репортеры на этом не остановятся: станут копать глубже и раскопают кучу дерьма. А поскольку дерьмо жидкое, они расплещут его, где можно и где нельзя, и поставят Гидеона в неловкое положение.

— Детка, да Стэнтон все вмиг уладит. — Кэри накрыл мою руку своей.

Стэнтон. Я напряглась. Надо же, об отчине-то и не подумала. Как только он узнает о возможных неприятностях, тут же накроет их крышкой, потому как понимает, чем может обернуться шумиха для моей матери. Однако... «Я обязана все рассказать Гидеону. Он имеет право знать».

Но от одной мысли об этом разговоре мне сделалось не по себе.

Для Кэри ход моих мыслей был очевиден.

— Если ты воображаешь, что он с тобой порвет, то, по-моему, ошибаешься. Он на тебя так смотрит, словно поблизости вообще никого больше нет.

Я поковырялась в салате «Цезарь» с тунцом.

— Знаешь, у него ведь тоже не все просто, его мучают демоны. Ночные кошмары. Думаю, он отгораживается от всех, так как что-то его пожирает изнутри.

— Но тебя-то он впустил.

И уже весьма недвусмысленно продемонстрировал, каким собственником может быть на самом деле. Я приняла это как данность, поскольку прекрасно понимала, что у меня тоже есть слабые стороны, однако...

— Ева, ты с этим психоанализом себя в могилу сведешь, — заявил Кэри. — Мучаешься понапрасну, считая, что его отношение к тебе — это недоразумение. Считая, что не можешь зацепить парня вроде него только добротой души и живостью ума?

— Эй, — возмутилась я, — у меня вовсе не столь уж низкая самооценка.

Он пригубил из бокала шампанского.

— Да ну? Тогда скажи, что, по-твоему, ему в тебе нравится, кроме твоих качеств как партнерши по сексу?

Задумавшись, я не нашла ответа на этот вопрос и сердито нахмурилась.

— То-то и оно, — кивнув, продолжил Кэри. — И Кросс, скорее всего, задается похожими вопросами и мыслит в том же направлении, что мы с тобой, гадая, что такая крутая девочка, как ты, может находить в парне вроде него. Поскольку с деньгами, памятуя об отчине, у тебя и без него все в порядке, что может так уж сильно привлекать тебя к нему, кроме недюжинных способностей племенного жеребца?

Откинувшись на стуле, я с жадностью впитывала в себя каждое его слово.

— Кэри, я от тебя без ума.

— Дорогая, я от тебя тоже, — ухмыльнулся он. — Хочешь знать мой совет? Парная психотерапия. Я сам всегда прибегаю к этому методу, когда встречаю кого-нибудь, с кем хочу наладить стабильные отношения. Ну и конечно, старайся получать как можно больше удовольствия. Радостных моментов в ваших отношениях должно быть не меньше, чем грустных, иначе эти отношения станут слишком болезненными.

— Спасибо, — благодарно сжала я пальцы Кэри.

— Это еще за что? — отмахнулся он от меня. — Раскладывать по полочкам чужую жизнь — дело нехитрое. Ты ведь сама знаешь, что с собственными заморочками мне бы без тебя не справиться.

— Зато теперь у тебя их не осталось, — сказала я, переводя разговор на него. — Ты близок к тому, чтобы украсить собой рекламные щиты на Таймс-сквер. Очень скоро ты приобретешь широкую известность. Может, стоит отметить событие чем-нибудь более подходящим случаем, чем просто пицца? Как насчет того, чтобы заказать еду в «Кристал Стэнтон»?

— Решай сама.

— А фильмы? Есть какие-то особые пожелания?

— На твое усмотрение. Еще не хватало мне вмешиваться в твой всегда безупречный выбор.

Я ухмыльнулась, чувствуя, что мои ожидания оправдались: час, проведенный с Кэри, значительно улучшил мое настроение.

— Если до меня самой не дойдет, то дай мне понять, когда вам с Треем захочется побыть наедине.

— Ха. Вот уж об этом не беспокойся. Наслушавшись рассказов о твоей буйной любовной жизни, я начинаю чувствовать, что вконец увядаю в тоске и обыденности. Ясное дело, что мне позарез нужна жаркая, потная встряска.

— А кто всего пару дней назад трахался в кладовке?

— Надо же, а я уже почти забыл. Как это печально, а? — вздохнул он.

— Не больно-то печально, раз у тебя глаза смеются.

Вернувшись на свое рабочее место, я обнаружила на смартфоне сообщение от Гидеона, что в четверть третьего он сможет выкроить для меня пятнадцать минут. Оставшиеся полтора часа я всячески лелеяла тайное предвкушение, решив воспользоваться советом Кэри и извлечь из этого немного удовольствия. Довольно скоро Гидеону и мне предстояло пробираться через неприглядные завалы моего прошлого, однако пока я могла дать нам обоим повод для улыбки.

Я послала ему эсэмэску перед самым выходом, чтобы он знал, что я уже в пути. Поскольку времени у нас было в обрез, мы не могли терять ни секунды. Надо полагать, Гидеон считал так же, так как в приемной «Кросс индастриз» меня уже ждал Скотт.

— Как денек? — спросила я у него.

— Пока все замечательно, — улыбнулся он. — А у вас?

— Бывало и похуже, — улыбнулась я в ответ.

Когда я вошла в его кабинет, Гидеон разговаривал по телефону: нетерпеливо и раздраженно он втолковывал кому-то на другом конце провода, что им не мешало бы научиться выполнять свою работу самостоятельно, без его постоянного надзора. Завидев меня, он поднял палец, давая понять, что через минутку освободится. Я отреагировала, выдув большущий пузырь жвачки, который лопнул с громким хлопком.

Приподняв брови, Гидеон нажал кнопку, закрыв двери и затуманив стеклянную перегородку.

Ухмыляясь, я порхнула к его столу и уселась на него, помахивая ногами, а когда выдула еще один пузырь жвачки, он быстро ткнул в него пальцем, вызвав следующий хлопок. Я капризно надула губки.

— Разберитесь с этим, — со спокойной властью заявил он своему собеседнику. — Я смогу выбраться к вам только на следующей неделе, а ожидание еще сильнее отбросит нас назад. Все, разговоры закончены! У меня на столе находится нечто требующее моего пристального внимания, а вы меня отвлекаете. Уверен, это не способствует завоеванию моего расположения. Приведите в порядок все дела и завтра мне доложите. — Гидеон с едва подавляемым раздражением бросил трубку. — Ева...

Взяв с его стола листок бумаги, я завернула в него жвачку.

— Пока вы не устроили мне выговор, мистер Кросс, хочу сказать, что, когда вчера в отеле мы зашли в тупик из-за непонимания, мне не следовало уходить. Это никак не способствовало разрешению ситуации. И я осознаю, что, наверное, не совсем правильно отреагировала на эти выложенные в Сети снимки. Однако... Хотя я и выступила в роли капризной помощницы, думаю, мне нужно предоставить еще один шанс проявить себя.

Его взгляд сузился, когда он посмотрел на меня, схватывая и оценивая ситуацию на лету.

— Мисс Трэмелл, а я интересовался вашим мнением относительно того, какие действия будут подходящими?

Покачивая головой, я поглядела на него снизу вверх, и от меня не укрылось, что раздражение, вызванное телефонным разговором, отпускает его, сменяясь растущей заинтересованностью и оживлением.

Соскочив со стола, я подошла к нему и руками разгладила его галстук.

— Быть может, мы найдем мне какое-нибудь применение? В моем распоряжении имеется широкий выбор полезных навыков.

Он зажал меня между колен.

— Это как раз одна из множества причин, по которой вы единственная женщина,

кандидатура которой мною вообще рассматривалась.

Эти слова несказанно меня согрели. Недолго думая, я протянула руку и стала ласкать его член через ткань брюк.

— Быть может, мне стоит вернуться к исполнению своих обязанностей? Я могу продемонстрировать вам, что являюсь уникальным специалистом в том, что касается самых разных способов стимуляции.

— Похвальная инициатива, мисс Трэмелл. Однако меньше чем через десять минут у меня уже назначена следующая встреча. Кроме того, я не привык испытывать новые методы стимуляции в своем кабинете.

Тем не менее я расстегнула пуговицу на поясе его брюк, затем — молнию на ширинке и, прижавшись губами к его губам, прошептала:

— Если ты вообразил, будто есть такое место, где мне не удастся заставить тебя кончить, тебе стоит наведаться туда и проверить на практике.

— Ева, — выдохнул он с горячим, полным нежности взглядом. — Ты меня совсем из строя выводишь. Тебе это известно? Или ты нарочно так делаешь?

Я запустила руки в его трусы, взяла член и одновременно подставила губы для поцелуя. Он откликнулся с такой страстью, что у меня перехватило дух.

— Хочу тебя, — прорычал Гидеон.

Я опустилась на колени на покрытый ковром пол и спустила его брюки настолько, чтобы мне было удобно.

— Ева, что ты... — хрипло выдохнул он.

Мои губы обхватили набухшую головку. Гидеон вцепился руками в край стола с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Я посасывала его пульсирующий член, удерживая его обеими руками. Его нежная кожа и чувственный запах заставили меня стонать от наслаждения. Я почувствовала, как содрогнулось его тело, и услышала странный рокочущий звук в его груди.

— Оближи! — приказал Гидеон, коснувшись моей щеки.

Возбужденная этим приказом, я высунула язык и принялась вылизывать головку, тут же увлажнившуюся в ответ. Обхватив член рукой, я ритмично посасывала его, надеясь довести Гидеона до безумия. Жаль, что у нас было совсем мало времени.

Гидеон издал звук, полный сладостной муки.

— Господи, Ева... твой рот. Соси... Вот так, так, глубоко и сильно!

Я извивалась, захваченная его возбуждением. Он вцепился руками в мои волосы, сильнее насаживая мой рот на свой член. Я обалдела от того, как нежно он начал и как потом, захваченный разгоравшейся похотью, потерял контроль над собой и впал в неистовство. Боль в горле усилила мой сексуальный голод. Моя голова ходила взад и вперед, когда я сосала и облизывала головку его члена, который я для большей остроты ощущений ласкала еще и руками. По всей длине его пениса вздулись вены, и я, наклонив голову, по очереди вылизала каждую.

Его напрягшийся член увеличивался прямо на глазах. Стоять на коленях было не слишком удобно, но сейчас это волновало меня меньше всего.

— Ева, давай не останавливайся! Как хорошо ты сосешь! — с трудом выдохнул Гидеон.

Зажав мою голову руками, он подался бедрами мне навстречу. Всовывая член еще глубже. Трахая меня в рот. Доходя до той степени вожделения, когда ничто, кроме оргазма, уже не имеет значения.

Я представила, как мы выглядим со стороны: одетый по-деловому Гидеон стоит у стола со спущенными штанами и вновь и вновь засовывает свой здоровенный член в мой жадный рот.

Обеими руками вцепившись в его напрягшиеся бедра, я отчаянно работала языком и губами

в страстном стремлении довести его до оргазма. Яйца Гидеона были большими и тяжелыми — живое воплощение его мужского начала. Я положила их на ладонь и, помяв, почувствовала, что они стали еще тяжелее.

— Ах, Ева! — вырвался у него гортанный хрип. — Я сейчас кончу!

Первый выброс семени оказался столь мощным, что я чуть не захлебнулась. Обезумевший от наслаждения Гидеон судорожно засаживал содрогавшийся, пульсирующий, извергающий сперму член прямо мне в горло. Глаза мои были мокрыми от слез, легкие горели, но я продолжала обрабатывать его член, выдаивая содержимое до последней капли. И когда наконец закончила, его тело конвульсивно дернулось. Гидеон издавал какие-то бессвязные звуки, которые свидетельствовали о самой искренней благодарности, какую мне когда-либо приходилось слышать.

Я вылизала его член дочиста, удивляясь тому, что даже после столь бурного оргазма он полностью не опал. Гидеон по-прежнему мог затрахать меня до бесчувствия, и более того — здесь я ни секунды не сомневалась — хотел это осуществить. Однако времени у нас не было, и меня это радовало. Все, что я сделала, я сделала для него. Для нас. В том числе и для себя, поскольку мне необходимо было убедиться в своей способности к сексуальной самоотдаче.

— Мне надо идти, — проворковала я, вставая и прижимаясь губами к его губам. — Надеюсь, остаток дня пройдет превосходно и твой вечерний деловой обед тоже.

Я уже направилась к выходу, но он, глядя на встроенные в его настольный телефон часы, перехватил меня за запястье. Только сейчас я заметила, что моя фотография стоит на самом видном месте, так что он мог любоваться ею весь день.

— Ева... Черт побери. Подожди.

Его тон заставил меня нахмуриться. В нем слышалась озабоченность. Удрученность. Однако он быстро привел себя в порядок, заправив свой член обратно в трусы, а рубашку в брюки, которые подтянул и застегнул. Было невыразимо приятно видеть, как он вновь обретает тот вид, в котором предстает перед всеми, в то время как я знала, по крайней мере отчасти, что за всем этим сокрыто.

Притянув меня к себе, Гидеон прижался губами к моей брови, извлек из моих волос черепаховую заколку и стал приводить их в порядок.

— Я не довел тебя до оргазма.

— Нет необходимости. — Мне нравилось ощущать кожей головы его прикосновения. — Все и так было потрясно.

С лицом, покрасневшимся после оргазма, Гидеон полностью сосредоточился на моих волосах.

— Я знаю, что тебе требуется взаимное наслаждение, — резко возразил он. — Не хочу, чтобы ты ушла с ощущением, будто я тебя использовал.

Трудно описать, какой горьковато-сладкой нежностью прониклась я при этих словах. Он слушал меня. И заботился обо мне.

— Ты использовал меня по моему желанию, Гидеон, — заявила я, — и это было по-настоящему здорово. Я хотела дать тебе это, Гидеон. Вспомни, я ведь говорила. Мне хотелось, чтобы ты помнил меня еще и такой.

Его глаза встревоженно расширились.

— На кой хрен мне нужны воспоминания, когда у меня есть ты, Ева? Если ты опять из-за того фото...

— Молчи и наслаждайся!

Вникать в историю с фото у нас так и так уже не было времени, да, кроме того, мне и не хотелось. Это могло все испортить.

— Будь у нас в распоряжении еще час, я сама не дала бы тебе меня отпустить. Запомни, между нами нет никаких счетов. И честно признаюсь, ты первый парень, которому я такое говорю. А теперь мне пора. Да и тебе тоже.

Я снова пошла к выходу, но он опять меня удержал.

В динамике послышался голос Скотта:

— Прошу прощения, мистер Кросс. Но уже три часа.

— Все прекрасно, Гидеон, — уверила я его. — Ты ведь заедешь вечером, верно?

— Меня ничто не остановит.

Приподнявшись на цыпочки, я чмокнула его в щеку.

— Тогда и поговорим.

* * *

После работы я решила спуститься по лестнице пешком, чтобы таким образом скомпенсировать то, что не попаду вечером в спортзал, но скоро пожалела о столь опрометчивом решении, поскольку оказалось то, что прошлой ночью я почти не спала. Задумавшись о том, не воспользоваться ли метро, я вдруг заметила припаркованный автомобиль Гидеона. А когда водитель, выйдя из машины, окликнул меня, я удивленно остановилась.

— Мистер Кросс попросил меня отвезти вас домой, — сказал этот симпатичный мужчина в черном костюме и форменной фуражке. Уже немолодой, с сидящими рыжими волосами и бледно-голубыми глазами, он говорил с едва уловимым акцентом.

Поскольку ноги мои гудели, я с благодарностью согласилась:

— Спасибо... Извините, как вас зовут?

— Энгус, мисс Трэмелл.

И как я только могла забыть. Славное имя, и звучит приятно.

— Спасибо, Энгус, — улыбнулась я.

— Рад быть полезным, — прикоснулся он к фуражке.

Энгус открыл мне заднюю дверь, и я скользнула внутрь. Я устраивалась на сиденье, когда заметила пистолет, блеснувший в плечевой кобуре под курткой Энгуса. Из чего следовало, что он, как и Клэнси, был не только водителем, но и телохранителем.

Когда мы отъехали, я спросила:

— Энгус, и давно вы работаете у мистера Кросса?

— Нынче уж восемь лет.

— Немало.

— А знаю я его куда дольше, — добровольно сообщил он, поймав мой взгляд в зеркале заднего вида. — Я его еще мальчиком в школу возил. Потом у мистера Видала работал, ну а когда время пришло, он уж сам меня нанял.

И снова я попыталась представить себе Гидеона ребенком. Несомненно, он был хорош собой и харизматичен. Наслаждался ли он, будучи подростком, «нормальными» сексуальными отношениями? Мне с трудом верилось, что женщины не вешались ему на шею даже тогда. А уж при своей природной сексуальности, подростком он, надо думать, отличался повышенной половой возбуждимостью.

Порывшись в сумочке, я выудила оттуда ключи и подалась вперед, чтобы положить их на переднее пассажирское сиденье.

— Можете вы проследить, чтобы Гидеон их забрал? Он собирается заглянуть ко мне вечером, но когда именно, неизвестно. Я могу заснуть и не услышать стука.

— Разумеется.

Когда мы подъехали, открывший мне дверь машины Пол поздоровался с Энгусом по имени, напомнив тем самым, что дом принадлежит Гидеону. Помахав обоим ручкой, я предупредила консьержа, что вечером жду в гости Гидеона, поднялась наверх и постучала. При виде меня Кэри поднял брови, и я покатила со смеху.

— Гидеон обещал заехать ближе к ночи, — объяснила я, — а я от усталости не чувствую под собой ног. Оставила ключи ему, чтобы сам вошел. Ты уже сделал заказ?

— Сделал. И сунул в винный холодильный шкаф пару бутылок «Кристалла».

— Ты лучше всех.

Приняв душ, я из своей комнаты позвонила матери.

— Наконец-то! — возмущенно воскликнула она. — Я весь день пытаюсь с тобой связаться!

— Мама, если ты из-за Гидеона Кросса...

— Ну да, конечно, отчасти и из-за него. Пишут, что ты занимаешь важное место в его жизни. Естественно, я хочу обсудить это с тобой.

— Мама...

— Но речь еще и о встрече, которую ты сама просила меня назначить с доктором Петерсеном. — Нотка самодовольства, промелькнувшая в ее голосе, вызвала у меня улыбку. — Мы договорились с ним встретиться в четверг, в шесть вечера. Надеюсь, это тебя устроит. Он нечасто назначает встречи по вечерам.

Я со вздохом откинулась на кровати. В последнее время я по горло была занята то работой, то Гидеоном и совсем упустила это из виду.

— В четверг в шесть — самое то. Спасибо.

— Ладно, а теперь выкладывай насчет Кросса...

Когда я выбралась из своей спальни в трикотажных штанах и толстовке с надписью «Университет Сан-Диего», то увидела Трея, сидевшего с Кэри в гостиной. При моем появлении они встали, и Трей одарил меня открытой, дружеской улыбкой.

— Прошу прощения за свой вид, — смущенно произнесла я, пробегая пальцами по влажным волосам, затянутым в конский хвост. — На работе рванула по лестнице пешком, и это чуть было меня не доконало.

— Так это из-за лифта?

— Нет. Из-за собственной дурости. И каким только местом я думала?

Честно говоря, ночь с Гидеоном сама по себе была той еще физической нагрузкой.

Позвонили в дверь, и Кэри пошел открывать, а я отправилась на кухню за «Кристаллом». Мы встретились у стойки бара, где он подписывал квитанцию. Взгляды, которые он бросал на Трея, заставили меня подавить улыбку.

Впрочем, в течение вечера подобными взглядами эта парочка обменивалась постоянно, и чем дальше, тем чаще. Я не могла не согласиться с Кэри в том, что его новый друг очень привлекателен. Одетый в потертые джинсы, жилетку им под стать и рубашку с длинным рукавом, будущий ветеринар выглядел непринужденно и очень естественно. И весьма существенно отличался от ребят того типа, с какими обычно встречался Кэри. Начать с того, что Трей производил впечатление человека более основательного, не то чтобы примитивного, но и явно не парящего в небесах. Мне подумалось, что если они пробудут вместе достаточно долго, то он сможет неплохо повлиять на Кэри.

Мы втроем прикончили две бутылки «Кристалла» и две пиццы, посмотрели целиком «Разрушителя», прежде чем я решила, что уже поздно. Уговорив Трея остаться и досмотреть «Гонщика» с участием Сталлоне, я отправилась к себе в спальню, где переоделась в сексуальное черное белье из набора для подружки невесты — правда, без соответствующих трусиков.

Оставив для Гидеона горящую свечу, я провалилась в сон.

* * *

Проснулась я в полной темноте. Звуконепроницаемые окна и плотные шторы не пропускали света и шума большого города, но запах кожи Гидеона я узнала сразу.

Он опустил на меня, и я почувствовала прикосновение холодной кожи. Губы Гидеона, прижавшиеся к моим в страстном поцелуе, имели привкус мяты, а еще его собственный, неповторимый аромат. Руки мои скользнули вниз по его гладкой мускулистой спине, ноги раздвинулись, чтобы он мог поудобнее устроиться между ними. Ощувив на себе его тяжесть, я сладострастно простонала. Желание будоражило мне кровь.

— Ладно, тебе тоже привет, — пролепетала я, когда он наконец позволил мне дышать.

— Нет уж, на сей раз ты обязательно кончишь, — горячо прошептал он, покусывая меня в шею.

— Да неужели? — поддразнила я.

Он сжал мои ягодицы и приподнял их, одновременно покачивая своими бедрами.

— Да. Мне не хватало тебя, Ева.

Я запустила пятерню ему в волосы, сожалея, что не могу видеть его лицо.

— Мы не так давно знакомы, чтобы тебе меня не хватало.

— Это показывает, как мало ты знаешь, — усмехнулся Гидеон, зарывшись лицом в мои груди.

Я охнула, когда его губы обхватили мой сосок и принялись посасывать сквозь атласную ткань. Моя промежность откликалась на каждое такое движение судорожным сжатием. Он потянулся ко второй груди, задирая рукой подол моей кукольной сорочки. Я выгнулась ему навстречу, поддаваясь магическому воздействию его двигавшегося по моему телу рта. Язык Гидеона погрузился мне в пупок, потом опустился еще ниже.

— Тебе тоже недоставало меня, — промурлыкал он с мужским удовлетворением, пробегая по моей половой щели кончиком среднего пальца. — Ты такая влажная и набухшая.

Забросив мои ноги себе на плечи, он принялся вылизывать складки моих половых губ. Сверхчувствительной плотью это воспринималось как мягкие, провоцирующие касания горячего бархата. Руки мои вцепились в простыню, а грудь заходила ходуном, когда кончик его языка прошелся вокруг моего клитора, а потом чуть подтолкнул этот сверхчувствительный нервный узел. Я вскрикнула, бедра мои задвигались еще сильнее, мышцы напряглись в предвкушении и отчаянном желании кончить.

Легкие дрожащие касания сводили меня с ума, заставляя корчиться в экстазе, но их было недостаточно для того, чтобы я могла кончить.

— Гидеон, умоляю!

— Еще нет!

Он изводил меня, доводя уже до грани оргазма, и вдруг, в последний момент, сбрасывая накал так, что я откатывалась назад. Снова и снова. Кожа моя покрылась потом, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. Его дьявольски неутомимый язык умело обрабатывал мой клитор до того момента, когда уже следующее прикосновение сулило взрыв наслаждения, но за миг до этого смещался ниже и проникал внутрь меня. Мягкие, неглубокие погружения сводили с ума, прикосновения к перевозбужденным нервным окончаниям доводили до того, что я, вконец потеряв всякий стыд, умоляла:

— Пожалуйста, Гидеон, дай мне кончить... Мне нужно кончить! Пожалуйста!

— Тсс, ангел мой... Я о тебе позабочусь.

Он закончил с нежностью, породившей оргазм, который нахлынул на меня неистовой, вздымающейся волной, наполнившей все тело жаром наслаждения.

Прижав мои руки к постели и тем самым лишив возможности двигаться, Гидеон снова навалился на меня, нацелившись членом на влажную половую щель, и уверенно ввел его внутрь. Я застонала и заерзала, чтобы как можно глубже впустить в себя его пенис.

Тяжелое, влажное дыхание Гидеона обдавало мне шею, его мощное тело содрогалось.

— Ева, ты такая мягкая и теплая. Моя Ева. Ты моя.

Я обхватила ногами его бедра и сжала икрами ягодицы, побуждая войти еще глубже. И Гидеон показал мне все, на что способен, засадив в меня свой огромный член по самые яйца. Потом он, впившись в мои губы, стал медленно двигаться вверх и вниз, напористо, но в то же время нежно. Я чувствовала каждый дюйм его твердого, как скала, тела и с каждым новым толчком все больше понимала, что каждый дюйм моего тела находится в его безраздельной власти. Снова и снова он проникал на всю глубину моего влагища, так что мне трудно было дышать; тело мое содрогалось под его напором, а вцепившиеся в него руки побелели от напряжения.

Он без конца повторял страстные слова о том, как я прекрасна... какое счастье для него иметь меня... как он не в силах... просто не может остановиться. Я кончила, закричав от наслаждения, и он тоже дошел до высшей точки. Его движения ускорились, и вот всего несколько мощных толчков — и он тоже кончил, прохрипев мое имя и излив свое семя. Я лежала, мокрая от пота, чувствуя, что у меня не осталось ни одного живого места, но была полностью удовлетворена.

— Я еще не насытился, — властно прошептал он, используя теперь и колени для увеличения силы своих движений. Они оставались умело размеренными, и каждое из них словно заявляло: «Твое тело существует, чтобы служить мне».

Закусив губу, я пыталась подавить стоны беспомощного наслаждения, грозившие нарушить безмятежность ночи... и выдать пугающую глубину чувств, которые я начинала испытывать к Гидеону Кроссу.

Утром Гидеон застал меня в душе. Он вошел в ванную во всем великолепии своей наготы, двигаясь с грацией дикого зверя, которая восхищала меня в нем с самого начала. Его волосы небрежно, но очень сексуально падали на плечи. Один лишь вид этих густых волос пробуждал в женщине непреодолимое желание вцепиться в них обеими руками. Любуясь тем, как играют при движении его мускулы, я даже не пыталась сделать вид, будто не обращаю внимания на великолепные признаки мужского достоинства, болтающиеся между его ног.

Несмотря на горячую воду, соски мои от этого зрелища напряглись, и я вся покрылась гусиной кожей.

Его понимающая улыбка сказала мне, что ему прекрасно известно о производимом им впечатлении. Я ответила на нее, пробежав мыльными руками по всему его божественному телу, а потом села и отсосала у него с таким энтузиазмом, что ему, дабы не потерять равновесия, пришлось упереться ладонями в кафельную стену. Его хриплые приказы эхом отдавались в моей голове. Я же старалась изо всех сил, чтобы он не успел затрахать меня до смерти после того, как примет душ, хотя и грозился это сделать.

Этой ночью кошмары его не мучили. Похоже, секс подействовал как успокоительное средство, чему я была до крайности рада.

— Надеюсь, ты не думаешь, будто уже отделалась? — заявил он, явившись следом за мной на кухню в черном, в тончайшую полоску костюме.

Принимая у меня чашку кофе, он одарил меня взглядом, обещающим еще много всяких разных наслаждений.

Его в высшей степени цивилизный вид вновь пробудил во мне воспоминания о ненасытном самце, прыгнувшем ночью в мою кровать, и кровь быстрее заструилась в жилах. Все чувства мои были обострены, как никогда, мышцы, помнившие о пережитом наслаждении, дрожали, точно натянутые струны, и я просто не могла не мечтать о большем.

— Вот-вот, — произнес он, прислоняясь к стойке и потягивая кофе. — Смотри на меня вот таким манером и увидишь, чем это кончится.

— Кончится тем, что я из-за тебя работы лишусь.

— Подумаешь, устрою на новую.

— Это кем? Твоей секс-рабыней? — фыркнула я.

— Хм, а что, предложение интересное. Давай обсудим.

— Черт! — пробормотала я, ополоснув свою кружку в раковине и поставив в посудомоечную машину. — Готов? К работе?

Гидеон допил свой кофе, и я протянула руку, чтобы взять у него кружку, но он ополоснул ее сам. Еще одно действие, выдававшее в нем простого смертного, а не порождение фантазии. Я была так тронута, что нечего было и пытаться это скрыть.

— Я хочу, — заявил он, повернувшись ко мне лицом, — отобедать с тобой сегодня вечером, а потом провести ночь у меня дома.

— Гидеон, я не хочу, чтоб ты на мне перегорел.

Он являлся мужчиной, привыкшим к одиночеству, мужчиной, давно не имевшим длительной, много значившей для него связи, если вообще имевшим таковую. И сколько времени потребуется на то, чтобы эти его инстинкты выветрились? А кроме того, нам и вправду лучше не выставлять наши отношения на публику...

— Только не надо отговорок. — Его лицо окаменело. — С чего ты взяла, что я могу перегореть?

Мысленно я обругала себя за то, что обидела его. Он старался, как мог, и мне следовало всячески поощрять его, а не обескураживать.

— Ой, да я не то имела в виду. Просто не хочу тебя стеснять. И потом, нам по-прежнему нужно...

— Ева, — раздраженно вздохнул он, но слегка расслабился. — Ты должна верить мне. Я же тебе верю. Просто не могу иначе. В противном случае нас с тобой сейчас бы здесь не было.

— Ладно, — кивнула я. — Договорились, обедаем и едем к тебе. Уже жду не дождусь, честное слово.

* * *

Слова Гидеона насчет доверия не выходили у меня из ума, и все было хорошо, пока на мой почтовый ящик не поступил очередной дайджест Google.

На этот раз одним снимком дело не ограничивалось. Каждая статья и блог сопровождалась несколькими фотографиями: на них мы с Кэри обнимались у ресторана, где вчера обедали. Заголовки пестрели догадками относительно наших отношений. Одни авторы упирали на то, что мы с Кэри живем вместе, другие предполагали, что, закрутив с «миллиардером-плейбоем Кроссом», я все же решила на всякий случай оставить про запас своего дружка из модельного бизнеса. Суть всей этой шумихи стала ясна, когда я увидела рядом с этими фотографиями снимки Гидеона. Они были сделаны вчера вечером, когда мы с Кэри и Треем сидели дома и смотрели кино, а Гидеон, по его словам, был на деловой обеде. На фото он стоял перед рестораном в компании Магдалены Перес: они нежно улыбались друг другу и она держала его за руку. Одни статьи превозносили Гидеона за его приверженность «красоте и разнообразию», а другие оправдывали его, объясняя встречи с Магдаленой тем, что он ищет утешения, ибо сердце его разбито моей неверностью.

Ты должна мне верить.

Чувствуя, что мне не хватает воздуха, я закрыла почту. Меня душила ревность. При этом я была уверена, что физической близости с другой женщиной у него не было, и не сомневалась в искренности его отношения ко мне. Только вот Магдалену все равно страшно ненавидела, ведь во время нашего разговора в туалете она дала мне для этого основания. Видеть, что она стоит рядом с Гидеоном, а он так нежно ей улыбается, было выше моих сил, особенно когда я вспоминала, как она обошлась со мной.

Однако я заставила себя выбросить все это на время из головы и сосредоточиться на работе. Завтра Марку предстояла встреча с Гидеоном по поводу рекламной кампании водки «Кингсмен», и сейчас я приводила в порядок соответствующую информацию.

— Ева, — окликнул меня Марк, высунув голову из своего кабинета. — Мы со Стивеном сегодня встречаемся за ланчем в «Брайант-парк гриль», и он спрашивал, не присоединишься ли ты к нам. Он был бы рад увидеться с тобой снова.

— С превеликим удовольствием.

Мое настроение заметно повысилось в предвкушении ланча в одном из моих самых любимых ресторанов да еще в компании двух по-настоящему симпатичных ребят. Это обещало отвлечь меня от мыслей о неизбежно предстоявшем мне всего через несколько часов неприятном разговоре с Гидеоном о моем прошлом.

Ясно было, что так или иначе правда вылезет наружу, и мне следовало набраться храбрости

и выложить Гидеону все, до того как мы отправимся на обед. До того, как еще раз появимся вместе на публике. Он должен знать, чем рискует, связываясь с такой особой, как я.

Получив вскоре после этого конверт по внутренней почте, я сначала подумала, что это какой-то набросок к рекламе водки «Кингсмен», но обнаружила там визитную карточку Гидеона с надписью:

Полдень. Мой кабинет.

— Разбежался, — пробормотала я, раздраженная подобной бесцеремонностью.

Разве это приглашение? Ладно, припомню ему, что он даже не заикнулся о том, что обедал с Магдаленой.

Может, он и вправду пригласил ее на свидание вместо меня? В конце концов, не в том ли и заключалась ее роль, роль одной из женщин, с которыми он общался вне своего номера в отеле.

Перевернув визитку Гидеона, я написала на ней, без подписи, ответ из того же количества слов.

Извини. Свои планы.

Ответ не самый любезный, зато заслуженный. Без четверти двенадцать мы с Марком спустились вниз, но у поста охраны меня остановили, и охранник, позвонив Гидеону, доложил, что я в вестибюле. Тут уж мое раздражение дошло до крайней точки.

— Пошли! — бросила я Марку и устремилась на улицу, игнорируя просьбу охранника немного подождать.

Я увидела Энгуса и припаркованную машину и одновременно услышала, как Гидеон окликнул меня по имени. Голос его прозвучал резко, словно щелчок кнута. Я обернулась, и он подошел к нам с бесстрастным лицом и ледяным взглядом.

— Иду на ланч со своим боссом, — вздернув подбородок, заявила я.

— Куда направляетесь, Гэррити? — спросил Гидеон, не сводя с меня глаз.

— В «Брайант-парк гриль».

— Она там будет, я об этом позабочусь.

С этими словами он взял меня за руку и отвел прямо к «бентли», заднюю дверцу которого предусмотрительно открыл Энгус. Едва я оказалась внутри, Гидеон залез следом, потеснив меня на сиденье. Дверь захлопнулась, и машина тронулась.

— Ты что делаешь?! — воскликнула я, одергивая узкую юбку. — Не говоря уж о том, в каком свете выставляешь перед боссом.

Гидеон, закинув одну руку на спинку сиденья, подался ко мне.

— Кэри — твой любовник?

— Что? Чушь какая!

— Ты с ним трахалась?

— Ты что, спятил? — Совершенно ошалевшая, я бросила взгляд на Энгуса, делавшего вид, будто он оглох. — Хренов «миллиардер-плейбой», любитель «красоты и разнообразия».

— Значит, ты видела фото.

Чуть не задохнувшись от возмущения, я все же велела себе собраться и, отвернувшись, в знак того, что отметаю его идиотские подозрения, заявила:

— Кэри для меня как брат. Ты это знаешь.

— Ага, а ты для него кто? На фотографиях все ясно видно. Нет уж, Ева, я любовь ни с чем не спутаю.

Энгус притормозил, пропуская переходивших улицу пешеходов. Я распахнула дверь и взглянула на Гидеона через плечо так, чтобы он мог как следует разглядеть мое лицо.

— Да уж это точно!

Захлопнув дверь, я помчалась прочь, переполненная праведным гневом. Мне стоило геркулесовых усилий совладать с собственной ревностью и подозрениями, и что взамен? Дурацкие инсинуации Гидеона.

— Ева, остановись!

Отмахнувшись, я поспешила в Брайант-парк — оазис сочной зелени в самом сердце города. Здесь было так хорошо и спокойно, что ты словно попадал в другой мир. Зажатый небоскребами, этот парк располагался позади старинной библиотеки. Место, где замедлялся ход времени, с каруселей звучал беззаботный детский смех, а бесценными собеседниками были книги.

Увы, великолепный великан-людоед из иного мира настиг меня и здесь. Гидеон догнал меня и схватил за талию.

— Не беги, — прошипел он мне на ухо.

— Ты ведешь себя как рехнувшийся.

— Это потому, что ты, на хрен, сводишь меня с ума.

Его руки сжимали меня, как стальные обручи.

— Ты моя. Скажи, что твой Кэри это знает.

— Знает. Точно так же, как Магдалена знает, что ты мой. — Мне хотелось его укусить. — И вообще, что ты устраиваешь публичные сцены!

— Если бы не твое ослиное упрямство, мы могли бы разобраться с этим в моем офисе.

— У меня были другие планы, черт тебя побери! А ты их, на хрен, порушил! — Голос мой задрожал, из глаз полились слезы, но тут до меня дошло, что на нас уже смотрят. Только этого мне и не хватало: оказаться в центре публичного скандала! — Вечно ты все изгадишь!

Неожиданно Гидеон развернул меня к себе лицом. При этом крепко держал за плечи, не давая мне вырваться.

— Господи! — Он привлек меня к себе и поцеловал в макушку. — Только не плачь. Извини.

Я стукнула его кулаком по груди, хотя с таким же успехом могла бы стучать по каменной стене.

— Ты вообще каким местом думаешь, а? Сам, как нечего делать, встречаешься со стервой, которая называет меня шлюхой и думает, что ты на ней женишься, а я не могу перекусить со своим лучшим другом, который с самого начала хорошо к тебе относился?

— Ева. — Он обхватил мой затылок ладонью и прижался щекой к виску. — Мэгги просто-напросто оказалась случайно в том же ресторане, где я обедал с деловыми партнерами.

— А мне плевать. Ты, помнится, похвалялся умением распознавать выражение лица. Не ты один это умеешь. Как ты мог смотреть на нее так после всего, что она мне наговорила?

— Ангел мой... — Его губы шевелились, касаясь моего лица. — Это выражение вообще к ней отношения не имело, оно связано с тобой. Мэгги перехватила меня у выхода, и я сказал ей, что направляюсь к тебе. И вид у меня был такой, потому что я представил себе нас с тобой вдвоем и ничего не мог с собой поделать.

— И ты хочешь, чтобы я поверила, будто и она улыбалась по тому же поводу?

— Она просила меня передать тебе привет, но я нашел это не совсем уместным, а после ночи с тобой у меня вообще все из головы вылетело. Учитывая, чем мы занялись.

Мои руки обхватили его талию под пиджаком.

— Нам нужно поговорить, Гидеон. Сегодня вечером. Есть многое, о чем я должна тебе

рассказать. Если репортеры начнут рыть в правильном направлении и им повезет... Короче, нам нужно не афишировать наши отношения или завязать с ними. И то и другое было бы лучше для тебя.

Гидеон обхватил мое лицо ладонями и прижался своим лбом к моему:

— Ни то ни другое не годится. Ну а что годится, это мы с тобой выясним вместе.

Приподнявшись на цыпочки, я поцеловала его. Языки наши соприкоснулись, поцелуй получился долгим и страстным, и я совершенно забыла о снующих вокруг людях. Ни их голоса, ни шум бесконечного транспортного потока не имели для меня значения, пока я была укрыта от всего этого Гидеоном. Лелеема им.

Он был для меня источником и муки, и наслаждения, человеком, перепады настроения и порывы страстей которого были под стать моим собственным.

— Уж как-нибудь разберемся, — прошептал он, пробежав кончиками пальцев по моей щеке.

— Ты меня совсем не слушаешь, сумасшедший упрямец. Мне сейчас идти надо.

— Но после работы поедem домой вместе.

Он попятился, но удерживал мою руку до тех пор, пока позволяло расстояние, и только тогда, когда наши пальцы разъединились, я повернулась в сторону скрытого за ивами ресторана.

Марк со Стивеном поджидали меня у входа, представляя собой ту еще парочку: Марк в элегантном деловом костюме и Стивен в джинсах и сапогах.

Стивен стоял, засунув руки в карманы, с улыбкой на симпатичном лице.

— Честное слово, я чуть было не заплodировал. Это лучше любой мыльной оперы.

Чувствуя, что краснею, я стала неловко переминаться с ноги на ногу.

Марк открыл дверь и поманил меня внутрь.

— Сдается мне, все мои былые предостережения насчет Гидеона ты можешь забыть.

— Спасибо, что не увольняешь меня, — отозвалась я, пока официантка проверяла, что у нас зарезервирован столик. — Или, по крайней мере, перед этим накормишь.

Стивен потрепал меня по плечу:

— Марк никак не может тебя лишиться.

Марк пододвинул мне стул и улыбнулся:

— Конечно, иначе у меня не будет возможности держать Стивена в курсе твоих любовных походов. А ведь он у нас торчит от мыльных опер. Обожает романтические драмы.

— Разыгрываешь, — фыркнула я.

Стивен потер рукой подбородок и улыбнулся:

— Ну уж нет, этого я никогда и никому не скажу. Каждый имеет право на личные секреты.

Губы мои сложились в ответную улыбку, несмотря на болезненно кольнувшую мысль о моих собственных секретах. И о том, как убийственно скоро мне придется их раскрыть.

* * *

В пять часов вечера я внутренне собиралась с силами, готовясь выложить свои секреты, а потому, усаживаясь с Гидеоном в «бентли», выглядела напряженной и мрачной, а когда заметила, что он присматривается к моему лицу, дурное настроение усилилось. А уж когда он взял мою руку и поднес к губам, я и вовсе чуть не разрыдалась. Я до сих пор еще пыталась прийти в себя после нашего спора в парке, а ведь это было наименьшее из того, с чем нам предстояло разобраться.

До его дома мы ехали в молчании. В квартире он провел меня через свою прекрасную,

роскошно обставленную гостиную прямым в спальню. Там на кровати были разложены изумительное платье для коктейлей цвета глаз Гидеона и длинный, до пола, черный шелковый халат.

— Вчера до обеда мне удалось выкроить время на покупки, — пояснил он.

— Спасибо.

Его забота порадовала меня, слегка умерив мои опасения.

Он поставил мою сумку на стул возле буфета.

— Я хотел бы, чтобы ты чувствовала себя комфортнее. Сейчас открою бутылку вина, выпьем, расслабимся. А когда будешь готова, поговорим.

— А я хотела бы быстренько принять душ.

Но вот чего я хотела на самом деле, так это максимально отдалить по времени случившееся в парке от того, что я собиралась ему сказать, чтобы и то и другое оценивалось по отдельности, но тут у меня просто не было выбора. С каждым днем неумолимо возрастала вероятность того, что сведения, которые должна была открыть Гидеону я, он получит из другого источника.

— Да что угодно, ангел мой. Чувствуй себя как дома.

Я нутром чуяла, как гнетет его беспокойство, однако сбросила туфли и поспешила в ванную, будучи уверена, что, прежде чем начать откровенничать, мне нужно как следует к этому внутренне подготовиться. Именно с целью усиления самоконтроля я забралась под душ, но, оказавшись там, невольно вспомнила наши совместные «водные процедуры» сегодня утром и опять принялась гадать, не был ли для нас, как пары, это первый и последний раз.

Выйдя из ванной, я обнаружила Гидеона стоящим возле дивана. Кроме низко сидящих на бедрах свободных пижамных штанов из черного шелка, на нем ничего не было. В камине мерцал огонь, на кофейном столике в ведерке со льдом красовалась бутылка вина. Единственный свет, если не считать камина, исходил от расставленных в центре стола свечей цвета слоновой кости.

— Прошу прощения, — произнесла я с порога. — Вообще-то, мне казалось, что я в гостях у некоего Гидеона Кросса, известного тем, что ему чужда романтика.

Он улыбнулся застенчивой мальчишеской улыбкой, еще больше подчеркнувшей сексуальность его обнаженного тела.

— Пытался угадать, что может доставить тебе удовольствие, а уж сделав выбор, просто надеялся на лучшее.

— Ты и доставил мне удовольствие.

Я направилась к нему. Полы черного халата развевались вокруг моих ног, и мне льстило, что он подобрал мне одежду под стать своей.

— Я этого хочу, — рассудительно сказал он, — и над этим работаю.

Стоя перед ним, я наслаждалась красотой его лица в обрамлении шелковистых волос, падающих на обнаженные плечи, что выглядело на редкость сексуально. Я провела ладонями по его бицепсам, слегка сжимая крепкие мышцы, а потом шагнула вперед и прижалась лицом к его груди.

— Эй, — пробормотал он, заключая меня в объятия. — Это ты насчет того, какой задницей я оказался сегодня во время ланча? А что ты там хотела мне выложить? Давай поговорим, и уверен, Ева, все будет отлично.

Я поводила носом по его рельефным мышцам и потерлась щекой о волоски на груди, вдыхая знакомый, успокаивающий запах его кожи.

— Тебе нужно сесть. Я собираюсь рассказать тебе кое-что о себе. Кое-что неприятное.

Я отстранилась, и Гидеон неохотно отпустил меня. Я устроилась на диване, подогнув под себя ноги, а он, прежде чем сесть, налил нам по бокалу золотистого вина. Подавшись ко мне, он

положил одну руку на спинку дивана и, держа в другой бокал, весь превратился во внимание.

— Прекрасно. Приступаем.

Перед тем как начать, я набрала в грудь побольше воздуха, чувствуя головокружение из-за учатившегося пульса. Трудно было вспомнить, когда в последний раз мне приходилось так отчаянно, до тугого узла в желудке, нервничать.

— Мои мать и отец никогда не состояли в браке. На самом деле мне мало что известно о том, как их угораздило сойтись, поскольку и он, и она предпочитали об этом не распространяться. Но я точно знаю, что мамуля моя всегда просто кончала от денег. Любила их больше, чем все другое. К тому же она только начала бывать в обществе, заводить знакомства, в белом платье порхала — и тут такое. Беременность стала для нее неприятной проблемой, но она не избавилась от меня. — Я опустила взгляд, заглянув в свой бокал. — Я искренне благодарна ей за это, просто восхищаюсь ею. На нее сильно давили, убеждая избавиться от ребенка — от меня! — но она выдержала и не стала прерывать беременность. Что теперь очевидно.

Он запустил пальцы в мои мокрые после душа волосы.

— Мне повезло.

Поймав его руку, я поцеловала костяшки пальцев и положила ладонь себе на бедро.

— Но даже будучи на сносях, она ухитрилась подцепить миллионера. Он был вдовцом, имел сына всего на пару лет старше меня, так что, думаю, и он и она сочли, что вполне друг другу подходят. Он много разъезжал, дома бывал редко, ну а мама тратила его деньги, а заодно растила его сына.

— Ева, я понимаю потребность в деньгах, — пробормотал Гидеон. — Мне они тоже нужны. Нужна сила, которую они дают. Безопасность.

Наши глаза встретились, и что-то, проскочившее между нами при этом признании, помогло мне продолжить:

— Мне было десять лет, когда мой сводный брат изнасиловал меня в первый раз...

Ножка бокала переломилась в его руке, но он был быстр как молния и успел перехватить бокал, не дав разлиться содержимому.

Он вскочил, и я тоже поднялась на ноги:

— Ты не порезался? Все нормально?

— Со мной все в порядке.

Он отправился на кухню и выбросил обе половинки бокала, разбив его на осколки. А я осторожно, дрожащими руками поставила свой. Судя по донесшемуся с кухни звуку, Гидеон открыл буфет, потом закрыл его, а спустя некоторое время вернулся, держа в руке стакан с чем-то потемнее.

— Сядь, Ева.

Я посмотрела на него. Держался он напряженно, глаза были холодными как лед, но потом, проведя ладонью по лицу, повторил уже более мягко:

— Сядь... пожалуйста.

Ноги у меня подкосились, и я опустилась на край дивана, запахнув на себе халат.

Гидеон, продолжая стоять, отпил большой глоток того, что было в его стакане.

— «В первый раз». Так ты сказала. А сколько всего раз это было?

Я намеренно сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

— Не знаю. Не считала.

— Ты кому-нибудь рассказала? Матери?

— Нет. Господи, узнав об этом, она, конечно, забрала бы меня оттуда. Но Натан был в себе уверен: он запугал меня так, что я и рот боялась открыть. — Горло у меня пересохло. Я поперхнулась, а при попытке сглотнуть заморгала: ощущение было такое, будто глотку

протерли наждаком. Наконец голос ко мне вернулся, но теперь это был еле слышный шепот. — Был момент, когда мне стало так худо, что я уже готова была признаться ей, несмотря ни на что. Видимо, почувствовав это, Натан, чтобы запугать меня еще больше, свернул шею моей кошке и подбросил ее мне в кровать.

— Господи! — Грудь Гидеона тяжело вздымалась. — Это не просто долбаный педофил, а чокнутый сексуальный маньяк. И эта сволочь тебя... Ева!

— Слуги, должно быть, знали, — отрешенно продолжила я, не сводя глаз со своих перекрученных рук. Сейчас мне хотелось покончить с этим и убрать все пережитое на задворки памяти, подальше от повседневной жизни. — Но думаю, они тоже боялись, поэтому никак не реагировали. И уж если никто из них, взрослых людей, слова не сказал, то чего было ждать от меня, ребенка? Что я могла?

— Но ведь пришел же этому конец, — хрипло произнес он. — Как это вышло? И когда?

— Когда мне было четырнадцать. Поначалу я думала, что у меня просто месячные, но кровотечение оказалось слишком сильным. Мама ударилась в панику и отвезла меня в клинику. Там-то все и выплыло. Они провели осмотр и обнаружили... многочисленные травмы. Вагинальные и анальные рубцы...

Гидеон со стуком поставил стакан на край стола.

— Извини, — прошептала я, чувствуя себя совсем больной. — Я бы не грузила тебя подробностями, но ты должен от меня узнать то, до чего могут докопаться и другие. Медики, как положено, сообщили о жестоком обращении в службу защиты детства. Вся история была задокументирована, и хотя эти материалы закрытые, есть люди, которые с ними знакомы. Когда мама вышла за Стэнтонна, он наведалься туда и приплатил кому надо, чтобы архивные данные ни в коем случае не предавались гласности. Но, сам понимаешь, стопроцентной гарантии это не дает, и ты вправе знать, что все может вылезти наружу и поставить тебя в неловкое положение.

— В неловкое положение? — прорычал он, дрожа от ярости. — Нашла словечко, чтобы описать мои чувства!

— Гидеон...

— Да если какой-нибудь репортер решится это опубликовать, я не только поставлю крест на его карьере, но и от издания, поместившего у себя материал, камня на камне не оставлю. — Им овладела холодная, леденящая душу ярость. — Но главное, Ева, я собираюсь найти этого издевавшегося над тобой монстра. И когда доберусь до него, он пожалеет, что еще не умер.

Я задрожала, потому что сразу ему поверила. У него все было написано на лице. Звучало в голосе. Ощущалось в излучаемой им энергии. Сейчас он воспринимался не просто как Опасный Брюнет: в Гидеоне угадывался человек, который добьется своего во что бы то ни стало.

— Он не стоит твоих усилий. Не стоит твоего времени, — сказала я, вставая.

— Не он, а ты! Ты всего этого стоишь, черт побери! Провались все пропадом!

Чувствуя, что вся дрожу, я шагнула к камину.

— Тут ведь еще и денежный след. У копов с репортерами особый нюх на деньги. Кто-то может заинтересоваться тем, почему при разводе с первым мужем моей матери досталось два миллиона долларов, а ее малолетняя дочь от предыдущей внебрачной связи получила пять. — Даже не глядя на Гидеона, я почувствовала, что он остолбенел. — Надо думать, — продолжила я, — к настоящему времени этот долбаный счет уже изрядно подрос. Я к этим деньгам не прикасалась, но они в доверительном управлении у Стэнтонна, ну а ему присущ дар царя Мидаса. Так что если тебе приходило в голову, будто меня интересуют твои деньги...

— Помолчи...

Я обернулась к нему. Я видела его лицо, его глаза. Видела жалость и ужас. Но куда сильнее ранило то, чего я не видела.

Воплощался в жизнь худший из моих кошмаров. Я боялась, что мое прошлое может негативно сказаться на его влечении ко мне, и еще раньше говорила Кэри, что тяга Гидеона ко мне может быть порождена заблуждениями. Он может вроде бы оставаться рядом, да только я, вне зависимости от намерений и целей, все равно его потеряю.

И похоже, именно это и происходило.

— Ну вот и все. Сейчас оденусь и пойду, — развязывая пояс халата, сказала я.

— Что? — уставился на меня Гидеон. — Куда пойдешь?

— Домой, — устало пробормотала я. — Полагаю, тебе нужно все это осмыслить.

— Это мы можем сделать вместе, — заявил он, скрестив руки на груди.

— Я так не думаю. — Подбородок мой вздернулся, печаль пересилила и стыд, и разрывавшее сердце разочарование. — Вряд ли это возможно, пока ты смотришь на меня вот так, с жалостью.

— Ева, я же не каменный. Любой нормальный человек не остался бы равнодушным.

Все копившиеся с самого ланча переживания сплелись в моей груди в один болевой узел, и я взорвалась:

— Не нуждаюсь в твоей хреновой жалости!

— Тогда какого черта ты хочешь?

— Тебя! Я хочу тебя.

— Так ведь я у тебя есть. Сколько раз можно повторять одно и то же?

— Твои слова и гроша ломаного не стоят, если ничем не подкреплены. Если хочешь знать, я заводилась от тебя с самого начала. И заводило меня то, что каждый твой взгляд говорил о том, что ты хочешь затрахать меня до смерти. А теперь это ушло, Гидеон. — Глаза мои горели от невыплаканных слез. — Этот взгляд... Его больше нет.

— Ты несешь полную ахинею. — Он посмотрел так, словно у меня выросла вторая голова.

— Думаю, ты и понятия не имеешь, что за чувства рождает во мне твое желание. — Я обхватила себя руками, прикрывая груди, поскольку, обнажив перед ним душу, ощутила себя действительно голый. — Оно позволяет мне чувствовать себя красавицей. Чувствовать себя сильной и живой. Я... я не могу оставаться с тобой, если ты больше не испытываешь ко мне такого влечения. Я просто этого не вынесу.

— Ева, я... — Он осекся. Его напряженное лицо приобрело отстраненный вид, руки сжались в кулаки.

Развязав пояс, я сбросила халат:

— Смотри, Гидеон. Смотри на мое тело. То самое, которым ты никак не мог насытиться прошлой ночью. То самое, к которому тебя так неудержимо тянуло, что ты заволок меня в свой паршивый гостиничный номер. Если ты больше этого не хочешь... если тебя это больше не цепляет...

— А что ты на это скажешь? — Он рванул шнурок, спустив пижамные штаны и выставив напоказ огромный член в состоянии эрекции.

Мы одновременно бросились навстречу друг другу, столкнулись, и наши губы слились. Гидеон слегка приподнял меня, чтобы я смогла обхватить ногами его бедра, шагнул к дивану, и мы упали на него.

Задышавшись и всхлипывая, я распростерлась на диване под тяжестью его тела. Затем Гидеон соскользнул на пол и принялся обрабатывать языком мой клитор. Он был груб, нетерпелив, без уже ставшей привычной нежности, но я была в восторге. А в еще больший восторг пришла, когда он лег на меня и вставил свой член. Моя половая щель еще не успела полностью увлажниться, так что я охнула от болезненного напора, но его большой палец уже принялся растирать круговыми движениями мой клитор, что тут же вызвало ответное движение бедер.

— Да! — простонала я, впившись ногтями в его спину. — Трахни меня, Гидеон! Трахни как следует!

— Ева! — Припав к моим губам и крепко схватив за волосы, он пригвоздил меня к дивану, а сам в это время снова и снова, глубоко и мощно вонзал в меня свой член. Он уперся ногой в спинку дивана, чтобы проникнуть в меня еще глубже, тем самым ускоряя наступление безумного оргазма. — Моя... Моя... Моя...

Его тяжелые яйца ритмично хлопали по моим ягодицам, и эта властная литания сводила меня с ума. С каждым новым болезненным толчком моя половая щель сжималась от возбуждения.

Протяжный горловой звук возвестил о том, что он кончает: его тело судорожно содрогалось, изливая семя в мое лоно. Все это время я прижимала его к себе, гладила спину, осыпала поцелуями плечо.

— Держись! — рыкнул Гидеон, подсовывая руки под меня и чуть ли не сплющивая мне груди.

Он подтянул меня наверх и сел, широко расставив ноги. Его семя увлажнило мое влагалище, что облегчало движение его члена.

Гидеон убрал с моего лица волосы, а потом вытер выступившие у меня слезы облегчения.

— У меня всегда на тебя стоит, меня всегда к тебе тянет. Я с ума схожу от желания иметь тебя. И если бы что-то угрожало моей страсти, я разобрался бы с этим раньше, не дав делу зайти так далеко. Понятно?

— Да, — прошептала я, взяв его за запястья.

— А теперь покажи, что и ты меня хочешь. — Лицо его было красным и мокрым, в потемневших глазах бушевала буря. — Я должен знать, что потерять контроль над собой еще не значит потерять тебя.

В ответ я положила его руки на свои груди, а когда он сжал их, схватила его за плечи и заработала бедрами. И очень скоро его лишь наполовину обмякший член снова затвердел. Его пальцы тискали мои соски, и по моему телу пробегали волны удовольствия. А когда он взял затвердевший сосок в рот, я не выдержала и закричала. Мое тело воспламенилось и требовало большего.

Я приподнялась и закрыла глаза, сосредоточившись на движениях его члена.

— Вот так! — прорычал Гидеон; он ласкал языком мою грудь и теперь взял в рот другой, тоже набухший сосок. — Кончи для меня. Хочу, чтобы ты кончила.

Я энергично работала бедрами, чувствуя его член внутри себя. Я не испытывала никакого стыда, никаких сожалений по поводу того, что сама доводила себя до оргазма, подсакивая на его пенисе и старясь сделать так, чтобы его головка входила под правильным углом и терлась о самое чувствительное место.

— Гидеон! — задыхаясь, стонала я. — Ох да... Пожалуйста...

— Ты так прекрасна! — Схватив меня сзади за шею одной рукой и за талию другой, он приподнял мои бедра, чтобы засадить еще глубже. — Так сексуальна. Я собираюсь кончить в тебя снова. Вот, Ева, что ты со мной делаешь. Мне никогда не насытиться тобой!

Я только и могла, что всхлипывать: его глубокие ритмичные толчки отзывались во всем теле сладостным напряжением. Я задыхалась, неистово подмахивая бедрами. Просунув руку между ног, я принялась, чтобы ускорить оргазм, растирать пальцами свой клитор.

Он охнул, его голова откинулась на диванную подушку, шея напряглась.

— Чувствую, ты собираешься кончить. Твоя киска такая жаркая, такая мокрая, такая жадная.

Его слова и голос подействовали на меня так возбуждающе, что я содрогнулась и закричала, испытав невероятно мощный оргазм. Моя половая щель непроизвольно сжимала и разжимала стальной член Гидеона.

Пока я кончала, он скрежетал зубами, но сдерживался. Потом поднял мои бедра, проникнув в меня на всю длину члена. Один раз, другой... На третий Гидеон выкрикнул мое имя и испустил жаркую струю, похоронив тем самым все мои недавние страхи и сомнения.

Не знаю, сколько времени мы провели с ним на диване, прижавшись друг к другу. Моя голова лежала у него на плече, а его руки ласкали мою спину.

— Останься, — наконец прошептал Гидеон, прижавшись губами к моему виску.

— Да.

Он сжал меня в объятиях.

— Ты такая храбрая, Ева. Такая сильная и честная. Ты просто чудо. Мое чудо.

— Если и чудо, то чудо современной терапии, — усмехнулась я, взъерошивая его пышную шевелюру. — Но даже при этом я частенько оказываюсь на грани срыва. Не думаю, что мне когда-нибудь удастся справиться с этим полностью.

— Господи, страшно вспомнить, как я поначалу на тебя наехал... Я ведь мог все испортить. А благотворительный обед... — Он пожал плечами и уткнулся лицом мне в шею. — Ева, не дай мне все испортить. Не дай мне спугнуть тебя.

Подняв голову, я присмотрелась к его лицу. Оно было так красиво, что порой у меня просто захватывало дух.

— Слушай, ты не должен теперь переосмысливать все свои слова и поступки из-за того, что когда-то сделал Натан. Это разъединит нас. Положит конец нашим отношениям.

— Не говори так. И даже не думай об этом.

Я разгладила большим пальцем его насупившуюся бровь:

— Я не хотела рассказывать тебе. Не хотела, чтобы ты об этом знал.

Он поймал мою руку и прижал кончики пальцев к своим губам:

— Я должен знать тебя всю, все потаенные уголки твоей души.

— Женщина должна иметь свои тайны, — поддразнила его я.

— А у тебя их не будет. — Схватив одной рукой за бедра, а другой — за волосы, он притянул меня еще ближе, тем самым напомнив, что его член до сих пор во мне. — Я намерен полностью обладать тобой, Ева. Что справедливо, если учесть, что ты точно так же обладаешь мной.

— Гидеон, а как насчет твоих тайн?

Его лицо окаменело, превратившись в маску, которая уже стала его второй натурой.

— Встретив тебя, я начал с чистого листа. Все, что я считал необходимым... — Он покачал головой. — Ты помогаешь мне понять, кто я такой. Ты единственная, кто по-настоящему меня знает.

Но это было не так. На самом деле я не знала его. Познавала, осмысливала, изучала, но во многом он по-прежнему оставался для меня тайной.

— Ева... Ты только скажи мне, чего хочешь... — Он тяжело сглотнул. — Только дай мне шанс, а я постараюсь сделать все как лучше. Только не... покидай меня.

Господи, ну что он со мной творит? Несколько слов, отчаянный взгляд — и он вывернул меня наизнанку.

Я дотронулась до его лица, волос, плеч. В Гидеоне, как и во мне, существовал какой-то внутренний надлом, но чем он был вызван, мне пока было непонятно.

— Гидеон, мне действительно кое-что от тебя нужно.

— Все, что угодно. Только скажи.

— Мне нужно, чтобы ты каждый день рассказывал мне о себе что-то такое, чего я не знаю. Любую мелочь, не важно. Но то, что позволит лучше тебя понять. Мне необходимо, чтобы ты пообещал мне это.

— По своему усмотрению? — осторожно спросил Гидеон.

Я кивнула, хотя сама была не вполне уверена в том, чего, собственно говоря, добиваюсь.

— Договорились, — тяжело вздохнул он.

Я нежно поцеловала его в знак благодарности.

Потершись своим носом о мой, он предложил:

— Давай сходим куда-нибудь пообедать. Или ты предпочтешь заказать обед сюда?

— Ты уверен, что нам стоит куда-то идти?

— Я хочу, чтобы у нас с тобой было настоящее свидание.

Отказать ему в этом, прекрасно понимая, что значит для него подобный шаг, я, разумеется, не могла. Этот шаг много значил для нас обоих, особенно если учесть, какой катастрофой обернулось для нас прошлое свидание.

— Звучит романтично. Отказаться просто невозможно.

В награду я получила радостную улыбку, а потом мы вместе приняли душ. Меня восхищала интимность этой процедуры: мне было приятно мыть его и ощущать его ладони на своей коже. А когда я положила его руку себе между ног, так что два пальца погрузились в меня, то увидела в его глазах уже знакомый блеск, появившийся, когда он понял, что его сперма еще во мне.

— Моя.

В ответ я обеими ладонями взяла его член и прошептала в ответ то же самое.

В спальне я приложила к себе новое голубое платье:

— Гидеон, ты сам его выбирал?

— Ага. Тебе нравится?

— Еще как, — улыбнулась я. — Еще мама говорила мне, что у тебя прекрасный вкус... за исключением того, что ты отдаешь предпочтение брюнеткам.

— Каким еще брюнеткам? — посмотрев на меня, буркнул он и исчез в огромной гардеробной.

— Ага, зацепило.

— Загляни-ка в верхний ящик справа, — сказал он.

Я подумала о том, не хочет ли он просто тем самым отвлечь меня от мыслей обо всех брюнетках, с которыми его фотографировали, включая Магдалену, однако, положив платье на кровать, выдвинула ящик. Внутри оказалось женское белье от Карин Жильсон, моего размера, причем самых разных цветов. Были там и подвязки, и шелковые чулки, все в упаковках.

Когда Гидеон вернулся обратно с одеждой в руках, я, уставившись на него, спросила:

— Так у меня теперь тут свой ящик?

— Три ящика в шкафу и два в ванной.

— Гидеон, — улыбнулась я, — вообще-то, ящик для вещей любовнику предоставляют только через несколько месяцев знакомства.

— С чего ты взяла? — Он положил свою одежду на кровать. — Ты что, жила с кем-нибудь, кроме Кэри?

— Чтобы иметь свой ящик в чужом доме, вовсе не обязательно с кем-то там жить, — смерила я его взглядом.

— Это не ответ, — нахмурился он и легонько оттеснил меня в сторону, чтобы взять пару чистых трусов.

Поняв, что у него начинает портиться настроение, я поспешно сказала:

— Нет, я не жила вместе с другим женщиной.

Наклонившись, Гидеон небрежно поцеловал меня в лоб и добавил:

— Я хочу, чтобы наши отношения были для тебя чем-то особенным.

— Так оно и есть. Честно признаться, я даже немного сопротивляюсь. Уж слишком быстро все происходит. Мне кажется, это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Возможно. Но даже если и так, то мы это заслуживаем.

Я подошла к нему и позволила ему обнять себя. Поскольку лучше всего чувствовала себя именно в его объятиях.

— Для меня невыносима мысль о том, что ты ждешь, когда все это кончится, — поцеловал он меня в голову. — Все именно так. По тебе видно.

— Извини.

— Нам просто нужно придать тебе побольше уверенности. — Он пробежал пальцами по моим волосам. — Только как это сделать?

Я помедлила, собираясь с духом, а потом спросила:

— А ты пошел бы со мной на парную терапию?

Его пальцы замерли. Он стоял, глубоко дыша.

— Ты просто подумай об этом, — предложила я. — Может, пойдешь и просто посмотришь, что к чему?

— Я делаю все не так? В том, что касается нас с тобой? Я так сильно все порчу?

Я подалась назад, чтобы взглянуть на него.

— Нет, Гидеон. Ты само совершенство. Для меня, во всяком случае, никого лучше нет. Я без ума от тебя. Но мне кажется...

Он поцеловал меня.

— Ладно, будь по-твоему. Схожу.

В этот момент я любила его. До умопомрачения. И в следующий тоже. Да и всю дорогу до ресторана «Маса», где обед был просто великолепным. Зал оказался практически пустой, встретивший нас метрдотель приветствовал Гидеона по имени. Все поданные на стол блюда были выше всяких похвал, а вино — таким дорогим, что лучше и не думать. Гидеон включил на полную мощность свое обаяние.

В выбранном им для меня платье я чувствовала себя красавицей, и на душе стало значительно легче. Он уже узнал обо мне все самое плохое, и это его не оттолкнуло.

Он погладил меня по плечу... затем по голове... и наконец по спине. Он поцеловал меня в макушку, потом за ухом, слегка прикасаясь языком к чувствительной коже. Его рука под столом сжимала то мое бедро, то колено. От осознания его близости я чувствовала внутреннюю дрожь. Я хотела его, умирала от желания.

— А где ты познакомилась с Кэри? — спросил он, глядя на меня поверх бокала с вином.

— На психотерапевтических занятиях. — Я положила руку на его ладонь, остановив движение его пальцев по моей ноге, и, заметив озорной блеск в его глазах, улыбнулась. — Мой отец — коп. По своим каналам он узнал про доктора Трэвиса, который был обалденным специалистом как раз по съехавшим с катушек подросткам, а я была именно из таких. Ну а Кэри тоже посещал его сеансы.

— Обалденным, говоришь? — улыбнулся Гидеон.

— Доктор Трэвис и вправду не похож ни на одного психотерапевта, с кем мне приходилось иметь дело. Начать с того, что его офис был расположен в бывшем спортзале. Доктор Трэвис придерживался политики открытых дверей, и тусоваться там было для меня куда интереснее, чем лежать у кого-то на кушетке. К тому же у него имелось классное правило. Он сам был очень честным и требовал честности от других. Малейшее отступление от этого правила выводило его

из себя. Мне это в нем особенно нравилось. Он искренне переживал за каждого из нас.

— А в Университет Сан-Диего ты поступила, потому что твой отец живет в Южной Калифорнии?

Мой рот непроизвольно скривился: вот и опять выяснилось, что он знает обо мне нечто, о чем я не рассказывала.

— И много ты всего обо мне накопал?

— Да сколько смог.

— А захочу я знать, во сколько это обошлось?

Он поднес мою руку к губам и поцеловал тыльную сторону ладони.

— Вряд ли.

Я сердито тряхнула головой:

— Да, именно поэтому я и поступила в Сан-Диего. Пока росла, мне не удавалось проводить с отцом достаточно времени. Ну и потом, не терпелось вырваться из-под маминой опеки. Она меня достала.

— Но о том, что с тобой случилось, отцу ты, конечно, не рассказывала?

— Нет. — Я покрутила ножку бокала. — Он знает лишь то, что я была злостным нарушителем порядка, причем с обостренным чувством собственного достоинства. Одним словом, неуправляемым подростком. Но о Натане отец не знает ничего.

— Почему?

— Потому что он все равно не смог бы изменить то, что случилось. Натан понес наказание. Его отец заплатил немалые деньги в возмещение ущерба. Правосудие свершилось.

— Не согласен, — холодно заявил Гидеон.

— А чего еще ты ждал?

Он сделал большой глоток и только потом ответил:

— За столом этого лучше не описывать.

— Ох!

Поскольку его тон, а также ледяной взгляд не оставляли места для сомнений, я предпочла промолчать и сосредоточиться на принесенной еде. Меню в ресторане не было, только «омакасе» — предложение шеф-повара, и каждое блюдо отличалось своеобразием и удивительным вкусом. Здесь обслуживали так, словно мы были хозяевами этого заведения.

— Обожаю смотреть, как ты ешь, — произнес Гидеон после небольшой паузы.

— Что ты имеешь в виду? — бросила я на него подозрительный взгляд.

— Ты ешь очень аппетитно. И даже постанываешь от удовольствия, от чего я просто торчу.

— По твоему же признанию, у тебя всегда торчит, — толкнула его плечом я.

— Сама виновата, — ухмыльнулся он.

Гидеон ел лениво, а на счет с астрономической суммой даже и не взглянул.

Прежде чем мы вышли наружу, он набросил мне на плечи свой пиджак и сказал:

— Давай пойдем завтра в твой тренажерный зал.

— Но твой же круче, — удивилась я.

— Конечно. Но я готов пойти туда, куда захочешь ты.

— Особенно туда, где нет услужливого тренера по имени Дэниел? — с улыбкой уточнила я.

— Следи за собой, ангел мой. Я никому не позволю смеяться над своим инстинктом собственника, — скривился он.

Про себя я отметила, что на сей раз он уже не грозился отшлепать меня. Быть может, понял, что управляемая боль в сочетании с сексом для меня главный спусковой механизм? Это, в свою очередь, вернуло меня к мыслям, возвращаться к которым мне вовсе не хотелось.

Когда мы уже ехали к Гидеону домой в его машине, я сидела, тесно прижавшись к нему, положив голову ему на плечо и закинув ноги ему на колени. Я думала о том, что садизм Натана продолжает влиять на мою жизнь, и в первую очередь на половую.

Много ли подобных призраков прошлого удастся нам с Гидеоном изгнать совместными усилиями? Одного взгляда на сексуальные игрушки, лежавшие в ящике его гостиничного номера, мне хватило, чтобы понять: по сексуальной части он явно куда опытнее и изобретательнее меня. А наслаждение, испытанное мною ранее от его необузданной, бешеной страсти, показало, что он способен проделать со мной то, что не мог до него никто другой.

— Верю тебе, — еле слышно произнесла я.

Он обнял меня еще крепче и, прижавшись губами к волосам, прошептал:

— Ева, мы подарим друг другу много счастливых минут.

Позже в ту ночь, когда я засыпала в его постели, в голове продолжали звучать эти слова.

* * *

— Нет... Нет! Нет, не надо... Пожалуйста!

Крики Гидеона заставили меня подскочить на кровати. Сердце неистово колотилось, дыхание перехватило. Расширенными глазами я смотрела на корчившегося словно в припадке мужчину.

Он бился, как пойманный в ловушку дикий зверь, размахивал сжатыми в кулаки руками и отчаянно брыкался. Я отпрянула, всерьез опасаясь, что он, терзаемый ночным кошмаром, может меня ударить.

— Убирайся! — выдохнул он.

— Гидеон! Проснись!

— От... вали...

Тело его изогнулось дугой, и он, болезненно скрежеща зубами, замер в этой позе, как будто под ним горела постель, а потом рухнул, и матрас скрипнул под его тяжестью.

— Гидеон!

Я было потянулась к ночнику, но мне мешали сбившиеся в комок одеяла. Горло мое саднило. А Гидеон продолжил биться и дергаться так неистово, что содрогалась вся кровать.

Когда мне наконец удалось включить лампу, я повернулась к Гидеону...

И увидела, как он занимается откровенной мастурбацией. Его правая рука, двигаясь вверх и вниз, с такой силой сжимала член, что побелели костяшки пальцев, а левая судорожно цеплялась за простыню. Прекрасное лицо было мучительно искажено.

Испугавшись, я обеими руками толкнула его в плечо.

— Гидеон, черт возьми! Проснись!

Мой крик прорвался сквозь завесу кошмара. Его глаза открылись, он подскочил, взгляд отчаянно заметался.

— Что? — выдохнул Гидеон. Грудь его тяжело вздымалась, лицо горело как в лихорадке, губы и щеки покраснели от возбуждения. — Что случилось?

— О господи, — прошептала я, слезла с кровати и накинула халат.

«Что с ним творится? С чего, вообще, человека могут преследовать такие жуткие сексуальные сны?»

Голос мой дрожал.

— У тебя был кошмар. Ты так орал и бился, что до смерти напугал меня, — дрожащим голосом сказала я.

— Ева, — произнес Гидеон. Он посмотрел на свой стоящий торчком член и помрачнел от стыда.

— Что тебе снилось? — спросила я и на всякий случай отошла подальше к окну.

Не смея взглянуть на меня, он униженно опустил голову: поза, совершенно для него нехарактерная. Впечатление было такое, будто в теле Гидеона обосновался кто-то другой.

— Не знаю.

— Вот дерьмо! Что-то пожирает тебя изнутри. Что именно?

Гидеон стряхивал с себя остатки сна и прямо на глазах приходил в себя:

— Это был просто сон, Ева. Со всеми бывает.

Я с негодованием уставилась на него. С чего это он вздумал разговаривать со мной как с ненормальной?!

— Да пошел ты!..

Его плечи расправились, когда он подтянул одеяло и прикрыл бедра.

— Почему ты так злишься?

— Потому что ты врешь.

Он набрал полную грудь воздуха, а потом с тяжелым вздохом пробормотал:

— Извини, что разбудил тебя.

Я ущипнула себя за переносицу, чувствуя усиливающуюся головную боль. Глаза жгли подступавшие слезы жалости к нему, к тому, что нечто пережитое им в прошлом до сих пор мучило его. И к нам обоим, потому что, если он не допускал меня в свою душу, наши отношения не имели будущего.

— Я спрошу еще раз: Гидеон, что тебе снилось?

— Не помню. У меня голова постоянно забита, вот, наверное, и перенапрягся. Пожалуй, мне сейчас лучше пойти в кабинет и поработать. А ты ложись и постарайся уснуть.

— Гидеон, на мой вопрос могло быть несколько правильных ответов. Первый — «Давай поговорим об этом завтра». Второй — «Давай поговорим об этом в выходные». Даже такой ответ, как «Я пока не готов об этом говорить». Но ты почему-то вообразил, что со мной можно разговаривать как со скудоумной.

— Ангел...

— Нет. — Я обхватила себя руками. — Думаешь, мне легко было рассказывать тебе о моем прошлом? Полагаешь, это совсем не больно: обнажиться перед тобой и вывернуть свою душу наизнанку? Не проще ли было бы порвать с тобой и найти кого-нибудь не столь крутого? Но я пошла на это, потому что хочу быть с тобой. Быть может, когда-нибудь у тебя появится подобное чувство в отношении меня. — Я вышла из комнаты.

— Ева! Ева, черт побери! Вернись. Что на тебя нашло?

Я ускорила шаг, понимая, что он чувствует: боль в кишках, как при раковой опухоли, бессильную ярость, потребность забиться в укромное местечко и собраться с силами, чтобы задвинуть проклятые воспоминания обратно в ту черную дыру, в которой они таятся.

Но все это не оправдывало лжи и попытки переложить вину на меня.

Схватив сумочку со стула, куда бросила ее, вернувшись из ресторана, я, как была в халате, помчалась в холл. Двери лифта уже закрывались, когда Гидеон вошел в гостиную. Его нагота убедила меня в том, что в погоню за мной он, во всяком случае немедленно, не пустится, а вот взгляд убедил в том, что оставаться мне точно не следует. Его лицо вновь обрело то безжалостное выражение, которое заставляло всех держаться на безопасном расстоянии. Дрожа всем телом, я тяжело облокотилась о латунный поручень, разрываясь между сочувствием и заботой, порождавшими желание остаться, и выстрадавшим опытом, убеждавшим, что ни к чему хорошему это не приведет. Дорога, по которой я возвращалась к нормальной жизни, была

вымощена горькой правдой, а не ложью и отрицанием.

Пока лифт спускался, я похлопала себя по мокрым щекам и сделала несколько глубоких вдохов. К тому времени, когда двери кабины отворились, я уже полностью взяла себя в руки.

Швейцар подозвал такси, причем, будучи настоящим профессионалом, держался так, словно я вышла из лифта в деловом костюме, а не босая, в черном шелковом халате. Я была искренне ему благодарна.

Таксисту, быстро доставившему меня домой, я дала щедрые чаевые, а на косые взгляды швейцара и консьержа просто не обратила внимания. Никак не отреагировала я и на взгляд, которым смерила меня вышедшая из лифта блондинка, хотя до меня дошло, что от нее пахнет одеколоном Кэри, к тому же на ней была его футболка. А вот у нее мой странный наряд вызвал удивление:

— Классный халатик.

— Классная футболочка.

С ухмылкой на физиономии, блондинка свалила.

Добравшись до своего этажа, я обнаружила Кэри пошатывающимся в дверном проеме, тоже в халате. Завидев меня, он раскрыл объятия:

— Иди сюда, детка.

Я так и сделала: крепко обняла его, вдыхая запах женской косметики и недавнего секса.

— Кто эта цыпочка, которую я только что встретила?

— Да тоже модель. Не бери в голову. — Он затащил меня внутрь, после чего закрыл и запер дверь. — Кросс звонил. Сказал, что ты едешь домой, а твои ключи остались у него. Хотел удостовериться, что я дома и смогу тебя впустить. Все бы ничего, но голос у него был нервный, встревоженный. Ты хочешь об этом поговорить?

Бросив сумочку на барную стойку, я прошла на кухню.

— У него опять был кошмар. Настоящий кошмар, жуткий. А когда я спросила об этом, стал отнекиваться, врать, вести себя так, словно я круглая дура.

— Да, это классика.

Зазвонил телефон. Я отключила у него звук, а Кэри сделал то же самое со второй трубкой, которую оставил на стойке. Достав свой смартфон, я убрала извещение о пропущенных звонках от Гидеона и отправила ему эсмэску:

Дома. Добралась нормально. Надеюсь, остаток ночи ты будешь спать.

Затем отключила телефон, убрала обратно в сумочку и достала из холодильника бутылку воды.

— Фишка в том, что нынче вечером я выложила ему всю свою подноготную.

— Вот оно что, — удивился Кэри. — Ну и как он это воспринял?

— Лучше, чем я думала. А Натану теперь стоит поостеречься, чтобы их дорожки, не дай бог, не пересеклись. И Гидеон согласился на предложенные тобой парные консультации. Мне казалось, что мы обошли самый острый угол. Может, оно и так, но за поворотом все равно вмазались в кирпичную стену.

— Выглядишь ты, однако, совсем неплохо. — Кэри прислонился к барной стойке. — Слез нет. Вполне спокойна. Мне стоит волноваться?

Я машинально потерла живот, чтобы унять коренившийся там страх.

— Нет, со мной все будет в порядке. Просто... нужно все между нами выяснить до конца. Я очень хочу быть с ним, но ложь, а тем более в серьезных вопросах, для меня неприемлема.

Господи! На самом деле я не могла позволить себе даже в мыслях допустить, что мы не

сможем через это пройти. Потребность быть с Гидеоном стала для меня чем-то вроде наркотической зависимости.

— Детка, да ты у меня крутая. Я горжусь тобой. — Кэри подошел ко мне, взял за руку и, выключив на кухне свет, добавил: — Пошли спать, утро вечера мудренее.

— Похоже, у тебя с Треем все идет хорошо?

— Милая, мне кажется, у меня любовь, — просиял он.

— С кем? — Я прижалась щекой к его плечу. — С Треем или с блондинкой?

— Ну конечно же с Треем, глупышка. С блондинкой у меня была просто разминка.

Я многое могла сказать Кэри по этому поводу. Но стоило ли в такой момент ворошить прошлое, напоминать ему о былых ошибках? Может, надо остановиться? Ведь пока у него с Треем полная гармония, и пусть все остается как есть.

— Похоже, ты наконец сошелся с хорошим парнем. Мы должны это отпраздновать.

— Эй, ты начала говорить совсем как я.

Утро следующего дня было слегка сюрреалистичным. На работу я пришла вовремя, но большую часть времени до обеденного перерыва пребывала в каком-то холодном тумане. Мне никак не удавалось согреться, несмотря на надетый поверх блузки кардиган, да еще и повязанный сверху шарф, не подходивший ни к тому ни к другому. На обработку запросов у меня уходило на несколько минут больше, чем обычно, ну а главное, я никак не могла стряхнуть ощущение ужаса.

Гидеон даже не пытался хоть как-то связаться со мной. Не было ни звонков, ни эсэмэсок, ни электронных писем на мой смартфон или на почтовый ящик моего компьютера. Писем по внутренней почте тоже не было.

Особенно мучительным его молчание стало после того, как я просмотрела очередной дайджест Google, снабженный фото и видеозаписями, на которых мы с Гидеоном выясняем отношения в Брайант-парке. Глядя на нас со стороны, таких страстных и влюбленных друг друга, я испытывала сладкую горечь.

Но сердце мое сжималось от боли. «Гидеон».

Если нам не удастся преодолеть это, смогу ли я хоть когда-нибудь перестать думать о нем и сожалеть о постигшей нас неудаче?

Впрочем, я изо всех сил старалась собраться и успокоиться. Марку сегодня предстояла встреча с Гидеоном. Может, поэтому Гидеон и решил оставить меня пока в покое? А может, он на самом деле очень занят. Я знала, что деловое расписание у него довольно плотное. Но помнила я и то, что мы планировали посетить сегодня после работы тренажерный зал.

Вздыхнув, я сказала себе, что, возможно, все еще как-то образуется само по себе. Просто должно образоваться.

В четверть двенадцатого зазвонил мой рабочий телефон. Поскольку, судя по определителю номера, звонили из приемной, я взяла трубку с разочарованным вздохом.

— Привет, Ева, — послышался оживленный голос Мегуми. — Тут к тебе посетительница — некая Магдалена Перес.

— Кто?

Я уставилась на монитор в раздражении и растерянности. Неужели снимки из Брайант-парка выманили Магдалену из той норы, которую она именовала домом? В любом случае, разговаривать с ней мне не хотелось.

— Займи ее чем-нибудь, пусть подождет, ладно? Мне надо сначала кое-что закончить.

— Конечно. Предложу ей присесть.

Повесив трубку, я достала смартфон и стала просматривать телефонную книгу, пока не нашла номер офиса Гидеона. К моему облегчению, ответил Скотт.

— Привет, Скотт. Это Ева Трэмелл.

— Привет, Ева. Желаете поговорить с мистером Кроссом? У него сейчас совещание, но я могу соединить.

— Нет-нет, не стоит его беспокоить.

— На этот счет у меня имеется специальное распоряжение. Он не будет иметь ничего против.

До чего же приятно было услышать эти слова!

— Ради бога, извините, но у меня к вам просьба.

— Всегда к вашим услугам. На этот счет у меня тоже имеется специальное распоряжение.

Его слова позволили мне еще больше расслабиться.

— Здесь, на двадцатом этаже, находится Магдалена Перес. Честно говоря, единственное, что нас связывает, это Гидеон. Так что хорошего мало. Если у нее есть что сказать, то ей лучше поговорить с вашим боссом. Не могли бы вы послать кого-нибудь отвести ее наверх?

— Без проблем. Я все организую.

— Спасибо, Скотт. Весьма признательна.

— Всегда рад служить, Ева.

Повесив трубку, я развалилась на стуле, чувствуя себя значительно лучше и даже гордясь тем, что не позволила ревности повлиять на мое решение. Конечно, одна мысль о том, что эта особа занимает время Гидеона, была мне по-прежнему глубоко неприятна. Однако, сказав, что верю ему, я не врала. Я действительно верила в глубину и силу его чувства ко мне, только вот не знала, достаточно ли оно, чтобы пересилить его инстинкт самосохранения.

Мегуми позвонила мне снова.

— Господи, — со смехом произнесла она, — ты бы видела ее физиономию, когда кто-то там явился, чтобы ее забрать.

— Хорошо, — ухмыльнулась я. — В том смысле, что для нее ничего хорошего. Она уже ушла?

— Угу.

— Спасибо.

Я пересекла узкий коридор и, засунув голову в кабинет Марка, спросила, не хочет ли он, чтобы я организовала ему ланч.

Он задумчиво нахмурился и покачал головой:

— Нет, спасибо. Перед встречей с Кроссом от волнения все равно кусок в горло не ползет. А к тому времени, когда я освобожусь, все уже остынет.

— А как насчет какого-нибудь протеинового коктейля? Чтобы подзарядиться энергией до тех пор, пока не сможешь поесть как следует?

— Это было бы здорово. — В его темных глазах появились озорные огоньки. — И хорошо бы с водкой. Это настроило бы меня на нужный лад, привело бы в должное настроение.

— У тебя на что-нибудь есть аллергия?

— Нет.

— Вот и чудесно. Увидимся через час.

Куда идти, я уже знала. Заведение, находившееся в паре кварталов от Кроссфайр-билдинг, предлагало закуски, салаты, коктейли и горячие бутерброды по заказу посетителей.

Спускаясь вниз, я старалась не думать о том, что Гидеон не дает о себе знать, хотя, честно говоря, после истории с Магдаленой ожидала от него хоть какой-то реакции. И отсутствие этой самой реакции пробудило улегшееся было беспокойство. Я вышла из здания и пошла по улице, не обратив никакого внимания на выбиравшегося из машины парня, но он окликнул меня по имени.

Обернувшись, я оказалась лицом к лицу с Кристофером Видалом.

— О... привет, — поздоровалась я. — Как дела?

— С того момента, как увидел тебя, гораздо лучше. Потрясающе выглядишь.

— Спасибо. Ты тоже.

Он не был похож на Гидеона, но отличался своеобразной красотой. Вьющиеся каштановые волосы, серо-зеленые глаза и обаятельная улыбка. Одет он был в свободного покроя джинсы и кремовый джемпер с V-образным вырезом, что смотрелось на нем весьма сексуально.

— Ты к брату? — спросила я.

— Ага, и к тебе.

— Ко мне?

— Ты на ланч? Я пойду с тобой, заодно все и расскажу.

Я тут же вспомнила предостережение Гидеона насчет того, что мне следует держаться от Кристофера подальше. Но сейчас я считала, что Гидеон стал доверять мне. Тем более что речь идет о его брате.

— Я иду в одно место, тут недалеко. Присоединишься?

— Само собой.

Мы зашагали рядом.

— А зачем ты хотел меня видеть? — спросила я, не в силах справиться с любопытством.

Сунув руку в один из накладных карманов джинсов, он достал оттуда конверт из веленовой бумаги с официальным приглашением.

— Я пришел пригласить тебя на вечеринку в саду. Она состоится в воскресенье, в поместье моих родителей: сочетание бизнеса с развлечением. Будет много артистов, связанных с «Видал рекорде». Вот я и подумал, что парню, с которым ты делишь квартиру, не помешает расширить свои контакты с миром музыкального видео.

— Это было бы здорово! — просияла я.

Кристофер ухмыльнулся и вручил мне приглашение.

— Вы оба получите удовольствие. Никто не умеет устраивать вечеринки так, как моя мать.

Я посмотрела на зажатый в руке конверт. Интересно, почему Гидеон ни словом не обмолвился об этом событии?

— Если ты гадаешь, почему Гидеон ничего тебе не сказал, — прочел мои мысли Кристофер, — так это потому, что он на такие вечеринки не ходит, хотя и владеет контрольным пакетом акций компании. Думаю, он считает музыкальную индустрию, да и самих музыкантов слишком непредсказуемыми, а это не в его вкусе. Ты ведь уже знаешь, каков он.

Опасный Брюнет. Владелец мощной энергетика и сводящей с ума сексуальности. Да уж, мне было известно, каков он. И он действительно всегда предпочитал знать заранее, с кем или с чем имеет дело.

Я указала на закусочную. Мы вошли и встали в очередь.

— Запах здесь потрясающий, — заметил Кристофер, в то время как взгляд его был прикован к мобильнику: он быстро набирал текст послания.

— И ожидания, пробуждаемые этим ароматом, оправдываются, уж поверь мне.

Он улыбнулся восхитительной мальчишеской улыбкой, от которой женщины наверняка падали к его ногам.

— Знаешь, Ева, мои родители с нетерпением ждут встречи с тобой.

— Да ну?

— Те фото, твои с Гидеоном, что появились на прошлой неделе, стали для них сюрпризом. Приятным сюрпризом, — быстро добавил он, заметив, что я вздрогнула. — Впервые он выглядит по-настоящему увлеченным тем, с кем встречается.

Я вздохнула, подумав, что как раз сейчас именно этой увлеченности и не наблюдается. Не совершила ли я ужасную ошибку, оставив его прошлой ночью одного?

Когда мы подошли к прилавку, я заказала гриль-сэндвич с овощами и сыром и два гранатовых коктейля, попросив добавить во второй протеин и подать через полчаса, чтобы я успела поесть. Кристофер заказал то же самое. Мы с трудом нашли в переполненном зале свободный столик.

Мы поглощали наши сэндвичи и непринужденно болтали о работе. Я рассказывала смешные истории из области рекламного бизнеса, а Кристофер — пикантные истории из жизни музыкальной богемы. Время пролетело незаметно, и, когда мы расстались у входа в Кроссфайр, я попрощалась с ним с искренней симпатией.

Поднявшись на двадцатый этаж, я обнаружила Марка все так же сидевшим за письменным столом и погруженным в работу. Но, увидев меня, он оторвался от бумаг и улыбнулся.

— Если я тебе не нужна, — начала я, — то, думаю, мне лучше не присутствовать на этой презентации.

Хотя Марк и попытался не подать виду, я все же заметила, как в его глазах промелькнуло облегчение. Меня это нисколько не задело. Марк напряженно готовился к важной деловой встрече, и ему было бы совсем некстати отвлекаться на мысли о моих постоянно меняющихся отношениях с Гидеоном.

— Ева, ты просто золото. Но ты, наверное, и сама знаешь.

Я с улыбкой поставила перед ним напиток:

— Выпей коктейль. Вкусно, полезно, а белок поможет тебе подольше не чувствовать голода. Если понадобится, я у себя на месте.

Прежде чем убрать сумочку в ящик, я отправила Кэри эсэмэску с вопросом, есть ли у него планы на воскресенье и как он смотрит на возможность побывать на вечеринке, организуемой «Видал рекорде», после чего принялась за работу. Файлов на сервере у Марка накопилось уже много, и их следовало упорядочить, распределить по папкам, чтобы всегда можно было легко найти нужный материал.

Когда Марк отправился к Гидеону, у меня противно засосало под ложечкой. Я сама себе удивлялась. Поверить не могу: испытать такое волнение оттого, что Гидеон, увидев Марка, просто не сможет не подумать обо мне! Очень надеюсь, что в свое время я об этом узнаю. И эта мысль, за которую я цеплялась, поднимала мне настроение.

Битый час я нетерпеливо ждала, чем кончится дело, а когда Марк появился с сияющей улыбкой, чуть ли не подпрыгивая, встала из-за стола и зааплодировала. Он отвесил мне галантный низкий поклон.

— Благодарю вас, мисс Трэвелл.

— Я за тебя переживала.

— Гидеон просил передать тебе вот это, — сказал Марк и вручил мне запечатанный конверт из манильской бумаги. — Пойдем ко мне в кабинет, я все расскажу.

Еще не открыв конверта, я уже на ощупь узнала, что в нем находится, но, когда из него выпали мои ключи, у меня чуть не остановилось сердце. В конверте находилась еще и карточка с лаконичной надписью:

Спасибо, Ева. За все.

Твой Г.

Такой вот от ворот поворот. Это должно было случиться. В противном случае он отдал бы мне ключи после работы, по пути в спортзал.

В ушах у меня звенело, голова шла кругом, я плохо соображала, вся вне себя от страха и боли. И ярости.

Однако я находилась на работе.

Закрыв глаза и сжав кулаки, я подавила в себе порыв немедленно отправиться наверх и сказать в лицо Гидеону, что он трус. Похоже, он испугался того, что я, нежданно-негаданно войдя в его жизнь, разрушу созданный им для себя уютный мирок. Что потребую от него чего-то большего, чем его жаркое тело и внушительный банковский счет.

Мои эмоции остались по ту сторону стеклянной перегородки, и хотя я осознавала, что они никуда не делись и ждут своего часа, мне все-таки удалось продержаться остаток рабочего дня.

К тому времени, когда я, покончив с делами, направилась к выходу, Гидеон никак не дал о себе знать, так что меня переполняло острое, болезненное отчаяние. Что, однако, не помешало мне направиться в тренажерный зал и попытаться отключить сознание, полностью выложившись на бегущей дорожке. Пот заливал мое лицо, но остановилась я лишь тогда, когда ноги уже сделались ватными.

Взмыленная, доведенная до изнеможения, я отправилась под душ, а затем позвонила матери и попросила прислать Клэнси, чтобы он забрал меня у спортзала и отвез на встречу с доктором Петерсеном. Снова надевая деловой костюм, я собиралась с силами, чтобы пройти через это последнее испытание, прежде чем наконец добраться до дому и рухнуть в постель.

Я ждала машину, чувствуя себя страшно одинокой в суеде большого города. Когда Клэнси, подъехав, вышел, чтобы открыть мне дверь, я с изумлением, так как было еще слишком рано, увидела внутри свою маму. Я полагала, что Клэнси отвезет меня к ней домой и там мне придется ждать ее минут двадцать, не меньше. Что, впрочем, было для меня делом привычным.

— Привет, мамуля, — устало обронила я, устраиваясь на сиденье рядом с ней.

— Ева, как ты могла? — Она вытерла слезы украшенным монограммой носовым платком. Лицо ее, даже покрасневшее от рыданий, было прекрасно. — И зачем?

Ее плач заставил меня отвлечься от собственных грустных мыслей.

— Что я натворила на этот раз?

Конечно, новый сотовый телефон, даже если она каким-то чудом узнала о нем, не мог стать причиной подобного поведения, а узнать о моем разрыве с Гидеоном она еще не успела.

— Ты рассказала Гидеону Кроссу о том... что с тобой случилось. — Ее нижняя губа нервно дрожала.

От потрясения меня словно током дернуло. Откуда ей это известно? Господи, она что, установила в моей новой квартире жучки? Или в сумочке?..

— *Что?*

— Только не надо прикидываться дурочкой.

— Да откуда ты знаешь, что я ему сказала? — Голос мой упал до болезненного шепота. — Мы с ним говорили об этом только прошлой ночью.

— А сегодня он явился по этому поводу к Ричарду.

Я попыталась представить себе физиономию Стэнтонна во время подобного разговора. Трудно было вообразить, чтобы моему отчиму это понравилось.

— Зачем ему это понадобилось?

— Он хотел знать, что предпринято для предотвращения утечки информации. И хотел знать, где Натан... — Она всхлипнула. — Короче, он хотел знать все.

Я со свистом выпустила воздух между сжатых зубов. Насчет мотивации Гидеона у меня уверенности не было, но больше всего уязвляла мысль о том, что он мог свалить меня с Натаном в одну мусорную кучу и сейчас заботился о том, чтобы никакой скандал не замарал его репутацию. Стоило об этом подумать, и меня даже перекорежило от боли. До сих пор мне казалось, что это его прошлое вбило между нами клин, однако походило на то, что причиной было мое.

На миг я порадовалась за маму: ее эгоцентризм не позволил ей заметить, что творится со мной.

— Он имел право знать, — наконец удалось произнести мне не своим голосом. — И имел право попытаться защитить себя от любых возможных последствий.

— Что-то с другими своими парнями ты этим не делилась.

— А мне раньше не случалось встречаться с парнем, которому стоит чихнуть, как это тут же попадает в десятку важнейших новостей национального уровня. — Я уставилась в окно на

проезжающие мимо машины. — Мама, Гидеон Кросс и «Кросс индастриз» — это новости мирового масштаба. От ребят, с которыми я тусовалась в колледже, его отделяют световые годы.

Она продолжала говорить, но я больше ее не слушала, поскольку ради самосохранения предпочла отрешиться от мучительной действительности.

* * *

Офис доктора Петерсена был точно таким, каким мне и запомнился: успокаивающе нейтральное убранство, удивительное сочетание профессионализма и комфорта. Таким же был и сам доктор — симпатичный седоволосый мужчина с мягкими, умными голубыми глазами.

С широкой улыбкой он пригласил нас к себе в кабинет, не преминув заметить, что матушка моя выглядит потрясающе, а я совсем как она. Сказал, что рад видеть меня снова и восхищен моим видом, но, думаю, говорилось это больше для моей мамы. Такой сведущий и наблюдательный человек, как доктор, просто не мог не заметить моего плачевного эмоционального состояния.

— Итак, — произнес он, усевшись в кресло напротив дивана, где устроились мы с мамой. — Что привело вас ко мне сегодня?

Я рассказала ему, что мама отслеживает мои передвижения по сигналу мобильного телефона и меня это крайне нервирует. Мама, в свою очередь, рассказала, что, услышав о моем интересе к крав-мага, восприняла это как признак того, что я не чувствую себя в безопасности. Тогда я рассказала доктору Петерсену, как они узнали про спортзал Паркера, отчего у меня возникло ощущение клаустрофобии. В ответ мама заявила, что я обманула ее доверие, открыв постороннему семейную тайну, в результате чего она чувствует себя так, будто ее выставили на всеобщее обозрение в голом виде.

Доктор Петерсен слушал все это с неизменным вниманием, иногда вставлял замечания, но говорил редко, давая выговориться нам обеим. Наконец, когда словесные потоки иссякли и мы замолчали, он спросил:

— Моника, почему вы не говорили мне, что отслеживаете телефон Евы?

Мама тут же вздернула подбородок. Мне ли было не знать эту оборонительную позицию.

— Потому что не видела в этом ничего дурного. Многие родители отслеживают своих детей с помощью мобильных телефонов.

— Несовершеннолетних, — вырвалось у меня. — А я взрослая. Мое личное время принадлежит мне.

— Скажите, Моника, а вы не пробовали представить себя на ее месте? — поинтересовался доктор Петерсен. — Что почувствовали бы вы, узнав, что кто-то следит за вашими передвижениями без вашего ведома и без вашего разрешения?

— Да ничего, если бы знала, что этот «кто-то» — моя мать, а полученные сведения дарят ей душевное спокойствие.

— А вы подумали о том, как ваши действия сказываются на душевном состоянии Евы? — мягко спросил он. — Ваше желание оберегать ее вполне понятно, но вам не мешало бы открыто обсуждать с нею шаги, которые вы намерены предпринять. Очень важно заручиться ее пониманием. И лишь на таких условиях вы сможете ожидать от нее сотрудничества. И вы должны уважать ее неотъемлемое право устанавливать границы личного пространства, которые могут быть уже, чем вам хотелось бы. — И когда мама негодующе фыркнула, он продолжил: — Моника, Еве необходимо иметь личное пространство в определенных границах. Она должна чувствовать, что способна контролировать свою жизнь. В свое время она была этого лишена, и

мы обязаны уважать ее право на личную свободу, причем в той форме, какая кажется ей наиболее подходящей.

— Ох, — пробормотала мама, крутя в пальцах носовой платок. — В таком смысле я об этом не задумывалась.

Нижняя губа матери задрожала, и я потянулась к ее руке.

— Раз уж я решила рассказать Гидеону о своем прошлом, меня бы ничто не остановило. Но мне следовало сначала предупредить тебя. Извини, что об этом не подумала.

— На самом деле ты гораздо сильнее, чем когда-либо была я, — отозвалась мама. — Но я все равно ничего не могу поделать со своим беспокойством.

— Моника, я предложил бы вам найти время, чтобы хорошенько подумать о том, какого рода события и ситуации порождают у вас наибольшее беспокойство. А потом все это записать, — начал доктор Петерсен и, когда мама кивнула, продолжил: — Составьте пусть не исчерпывающий список, но для начала достаточный, а затем сядьте с Евой вдвоем и обсудите вопрос о том, какая стратегия применительно к этим проблемам позволит вам обеим жить с наименьшими моральными издержками. Например: если вы начинаете нервничать, всего пару дней не имея вестей от Евы, возможно, эсэмэска или электронное письмо смогут поправить дело.

— Ладно.

— А если хотите, мы сможем пройтись по списку вместе.

От всего этого мне захотелось выть: мне угодили в самое больное место. Я, конечно, не надеялась, что доктор Петерсен сумеет образумить маму, однако думала, что он, по крайней мере, проявит твердость. Бог свидетель, мама нуждалась в том, чтобы кто-то это сделал, — кто-то, чей авторитет она признает.

Когда прием закончился и мы собрались уходить, я попросила маму подождать в приемной, пока я задам доктору Петерсену один очень личный вопрос.

— Да, Ева?

Он стоял передо мной с бесконечно терпеливым и мудрым видом.

— Мне просто интересно... — Я помедлила: пришлось сглотнуть застрявший в горле ком. — Возможно ли для двоих, переживших сексуальное насилие, иметь между собой нормальные романтические отношения?

— Абсолютно.

Этот немедленный недвусмысленный ответ позволил мне выпустить застрявший в легких воздух.

— Спасибо, — пожала я его руку.

* * *

Дома я открыла дверь ключами, возвращенными Гидеоном, и направилась напрямик в спальню, лишь помахав Кэри, который занимался в гостиной йогой с помощью видеодиска.

Раздеваясь на ходу, я с трудом дошла до кровати и рухнула как подкошенная. Я лежала в одном нижнем белье на прохладных простынях, обхватив руками подушку и закрыв глаза.

Дверь отворилась, и спустя минуту на кровать присел Кэри.

— В чем дело, детка? — спросил он, убирая пряди волос с моего лица.

— Мне сегодня дали пинка под зад. Правда, вежливо: в виде конверта с запиской.

— Ты все понимаешь, Ева, — вздохнул Кэри. — Он отталкивает тебя, поскольку боится, что ты, как и все остальные, обманешь его ожидания.

— А я лишь подтвердила, что он прав.

Я поняла, что сказанное сейчас Кэри подходит ко мне как нельзя лучше. Едва припекло, я пустилась в бегство, уверенная, что все кончится плохо. А в итоге полностью утратила контроль над тем, кого оставила позади.

— Это потому, что ты изо всех сил стараешься защитить собственное восстановление.

Кэри прилег рядом, обхватил меня жилистой, мускулистой рукой и привлек к себе. Я с готовностью прижалась к нему, только сейчас поняв, как нуждаюсь в таком утешении.

— Возможно, он бросил меня не из-за своего прошлого, а из-за моего.

— Ну, если это правда, то хорошо, что все кончилось. Но сдаётся мне, вы двое в конечном счете еще найдете друг друга. Во всяком случае, я на это надеюсь. — Его мягкое дыхание обдавало мою шею. — Уж больно мне хочется, чтобы всех затраханых жизнью ждало впереди вечное счастье. Ева, дорогая, укажи мне путь. Подари мне веру.

В пятницу утром заночевавший у нас Трей сидел за завтраком со мной и Кэри. Попивая первую за день чашку кофе, я присматривалась к их поведению и с неподдельным волнением отмечала, как они обменивались интимными взглядами и легкими прикосновениями. У меня тоже бывали такого рода отношения, чего я в свое время не ценила. Они были уютны и необременительны, но в то же время основательны на свой, особый лад. Насколько вообще глубоким может быть чувство, если ты не знаешь темных глубин души своего любовника. Именно с такой дилеммой я столкнулась в отношении Гидеона.

Начался «Второй день после Гидеона». Начался с того, что я опять поймала себя на желании отправиться к нему и попросить прощения за то, что сбежала. Мне хотелось объяснить, что я пришла ради него, что готова и выслушать его, и, если ему так легче, просто вместе помолчать. Но я была слишком эмоциональна. Слишком уязвима, слишком боялась отказа. А знание того, что он не подпустит меня слишком близко, лишь усиливало этот страх. Даже сумей мы сейчас как-то уладить ситуацию, я все равно страдала бы, пытаюсь склеить жизнь из тех обрывков и кусочков, которыми он решил со мной поделиться.

Но по крайней мере, на работе все шло как надо. Ланч, который руководство устроило в честь заключения соглашения по «Кингсмен», искренне меня порадовал: мне нравилось работать в столь позитивной атмосфере. Правда, услышав, что Гидеона тоже пригласили — хотя на его появление никто реально не рассчитывал, — я тихонько вернулась за свой стол и сосредоточилась на текущих вопросах.

После работы я посетила спортзал, а затем зашла в магазин и купила все необходимое, чтобы приготовить феттучини «Альфредо» и крем-брюле на десерт: блюда, сулившие мне углеводную кому. Хотелось верить, что сон помешает моему мозгу терзаться вопросами типа «а что, если бы», по крайней мере до субботнего утра.

Ели мы с Кэри в гостиной, причем не вилками, а китайскими палочками: он придумал это, чтобы меня позабавить. По его словам, все удалось на славу, но я фыркнула, и он замолчал. Я уныло осознала, что друг из меня не высший класс.

— Когда начнется рекламная кампания «Грей айлз»? — нарушила я молчание, чтобы разрядить обстановку.

— Я не уверен, но... — ухмыльнулся он. — Знаешь, быть моделью мужского пола еще тот прикол: мы там болтаемся как дерьмо в проруби. Очень трудно выделиться из толпы, если не сумеешь обратить на себя внимание, например, какой-нибудь знаменитости. Но мне нежданно-негаданно перепала такая возможность благодаря нашим фото, которые появились в прессе. И пусть я там сбоку припеку, а в центре ваши отношения с Гидеоном Кроссом, все равно и на меня смотрят. Глядишь, спасибо тебе, и я стал лакомым кусочком.

— Брось, моя помощь тебе в этом вовсе не требовалась, — рассмеялась я.

— Да ладно, мне это только в кайф. Так или иначе, они пригласили меня еще на пару съемок. Думаю, в общей сложности они намерены наработать со мной материала больше чем на пять минут.

— Это надо отпраздновать, — поддразнила я.

— Само собой. Когда ты будешь готова?

После обеда мы решили посмотреть «Трон», но где-то на двадцатой минуте фильма у Кэри зазвонил смартфон. Похоже, звонили из агентства.

— Конечно. Буду через пятнадцать минут. Как только доберусь до места, позвоню.

— Работу предлагают? — спросила я, когда он отключился.

— Ага. Парень, который должен был участвовать в вечерней съемке, так нажрался, что лыка не вяжет. — Кэри посмотрел на меня. — Может, поедешь со мной?

— Не-а. Мне и здесь хорошо, — отозвалась я, вытянув ноги на диване.

— Уверена?

— Все, что мне нужно, — это отдохнуть и постараться ни о чем не думать. От одной мысли о необходимости одеваться мне уже плохо. — Я и вправду была бы рада проваляться все выходные во фланелевых пижамных штанах и дырявой майке. Мне казалось, будто приятное ничегонеделание поможет снять внутреннюю напряженность. — За меня не беспокойся. Да, меня тряхнуло, причем не слабо, но все уже в прошлом. Так что иди занимайся своими делами.

Кэри ушел, а я поставила фильм на паузу и отправилась на кухню за вином. Остановившись у барной стойки, я провела пальцами по букету роз, присланному накануне Гидеоном, и лепестки упали на стойку, как слезы. Я подумала, что надо подрезать стебли и насыпать порошок из пакетика, приложенного к букету, но потом решила, что это бессмысленно. Завтра я все равно выброшу букет — последнее напоминание о моих столь же обреченных отношениях.

Всего за неделю я зашла с Гидеоном дальше, чем за два с лишним года предыдущих связей. И я всегда буду его любить только за одно это.

А возможно, настанет день, когда любовь уже не будет так ранить.

* * *

— Просыпайся, соня, — пропел Кэри, стягивая с меня ватное одеяло.

— Да ну тебя. Отстань.

— Даю тебе пять минут на то, чтобы оторвать задницу от кровати и отправиться под душ, а не то душ явится к тебе.

Разлепив один глаз, я уставилась на него. Он был без рубашки, в мешковатых штанах. Тот еще будильник.

— С чего это вдруг я должна вставать?

— С того, что пока лежишь на спине, ты не стоишь на ногах.

— Вау! Какая глубокая мысль, Кэри Тейлор.

Он скрестил руки на груди и одарил меня игривым взглядом:

— Нам нужно пройтись по магазинам.

Я зарылась лицом в подушку:

— Нет.

— Да. Если мне не изменяет память, ты что-то говорила о воскресной вечеринке в саду и сборище рок-звезд, причем в одном флаконе. И что, по-твоему, я надена на такую тусовку?

— Ах надо же. Ты все верно запомнил.

— Сама что наденешь?

— Э... не знаю. Склонялась к чему-то вроде «англичанки в шляпке», но не уверена.

Последовал короткий кивок.

— То-то и оно. Так что собирайся: двинем по магазинам и подберем что-нибудь сексуальное, классное и крутое.

Пробурчав что-то в качестве символического протеста, я сползла с кровати и пошлепала в ванную. Оказалось, что мыться, не думая о Гидеоне, не рисуя в воображении его мускулистое тело и не вспоминая те безумные звуки, которые он издавал, засаживая мне в рот, решительно невозможно. Куда бы я ни посмотрела, повсюду был Гидеон. Дошло до того, что мне уже начал мерещиться его черный «бентли»: куда бы я ни направлялась, казалось, что эта чертова тачка

следует за мной.

Перекусив, мы с Кэри прошвырнулись по магазинам в Верхнем Ист-Сайде и бутикам на Мэдисон-авеню, после чего взяли такси и отправились в Сохо. Две девчонки попросили у Кэри автограф, что, похоже, зацепило меня больше, чем его.

— Это все ты, — сказал он.

— Я-то с какого боку?

— Они узнали меня по блогу развлекательных новостей. Одному, где в основном про тебя с Кроссом.

— Рада, что моя личная жизнь хоть кому-то приносит пользу, — фыркнула я.

К трем Кэри нужно было на работу, и я отправилась с ним в студию шумного, нахального фотографа, где проторчала несколько часов. Вспомнив, что нынче суббота, я отыскала тихий уголок и позвонила отцу.

— Ты все еще счастлива в Нью-Йорке? — спросил он, перекрывая треск рации, работавшей в его служебной машине.

— Пока все нормально.

Конечно, это было вранье, но кому нужна была правда. Его напарник что-то сказал, но я не разобрала что. Папуля фыркнул.

— Слышь, Крис уверяет, что наемни видал тебя по телику. По какому-то кабельному каналу, где всякие сплетни. И не он один. Ребята меня достают по этому поводу.

— Скажи им, что смотреть такие шоу вредно для клеток мозга, — вздохнула я.

— Так ты правда закрутила с одним из самых богатых ребят в Америке?

— Глупости. А как твоя личная жизнь? — поспешила я сменить тему. — Видишься с кем-нибудь?

— Ничего серьезного. Подожди... — Он ответил на обращение по рации, потом сказал: — Извини, лапушка, но у меня вызов. Я люблю тебя. Ужасно по тебе скучаю.

— Я по тебе тоже, папа. Будь осторожен.

— Это непременно. Пока.

Отключившись, я стала дожидаться, когда освободится Кэри, но занять себя было нечем, и меня тут же начали изводить непрощенные мысли. Где сейчас Гидеон? Чем он занят?

Неужели в понедельник я увижу в Интернете кучу снимков, где он будет с другими женщинами?

* * *

В воскресенье днем Клэнси повез нас в поместье Видала в округе Датчесс. Откинувшись на сиденье, я смотрела в окно, отрешенно восхищаясь умиротворяющей панорамой лугов и зеленых роц, простиравшихся вдаль до самого горизонта. Шел уже «Четвертый день после Гидеона», и острая поначалу боль превратилась в тупую и ноющую, чуть ли не как при гриппе. Все тело ныло, словно после тяжелой физической нагрузки, а горло жгли сдерживаемые слезы.

— Нервничаешь? — спросил Кэри.

— Вовсе нет. Гидеона там не будет.

— Уверена?

— Иначе бы я туда не сунулась. Сам знаешь, кое-какое чувство собственного достоинства у меня есть.

Он постучал пальцами по подлокотнику, разделявшему наши сиденья. За весь вчерашний, посвященный хождению по магазинам день он сделал только одну покупку — черный кожаный

галстук. По этому поводу я его безжалостно дразнила: обалдеть можно, он, с его чувством стиля, и такой отстой.

Кэри поймал мой взгляд:

— Что? Все не одобряешь мой галстук? А по мне, так очень даже подходит к джинсам «эмо» и куртке из кожи ящерицы.

— Кэри, — усмехнулась я, — да ты хоть что нацепи...

То была чистая правда. Кэри повсюду притягивал к себе взгляды благодаря стройному, мускулистому телу и лицу, при виде которого даже ангелы разрыдались бы от зависти. Я накрыла ладонью его беспокойные пальцы.

— Нервничаешь?

— Да вот, — пробормотал он, — Трей вчера вечером не позвонил. А обещал.

— Кэри, подумаешь, всего-то раз не позвонил. Наверняка за этим нет ничего серьезного, — ободряюще сжала ему руку я.

— Мог сегодня утром позвонить, — угрюмо проворчал Кэри. — Трей не такой безалаберный, как те, с кем я встречался раньше, он забыть не мог. А раз не забыл, значит не захотел.

— Вот гад! Ну погоди, посмотрим, что он запоет, когда в понедельник ты, весь такой сексуальный, классный и крутой, появишься во всех новостях.

— Да уж, удивительная логика женского ума, — скривил Кэри рот. — На самом деле беда, что Кросс не увидит тебя сегодня. Когда ты вышла из комнаты в этом платье, я подумал, что сейчас кончу.

— У-у-ух!

Я хлопнула его по плечу и сделала вид, будто надулась, когда он рассмеялся.

Мы это платье присмотрели вместе, и оно понравилось нам с первого взгляда. Классического покроя, как раз для вечеринки в саду — облегающий корсаж, пышная юбка до колена. Оно даже было белым, в цветочек, но на этом все классическое — для чая с пончиками — и заканчивалось. Платье было без бретелек, с черными вставками, с нижней юбкой из малинового атласа и кожаными черными цветами, напоминавшими игрушечные вертушки. Кэри подобрал к нему красные лодочки от Джимми Чу и рубиновые серьги. Волосы мы на всякий случай решили оставить распущенными. Получилось красиво, выдержанно и стильно.

Клэнси проехал массивные, украшенные монограммами ворота и, следуя указаниям слуги, свернул на круговую дорожку. Мы с Кэри вышли из машины у входа, и Кэри пришлось поддержать меня под руку, потому что мои каблуки провалились в голубовато-серый гравий тропинки, ведущей к дому.

Перед входом в просторный, в Тюдоровском стиле, особняк Видала нас приветствовали родные Гидеона — его мать, отчим, Кристофер и его сестра. Выглядели они превосходно, и я невольно подумала, что только Гидеона здесь и недостает. Мать и сестра Гидеона были жгучими брюнетками, с такими же великолепными черными волосами и огромными голубыми глазами с длинными, густыми ресницами. Обе отличались особой, утонченной красотой.

— Ева! — Мать Гидеона привлекла меня к себе, клюнув в обе щеки. — Как я рада наконец-то вас увидеть. Вы просто потрясающая девушка. А платье! Я влюбилась в него с первого взгляда.

— Спасибо.

Она провела рукой по моим волосам, по щекам, а потом по рукам. Я с трудом это вынесла, потому что до сих пор нервно реагировала на прикосновения посторонних, тем более неожиданные.

— Эти волосы... Вы натуральная блондинка?

— Да, — ответила я, пораженная и смущенная вопросом. Как вообще можно спрашивать такое у совершенно незнакомого человека?

— Восхитительно. Ну, добро пожаловать. Надеюсь, вы неплохо проведете время. Мы будем рады, если вам у нас понравится.

Испытывая странную растерянность, я втайне обрадовалась, когда она обратила внимание на Кэри.

— А вы, должно быть, Кэри! — воскликнула она. — До сих пор я была уверена, что мои мальчишки прекраснее всех на свете, но теперь вижу, что заблуждалась. Вы просто божественны, молодой человек.

Лицо Кэри озарила широкая улыбка.

— Ах, миссис Видал, думаю, я влюблен.

Она рассмеялась довольным, гортанным смехом.

— Прошу, называйте меня Элизабет. А если хватит храбрости, то и просто Лиззи.

Отведя взгляд, я обнаружила, что меня взял за руку Кристофер Видал Старший, во многих отношениях напомнивший мне своего сына: у него были такие же серо-зеленые глаза и та же мальчишеская улыбка. Но кое-что в нем вызывало приятное удивление. Одетый в брюки-хаки, мокасины и кашемировый кардиган, он больше походил на профессора колледжа, чем на топ-менеджера музыкальной компании.

— Ева... Можно мне звать вас Евой?

— Пожалуйста.

— А вы зовите меня Крисом. Так будет легче отличать меня от Кристофера. — Склонив голову набок, он присмотрелся ко мне через оригинальные очки в латунной оправе. — Могу понять, почему Гидеон так вами увлекся. Глаза у вас серые, как грозовые тучи, но при этом взгляд прямой и чистый. Пожалуй, у вас самые красивые глаза, какие я когда-либо видел, не считая моей жены.

— Спасибо, — покраснев, ответила я.

— А Гидеон будет?

— Боюсь, мне это неизвестно.

Странно, что его родители обращаются с подобным вопросом ко мне.

— Но мы не оставляем надежды. — Крис подал знак стоявшему рядом слуге. — Проходите в сад и почувствуйте себя как дома.

Кристофер поздоровался со мной, обняв и поцеловав в щеку, а его сестра смерила взглядом и с непосредственностью, на какую способны только подростки, выдала:

— А вы блондинка.

Класс! У них тут что, пристрастие Гидеона к темноволосым женщинам в законе прописано или как?

— А вы очаровательная брюнетка.

Кэри предложил мне руку, и я с благодарностью ее приняла. Когда мы отошли, он тихонько спросил:

— Они такие, как ты и ожидала?

— Его мать, пожалуй, да. Но не отчим. — Я оглянулась через плечо на элегантное кремовое платье до пола, облежавшее стройную фигуру Элизабет Видал, и подумала о том, как мало мне известно о семье Гидеона. — Как мог мальчишка вырасти в бизнесмена, установившего контроль над фамильным бизнесом отчима?

— Кросс владеет акциями «Видал рекорде»?

— Контрольным пакетом.

— Хмм. Может быть, это была финансовая помощь, — предположил Кэри. — Компания

испытывала трудности, и он вложился в нее.

— Почему бы просто не дать ему денег?

— Да потому, что он настоящий бизнесмен.

Резко выдохнув, я отмахнулась от этой темы и прочистила сознание. В конце концов, на вечеринку я явилась ради Кэри, а не ради Гидеона и твердо намеревалась помнить об этом.

Прогуливаясь, мы обнаружили в саду за домом огромный, великолепно украшенный шатер. Хотя день был чудесный, я предпочла устроиться под навесом, за круглым, покрытым камчатой скатертью столиком.

— Расслабляйся, — потрепал меня по плечу Кэри. — А я пойду наводить мосты.

— Валяй.

Он отправился воплощать в жизнь намеченную программу, а я осталась сидеть, попивая шампанское и обмениваясь фразой-другой с останавливавшимися возле столика гостями. На вечеринке присутствовало немало известных музыкантов, и я с благоговением поглядывала в их сторону. В целом же, несмотря на роскошную обстановку и обилие слуг, атмосфера была приятной и непринужденной.

Это времяпрепровождение уже начинало доставлять мне удовольствие, когда из дома на террасу вышла особа, которую, как я надеялась, больше никогда в жизни не увижу: Магдалена Перес, выглядевшая просто феноменально в платье из розового шифона.

Неожиданно на плечо мне легла чья-то рука. Сердце екнуло: мне вспомнился вечер, когда мы с Кэри завалились в клуб Гидеона. Но это был Кристофер.

— Привет, Ева. — Он присел на стул рядом со мной и, упершись локтями в колени, подался ко мне. — Как настроение? Не скучаешь?

— Я прекрасно провожу время. — «По крайней мере, проводила». — Спасибо за приглашение.

— Спасибо, что пришла. Мои родители от тебя просто без ума. Ну и я, само собой, тоже. — Его ухмылка заставила меня улыбнуться, так же, впрочем, как и его галстук, украшенный карикатурными виниловыми дисками. — Ты не проголодалась? Крабовые котлетки просто великолепны. Как увидишь на подносе, хватай.

— Так и сделаю.

— Если тебе что-нибудь понадобится, дай знать. И оставь для меня танец.

Он подмигнул мне, вскочил со стула и был таков. На его место тут же, с отработанной грацией выпускницы школы, приземлилась Айерленд. Ее распущенные волосы падали до талии, и я могла оценить прямоту взгляда ее прекрасных глаз, хотя для своих семнадцати лет она выглядела, пожалуй, излишне прагматичной.

— Привет.

— Привет.

— Где Гидеон?

— Без понятия, — пожала я плечами.

— Да, он одиночка, — глубокомысленно кивнула она.

— А он всегда таким был?

— Думаю, да. Он стал жить один, когда я была еще совсем маленькой. А ты его любишь?

На миг у меня перехватило дыхание. А когда мне удалось выдохнуть, я ответила просто:

— Да.

— Я так и подумала, как только увидела кадры, где вы с ним в Брайант-парке. — Она прикусила полную нижнюю губу. — Он забавный? В смысле... ну, в смысле, чтобы с ним встречаться?

— Э... ну... — «Господи, тут вообще кто-нибудь знает Гидеона?» — Знаешь, забавным я

бы его не назвала. Но что с ним не соскучишься, это точно.

Тут оркестр заиграл «I've Got You Under My Skin», и рядом со мной, словно по волшебству, возник Кэри:

— Пришло время придать мне блеску, Джинджер.

— Сделаю что смогу, Фред.

— Прошу прощения, отвлекусь на минутку, — улыбнулась я Айерленд.

— Три минуты сорок секунд, — поправила она, демонстрируя семейную осведомленность относительно музыкальных произведений.

Кэри потащил меня на еще пустовавший танцпол и повел в быстром фокстроте. Из-за напряженности и переживаний последних дней мне не сразу удалось подстроиться, однако мы были давними партнерами, так что в конечном счете легко и изящно заскользили по площадке.

Когда музыка смолкла, а мы, вконец выдохшись, остановились, нас приятно удивили раздавшиеся аплодисменты. Кэри отвесил элегантный поклон, а я, придерживавшись для надежности за его руку, присела в реверансе.

Я выпрямилась — и уперлась взглядом в стоявшего прямо передо мной Гидеона. Небрежно одетый, в джинсах и незаправленной белой рубашке с расстегнутым воротом и закатанными рукавами, он был столь неотразим, что перед ним меркли все остальные присутствовавшие здесь мужчины. Во мне тут же вспыхнуло желание. Я отстраненно заметила, как певец увлекает куда-то Кэри, но не смогла оторвать взгляд от Гидеона, чьи голубые глаза прожигали меня насквозь.

— Что ты здесь делаешь? — мрачно спросил он.

— Прошу прощения? — ошетибилась я.

— Тебе нечего тут делать, — заявил он, беря меня под руку и увлекая в сторону дома. — Я не хочу, чтобы ты здесь бывала.

Даже плюнь он мне в лицо, это едва ли задело бы меня сильнее. Вырвав у него руку, я зашагала к дому, торопливо, но с высоко поднятой головой и отчаянной надеждой на то, что успею добраться до машины Клэнси прежде, чем разрыдаюсь.

Манящий женский голос окликнул Гидеона по имени, и я мысленно взмолилась о том, чтобы эта женщина задержала его подольше и мне удалось избежать дальнейшей конфронтации. Войдя в дом, я торопливо зашагала по прохладным помещениям.

— Ева, подожди.

При звуке голоса Гидеона я съежилась, но не обернулась к нему.

— Отвали! Выберись без твоей помощи.

— Я не...

— Не ты, а я! — Не выдержав, я повернулась к нему. — Не смей разговаривать со мной таким тоном! Ты кем себя вообразил? Думаешь, я притащилась сюда ради тебя? Надеюсь увидеть тебя и урвать кусочек... в том смысле, что ты снизойдешь до признания факта моего существования. Может быть, мне даже посчастливится соблазнить тебя на то, чтобы ты из жалости быстренько оттрахал меня где-нибудь в уголке. Думаешь, я губу раскатала на то, чтобы тебя вернуть?

— Помолчи, Ева. Послушай меня...

— Если хочешь знать, я появилась здесь исключительно потому, что мне сказали: ты сюда носа не кажешь. А приглашение приняла ради Кэри и его карьеры. Так что возвращайся к гостям и забудь обо мне, словно меня и не было. А я, как только покину этот дом, тоже выкину тебя из головы.

— Да заткнись ты, черт тебя побери! — Он схватил меня за локти и встряхнул так, что у меня клацнули зубы. — Помолчи и дай мне сказать.

Я залепила ему оплеуху, такую, что у него даже голова дернулась.

— Не прикасайся ко мне!

Зарычав, Гидеон притянул меня к себе и с такой силой впился мне в губы, что они, наверное, превратились в сплошной кровоподтек. Его рука вцепилась в мои волосы так, что я не могла пошевелить головой. Тогда я укусила его язык, потом нижнюю губу и даже ощутила привкус крови, но Гидеона это не остановило. Я попыталась оттолкнуть его, но безуспешно.

Чертов Стэнтон! Если бы не он и моя чокнутая мамаша, я сейчас уже владела бы кое-какими приемами крав-мага...

Гидеон целовал так, словно изголодался по мне, и моя воля к сопротивлению начала таять. Его тело как-то очень уж правильно прижималось к моему, мои соски, выдавая меня, напряглись, а внизу живота уже начинало покалывать от разгоравшегося желания. Сердце бешено колотилось в груди.

Господи, я хотела его. Желание никуда не делось. Да оно никогда и не покидало меня.

Гидеон поднял меня. Я задохнулась в его мощных объятиях, и у меня начала кружиться голова. Он внес меня в какую-то комнату и ногой захлопнул за нами дверь. Я смогла лишь невнятно что-то пропищать.

Он, навалившись всем своим телом, впечатал меня в тяжелую стеклянную дверь библиотеки. А затем задрал подол платья и добрался до моих ягодиц, едва прикрытых кружевными трусиками. Он прижал мои бедра к своим, давая почувствовать свой затвердевший член. Мое лоно, мучительно пустовавшее вот уже несколько дней, свело спазмами похоти.

Сил противиться больше не было. Руки мои опустились, ладони прижались к стеклу. Как только я перестала сопротивляться, Гидеон ослабил хватку, а его страстные поцелуи стали более нежными.

— Ева, — хрипло выдохнул он, — не борись со мной. Я не могу с собой совладать.

— Отпусти меня, Гидеон, — закрыв глаза, прошептала я.

— Не могу. Я знаю, тебя отвратило то, что ты видела ночью... что я проделывал с собой... — задыхаясь, произнес он.

— Нет, Гидеон! Нет! — «Господи, неужели он решил, что я ушла от него из-за этого». — Все совсем не так...

— Я без тебя с ума схожу. — Его губы скользнули по моей шее, язык ласкал пульсировавшую жилку. Он стал лизать мою кожу, и по всему телу прокатилась волна удовольствия. — Я не могу думать. Не могу спать. Не могу работать. Меня неудержимо тянет к тебе. Я готов на все, лишь бы ты вновь меня захотела. Только дай мне еще один шанс.

У меня ручьем полились слезы, и он стал слизывать их с моих набухших грудей.

Как я смогу жить потом, если он снова займется со мной любовью? И как смогу жить, если не займется?

— Я никогда не переставала хотеть тебя, — прошептала я. — Да это и не в моих силах. Но ты причинил мне боль, Гидеон. Ты единственный, кто может это сделать.

— Я причинил тебе боль? Чем? — изумленно и растерянно уставился он на меня.

— Ты лгал мне. Ты отгородился от меня. — Я взяла его лицо в ладони и посмотрела ему прямо в глаза: необходимо было, чтобы он понял меня без вопросов. — Твое прошлое никак не может оттолкнуть меня от тебя. На такое способен только ты сам, и ты это сделал.

— Я не знал, как быть, — прохрипел он. — Я страшно не хотел, чтобы ты увидела меня в таком...

— В том-то и проблема, Гидеон. Я хочу знать, кто ты такой, знать все, и хорошее и плохое, а ты пытаешься что-то от меня скрыть. Пойми, если ты и дальше будешь так поступать, мы неизбежно потеряем друг друга. Я не смогу этого вынести, я и сейчас выношу это с трудом.

Прошедшие четыре дня были для меня сущей мукой, а что уж говорить про неделю, про месяц... Больше я такого не выдержу.

— Ева, я хочу открыться. Я пытаюсь. Но твоей первой реакцией на каждую такую попытку становится бегство. И мне трудно отделаться от ощущения, что стоит мне сказать или сделать что-то не то, как ты тут же готова пуститься наутек. — Его жаркие губы теперь нежно касались моих. Я не возражала. Не могла, ведь он был прав. — Я надеялся, что ты вернешься сама, — пробормотал он, — но не выдержал. Если придется, я унесу тебя отсюда. Мы должны остаться один на один и все как следует обсудить.

Сердце мое сбилось с ритма.

— Ты надеялся, что я вернусь? Но ведь... ты прислал мне ключи. Я думала... думала, между нами все кончено.

Он резко отпрянул, его лицо окаменело.

— Ева, между нами никогда не будет все кончено!

Я смотрела на него, и сердце мое ныло, как открытая рана. Он был так красив, так страдал, причем страдал, в общем-то, по моей вине.

Приподнявшись на цыпочки, я поцеловала еще красневший на его щеке отпечаток моей ладони и запустила пальцы в его густые шелковистые волосы. Тяжело дыша, Гидеон слегка присел, чтобы его глаза были на уровне моих.

— Я сделаю все, что захочешь. Все, что тебе нужно. Все. Только прими меня обратно.

Возможно, мне следовало бы испугаться такого эмоционального взрыва, но я и сама переживала нечто подобное.

Пробежав руками вниз по его груди, чтобы унять дрожь, я сказала ему суровую правду:

— Непохоже, чтобы мы с тобой смогли мирно уживаться друг с другом. Мне точно с собой не справиться, а если такие взлеты и падения продолжатся, я этого не выдержу. Гидеон, нам необходима помощь специалиста. У нас обоих не все в порядке, и это серьезно.

— В пятницу я был на приеме у доктора Петерсена. Он согласен на то, чтобы я стал его пациентом, и, если ты не против, готов принять нас обоих, как пару. Я подумал, если ты доверяешь ему, то и мне стоит попытаться.

— Доктор Петерсен?

Я вспомнила, что, когда Клэнси отъезжал от офиса психотерапевта, вроде бы заметила знакомый черный «бентли», но тогда подумала, что у меня просто мания преследования. Да и вообще, мало ли в таком городе, как Нью-Йорк, черных «бентли»?

— Ты следил за мной?

Он глубоко вздохнул — и промолчал. Отрицать не стал, я же сдержала свой гнев, поскольку хорошо понимала, как трудно ему чувствовать свою зависимость от чего-то — кого-то! — кого он не мог контролировать. В настоящий момент важно было только то, что он готов попробовать и это непреложный факт, а не просто слова. Он на самом деле предпринял шаги.

— Будет много работы, Гидеон, — предостерегла я его.

— Работы я не боюсь. — Все это время его руки не переставали блуждать по моему телу, словно прикасаться к моей обнаженной коже было для него столь же необходимо, как и дышать. — Я боюсь лишь потерять тебя.

Я прижалась щекой к его щеке. Мы дополняли друг друга. Даже сейчас, когда его руки похозяйски меня обшаривали, я испытывала сильнейшее душевное облегчение от осознания того, что меня наконец обнимает мужчина, готовый удовлетворить мои самые сокровенные желания.

— Ты нужна мне. Я хочу в тебя...

— Нет! Господи, ну не здесь же!

Впрочем, этот протест даже в моих ушах звучал слабо. Я хотела его везде, всегда, любимым

способом...

— Это должно случиться здесь, — тихо произнес он, опускаясь на колени. — Здесь и сейчас.

Сорвав с меня кружевные трусики и задрав юбки, он принялся вылизывать мою половую щель. Его язык проник между складками, лаская пульсирующий клитор.

Охнув, я попыталась отстраниться, но деться было некуда: за спиной дверь, а передо мной решительно настроенный Гидеон. Удерживая меня на месте одной рукой, он другой закинул мою ногу себе на плечо, открыв мою промежность для своего ненасытного рта.

Моя голова билась о стекло, по жилам растекался жидкий огонь, сводивший меня с ума. Моя нога, надавливая на его спину, еще плотнее прижимала его ко мне, руки вцепились ему в голову, а бедра ходили ходуном. А уж то, что об их чувствительную внутреннюю поверхность терлись шелковые пряди его волос, доводило меня до безумия...

Мы находились в доме родителей Гидеона, в разгар вечеринки, на которой присутствовали десятки известных людей, а он стоял на коленях и утолял свое желание, вылизывая и обсасывая мое увлажненное влагалище. Он знал, как меня удовлетворить. Знал, что мне нравится. Глубокое понимание моей натуры еще больше усиливало воздействие его и без того невероятного орального мастерства.

Тело мое содрогалось, веки тяжелели от запретного наслаждения.

— Гидеон... Заставь меня кончить!

Его язык снова и снова проникал в мою сжимающуюся половую щель, дразня, изводя, заставляя бесстыдно тереться о его неутомимый рот. Руки его сжимали мои ягодицы, буквально насаживая меня на его проникающий внутрь язык. В том, как он дарил мне наслаждение, безошибочно угадывалось восхищение моим телом, которое он буквально боготворил и получать от которого наслаждение стало для него такой же жизненной необходимостью, как и дышать.

— Да, — прошептала я. Я была подогрета шампанским, а дурманящий аромат кожи Гидеона мешался с запахом собственного возбуждения. Грудь налилась так, что лифчик стал вдруг слишком тесным, тело дрожало в предвкушении оргазма. — Скоро кончу!

Движение в дальнем конце комнаты привлекло мое внимание, и я застыла, встретившись взглядом с Магдаленой. Она замерла в дверном проеме с округлившимися глазами и отвисшей челюстью, глядя на голову Гидеона.

Но он или не замечал ее, или был настолько охвачен страстью, что это ничуть его не волновало. Его губы обхватили мой клитор, щеки округлились. Ритмично отсасывая, он одновременно массировал этот сверхчувствительный орган кончиком языка.

Все во мне сжалось в тугий комок, а потом разрядилось пламенным выбросом наслаждения.

Наступивший оргазм словно окатил меня опаляющей волной. Я закричала, неистово надавливая бедрами на его рот. Колени мои подогнулись, и Гидеон подхватил меня. Он поддерживал меня до тех пор, пока конвульсивные содрогания моей плоти не унялись.

Когда я снова открыла глаза, оказалось, что единственная зрительница этого действия исчезла.

Поднявшись с колен, Гидеон взял меня на руки, отнес на диван и разложил на нем, а потом поднял мои бедра на подлокотник, так, что у меня выгнулась спина. Я смотрела на него, недоумевая: почему бы ему просто не оттрахать меня сзади?

Впрочем, когда он расстегнул ширинку и вытащил свой огромный пенис, меня вообще перестало заботить, в какой позе он отымеет меня, лишь бы это случилось. Я застонала, когда его член вошел в меня, тело подалось ему навстречу.

Направляя мои бедра навстречу своим мощным толчкам, Гидеон рывками засаживал свой

твердый член в мою нежную половую щель. Глаза его потемнели, а хриплое дыхание при каждом толчке сопровождалось какими-то уж вовсе первобытными звуками.

У меня вырвался болезненный стон. Эти фрикции довели мое возбуждение до того, что мне хотелось быть затраханной им до смерти. Только им.

Еще несколько толчков — и его голова запрокинулась, бедра бешено завертелись.

— Сожми, Ева! Сожми мою шишку! — выдохнул он. Я сжала его член, и он издал прерывистый звук, столь сексуальный, что отозвался дрожью в моей промежности. — Да, ангел мой... только так!

Обвившись вокруг него, я сдавила его изо всех сил, и он выругался. Наши взгляды встретились, и я увидела, что его голубые глаза затуманены сексуальной эйфорией. За конвульсивным содроганием его могучего тела последовал звук, выдававший агонию экстаза. Его член дернулся внутри меня раз, два — а потом Гидеон кончил.

Сама я кончить еще раз не успела, но это не имело значения. Я смотрела на него с восторгом и чисто женским торжеством. Мне удалось сделать это с ним.

Пока он испытывал оргазм, я обладала им так же полно, как и он мною.

Гидеон, тяжело дыша, склонился надо мной, его волосы падали мне на грудь.

— Господи, как я только выдержал без этого столько дней. Даже за работой не мог забыть о тебе.

— Мне тоже тебя не доставало, — отозвалась я, пробежав пальцами по его мокрым от пота волосам.

— Когда тебя нет со мной, я чувствую... Черт возьми, Ева, больше не убегай. Я этого не вынесу, — уткнувшись носом в мои груди, произнес он. Затем он поднял меня, причем член его так и оставался внутри, и бережно поставил на пол. — Поехали ко мне домой.

— Не могу оставить Кэри.

— Ну так давай заберем и его. Ш-ш-ш... Прежде чем возражать, подумай вот о чем: что бы он ни надеялся извлечь из вечеринки, я по-любому могу ему это устроить. Так что торчать ему здесь незачем.

— Ну, может, ему просто нравится.

— Я не хочу, чтобы здесь находилась ты. — Неожиданно он показался мне отстраненным, а голос его звучал как-то натянуто. — Неужели ты не понимаешь, как меня задевают твои слова?

Обида сдавила мне грудь, и я даже всхлипнула.

— Что во мне такого плохого, что ты не желаешь видеть меня в кругу своей семьи?

— Да что ты, ангел мой? — Он обнял меня, нежно поглаживая руками мою спину. — В тебе нет ничего плохого, все дело в этом проклятом месте. Я не хочу... не могу здесь находиться. Ты желала знать, что я вижу в тех своих снах? Так вот знай — этот дом!

— Ох! — Желудок мой скрутило узлом от неловкости и смущения. — Прости.

Что-то в моем голосе побудило его поцеловать меня в лоб.

— Сегодня я был с тобою груб. Прости, если можешь. Приезжая сюда, я нервничаю и злюсь, но это меня не оправдывает.

Обхватив его лицо ладонями, я заглянула ему в глаза и увидела бушевавшую в них бурю чувств, которые он изо всех сил старался унять.

— Никогда не извиняйся за то, что рядом со мной ты остаешься самим собой. Именно это мне и нужно. Гидеон, я хочу стать твоим убежищем.

— Ты и есть мое убежище. Ты сама не понимаешь, в какой степени, но я найду способ тебе это объяснить. — Он прижался своим лбом к моему. — Поехали домой. Я кое-что для тебя купил.

— Вот как? Обожаю подарки.

Особенно если их преподносит мой неромантичный любовник.

Гидеон стал осторожно вынимать свой член, и только сейчас я поняла, как обильно он кончил и сколько в меня влилось его семени. Когда его член выскользнул наружу, внутренняя поверхность моих бедер стала влажной от его семени, а затем две нахальные капли шлепнулись на пол между моими расставленными ногами.

— Вот дерьмо, — простонал он. — До чего ж было круто. Я снова тебя хочу.

Я взглянула на его пенис, и меня бросило в жар.

— Ты не можешь проделать это еще раз!

— Черт меня побери, если я не могу.

Прикрыв мою половую щель ладонью, он принялся размазывать сперму по моей промежности, увлажняя наружные губы и массирующими движениями втирая в складки. Эйфория охватила меня, распространяясь, словно опьянение отменным спиртным: то было

чувство глубокого удовлетворения, порожденное тем, что Гидеон находил удовлетворение во мне и моем теле.

— Я с тобой просто зверею, — пробормотал он. — Хочу тебя пометить. Хочу обладать тобой так полно, чтобы мы были неразделимы.

Тут уж и мои бедра начали покачиваться, заново воспламеняемые возвратно-поступательными движениями его члена. Мне снова захотелось кончить, и я поняла, какой несчастной буду себя чувствовать, если придется терпеть, пока мы не окажемся в его постели. Рядом с ним я сама становилась до крайности сексуальной. И я, уверенная в том, что он не нанесет мне физического вреда, добровольно приняла решение.

Сомкнув пальцы вокруг его запястья, я завела его руку себе за спину и слегка куснула за подбородок. Потом набралась храбрости и прошептала:

— Введи вот туда. Пометь меня.

Он замер, лишь грудь его тяжело вздымалась.

— Я не... — В его голосе послышалось напряжение. — Ева, я не занимаюсь анальными играми.

Заглянув в его полные боли глаза, я увидела в них нечто неуловимо мрачное.

«Ох, сколько же у нас с тобой общего...»

Грубое вожделение сменилось теплой любовной привязанностью. С разрывающимся сердцем я призналась:

— Я тоже. По крайней мере, добровольно.

— Тогда... почему?

Смущение в его голосе тронуло меня до глубины души.

Обняв его, я положила голову ему на грудь, прислушиваясь к слегка испуганному биению сердца.

— Потому что верю: твое прикосновение сотрет память о Натане.

— Ох, Ева!

Его щека прижалась к моей макушке. Я приникла ближе к нему.

— С тобой я чувствую себя в безопасности.

Долгие мгновения мы молча сжимали друг друга в объятиях, и я, прислушиваясь к тому, как замедляется биение его сердца и смягчается дыхание, втянула в себя воздух, наслаждаясь восхитительным ароматом: его неповторимый запах мешался с запахами неистового желания и еще более неистового секса.

Затем кончик его среднего пальца осторожно скользнул по складке между моих ягодиц. Я замерла и откинула назад голову, чтобы взглянуть на него.

— Гидеон?

— Почему я? — тихо спросил он, смотря на меня потемневшими, грозowymi глазами. — Ты же знаешь, Ева, я в дерьме. Сама ведь видела, как я... той ночью, когда ты меня разбудила... Короче, черт возьми, ты видела! Как же ты можешь до такой степени доверять мне свое тело?

— Я доверяю своему сердцу и тому, что оно мне говорит, — ответила я, разглаживая морщинку, залегшую между его бровей. — Гидеон, ты можешь вернуть мне мое тело обратно. И я верю, что способен на это только ты один.

— У тебя есть «стоп-слово»? — неожиданно спросил он.

Удивленная, я снова отстранилась и присмотрелась к его лицу. Некоторых членов нашей психотерапевтической группы волновали вопросы садомазохистских отношений. Одним из них для достижения чувства безопасности в процессе сексуального акта требовался полный контроль над партнером, тогда как другие, напротив, могли получать наслаждение только через подчинение и унижение, то есть через боль. Приверженцы такой модели сексуального

поведения использовали во время полового акта «стоп-слово», что давало возможность остановить процесс, если он заходил слишком далеко. Однако я не понимала, какое отношение это может иметь к нам с Гидеоном.

— А у тебя?

— Оно мне не нужно. — Он поглаживал пальцем между моих ног, усиливая напор. — Так есть у тебя «стоп-слово»? — повторил он свой вопрос.

— Нет. И никогда не было. Лежа, стоя, раком... Вот, собственно, и весь набор моих стилей. Судя по чуть изменившемуся выражению его сурового лица, его это слегка позабавило.

— Ну и слава богу. Иного бы я не перенес.

При этом Гидеон продолжал массировать меня пальцем, пробуждая во мне самое низменное желание. Опасный Брюнет был вполне способен заставить меня позабыть обо всем, что случилось прежде. В сексуальном общении с ним у меня не было моментов, рождающих негативные эмоции, не было сомнений и страхов. Спасибо ему за это. В ответ я желала отдать ему свое тело, освобожденное благодаря ему от тягостного груза прошлого.

И тут начали отбивать время стоявшие у дверей напольные часы.

— Гидеон, нас уже долго не видно. Кто-нибудь может начать нас искать.

Он чуть-чуть надавил на мою чувствительную розетку.

— А тебя и вправду это заботит?

Мои бедра подались навстречу его прикосновению. От предвкушения меня уже снова бросило в жар.

— Когда ты прикасаешься ко мне, ничто другое меня уже не заботит.

Свободной рукой он зафиксировал мою голову в неподвижном положении.

— Ты уже получала удовольствие от анальных игр? Случайно или намеренно?

— Нет.

— И, однако, настолько доверяешь мне, что просишь об этом.

Он поцеловал меня в лоб, а пальцами переместил семенную смазку к моему заднему проходу.

— Ты не должен... — вцепившись в его пояс, начала я.

— Еще как должен, — возразил он с порочной уверенностью в голосе. — Если в тебе зародилось желание, то именно я его исполню. Все твои желания, Ева, могу удовлетворить только я. Чего бы это мне ни стоило.

— Спасибо, Гидеон.

В то время как он продолжал смазывать меня сзади, мои бедра двигались уже безостановочно.

— Я тоже хочу дать тебе все, что нужно.

— Я уже сказал, что мне нужно, Ева, — контроль. — Его шевелящиеся губы касались моих. — Ты просишь меня вернуть тебя туда, где властвует боль, и раз тебе это нужно, я так и сделаю. Но мы должны быть предельно осторожны.

— Знаю.

— Доверие очень важно для нас обоих. Подорвав его, мы можем потерять все. Придумай слово, которое связано в твоём сознании с силой. Твое «стоп-слово», мой ангел. Выбери его. — Давление его пальца усилилось.

— Кроссфайр, — простонала я.

— Хмм... Мне это нравится.

Он просунул мне в рот язык, но потом убрал его, однако пальцем продолжал массировать мне задний проход, а когда тот сжался, словно умоляя о большем, у Гидеона вырвался утробный рык.

Наконец я не выдержала и при следующем круговом движении пальца так резко подалась ему навстречу, что он вошел в меня. Ощущение было потрясающим. Тело мое дернулось и покорно обмякло.

— Ты в порядке? — прохрипел Гидеон, когда я бессильно привалилась к нему. — Может, мне прекратить?

— Нет... Ни в коем случае!

Палец вошел еще глубже, и мой проход сжался вокруг него в произвольной реакции на скольжение по чувствительным тканям.

— Ты такая уютная, такая горячая, — прошептал Гидеон. — И такая мягкая. Тебе не больно?

— Нет. Еще. Прощу тебя, глубже!

Гидеон вытащил свой палец и снова ввел его, легко и медленно. Я вздрогнула от удовольствия, удивляясь тому, как приятно это дразнящее ощущение наполненности заднего прохода.

— Ну как? — хрипло спросил он.

— Хорошо. То, что ты со мной делаешь, — все хорошо.

Палец, как поршень, ходил туда-сюда, погружаясь все глубже. Я наклонилась вперед, отставив зад, чтобы Гидеону было удобнее, а мои груди прижались к его груди. Еще крепче схватив меня за волосы, он запрокинул мне голову назад и припал к моим губам влажным поцелуем. Наши открытые рты жадно впивались друг в друга, еще больше распаляя желание. На ритмичные движения пальца Гидеона я откликнулась встречными движениями бедер.

— Ты так прекрасна, — произнес он с бесконечной нежностью в голосе. — Я так люблю делать тебе приятно. Люблю смотреть, как твое тело содрогается в оргазме.

— Гидеон!

Он обладал мною, любил меня, и я полностью отдалась этому сладостному чувству. Четыре дня разлуки дали мне понимание того, как несчастна я буду, если мы не сумеем решить наши проблемы, каким бесцветным и унылым станет мой мир, если в нем не будет его.

— Ты нужен мне.

— Знаю. — Он облизал мне губы, вызвав у меня головокружение. — И я здесь. Твоя киска уже напряглась и дрожит. Ты снова готовишься для меня кончить.

Трясущимися руками я нащупала его торчащий член и задрала юбки повыше, чтобы ввести его пенис в свое увлажненное влагалище. Он вошел в него не полностью, так как наше стоячее положение не позволяло проникнуть глубже, но и этого контакта было достаточно. Я обхватила его руками за плечи и уткнулась лицом в шею. Колени мои подогнулись. Тогда Гидеон отпустил мои волосы и поддержал меня за спину, привлекая ближе.

— Ева. — Движения его пальца ускорились. — Ты понимаешь, что со мной творишь?

Его бедра подавались навстречу моим, головка члена массировала сладостно-нежную точку.

— Этим своими легкими сдавливаниями ты просто выдаиваешь меня. Хочешь довести до того, чтобы я кончил в тебя. Ладно, когда дойдешь до точки, мы кончим вместе.

Из моего горла вырывались бессвязные стоны, которые я воспринимала отстраненно, словно они доносились откуда-то издалека. Моими чувствами полностью владел запах Гидеона и жар его крепкого тела, его член, двигавшийся в моей половой щели, и палец, делавший то же самое в заднем проходе. Он окружал меня, наполнял меня, обладал мною во всей полноте, даря мне блаженство. Во мне вызревала кульминация, и вызвана она была не только сугубо физическим наслаждением, но и пониманием его готовности пойти на риск. Снова. Ради меня.

Его палец замер, и я издала протестующий звук.

— Тсс, — прошептал он. — Кто-то идет.

— Господи! Магдалена уже приходила и видела нас. Что, если она рассказала...

— Не двигайся.

Гидеон не отпустил меня. Остался в той же позе, в какой был, наполняя меня и спереди и сзади, лишь его рука, поглаживавшая мою спину, опустила подол платья.

— Твое платье все скроет.

Стоя спиной к входу в библиотеку, я прижалась раскрасневшимся лицом к его груди.

Дверь отворилась. После некоторой паузы прозвучал вопрос:

— Тут все в порядке?

Кристофер. Я ощутила неловкость из-за того, что не могла обернуться.

— Конечно, — спокойно и холодно отозвался Гидеон. — Тебе чего надо?

К моему ужасу, возвратно-поступательное движение пальца Гидеона возобновилось: это были не глубокие толчки, как раньше, но медленные, размеренные движения, не колыхавшие мои юбки. Мое возбуждение пересилило тревогу. Находясь на грани оргазма, я впилась ногтями в шею Гидеона. Напряжение, вызванное пребыванием в комнате Кристофера, лишь усугубляло эротические ощущения.

— Ева? — окликнул меня Кристофер.

Я тяжело сглотнула.

— Да?

— Ты в порядке?

Гидеон чуть изменил положение, из-за чего его член во мне шевельнулся, и я ощутила соприкосновение с моим пульсирующим клитором.

— Э... вполне. Мы тут... беседуем. Насчет... обеда.

Глаза мои закрылись, когда кончик пальца Гидеона надавил на тонкую перегородку, разделявшую палец и головку члена. Я понимала, что стоит ему еще чуточку нажать на клитор — и я кончу. В таком состоянии я уже себя не контролировала.

Гидеон заговорил, и его грудь заколыхалась у моей щеки.

— Чем быстрее ты уйдешь, тем быстрее мы закончим, так что скажи, в чем дело.

— Тебя мама ищет.

— С чего бы это?

Гидеон снова переместился, надавив мне на клитор, и одновременно быстро и сильно впихнул палец глубже в зад.

Я дошла до точки. Из меня рвался крик наслаждения, но я подавила его, вцепившись зубами в крепкую грудь Гидеона. Он тихонько всхрипнул, и его член задрожал, испуская в меня густую и жаркую струю семени.

Конец разговора заглушил рев крови в моих ушах. Кристофер что-то произнес, Гидеон что-то ответил, и дверь снова закрылась. Гидеон приподнял меня, посадил на подлокотник и принялся засаживать в меня свой член, доводя себя до оргазма. Гидеон издал первобытный рык, когда мы завершили этот самый дикий, самый эксгибиционистский сексуальный контакт в моей жизни.

* * *

Потом Гидеон отвел меня в ванную, где, слегка намывив мочалку, протер ею мою промежность, а затем занялся своим членом. Забота, проявленная им по отношению ко мне, приятно тронула, подтвердив еще раз, что точно так же, как его желание имело первостепенное

значение для меня, мои потребности были важны для него.

— Не хочу больше с тобой ссориться, — тихо произнесла я со своего насеста.

Он бросил мочалку в контейнер для грязного белья, застегнул ширинку и, подойдя ко мне, провел по моей щеке холодными пальцами.

— Да ведь мы вовсе не ссоримся, ангел мой. Мы просто учимся изгонять друг из друга бесов.

— Тебя послушать, так больно все просто, — пробормотала я.

Вроде бы нелепо было говорить о нас как девственниках, но в эмоциональном смысле что-то такое имелось в нас обоих. Мы нащупывали свой путь во тьме, страстно желая преодолеть тягостные, глубоко укоренившиеся комплексы, пытаюсь произвести впечатление и упуская при этом тончайшие нюансы.

— Просто или нет, не имеет значения. Мы все преодолеем, потому что нам это нужно. — Он погладил мои растрепавшиеся волосы, приводя их в порядок. — Но лучше поговорим об этом дома. Мне кажется, я понял, в чем суть нашей проблемы.

Его решительность и уверенность снимали беспокойство, изводившее меня последние дни. Закрыв глаза, я расслабилась, получая удовольствие от того, как он играет с моими волосами.

— Кажется, твоя мать удивилась тому, что я блондинка.

— Неужели?

— И моя тоже удивилась. Конечно, не тому, что я блондинка, — тут же пояснила я, — а тому, что блондинка заинтересовала тебя.

— Да ну?

— Гидеон!

Он чмокнул меня в кончик носа и провел ладонями по моим рукам.

— Я ведь не того типа, на который ты западаешь. Разве не так?

Его брови выгнулись дугой.

— Я западаю лишь на один тип, и он зовется Ева Лаурен Трэмелл. Это все.

— Ну ладно. Пусть будет так. — Я закатила глаза.

— А это имеет значение? Я ведь с тобой.

— Да нет, не имеет. Просто любопытство. Люди редко отступают от своих привычек и пристрастий.

Встав между моими раздвинутыми ногами, он обхватил меня за бедра.

— К счастью для меня, я, похоже, отношусь к тому типу, который тебе по вкусу.

— Гидеон, — с расстановкой произнесла я, — ты вообще ни к какому типу не относишься.

Ты представляешь собой особый класс.

— Ты так это видишь, правда? — спросил он, и его глаза сверкнули.

— Сам знаешь, что правда. Поэтому нам нужно выбираться отсюда, да поскорее, пока дело не дошло до новой случки, как у кроликов.

— Только ты, — пробормотал он, прижавшись своей щекой к моей, — способна заставить меня забыть обо всем в таком месте, где обычно меня корежит. Спасибо тебе. Ты именно то, чего я хочу и что мне нужно.

— Ох, Гидеон! — Я обвила его руками и ногами, прижав к себе так сильно, как только могла. — Ты ведь ради меня сюда пришел, да? Забрать меня из ненавистного тебе места?

— Ради тебя, Ева, я бы и в ад спустился, а эта чертова дыра, к счастью, гораздо ближе, — хрипло выдохнул он. — Я уже собирался ехать к тебе и вытащить тебя из дома, когда узнал, что ты отправилась сюда. Тебе следует держаться подальше от Кристофера.

— Почему ты все время это твердишь? Он кажется очень милым.

Гидеон подался назад, пропуская мои волосы сквозь пальцы и прожигая меня пылающим

взглядом:

— Он просто одержим идеей братского соперничества, а к тому же крайне неуравновешен, что порой делает его опасным. И к тебе его тянет, потому что таким образом он может уязвить меня. В этом ты должна мне верить.

Почему Гидеон был столь подозрителен в отношении мотивов своего брата? У него должны были быть на то веские основания, но пока это оставалось еще одним вопросом, которым он не поделился со мной.

— Я тебе верю. Конечно верю. И буду держать дистанцию.

— Спасибо. — Подхватив за талию, Гидеон снял меня с насеста и поставил на пол. — Пошли, найдем Кэри и свалим отсюда.

Держась за руки, мы проделали обратный путь из дома, причем мне было ужасно неловко. Во-первых, похоже, наш междусобойчик продолжался неприлично долго. Солнце уже клонилось к закату. Во-вторых, я была без трусов. Мои кружевные трусики Гидеон засунул в передний карман джинсов.

Когда мы вошли в шатер, он взглянул на меня:

— Ева, мне следовало сказать тебе раньше. Ты выглядишь потрясающе. Платье на тебе обалденное, я уж не говорю про эти суперсексуальные красные туфельки.

— Да, похоже, они сработали, — шутливо толкнула я его плечом. — Спасибо.

— За комплимент? Или за трах?

— Тсс! — шикнула я и покраснела.

Его бархатистый смех заставил женские головы в шатре повернуться в нашу сторону, да и некоторые мужские тоже. Тогда он притянул меня к себе и смачно поцеловал в губы.

— Гидеон! — Его мать плыла нам навстречу с сияющими глазами и широкой улыбкой на очаровательном лице. — Я так рада, что ты здесь.

Похоже, она хотела обнять его, но он чуть-чуть изменил позу, и его, а заодно и меня словно окружило невидимое силовое поле. Элизабет резко остановилась.

— Мама, — приветствовал он ее с теплотой арктического шторма, — за мое появление ты должна благодарить Еву. Я приехал, чтобы забрать ее.

— Но она тут прекрасно проводит время. Правда, Ева? Ты должен задержаться ради нее. — Элизабет посмотрела на меня с мольбой в глазах.

Я сжала руку Гидеона. Решение, конечно, оставалось за ним, но я ничего не могла поделать со своим любопытством. Мучительно хотелось понять, что стоит за его холодностью по отношению к матери, которая его, без сомнения, так любит. Ее взгляд жадно скользил по лицу сына, вбирая в себя черты, во многом похожие на ее собственные. Как давно она не видела Гидеона?

Потом мне пришло в голову, что, быть может, она слишком сильно любит его... И у меня напряглась спина.

— Не дави на Еву, — сказал Гидеон, растирая костяшками пальцев мою спину. — Ты ведь уже получила, что хотела: повстречалась с ней.

— Быть может, как-нибудь на неделе заглянете вдвоем на обед?

В ответ он лишь поднял брови. Потом Гидеон посмотрел в сторону, и, проследив за его взглядом, я увидела Кэри. Кэри появился откуда-то из лабиринта живых изгородей, а на его руке повисла весьма известная поп-принцесса. Гидеон помахал ему рукой.

— Эй, только не забирайте Кэри! — запротестовала Элизабет. — Он же душа вечеринки.

— Я так и знал, что он тебе понравится, — отозвался Гидеон. — Но не забывай, мама, он друг Евы. А это автоматически делает его и моим.

Но тут, к моему величайшему облегчению, Кэри присоединился к нам, непринужденно

разрядив обстановку.

— А я как раз тебя искал, — обратился он ко мне. — Хотел спросить, не собираешься ли ты домой. Мне тут позвонили и сказали, что ждут. Так что надо ехать.

Судя по тому, как сверкали его глаза, я поняла, что позвонил ему Трей.

— Да, мы как раз собирались ехать.

Мы с Кэри обошли шатер, прощаясь и рассыпаясь в благодарностях. Гидеон неотступно, как собственник, следовал за мной.

Мы уже шли к дому, когда я заметила стоявшую в сторонке и смотревшую на Гидеона Айерленд.

— Давай подойдем к твоей сестре и попрощаемся, — предложила я.

— Что?

— Да вон она стоит, слева. — При этом я посмотрела вправо, чтобы девушка, которую я подозревала в преклонении перед старшим братом, не поняла, что разговор идет о ней.

Повернувшись к Айерленд, Гидеон небрежно помахал ей рукой, в то время как она с выражением воинственной скуки на лице прохаживалась туда-сюда. Покачав головой, я взглянула на Кэри: слишком уж хорошо помнила я те дни.

— Послушай, — начала я, сжимая руку Гидеона, — скажи ей: тебе жаль, что вы не пересеклись, пока ты был здесь, так что пусть она, если хочет, тебе позвонит.

— А для чего нам пересекаться? — уставился на меня Гидеон.

— Для разговора, для чего же еще, — ответила я. — Она была бы рада потрепаться о чем угодно. Дай ей шанс.

— Она же девчонка-подросток, — нахмурился Гидеон. — С какой стати я должен дать ей шанс мне все уши заговорить?

— Тогда у меня будет перед тобой один должок, — встав на цыпочки, прошептала я ему на ухо.

— Ох, чую, у тебя что-то на уме. — Он окинул меня долгим подозрительным взглядом, а потом крепко поцеловал. — Оставим пока вопрос открытым. Должок у тебя передо мной будет, и не один. Количество мы определим позже.

Я кивнула.

Кэри чуть качнулся назад на каблуках и покрутил одним указательным пальцем возле другого, что означало: «обвел вокруг пальца».

«И это только справедливо», — подумала я, потому что Гидеон обвел меня вокруг сердца.

* * *

Меня удивило, когда кто-то из слуг вручил Гидеону ключи от его «бентли».

— Ты что, сам поведешь? А где же Энгус?

— У него отгул. — Гидеон ткнулся носом мне в висок. — Мне не доставало тебя, Ева.

Я скользнула на пассажирское сиденье, и он закрыл за мной дверь. Пристегивая ремень безопасности, я заметила, что Гидеон задержался у капота и переглянулся с двумя мужчинами в черном, стоявшими возле «мерседеса» в конце дорожки. Кивнув, они забрались в машину, а когда Гидеон направил «бентли» к выезду из поместья Видалов, последовали за нами.

— Телохранители?

— Ага. Когда мне сказали, что ты здесь, я вдавил газ в пол и рванул так, что они на время потеряли меня из виду.

Кэри поехал домой с Клэнси, так что мы с Гидеоном отправились в его пентхауз. На меня

произвело сильнейшее впечатление то, как он вел машину. Своим роскошным автомобилем Гидеон управлял так же, как и всем прочим: уверенно и агрессивно. К городу он мчал быстро, но аккуратно, без заносов на поворотах. Впрочем, дорога была почти свободна, пока мы не добрались до запруженного транспортом Манхэттена.

Дома мы первым делом рванули в ванную, чтобы принять душ. Создавалось впечатление, что Гидеон использует любую возможность, чтобы прикоснуться ко мне: он сам вымыл меня с головы до ног, вытер полотенцем и надел новый халат — расшитое кимоно из зеленовато-голубого шелка. А затем достал из ящика подходящие по цвету шелковые трусы для себя.

— А мне что, трусиков не положено? — спросила я, вспоминая свой ящик с эротическим бельем.

— Не-а. Послушай, на стенке в кухне висит телефон. Набери единицу и закажи две порции моего обычного обеда от Питера Люгера.

— Ладно.

Я пошла в кухню, чтобы позвонить по телефону, а потом отправилась на поиски Гидеона. Я обнаружила его в кабинете, куда раньше не заглядывала.

Мне не удалось хорошо рассмотреть помещение, так как оно тонуло в полумраке. Горела лишь лампа на письменном столе и над фотоколлажем, оправленным в раму. К тому же мой взгляд был устремлен на Гидеона. Он сидел развалившись в огромном кожаном кресле, в руках, словно согревая, держал похожий на тюльпан бокал с каким-то спиртным. От одного вида его рельефных бицепсов и мышц брюшного пресса у меня стало покалывать кожу.

Он смотрел на подсвеченный коллаж, который, конечно, привлек и мое внимание. То была подборка наших с ним фотографий: мы с ним целуемся на улице перед спортзалом... мы с ним на благотворительном обеде... наше нежное примирение после размолвки в Брайант-парке...

В центре коллажа красовался снимок, сделанный, когда я спала в собственной постели, при свете свечи, зажженной мною для него. Снимок интимный, отдававший вуайеризмом и говоривший о фотографе, пожалуй, больше, чем о предмете съемки. Все это тронуло меня до глубины души.

Указав на бокал, который он заранее наполнил для меня и поставил на край письменного стола, Гидеон сказал:

— Присядь.

Снедаемая любопытством, я села. В Гидеоне ощущалось что-то новое: целеустремленность и спокойная решимость, сочетавшиеся со сосредоточенностью.

Что еще пришло ему на ум? И чем это обернется для нашего совместного вечера?

Но тут на глаза мне попался еще один маленький фотоколлаж в рамке рядом с моим бокалом, и моя тревога рассеялась. Рамка была точно такая же, как та, что стояла на моем рабочем столе, но в нее были вставлены три снимка, на которых мы с Гидеоном были вместе.

— Хочу, чтобы ты взяла это на работу, — тихо произнес он.

— Спасибо.

Впервые за последние дни я почувствовала себя счастливой. Прижав одной рукой рамку к груди, другой я взяла бокал.

— Ты целыми днями шлешь мне воздушные поцелуи со снимка на моем столе. Думаю, будет только справедливо, если у тебя появится такое же напоминание обо мне. О нас.

Я резко выдохнула, пульс мой слегка сбился с ритма:

— Я никогда не забываю ни о тебе, ни о нас.

— А я и не дал бы тебе забыть. — Гидеон отпил большой глоток. — Мне кажется, я понял, когда мы оступились впервые, из-за чего потом всю дорогу спотыкались да запинались.

— Да?

— Выпей арманьяку, ангел мой. Думаю, тебе это нужно.

Я осторожно пригубила напиток. Он обжег горло, но вкус мне понравился. Я сделала еще один глоток, побольше.

Крутя бокал между ладонями, Гидеон задумчиво посмотрел на меня и тоже сделал глоток.

— Ева, скажи мне, что было круче: секс в лимузине, когда лидерство принадлежало тебе, или в отеле, когда мне?

Я неуверенно поежилась, не совсем понимая, к чему ведет этот разговор.

— Думаю, ты наслаждался тем, что случилось в лимузине. Пока это происходило, конечно. Ясно, что не потом.

— Я был в восторге, — признал он со спокойной уверенностью. — До конца дней не забуду тебя в красном платье, не забуду, как ты стонала и говорила о том, что тебе приятно чувствовать внутри мой член. Если в будущем ты снова захочешь лидировать, я, несомненно, подыграю.

У меня свело желудок, мышцы плеч напряглись.

— Гидеон, меня начинает малость колбасить: все эти разговоры насчет «стоп-слов», лидерства... Создается впечатление, будто наш разговор клонится куда-то не туда.

— Это потому, что у тебя в мыслях садомазохизм и боль. А я веду речь о взаимном согласовании ролей. — Гидеон в упор посмотрел на меня. — Не хочешь еще бренди? А то ты совсем бледная.

— Думаешь? — Я отставила пустой бокал. — Звучит так, словно ты говоришь мне о своей склонности к доминированию.

— Ангел мой, да это ты уже и так знаешь. — Его рот скривился в легкой сексуальной улыбке. — Я говорю тебе о твоей склонности к подчинению.

Я вскочила на ноги.

— Не дергайся, — мягко, но с нажимом произнес Гидеон. — Мы еще не закончили.

— Да ты просто не соображаешь, что несешь! — Я твердо знала, что в жизни не допущу, чтобы кто-то снова мною командовал и чтобы я лишилась права сказать «нет». — Тебе ведь известно, что мне пришлось пережить. Я должна держать ситуацию под контролем точно так же, как ты.

— Ева, сядь.

Но я осталась стоять, просто чтобы доказать свою самостоятельность.

По его лицу расплылась широкая улыбка, от которой я начала потихоньку оттаивать.

— Ты хоть на секунду представляешь себе, что я просто схожу по тебе с ума? — спросил он.

— Если ты вообразил, будто я и вправду испытываю потребность исполнять чужие приказы, особенно в том, что касается секса, то, похоже, и вправду сошел с ума!

— Да угомонись ты, Ева! Сама ведь знаешь, что я не хочу тебя бить, мучить, унижать, причинять тебе боль или заставлять, как собачонку, выполнять команды. Это не нужно никому из нас. — Гидеон подался вперед и оперся локтями о столешницу. — Ты самое важное, что есть в моей жизни. Мое сокровище. Я хочу защитить тебя, дать тебе возможность чувствовать себя в безопасности. Вот почему у нас зашла об этом речь.

Господи! Ну как он может быть таким понимающим и в то же время таким безумным?

— Мне не нужно, чтобы надо мной доминировали!

— Тебе необходим кто-то, кому ты сможешь доверять... Нет, Ева, замолчи. Дай мне договорить. Ты сама просила меня заново проделать с твоим телом то, что когда-то причиняло тебе боль и повергало в ужас. Ева, я не могу сказать тебе, что значит для меня твое доверие и что со мной будет, если я его не оправдаю. Не могу рисковать. Мы должны все сделать правильно.

— Похоже, у меня и вправду напряженно с мозгами. Мне казалось, что у нас обалденная сексуальная жизнь, — скрестив руки на груди, пробормотала я.

Гидеон поставил бокал на стол и как ни в чем не бывало продолжил:

— Ты попросила меня сегодня пойти навстречу твоему желанию, и я согласился. А сейчас нам требуется...

— Если я тебя не устраиваю, плюнь на меня! — Я поставила на стол бокал и положила рамку, опасаясь сделать с ними что-нибудь такое, о чем потом пожалею. — И не пытайся приукрасить...

Но не успела я сделать и пары шагов, как он обнял меня и закрыл мне рот поцелуем. А потом прижал меня к стене и, схватив за запястья, поднял мои руки высоко над головой.

Обездвиженная, я ничего не могла поделать, когда он, согнув колени, с размаху ткнул своим напряженным членом мне в промежность. Раз, два. Сквозь шелк его трусов я чувствовала набухшим клитором возбужденный член. Потом он слегка прикусил мой прикрытый халатом сосок. Чистый запах его теплой кожи дурманил меня. Охнув, я обмякла в его объятиях.

— Видишь, как легко ты мне подчиняешься? — Он поцеловал меня в лоб. — И ведь тебе хорошо. Правда? Ты чувствуешь, что это правильно.

— Это несправедливо!

Я в упор смотрела на него. Интересно, чего еще он мог от меня ждать? И хотя нервы были на пределе, меня неудержимо тянуло к нему, и здесь уж ничего не поделаешь.

— Еще как справедливо. И к тому же это чистая правда.

Мой взгляд скользил по его густым черным волосам и прекрасному, словно вылепленному, лицу. Овладевшее мною желание было болезненно острым. А то, что он явно скрывал какую-то мрачную тайну, только усиливало мою любовь. Временами казалось, будто в его лице я обретаю вторую половину себя.

— Ничего не могу поделать, когда ты заводишь меня, — простонала я. — Мое тело физиологически расслабляется и размягчается, так что ты можешь ввести в меня свой здоровенный член.

— Ева, давай будем честны. Ты желаешь, чтобы я имел полный контроль. Для тебя важно то, что ты можешь доверить мне заботу о тебе. Ничего дурного здесь нет. Более того, я нуждаюсь в том, чтобы ты доверяла мне настолько, что покорно согласилась бы на этот контроль.

Мысли мои путались. Он так тесно прижимался ко мне, что мое тело мучительно ощущало каждый дюйм его мускулистой плоти.

— Вовсе я не покорная.

— Ты со мной. А если оглянешься назад, то поймешь, что тебя все время неудержимо тянуло ко мне.

— Ты очень хорош в постели. И более опытен. А потому я позволяю тебе проделывать со мной все, что угодно. Извини, если не сумела доставить тебе такое же наслаждение.

— Не мели ерунды, Ева. Ты сама прекрасно знаешь, как я наслаждаюсь, занимаясь с тобой любовью. Будь моя воля, я бы вообще ничем другим не занимался. Но мы говорим не об играх, от которых я торчу.

— Значит, мы говорим о том, от чего торчу я?

— Да. Мне так казалось, — нахмурился он. — Ты расстроилась. Я не хотел... Проклятье! Я считал, что откровенный разговор сможет нам помочь.

— Гидеон... — Глаза мои наполнились слезами. Он выглядел не менее смущенным и уязвленным, чем я. — Ты разбиваешь мне сердце.

Отпустив мои запястья, он подхватил меня на руки и понес из своего кабинета через коридор к закрытой двери.

— Поверни ручку, — тихо произнес он.

Мы оказались в слегка пахнувшей свежей краской комнате, где горела одинокая свеча. Несколько секунд я находилась в полной растерянности, поскольку решительно не могла понять, каким образом мы ухитрились попасть из апартаментов Гидеона напрямую в мою спальню.

— Не понимаю. — Мой мозг тщетно пытался осмыслить возможность телепортации из одной квартиры в другую. — Ты что... перенес меня сюда с собой?

— Не совсем. — Он поставил меня на пол, однако руки не убрал. — Я просто воссоздал твою комнату по фотографии, которую сделал, пока ты спала.

— Зачем?

Что за чертовщина? Что за дурацкие фокусы?! Неужели все это для того, чтобы не дать мне снова стать свидетельницей его кошмаров?

Эта мысль буквально разбивала мне сердце. Мне казалось, будто незримый поток относит нас с Гидеоном в разные стороны.

Он погладил меня по влажным волосам, что лишь усилило мою тревогу. Похоже, даже такой простой жест еще дальше отдалял меня от него.

— Если ты вновь соберешься бежать, — мягко произнес Гидеон, — можешь удалиться сюда и закрыть за собой дверь. Обещаю, что не побеспокою тебя, пока ты сама не захочешь.

Это, с одной стороны, обеспечит тебе безопасное убежище, а с другой — я буду знать, что ты меня не покинула.

И хотя у меня сразу возник миллион вопросов, я задала лишь один:

— Мы не только заниматься любовью, но и спать будем в одной постели?

— Каждую ночь. — Губы Гидеона коснулись моего лба. — Как ты вообще могла подумать иначе? Поговори со мной, Ева. Что творится в твоей прекрасной голове?

— Что творится у меня в голове? — фыркнула я. — Скажи лучше, что творится в твоей? Что с тобой случилось за те четыре дня, пока мы считали, что разорвали наши отношения?

— Ева, мы с тобой никогда не разрывали отношения, — с каменным лицом ответил он.

Из соседней комнаты донесся телефонный звонок, и я тихо выругалась. С одной стороны, мне хотелось, чтобы он ушел, а с другой — продолжить этот разговор.

— Прибыл наш обед, — успокаивающе похлопал он меня по спине и вышел.

Но я за ним не пошла, так как была слишком расстроена, чтобы есть. Я забралась на кровать, точную копию своей, свернулась калачиком, прижав к животу подушку, и закрыла глаза. Я не услышала, как вернулся Гидеон, но поняла, что он здесь, когда он встал рядом с кроватью.

— Пожалуйста, не заставляй меня есть в одиночестве, — сказал он, обращаясь к моей напряженной спине.

— А почему бы тебе просто не приказать мне отправиться с тобой обедать?

Он вздохнул, а потом опустился на кровать, согрел меня теплом своего тела. Его присутствие успокаивало меня, а быть может, он сам черпал успокоение в моей близости.

— Ева, для меня невыносимо видеть тебя несчастной. Поговори со мной. — Его пальцы нежно поглаживали мою руку.

— Не знаю, что сказать. Мне казалось, что нам удалось наконец сгладить наши противоречия. — Я еще крепче стиснула подушку.

— Расслабься, Ева. Не отталкивай меня. Ты причиняешь мне боль.

Но мне казалось, будто это он меня отталкивает.

Тогда я повернулась к нему лицом, опрокинула на спину и забралась на него. Руки мои блуждали по его мощной груди, царапая загорелую кожу, бедра колыхались над ним, подставляя обнаженную половую щель под его член. По потемневшим глазам и участившемуся дыханию я поняла, что он почувствовал влажный жар моей промежности.

— И что, неужели это так для тебя ужасно? — спросила я, работая бедрами. — Неужели, раз уж я взяла инициативу на себя, ты боишься, что не сможешь меня удовлетворить?

Гидеон положил руки мне на бедра. Даже этот безобидный жест показался мне слишком властным. И поняла, что он больше не обуздывает свою силу воли.

Скрытая в нем гигантская энергия теперь устремилась в меня, опалив нестерпимым жаром.

— Я уже говорил, что смогу поиметь тебя любым способом, — прохрипел Гидеон.

— Ну и ладно. Не думай, будто я не знаю, что ты ухитряешься чувствовать себя наверху, даже оставаясь внизу.

Его рот скривился в самодовольной усмешке.

Соскользнув, я стала ласкать языком его твердый сосок. Я лежала на нем так же, как раньше он лежал на мне, сжимая его упругие ягодицы. Его мощный член упирался мне в живот, пробуждая во мне сексуальный голод.

— Ты хочешь наказать меня наслаждением? — тихо спросил он. — Ну что ж, ты можешь. Ты можешь поставить меня на колени, Ева.

Я резко выдохнула и уронила голову ему на грудь:

— Хочу!

— Да не волнуйся ты так. Мы преодолеем это, как и все остальное.

— Какая самоуверенность, — прищурилась я. — Ты пытаешься утвердиться в своей позиции.

— Можешь попробовать утвердиться в своей.

Гидеон облизал нижнюю губу, и моя полая щель сжалась в требовательном желании. Его глаза говорили о том, что он сейчас переживает целую гамму чувств. Несомненно, как бы ни сложились в дальнейшем наши отношения, мы уже буквально проросли друг в друга. Причем я была близка к тому, чтобы продемонстрировать это на практике.

Когда мои губы заскользили по его телу, Гидеон запрокинул голову и еле слышно выдохнул:

— Ох, Ева!

— Ваш мир, того и гляди, опрокинется, мистер Кросс.

Так оно и было. Уж об этом я позаботилась.

* * *

Я уселась за обеденный стол, торжествуя в душе при воспоминаниях о том, как еще совсем недавно Гидеон, мокрый от пота, задыхался и рычал в моих объятиях.

Проглотив кусочек еще теплого мяса, он спокойно сказал:

— Ты ненасытна.

— А то! Ты великолепен, сексуален, и у тебя огромный член.

— Рад, что ты это ценишь. Я еще и очень богат.

— Кого это волнует? — беззаботно спросила я, прекрасно понимая, что одни только его апартаменты стоят, наверное, миллионов пятьдесят долларов.

— Ну, по крайней мере, меня.

Я воткнула вилку в жареную по-немецки картофелину, размышляя о том, что еда от Питера Люгера доставляет почти такое же чувственное удовольствие, как и секс. Почти.

— Если меня и интересуют твои деньги, то только в одном аспекте: быть может, они позволят тебе бросить работу, чтобы стать моим секс-рабом.

— Ну, в финансовом отношении да, я вполне мог бы себе это позволить. Только боюсь, мы оба очень скоро заскучали бы. Тебя это устраивает? — ласково спросил он. — Ну как, убедилась в своей правоте?

Я прожевала кусочек и лишь после этого ответила:

— А что, стоит попробовать еще раз?

— Суть в том, что ты достаточно возбуждена, чтобы убедиться в моей правоте.

— Хмм. — Я пригубила вина. — Ты именно это планируешь?

Гидеон взглянул на меня и отправил в рот очередной кусок удивительно нежного бифштекса.

Чувствуя непонятное беспокойство, я спросила с глубоким вздохом:

— Если бы наша сексуальная жизнь тебя не удовлетворяла, ты бы мне сказал?

— Не смей меня, Ева.

А что еще могло побудить его устроить такие разборки после четырехдневной разлуки?

— Понимаю, если я не отношусь к тому типу, на который ты всегда был падок, тогда мне уже ничего не поможет. И мы не использовали ни одной из тех игрушек, что припасены у тебя в отеле...

— Прекрати.

— Прошу прощения?

— Я не хочу видеть, как ты рвешь в клочья чувство собственного достоинства, — отставив тарелку, произнес Гидеон.

— Что? А разве не ты затеял весь этот разговор?

— Ева, ты, конечно, можешь сама себя накручивать и подбивать меня на скандал, да только тебе это не поможет, потому что на самом деле единственное, чего ты хочешь, — это потрахаться.

— Чья бы корова...

Он ухмыльнулся, и я заткнулась, осознав его правоту. Я по-прежнему хотела его. Хотела, чтобы он, одержимый желанием, оказался на мне, чтобы полностью контролировать наслаждение и мое, и свое собственное.

— Подожди, — встав из-за стола, отрывисто бросил Гидеон.

Через минуту он вернулся и положил передо мной черную кожаную коробочку.

Мне будто дали под дых. Я похолодела от страха, но потом меня бросило в жар. Лежавшие на коленях руки тряслись, а когда я, пытаюсь унять дрожь, сцепила пальцы, то поняла, что меня всю колотит. Я растерянно посмотрела на Гидеона, и нежное прикосновение его пальцев к моей щеке помогло мне немножко успокоиться.

— Это не то кольцо, — сказал он. — Пока не то. Ты еще не готова.

Я почувствовала дикую слабость, а потом безмерное облегчение. Нам нельзя было торопиться. Никто из нас не был готов. Но если раньше я лишь догадывалась о том, до какой степени влюблена в Гидеона, то теперь это точно знала.

— Открой, — велел он.

Осторожно пододвинув к себе коробочку, я подняла крышку.

— Ох!

На черном бархате лежало кольцо, не похожее ни на какие другие: переплетенные золотые цепочки скреплял усыпанный бриллиантами крестик.

— Связи, оберегаемые крестом, — пробормотала я. «Гидеон Кросс, то есть крест».

— Не только. На мой взгляд, эти цепочки символизируют наши узы, разумеется добровольные. Но ты права и насчет креста: он символизирует то, как я за тебя держусь. Намертво вцепившись ногтями.

Он допил вино и снова наполнил оба бокала.

Некоторое время я сидела молча, стараясь осмыслить произошедшее. Все, что он сделал — фотоснимки, кольцо, доктор Петерсен, спальня, точная копия моей, и установленная за мной слежка, — однозначно свидетельствовало о том, что, пока мы были в разлуке, он непрерывно думал обо мне.

— Но ведь ты вернул мои ключи, — прошептала я, вспомнив, какую боль тогда испытала.

Гидеон накрыл мою ладонь своей рукой.

— У меня были на то веские причины. Ты, Ева, тогда сбежала в одном халате и даже ключей не взяла. И я с ужасом подумал о том, что будет, если Кэри не окажется дома.

Я поднесла его руку к губам и поцеловала тыльную сторону ладони, а затем закрыла коробочку.

— Оно прекрасно, Гидеон. Спасибо. Для меня это много значит.

— Но носить его ты не станешь, — уверенно произнес он.

— После нашего сегодняшнего разговора для меня это кольцо стало бы ошейником раба.

— Нельзя сказать, что ты так уж неправа, — немного помолчав, кивнул он.

Сердце мое сжималось, голова шла кругом. Сказывались четыре ночи беспокойного сна. Я не могла понять, почему он испытывает такую потребность во мне, пусть даже и я сама

испытывала к нему нечто подобное. В Нью-Йорке тысячи одиноких женщин, вполне способных занять мое место в его жизни, а вот Гидеон Кросс был такой один.

— Гидеон, мне почему-то кажется, что я постоянно разочаровываю тебя. После всех наших сегодняшних разговоров... Мне кажется, что это начало конца.

Отодвинув стул, он наклонился ко мне и коснулся моей щеки.

— Это не так.

— Когда мы посетим доктора Петерсена?

— Я буду ходить по вторникам. После того как ты посоветуешься с ним и договоришься о парных консультациях, мы можем посещать его по четвергам.

— Каждую неделю по два часа. Не считая дороги туда и обратно. Серьезная заявка. Спасибо.

— Ева, для меня это не жертва, — поцеловав мою руку, ответил Гидеон.

Он отправился к себе в кабинет еще поработать перед сном, а я, забрав коробочку, пошла в ванную причесаться и почистить зубы, а заодно получше рассмотреть кольцо.

По всему телу по-прежнему мягко, но настойчиво распространялся зуд желания, что казалось невероятным, если учесть, сколько оргазмов я уже испытала за день. Скорее, то была эмоциональная потребность в близости с Гидеоном, чтобы убедиться, что у нас все хорошо.

В спальне я положила коробочку на прикроватный столик со своей стороны кровати. Мне хотелось, чтобы это стало первым, на что упадет мой взгляд, когда утром я открою глаза. Со вздохом повесив свой чудесный новый халат на спинку кровати, я залезла в постель, немного поворожилась, чтобы устроиться поудобнее, и провалилась в сон.

* * *

Посреди ночи я проснулась от сильного сердцебиения. Я чувствовала, что мне не хватает воздуха, и только через какое-то время смогла вспомнить, где нахожусь. После чего я вся обратилась в слух в ожидании очередного кошмара Гидеона. И, лишь убедившись, что он спокойно спит рядом со мной, облегченно вздохнула.

Когда он лег спать? После четырех дней, проведенных в разлуке, у него могла появиться потребность побыть в одиночестве.

Но потом до меня дошло, что проснулась я от болезненного желания. Мои груди набухли, соски напряглись, внизу живота ощущалась ноющая боль, между ног стало мокро. Быть может, мне приснился эротический сон? Или, быть может, на меня так подействовала близость Гидеона?

Я приподнялась на локте и посмотрела на него. Одеяло сползло, обнажив его великолепную грудь. Правую руку он подsunул под голову, а левую, сжатую в кулак так сильно, что на предплечье вздулись вены, положил на одеяло. Даже во сне он выглядел неистовым и могучим. Сейчас я особенно четко осознавала, в каком напряжении нахожусь, как притягивает меня к нему его железная воля. Конечно, во сне он не мог требовать от меня подчинения, однако я воспринимала это именно так. У меня было такое чувство, будто нас связывала невидимая веревка, тянувшая меня к нему. Пульсация в промежности еще больше усилилась, и я сунула руку между ног, чтобы ослабить боль. Однако прикосновение лишь усилило ее.

Тогда я сбросила одеяло и села на кровати, подумав о том, не выпить ли стакан теплого молока с бренди, которым угощал меня Гидеон. Но неожиданно заметила поблескивавший в лунном свете кожаный футляр на прикроватном столике. И стоило мне подумать о находившемся внутри кольце, как желание вспыхнуло с новой силой. Мысль о том, чтобы

Гидеон надел на меня ошейник, еще больше возбудила меня.

«Да ты просто сексуально озабоченная!» — выругала я себя.

Одна девушка в нашей группе рассказывала о том, как «господин» использовал ее тело исключительно по собственному усмотрению и для собственного удовольствия. Тогда во всем этом я решительно не находила ничего сексуального... Но сейчас представила себя в подобной ситуации с Гидеоном. Я любила доводить его до неистовства. До того, чтобы он кончал.

Я провела пальцами по крышке коробочки и, судорожно вздохнув, открыла ее. А спустя мгновение золотой ободок уже красовался на безымянном пальце моей правой руки.

— Тебе нравится, Ева?

Услышав голос Гидеона, я испуганно вздрогнула. Оказывается, он вовсе не спал и смотрел на меня.

Как долго это продолжалось? Испытывал ли он ко мне — спящей — такое же желание, как я к нему?

— Я люблю его.

«Я люблю тебя».

Отставив коробочку, я повернула голову и увидела, что Гидеон сел на постели. Глаза его сверкали, что и возбуждало, и пугало меня. Он смотрел на меня тем одновременно похотливым и властным взглядом, который покорила меня еще при нашей первой встрече. Он поднес мою руку к губам и поцеловал подаренное им кольцо.

Я встала на постели на колени и обвила руками его шею:

— Возьми меня. Карт-бланш.

— Ну и как ты чувствуешь себя после такого заявления? — спросил он, сжав мои ягодицы.

— Почти так же хорошо, как во время оргазма, до которого ты меня доведешь.

— О, это настоящий вызов.

Гидеон кончиком языка прошелся по моим губам, возбуждив меня обещанием поцелуя, от которого умышленно воздержался.

— Гидеон!

— Ну-ка, ложись, ангел мой, и держись за подушку обеими руками. — Его губы скривились в порочной ухмылке. — И не выпускай ее ни в коем случае. Поняла?

Тяжело сглотнув, я так и сделала. Я невероятно возбудилась от одного лишь самопроизвольного, спазматического сжатия промежности.

Он отбросил ногой одеяло на спинку кровати.

— Раздвинь ноги и подними колени.

У меня перехватило дыхание, соски еще больше затвердели. Я задышалась от желания, представляя себе, что он собирается со мной сделать.

— Ох, Ева, — выдохнул он и провел указательным пальцем у меня между ног. — Надо же, какая ты ненасытная! Удовлетворить твою маленькую киску — работа не из легких.

Я почувствовала, как его палец проникает мне во влагалище, которое тут же сжалось вокруг него тугим кольцом. Я поняла, что вот-вот кончу. Но Гидеон извлек палец, поднес его ко рту и облизал. Бедра мои непроизвольно выгнулись.

— Сам виноват, что я по тебе так изголодалась, — вырвалось у меня. — Несколько дней отлынивал от работы.

— Тогда мне лучше возместить потерянное время.

Опустившись пониже, он закинул мои бедра себе на плечи и кончиком языка обвел трепещущий вход в мое тело. Затем еще раз и еще. Но не прикасаясь к клитору и не вводя член даже после того, как я взмолилась:

— Гидеон, пожалуйста.

— Ш-ш-ш. Сначала мне нужно тебя подготовить.

— Я готова. Была готова еще до того, как ты проснулся.

— Тогда надо было разбудить меня раньше. Я всегда готов позаботиться о тебе, Ева. Для того и живу.

С недовольным стоном я подалась бедрами вперед, навстречу этому дразнящему языку. И лишь когда я прямо-таки застонала от экстаза и безумного желания ощутить в себе любую, все равно какую, часть его тела, он залез на меня, еще больше раздвинув мне ноги и упершись руками в кровать.

Гидеон в упор смотрел на меня, удерживая мой взгляд. Его член, невысказанно горячий и твердый как камень, лежал поверх моих половых губ. Желание ощутить его в себе было сильнее, чем потребность дышать.

— Сейчас! — отчаянно выдохнула я. — Сейчас!

Резким движением бедер он всадил в меня член, сдвинув вверх по кровати.

— О боже! — в изнеможении выдохнула я.

Именно этого я и хотела с самого нашего разговора в его кабинете, именно этого страстно желала, когда терлась о его член перед обедом, именно этого добивалась сейчас, жадно вбирая в себя его пенис.

— Не кончай, — прошептал он мне на ухо и начал мять мои груди и крутить соски.

— Что?

Я была уверена, что кончу, стоит ему только вздохнуть.

— И не отпускай подушку. — Гидеон начал двигаться в медленном, размеренном ритме. — Ты будешь одержима желанием, — продолжил он, уткнувшись носом в чувствительную точку у меня за ухом. — Тебе захочется схватить меня за волосы, впиться ногтями мне в спину. А когда ты будешь близка к тому, чтобы кончить, схвати меня за ягодицы и рвани на себя, чтобы я мог войти в тебя еще глубже. Черт побери, мне нравится, когда ты такая сумасшедшая, когда даешь мне понять, что хочешь, чтобы я тебе засадил.

— Это несправедливо, — простонала я, зная, что он намеренно меня провоцирует. Он тяжело дышал в такт беспрестанным движениям своих бедер. — Ты меня мучаешь.

— Благодать приходит к тем, кто умеет ждать.

Его язык прошелся по моей ушной раковине и проник внутрь в тот самый миг, когда Гидеон сжал мои соски.

Подмахнув бедрами навстречу его последнему толчку, я чуть было не кончила. Гидеон превосходно знал мое тело, знал все мои эрогенные зоны. Он снова и снова надавливал членом на чувствительные нервные окончания, дрожавшие от наслаждения. Вращая бедрами, он словно вкручивался в меня. Я издала отчаянный, полный безумного наслаждения стон. Я судорожно цеплялась за подушку, голова моталась из стороны в сторону от непреодолимого желания оргазма. Он мог довести меня до оргазма одними лишь фрикциями, так как был единственным мужчиной, способным вызвать у меня вагинальный оргазм.

— Не кончай, — повторил он хриплым голосом. — Продли удовольствие.

— Не могу! Мне слишком хорошо. Боже, Гидео... — В уголках моих глаз выступили слезы. — Я... я теряюсь в тебе.

Я вскрикнула, боясь слишком рано произнести лишнее слово и разрушить достигнутое между нами хрупкое равновесие.

— Ох, Ева! — Он потерся щекой о мое мокрое лицо. — Я должен иметь тебя так сильно, так часто, чтобы у тебя не было иного выбора, кроме как кончить по-настоящему.

— Пожалуйста! — взмолилась я. — Притормози!

Гидеон поднял голову и взглянул на меня, одновременно сильно сдавив соски, так, что я

почувствовала укол боли. Мои внутренние мышцы сжались в ответ, и при следующем толчке у него вырвался стон.

— Пожалуйста, — снова взмолилась я, содрогаясь от попытки совладать с назревающей кульминацией. — Если ты не убавишь прыти, я сейчас кончу.

Его взгляд опалял мое лицо, бедра продолжали равномерные толчки, постепенно сводя меня с ума.

— Разве ты не хочешь кончить, Ева? — Когда я слышала его вкрадчивый голос, то могла пойти за ним хоть в ад. — Разве не к этому ты стремилась всю ночь?

Я запрокинула голову, почувствовав на шее его губы.

— Только когда ты скажешь, что можно, — выдохнула я. — Только... когда ты скажешь.

— Ангел. — Он осторожно убрал прядь моих волос, прилипших к вспотевшей коже, а потом припал к моим губам, поцеловав меня страстно и в то же время нежно.

«Да...»

— Кончи для меня, — прохрипел он, двигаясь все быстрее. — Кончи, Ева.

И в тот же миг, по его приказу, я почувствовала мощнейший, потрясающий, принесший бурю эмоций оргазм. На меня, пронизывая насквозь, одна за другой накатывали волны пульсирующего жара. Застонав от наслаждения, я выкрикнула его имя. И продолжала выкрикивать его снова и снова, с каждым новым толчком его члена, который не просто продлевал мой оргазм, но уже доводил меня до следующего.

— Прикоснись ко мне! — прохрипел он, в то время как я распадалась под ним на части. — Обними меня!

Освобожденная этим приказом от необходимости держаться за подушку, я обхватила его руками и ногами, прижимая к своему потному телу. Он работал членом, как поршнем, яростно устремляясь к собственному оргазму.

Издав звериный рык и пустив в меня мощную струю, он кончил. Я не разжимала объятий до тех пор, пока тела наши не остыли, а дыхание не выровнялось.

Наконец Гидеон скатился с меня, но тут же прижался к моей спине и прошептал:

— А теперь спи.

И я провалилась в сон, похоже даже не успев ему ничего сказать.

Утро понедельника может быть восхитительным, если ты встречаешь его с Гидеоном Кроссом. На работу мы ехали в обнимку: я прижималась к нему спиной, он обнимал меня за плечи так, что его пальцы соприкасались с моими.

В то время как он поигрывал подаренным мне кольцом, я, вытянув ноги, любовалась туфлями, купленными им для меня вместе с еще кое-какими вещами на тот случай, чтобы мне было во что переодеться, если я заночую у него. Новую рабочую неделю я решила начать в черном, в тонкую полоску, облегающем платье с узким голубым ремешком, напоминавшим мне о его глазах. Следовало воздать ему должное: вкус у него был превосходный.

Если, конечно, он не отправил за покупками одну из своих «приятельниц»-брюнеток.

Эту неприятную мысль я отогнала прочь.

Проверив ящики, которые он выделил для меня в своей ванной, я обнаружила там весь набор косметики и туалетных принадлежностей, которыми пользовалась, но выяснить, откуда он так хорошо знает мои вкусы, не стала. Предпочла считать это еще одним доказательством его внимательности. Надо же, обо всем позаботился.

Прекрасному утреннему настроению способствовало и то, что я помогла Гидеону одеться: застегнула ему рубашку и заправила ее в брюки, а потом, пока он завязывал галстук, застегнула молнию на ширинке и разгладила руками жилет. Мысленно я удивлялась, что, оказывается, одевать его — занятие во многом столь же сексуальное, как и раздевать. Это было все равно что заворачивать собственный подарок. Пусть все видят великолепную упаковку и восхищаются ею, а то, как прекрасен находящийся внутри мужчина, известно только мне. Его интимные улыбки, глубокий хриловатый смех, нежность его прикосновений и неистовство страсти — все это было только для меня.

«Бентли» слегка качнуло на дорожной выбоине, и Гидеон обнял меня крепче.

— Чем планируешь заняться после работы?

— Собираюсь на занятия крав-мага, — ответила я, не в силах унять волнение в голосе.

— А, ну да, правильно. — Его губы коснулись моего виска. — Знаешь, я собираюсь посмотреть, как ты будешь тренироваться. Одна мысль об этом меня заводит.

— По-моему, мы уже выяснили, что тебя заводит решительно все, — поддразнила я, ткнув его в бок.

— Все связанное с тобой. Для нас это удачно, учитывая твою ненасытность. Пошли мне эсэмэску, когда будешь готова. Я тебя встречу.

Я полезла в сумочку, вытащила смартфон, чтобы проверить, не разрядился ли он, и увидела послание от Кэри. К тексту было приложено видео.

Твой К. знает, что за сволочь его братишка? Держись подальше от К. В., детка.

Целую

Я включила видео, но далеко не сразу до меня дошло, что, собственно, вижу. Зато когда дошло, я застыла.

— Что это? — спросил Гидеон, прикасаясь губами к моим волосам. А потом напрягся и сам, и я поняла, что он тоже смотрит на экран через мое плечо.

Кэри заснял вечеринку у Видалов. Судя по восьмифутовым живым изгородям, составлявшим фон, дело происходило в лабиринте, а по обрамлявшей экран листве — он прятался. В качестве звезд шоу выступала обнимавшаяся пара. Женщина, очаровательно

заплаканная, выражала негодование, а мужчина успокаивал ее, перемежая слова, поцелуи и ласки.

Разговор у них шел обо мне и Гидеоне, точнее о том, как я использую свое тело, чтобы добраться до его миллионов.

— Не переживай так, — уговаривал Кристофер расстроенную Магдалену. — Ты же знаешь, Гидеону быстро надоедают его любовницы.

— С ней он совсем другой. Я... я думаю, он любит ее.

— Да она же не в его вкусе, — поцеловав ее в лоб, отозвался Кристофер.

Гидеон напрягся. А тем временем, прямо у нас на глазах, поведение Магдалены стало постепенно меняться: она все явственней реагировала на прикосновения Кристофера, прижимаясь к нему, голос ее смягчался, губы искали его губ. Для стороннего наблюдателя было очевидно, что он хорошо знает ее тело. Ну а когда она откликнулась на его умелое обольщение, он задрал ей подол и оттрахал. Он явно использовал ее. Это было видно по презрительно-торжествующему выражению лица, с которым он засаживал ей, пока она не обмякла.

На мой взгляд, Кристофер на экране был просто неузнаваем. Лицо, манера держаться, голос... все было как у совсем другого человека. Честно говоря, меня обрадовало, когда заряд смартфона закончился и экран неожиданно погас. Гидеон заключил меня в объятия.

— Ну и дерьмо! — пробормотала я, уткнувшись в него, но осторожно, так, чтобы не испачкать костюм косметикой. — Гаже некуда. Мне ее даже жалко.

— В этом весь Кристофер, — хрипло выдохнул Гидеон.

— Вот сволочь! А физиономия при этом какая... тьфу! — Меня передернуло от отвращения.

— Я считал, что уж Мэгги может его не опасаться, — пробормотал Гидеон, прижимая губы к моим волосам. — Наши матери знакомы сто лет. Забыл, как сильно он меня ненавидит.

— Почему?

В голове моей промелькнула мысль о том, уж не имеют ли ночные кошмары Гидеона отношения к Кристоферу, но я тут же ее отбросила. Никак невозможно. Гидеон старше его на несколько лет, да и гораздо круче. Надрать Кристоферу задницу для него ничего не стоит.

— В детстве ему казалось, будто мне уделяют больше внимания, — устало пояснил Гидеон, — потому что родные беспокоились о том, как я переживаю самоубийство отца. В результате ему просто не дает покоя все, что так или иначе связано со мной. И он старается наложить руки на все, на что может.

Я плотнее прижалась к Гидеону и засунула руки ему под пиджак, чтобы быть ближе. Что-то в его голосе пробудило во мне острое сочувствие. Он сам признался, что семейный дом для него — это место, наполненное кошмарными призраками, и он всегда был ужасающе далек от своих близких.

Его никогда не любили. Все так просто — и так запутанно.

— Гидеон?

— Хмм?

Чуть отстранившись, чтобы взглянуть на него, я приладила рельефную арку его брови и сказала:

— Я люблю тебя. — Он содрогнулся, причем с такой силой, что встряхнуло и меня. — Ты только не думай, будто я задурить тебя хочу, — зачастила я, чуть отвернувшись, чтобы не смущать его взглядом. — Ничего подобного у меня и в мыслях нет. И ты вовсе не обязан как-то на это реагировать. Просто я вдруг решила: не хочу, чтобы время шло, а ты так и не узнал о моих чувствах. А уж как ты этим знанием распорядишься, дело твое.

Одной рукой он схватил меня за затылок, другой за талию, причем с такой силой, что мне

стало больно. Он буквально приковал меня к себе, словно я могла куда-то подеваться. Дыхание его было прерывистым, сердце неистово колотилось. До конца поездки он не произнес больше ни слова, но и не выпустил меня из своей стальной хватки.

Я планировала через некоторое время снова поговорить с ним, но, судя по всему, и нынешний разговор пошел на пользу нам обоим.

* * *

Ровно в десять я отправила в офис Гидеона две дюжины красных роз на длинных стеблях с запиской:

В память о красных платьях и поездках в лимузинах.

Спустя десять минут по внутренней почте пришел ответ:

Давай сделаем это снова. В ближайшее время.

В одиннадцать в офис Гидеона я послала букет из черных и белых калл с запиской:

В честь черно-белых платьев для вечеринок в саду и того, как меня затаскивали в библиотеки...

Через десять минут я получила ответ:

Я тебя сию же минуту затащу куда надо...

В полдень я прошвырнулась по магазинам. В поисках кольца. Обошла шесть ювелирных салонов, прежде чем наткнулась на то, что сразу же меня зацепило. Платиновое, с гравировкой, украшенное черными бриллиантами, выдержанное в строгом стиле кольцо пробуждало мысли о могуществе и повиновении. Подлинный символ доминирования, по-настоящему мужская вещь. Чтобы заплатить немалую цену, мне пришлось открыть в магазине кредитный счет, но я решила, что вещь стоит многомесячных выплат.

Позвонив в офис Гидеона, я попросила Скотта найти для меня в плотном рабочем графике его босса пятнадцатиминутное окно.

— Огромное спасибо за помощь, Скотт.

— Всегда рад вам служить. Приятно было посмотреть на него, когда сегодня утром принесли от вас цветы. Не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь видел на его лице такую улыбку.

Теплая волна любви омыла меня: мне так хотелось сделать Гидеона счастливым. Как говорил он сам: «Я для этого живу».

На свое рабочее место я вернулась, сияя от счастья. В два часа дня в офис Гидеона я отправила тигровые лилии, а за ними следом письмо в конверте внутренней почты:

В знак благодарности за звериный секс.

Ответ не заставил себя ждать:

Пропусти крав-мага. Я сам устрою тебе тренировку.

В три сорок, за пять минут до назначенной встречи с Гидеоном, я вдруг отчаянно занервничала. На трясущихся ногах я с трудом добралась до лифта. Сейчас, когда пришло время вручить ему мой подарок, мне пришло в голову, что, может быть, он вообще на дух не переносит кольца... недаром ведь никогда их не носит.

Не слишком ли самонадеянным и дерзким выглядит желание, коль скоро я сама ношу кольцо, окольцевать и его?

Рыжеволосая особа в приемной пропустила меня без слов. Скотт встал из-за стола и, широко улыбаясь, поздоровался со мной. Я вошла в кабинет Гидеона, и Скотт закрыл за мной дверь.

Я вдохнула чудесный аромат цветов и отметила, что они словно бы добавляют тепла этому ультрасовременному помещению.

При моем появлении Гидеон оторвался от монитора. Брови его удивленно поднялись.

— Ева... Что-нибудь случилось?

У меня на глазах он переключился с делового настроения на личный, взгляд его потеплел.

— Нет, ничего. Просто... — Я набрала побольше воздуха и выпалила: — У меня кое-что для тебя есть.

— Еще? Я упустил какой-то особый случай?

Я положила футляр с кольцом на письменный стол и отвернулась, ощущая тошноту. Теперь меня не просто одолевали серьезные сомнения в разумности моего импульсивного порыва. Вся эта затея вдруг показалась мне дурацкой. Ну что, спрашивается, смогу я сказать, чтобы избавить его от чувства вины за нежелание носить это кольцо? Мало того что я сегодня уже, можно сказать, ошарашила его, признавшись в любви, так теперь еще и это чертово кольцо!

Он, наверное, уже чувствует себя каторжником, к ноге которого норвят приковать цепью ядро, чтобы не сбежал. Накинули петлю и затягивают...

Я услышала, как открылась коробочка. А потом Гидеон резко выдохнул:

— Ева.

Я осторожно повернулась, вздрогнув при виде того, каким суровым стало его лицо. Руки Гидеона вцепились в футляр так, что побелели костяшки пальцев.

— Перебор? — хрипло спросила я.

— Да. — Он положил коробочку и вышел из-за стола. — Еще какой, черт побери. Я не могу сидеть на месте, не в состоянии сосредоточиться, не в силах выбросить тебя из головы. Неугомонный, на хрен, да только не в том, что касается работы. Ее у меня по горло, а ты держишь меня в осаде.

Проклятье! Можно подумать, я не знала, какие требования предъявляет к нему работа. Прекрасно знала, но совершенно не принимала этого в расчет, когда на меня, раз за разом, накатывало настроение устроить ему сюрприз.

— Прости, Гидеон. Я не подумала.

Он шагнул ко мне. И даже это движение было необыкновенно сексуальным и наводило на мысль о том, как великолепен он в постели.

— Да не извиняйся ты. Сегодня лучший день в моей жизни.

— Правда? — Я смотрела, как он надевает кольцо на палец правой руки. — Мне хотелось сделать тебе приятно. Оно подходит? Мне надо было спро...

— Все прекрасно. Ты прекрасна. — Взяв меня за руки, Гидеон поцеловал мое кольцо, и я проделала то же самое с кольцом на его пальце. — Ева, ты заставляешь меня испытывать такие чувства... Мне больно.

— Это плохо? — У меня сжалось сердце.

— Да это великолепно!

Он взял мое лицо в ладони, так что я ощутила щекой холодок его кольца, и страстно поцеловал. Губы его были настойчивы, язык с порочным умением проскользнул мне в рот.

Я хотела большего, но взяла себя в руки, подумав, что для одного дня и так всего было более чем достаточно. Вдобавок мое появление стало для него неожиданностью, и он забыл «затуманить» стеклянную перегородку, чтобы обеспечить нам уединение.

— Скажи мне снова то, что говорила в машине, — прошептал он.

— Хмм... Ну не знаю...

Я погладила свободной рукой его грудь. Мне было страшно снова сказать, что я люблю его. В первый раз это стало для него потрясением, и я не была уверена в том, что он полностью осознал значение этого признания для нас обоих. Для него.

— Сам знаешь, ты безумно привлекателен. Стоит тебя увидеть, и я уже ног под собой не чую. В любом случае... я боюсь тебя спугнуть.

Он наклонился ближе, прикоснувшись своим лбом к моему.

— Уже сожалеешь о сказанном, да? А все эти цветы, кольцо...

— Тебе правда нравится? — с тревогой спросила я, чуть отстраняясь, чтобы увидеть его лицо и заметить, если он попытается скрыть правду. — Я не хочу, чтобы ты носил его ради меня, если тебя воротит...

— Оно прекрасно. Отражает то, как ты меня видишь. Я буду носить его с гордостью.

Меня глубоко тронуло, как он принял подарок. Разумеется, потому, что принимал меня.

— Если ты пытаешься смягчить последствия своего желания взять назад сказанное... — начал он, и, поскольку его взгляд выдавал удивительную обеспокоенность, у меня не нашлось сил противиться скрытой в его глазах мольбе.

— Гидеон, я сказала именно то, что имела в виду.

— Я заставлю тебя повторить это снова, — пригрозил он тоном искусителя. — Ты будешь выкрикивать это, когда я тобой займусь.

— Займись-ка своей работой, искуситель, — с ухмылкой попятилась я.

— В пять я подброшу тебя домой.

Когда я направилась к двери, он проводил меня взглядом.

— Хочу, чтобы, когда ты залезешь в машину, твоя киска была голой и мокрой. Но смотри не вздумай кончить раньше времени, иначе тебе не избежать последствий.

Слово «последствия» заставило меня слегка вздрогнуть, но со страхами такого уровня вполне можно было иметь дело. Я верила, что Гидеон точно знает, насколько далеко можно со мной зайти.

— А у тебя уже будет стоять?

Губы его скривились в ухмылке:

— Да когда ты рядом, у меня всегда стоит. Спасибо за сегодняшний день, Ева. За каждую его минуту.

Я послала ему воздушный поцелуй и увидела, как потемнели его глаза. И этот его взгляд стоял передо мной весь рабочий день.

* * *

К себе домой я добралась только к шести, затраханная до обалдения. То, что меня ожидает именно это, стало очевидно, как только я, выйдя с работы, увидела вместо «бентли» лимузин

Гидеона. Стоило мне оказаться на сиденье, как он занялся мной вплотную: сначала продемонстрировал свое оральное искусство, ну а потом яростно припечатал меня к сиденью.

Хорошо, что я сдержалась в кабинете Гидеона. Иначе к настоящему времени Гидеон с его сексуальным аппетитом и, похоже, бесконечной выносливостью мог бы меня доконать. Нет, я, конечно, не жаловалась. Просто для себя отметила.

Когда я торопливо вошла в вестибюль своего дома, там меня уже ждал Клэнси, но если он и заметил мое ужасно измятое платье, раскрасневшееся лицо и взъерошенные волосы, то виду не подал. Я поднялась к себе, поспешно переоделась, и мы отправились к Паркеру. Я надеялась, что первое занятие не будет слишком тяжелым, потому что после двух безумных оргазмов еще чувствовала слабость в ногах.

К тому времени, когда мы добрались до переоборудованного Бруклинского склада, я уже настроилась и была готова приступить к обучению. Около дюжины учеников выполняли различные упражнения. Паркер, стоя у края матов, наблюдал за тренировкой и иногда подавал советы или поощрял учеников. Увидев меня, он пошел навстречу и отвел меня в дальний угол зоны для спарринга, где мы могли поработать вдвоем.

— Ну... и как это будет? — спросила я, стараясь сбросить напряжение.

Он улыбнулся, и его симпатичное лицо стало еще более привлекательным.

— Нервничаешь?

— Немного.

— Мы будем развивать физическую силу и выносливость, ну и конечно, усваивать навыки. Кроме того, я собираюсь научить тебя не колебаться и не теряться в случае возникновения нестандартной ситуации.

Пока мы не начали, я искренне полагала, что с физической силой и выносливостью у меня все в порядке, но очень скоро поняла, что и то и другое не мешало бы улучшить. После краткого ознакомления со снаряжением и расположением тренировочных площадок последовала демонстрация стойек, боевой и нейтрально-пассивной, а потом разминка, проходившая без отягощений, в виде ритмической гимнастики. Следующим этапом стало так называемое нанесение меток: стоя напротив друг друга, лицом к лицу, мы намечали быстрые касания по плечам и коленям противника, при этом каждый норовил уклониться или заблокировать выпад другого.

Разумеется, до Паркера мне было очень далеко, но постепенно я начала приобретать кое-какую сноровку. Конечно, большая часть времени ушла на постижение основ, но я выложилась по-настоящему. Слишком уж хорошо знала, что такое слабость и неспособность постоять за себя.

* * *

Когда пришел Гидеон, я сидела в ванне, отмачивая свое ноющее тело. Хотя я была уверена, что после занятий с персональным тренером он наверняка принял душ, это не помешало ему тут же раздеться, забраться ко мне в ванну и подлезть под меня.

— Хорошо, а? — поддразнил он, покусывая меня за мочку уха.

— Кто знал, что покрутиться всего часок с крутым парнем может быть столь изнурительно?

Кэри оказался прав насчет того, что, занимаясь крав-мага, без синяков не обойтись. Уже сейчас я заметила несколько расплывавшихся под кожей кровоподтеков, а ведь к настоящей боевой подготовке мы еще не приступили.

— Я извелся бы от ревности, если бы не знал, что Смит женат и у него есть дети, — пробормотал Гидеон, сжимая мои груди.

Я фыркнула, столкнувшись еще с одним свидетельством того, что он явно слишком хорошо осведомлен обо всем, что касается меня.

— А размер его обуви и шляпы ты тоже знаешь?

— Еще нет.

Мое сердитое рычание вызвало у него смех, и я не смогла сдержать улыбку, услышав этот редкостный звук. В один прекрасный день, и он не за горами, мы непременно поговорим о его одержимости собирать информацию, но сегодня было не время. Мы только-только помирились, да и Кэри советовал извлекать из общения столько удовольствия, сколько можно.

Поигрывая кольцом на пальце Гидеона, я рассказала ему о состоявшемся в субботу разговоре с отцом и о том, что приятели-копы донимают его слухами о моем романе с самим Гидеоном Кроссом.

— Извини, — вздохнул он.

— Не твоя вина, что ты в центре внимания. Что поделать, если ты так безумно привлекателен.

— В один прекрасный день, — сухо произнес он, — я все-таки выясню, что такое моя физиономия — проклятие или нет.

— Если мое мнение чего-нибудь стоит, то мне она скорее по душе.

— Только твое мнение и имеет значение. И твоего отца. Ева, я хочу понравиться ему. Хочу, чтобы он не думал, будто я выставляю его дочь напоказ, открывая для вторжения в ее частную жизнь.

— Ты с ним поладишь. Он просто хочет, чтобы я была в безопасности и счастлива.

Ощутимо расслабившись, Гидеон крепче прижал меня к себе:

— А я делаю тебя счастливой?

— Да. — Я прижала щеку к его груди. — Я люблю быть с тобой. И страдаю, когда мы расстаемся. Я хочу всегда быть рядом с тобой.

— Ты сказала, что больше не хочешь ссориться, — прошептал он мне в волосы. — Мне это не дает покоя. Ты устала от того, что я вечно все порчу?

— Ничего ты не портишь. Да и я хороша. Гидеон, отношения — вещь непростая, и большую их часть составляет вовсе не обалденный секс, каким мы с тобой занимаемся. Я хочу выстроить наши отношения так, чтобы мы были счастливы.

Черная ладонью воду, он стал поливать мне спину. Вода стекала по мне успокаивающей теплой струйкой.

— Я ведь своего отца по-настоящему не помню.

— О?

Я попыталась не напрячься и не выдать своего удивления. Или своего неумного стремления выведать о нем как можно больше. Никогда раньше он о своей семье не заговаривал. Меня прямо-таки распирало от вопросов, но я не хотела давить на него. Пока он еще не готов...

Грудь его поднялась и опала в глубоком вздохе. И в нем прозвучало нечто, заставившее меня поднять голову и наплевать на свое намерение проявлять осмотрительность. Я провела рукой по его твердым грудным мышцам.

— Хочешь поговорить о том, что помнишь?

— Это просто... впечатления. Он редко бывал рядом. Много работал. Думаю, эту склонность я унаследовал от него.

— Возможно, трудоголизм — так это вроде бы называется — ваша единственная общая черта.

— Ты-то откуда знаешь? — с недоверием откликнулся он.

Протянув руку, я убрала волосы с его лица.

— Прости, Гидеон, но твой отец был мошенником, и выход он для себя избрал эгоистичный. А в тебе ничего этого нет.

— Нет, совсем не так. — Он помедлил. — Хотя не думаю, что отца волновали люди, да и вообще что-то, кроме его непосредственных нужд.

— Ты думаешь, это описание подходит и к тебе? — присмотрелась к нему я.

— Не знаю, — тихо ответил он.

— Ну, зато я знаю: не подходит. — Я поцеловала его в кончик носа. — Ты хранитель.

— Да уж, что есть, то есть. — Его руки крепче обхватили меня. — Не могу даже представить тебя с кем-то другим, Ева. Одна только мысль о том, что кто-то может увидеть тебя такой, какой вижу я, увидеть вот так... коснуться тебя руками... У меня ум за разум заходит.

— Этого не случится, Гидеон.

Что-что, а его чувства я понимала превосходно, потому что мысль о его возможной близости с другой женщиной была для меня невыносима.

— Ты изменила в моей жизни все. Я не вынесу, если потеряю тебя.

— Это чувство взаимно, — прижалась к нему я.

Отклонив мою голову назад, Гидеон припал к моим губам жарким поцелуем. Через секунду стало ясно, что мы вот-вот расплещем воду по всему полу. Я отстранилась.

— Если ты хочешь вернуться к этому, искуситель, мне надо поесть.

— И это говорит подружка, которая трется о меня мокрым голым телом.

Он сел, на его лице блуждала греховная улыбка:

— Давай закажем дешевое китайское блюдо и поедим палочками прямо из коробки.

— Давай закажем хорошее китайское блюдо, да так с ним и поступим.

Кэри присоединился к нам в гостиной, чтобы вместе насладиться превосходной китайской кухней, выпить сладкого сливового вина и посмотреть телевизор. Мы переключали каналы, посмеиваясь над забавными названиями некоторых реалити-шоу, а я наблюдала за самыми дорогими для меня мужчинами, которые пользовались возможностью отдохнуть и расслабиться. Похоже, они прекрасно ладили и время от времени весело, по-мужски, подтрунивали друг над другом. Гидеон опять открылся мне с неожиданной стороны и снова очаровал.

В то время как я оккупировала значительную часть дивана, ребята сидели по-турецки прямо на полу, используя кофейный столик в качестве обеденного. Оба были в свободных спортивных штанах и обтягивающих футболках и выглядели что надо. Ну как мне не быть счастливой при таком раскладе?

Похрустывая костяшками пальцев, Кэри с трагическим видом собирался разломить «гадательное печенье», чтобы узнать спрятанное в нем предсказание.

— Ну-ка, посмотрим. Буду ли я богатым? Знаменитым? Как насчет знакомства с мистером или мисс Длинняшкой, Темняшкой и Вкусняшкой? И путешествий в дальние страны? А что там у вас, ребята?

— У меня облом, — заявила я, прочтя надпись. — «В конце концов все прояснится». Тоже мне, предсказание. Это я и так знала.

— «Скоро в вашу дверь постучится процветание», — открыв свое предсказание, прочел Гидеон.

Я фыркнула.

Кэри бросил на меня взгляд.

— Похоже, Кросс, ты цапнул чье-то чужое печенье.

— Да уж, лучше его к чужому печенью близко не подпускать, — съязвила я.

Протянув руку, Гидеон забрал у меня мое предсказание.

— Не беспокойся, ангел мой. Мне нужно только твое печенье.

Подмигнув, он отправил его в рот.

— Нашлось местечко, — пробормотал Кэри, с треском разломил свое печенье и нахмурился: — Что за хрень?

— Что там такое? — подалась я вперед.

— Цитата из Конфуция, — симпровизировал Гидеон. — «Муж, что в кармане руку греет, в итоге целый день наглеет».

Кэри запустил в Гидеона половинкой печенья, которую тот с ухмылкой легко поймал на лету.

— Дай сюда. — Я выхватила предсказание из рук Кэри, прочла и покатила со смеху.

— Да ну тебя, Ева.

— Что там? — с любопытством спросил Гидеон.

— «Возьмите другое печенье».

— Уж кому везет так везет, — ухмыльнулся Гидеон.

Кэри швырнул в него вторую половинку печенья.

Мне это напомнило вечера, которые я, будучи студенткой, проводила с Кэри. И тут же я попыталась представить себе Гидеона студентом. Из прочитанных статей мне было известно, что он учился в Колумбийском университете, но оставил учебу, сделав выбор в пользу своего постоянно расширявшегося бизнеса.

Интересно, были ли у него друзья среди студентов? Ходил ли он на студенческие

вечеринки, где все трахались с кем попало и напивались до чертиков? Гидеон всегда отличался таким самоконтролем, что мне трудно было представить его беззаботным, хотя сейчас, со мной и Кэри, он выглядел именно таким.

В это время он, продолжая улыбаться, посмотрел на меня, и сердце мое перевернулось в груди. В кои-то веки Гидеон выглядел на свои годы, молодым, красивым и вполне нормальным. Сейчас мы представляли собой всего-навсего парочку, по двадцать с хвостиком, расслабляющуюся дома, в компании соседа по квартире. Гидеон был просто моим парнем, с которым мы тусовались. А то, что вся эта простота и легкость были иллюзией, обостряло ощущения.

Звонок по внутренней связи заставил Кэри подскочить, при этом он с улыбкой посмотрел на меня:

— Может быть, это Трей?

Я подняла руку со скрещенными пальцами.

Однако, когда несколько минут спустя он открыл дверь, на пороге появилась длинноногая блондинка, которую я уже встречала.

— Привет, — сказала она, присматриваясь к остаткам обеда на столе. Затем блондинка оценивающе взглянула на Гидеона, учтиво вставшего при ее появлении, и с ухмылкой покосилась на меня. Изобразив на лице ослепительную улыбку супермодели, она протянула Гидеону руку: — Татьяна Черлин.

— Евин парень, — представился он.

Мои брови полезли на лоб. Он что, таким образом защищает свою идентичность? Или оберегает личное пространство? Впрочем, мне его ответ в любом случае понравился.

Кэри, возвратившийся в комнату с бутылкой вина и двумя бокалами, жестом указал Татьяне в сторону своей спальни и сказал:

— Пойдем.

Помахав рукой, Татьяна ушла первой, и за ее спиной я беззвучно, одними губами, спросила у Кэри: «Ты что делаешь?»

— Да вот, беру другое печенье, — подмигнув, ответил он.

Вскоре и мы с Гидеоном отправились в мою спальню. Мы уже собирались лечь в постель, когда я задала ему вопрос, мучивший меня в течение вечера:

— У тебя в колледже был сексодром?

— Что? — сняв через голову футболку, переспросил он.

— Ну, местечко типа твоего номера в отеле. Ты же такой сексуальный, вечно на взводе. Мне просто интересно: у тебя и тогда все было обставлено с толком?

Он покачал головой, в то время как я пожирала глазами его божественный торс и стройные бедра.

— За два предыдущих года, вместе взятых, я занимался сексом примерно столько же раз, сколько с момента нашей встречи.

— Не может быть!

— Я много работал, еще больше планировал, а в результате не чувствовал ничего, кроме приятной усталости. Нет, конечно, от предложений я не отказывался, но в любом случае до встречи с тобой секс был для меня тем, что приятно, но без чего вполне можно обойтись.

— Чушь! — воскликнула я, так как в это просто невозможно было поверить.

Уже направляясь в ванную с черной кожаной косметичкой, Гидеон обернулся и сказал:

— Ева, все сомневаешься во мне. Продолжай в том же духе — и увидишь, что случится.

— Что? — Я направилась следом, не сводя глаз с его упругой задницы. — Ты что, оттрахав меня снова, решил доказать мне, что вполне можешь обходиться без секса?

— Это касается нас обоих. — Он открыл косметичку и достал оттуда новую зубную щетку, распаковал ее и вставил в мой держатель для щеток. — Секс между нами ты иницилируешь в той же степени, что и я. Связь между нами нужна тебе так же, как и мне.

— Ты прав. Это просто...

— «Просто» что?

Гидеон выдвинул ящик, нахмурился, увидев, что он полон, и выдвинул другой.

— Под второй раковиной, — сказала я, улыбаясь его уверенности в том, что у меня тоже должен быть для него ящик, и растерянности, когда такового не обнаружилось. — Они все твои.

Перейдя к другой раковине, Гидеон принялся раскладывать свои принадлежности по ящикам.

— «Просто» что? — повторил он, ставя на полку в душе шампунь и губку для тела.

Прислонившись к раковине и скрестив на груди руки, я смотрела на то, как он буквально заполняет собой мою ванную. Если бы кто-нибудь сейчас вошел сюда, то сразу бы понял, какое место занимает этот мужчина в моей жизни.

И тут до меня дошло, что ведь и я в его доме уже обозначила себя так же. Его прислуга просто не могла не знать, что у их хозяина завязались серьезные отношения. При этой мысли мне стало не по себе.

— Просто, — продолжила я, — когда мы ели, я вдруг подумала о твоей студенческой жизни. Попыталась представить тебя в кампусе. Наверное, я постоянно крутилась бы рядом, чтобы просто на тебя полюбоваться. Записалась бы на те же лекции, что и ты, чтобы видеть тебя на занятиях и мечтать о возможности забраться тебе в штаны.

— Сексуальная маньячка. — Проходя мимо, он чмокнул меня в кончик носа. — Мы ведь с тобой прекрасно знаем, что было бы, случись мне тебя увидеть.

Я расчесала волосы и почистила зубы.

— И все-таки: был у тебя сексдром для тех, положим редких, случаев, когда какая-нибудь удачливая сучка затаскивала тебя в постель?

Он посмотрел в зеркало, в котором отражалось мое намыленное лицо.

— Я всегда использовал отель.

— Это что, единственное место, где ты занимался сексом? До меня?

— Единственное, где я занимался сексом по согласию, — тихо подтвердил он. — До тебя.

— Ох! — Сердце мое упало.

Я подошла к нему и, обняв сзади, прижалась щекой к его спине. Мы отправились в кровать, где буквально обвилились вокруг друг друга. Уткнувшись лицом в выемку его шеи, я обдавала его своим дыханием. И хотя тело Гидеона было твердым как камень, прижимаясь к нему, я чувствовала себя на удивление уютно. От него исходили тепло и сила. Мне стоило лишь подумать о нем, чтобы тут же его захотеть.

Перебросив ногу через его бедра, я взобралась на него и уперлась руками в его живот. В темноте я не видела его, но мне это и не нужно было. И хотя я восхищалась его красивым лицом, что временами его сердило, на самом деле меня больше всего трогали прикосновения и слова Гидеона. Мне казалось, что для него больше не существует никого на свете, никого, кого он хотел бы сильнее меня.

— Гидеон. — Мне не надо было продолжать.

Приподнявшись, он обнял меня и крепко поцеловал, а потом перекатил под себя и занялся любовью так властно и в то же время нежно, что это тронуло меня до глубины души.

Проснулась я внезапно, от толчка. На меня навалилось тяжелое тело, в ухе звучали хриплые, отвратительные слова. От накатившей паники у меня перехватило дыхание.

«Не надо. Нет... Умоляю, нет...»

Сводный брат закрыл мне рот рукой и раздвинул мои ноги. Я ощутила толчки его твердого, торчащего члена, который он пытался ввести в мое влагалище. Сплюснившая мои губы ладонь заглушила мои крики ужаса и отвращения, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется.

Натан был таким тяжелым. Таким тяжелым и сильным. Я не могла сбросить его. Не могла спихнуть.

«Прекрати! Отпусти меня! Не трогай! О господи... умоляю, не надо. Не надо снова!»

Но где же мама?

«Ма-ма!»

Я звала, но мой рот закрывала рука Натана, вдавливавшая мою голову в подушку. Чем сильнее я сопротивлялась, тем яростнее становился его напор. Пыхтя, как собака, он пихал снова и снова, пытаюсь вслепую засадить в меня свой член...

— Тебе знакомо это ощущение.

Я оледенела. Этот голос я узнала бы везде. Он принадлежал не Натану.

Это не сон. Но все равно кошмар.

«Господи, нет!»

Отчаянно моргая в темноте, я пыталась что-нибудь разглядеть. Кровь редела в моих ушах так, что я больше ничего не слышала, но мне был знаком запах его кожи. Его прикосновения, даже при всей их нынешней жестокости. Ощущение его тела на своем, даже когда он пытался вторгнуться в меня.

Торчащий член Гидеона ударил меня в очередной раз, и я в панике рванулась с такой отчаянной силой, что мне удалось сбросить его ладонь со своего рта.

Набрав в грудь побольше воздуха, я закричала.

— Не всегда по кайфу, когда тебя трахают, — тяжело дыша, прохрипел он.

— Кроссфайр! — вырвалось у меня.

И тут меня ослепил пробившийся из коридора свет, а в следующую минуту я с облегчением ощутила, как кто-то сбросил с меня тело Гидеона. Откатившись в сторону, всхлипывая, я сквозь слезы увидела, как Кэри с такой силой толкнул Гидеона, что тот пролетел через комнату и впечатался в стену.

— Ева! Ты в порядке? — Кэри включил прикроватный ночник и выругался, увидев, что я свернулась, словно зародыш, и вся дрожу. Повернувшись к Гидеону, он прорычал: — Попробуй только, на хрен, дернуться до приезда полиции, и я из тебя отбивную сделаю!

Горло мое саднило. С трудом сглотнув, я села и, взглянув на Гидеона, увидела, как морок сна исчезает из его взгляда, уступая место разрастающемуся ужасу.

— Сон, — выдавила я и схватила Кэри за руку, когда он потянулся к телефону. — Он... спит.

Кэри посмотрел на голого, скорчившегося на полу, будто дикий зверь, Гидеона, и рука его опустилась.

— Господи боже! — выдохнул он. — А я-то думал, что это со мной не все в порядке.

Соскочив с кровати, я, все еще вне себя от страха, встала на дрожащие ноги. Колени тут же подогнулись, но Кэри успел подхватить меня и опустился вместе со мной на пол. Он обнимал меня, пока я содрогалась от рыданий.

— Я лягу на диване. — Кэри провел рукой по растрепанным со сна волосам и прислонился к стенке коридора. Дверь моей спальни была открыта, и мне хорошо было видно Гидеона, бледного и испуганного. — Пойду принесу ему подушки и одеяло. Похоже, отправлять его сейчас одного домой нельзя. Он явно не в себе.

— Спасибо, Кэри. — Я крепче обхватила себя руками. — А Татьяна здесь?

— Черт, нет, конечно. У нас все не так. Мы просто трахаемся.

— А как насчет Трея? — тихо спросила я, хотя мысли мои уже крутились вокруг Гидеона.

— Я люблю Трея. Думаю, он лучше всех, кого я встречал в своей жизни, не считая тебя. — Подавшись вперед, Кэри поцеловал меня в лоб. — Но меньше знаешь, крепче спишь. А ты кончай беспокоиться обо мне, позаботься лучше о себе.

— Не знаю, что мне делать, — призналась я, глядя на него сквозь слезы.

Кэри вздохнул, его зеленые глаза были темны и серьезны.

— Думаю, детка, прежде всего тебе самой с собой разобраться. Есть люди, у которых с этим швах. Посмотри хоть на меня. Я встретил великолепного парня и жертвую этим ради какой-то девчонки.

— Кэри... — коснулась его плеча я.

— Если понадобится, я рядом, — ответил он, поймал мою руку и сжал ее.

Когда я вернулась в спальню, Гидеон застегивал свою спортивную сумку. Он взглянул на меня, и мой желудок свело от страха. Не за себя, за него. Опустошенность в его прекрасных глазах ужасала. В них не было жизни. Он был бледен как смерть, а на его потрясающей красоты лице залегли глубокие тени.

— Ты что делаешь? — прошептала я.

Он попятился, словно хотел оказаться как можно дальше от меня.

— Не могу же я здесь остаться.

При мысли о возможности оказаться одной я на миг ощутила облегчение, и это меня встревожило.

— Мы ведь договорились — не убегать.

— Это было до того, как я на тебя напал, — буркнул он, впервые выказывая признаки характера.

— Ты же был в беспамятстве.

— Ева, ты никогда больше не должна становиться жертвой. Боже мой... что я едва не сотворил с тобой... — Он повернулся ко мне спиной, и плечи его поникли так, что это напугало меня не меньше, чем недавнее нападение.

— Если ты уйдешь, мы потерпим поражение, а наше прошлое победит. — Я видела, что мои слова поразили его, как удар грома. Все светильники в комнате были включены, как будто электрический свет мог разогнать тени, омрачавшие наши души. — Если ты сейчас сдашься, Гидеон, то, боюсь, тебе лучше забыть обо мне, а мне — отпустить тебя. А в результате между нами все будет кончено.

— Как я могу остаться? И как ты можешь этого хотеть? — Повернувшись, он посмотрел на меня с такой тоской, что мои глаза снова наполнились слезами. — Да я лучше убью себя, чем причиню тебе боль.

Этого я и боялась. Мне приходилось непросто с Гидеоном, которого я знала: волевым, склонным к доминированию, самостоятельно создающим свою жизнь, — но сейчас передо мной стоял совсем другой человек. Он был ребенком, отец которого покончил с собой.

— Ничего страшного ты со мной не сделал, — сказала я.

— Но ты меня боишься, — прохрипел он. — Это у тебя на лице написано. Да я и сам себя боюсь. Боюсь, что, заснув рядом с тобой, могу сотворить такое, что погубит нас обоих.

Он был прав. Я боялась. У меня нутро стыло от ужаса.

Теперь я знала о затаившейся в нем способности к взрывному насилию, о тлеющей, но способной прорваться ярости. А ведь мы оба пробуждали друг в друге настоящую страсть. На вечеринке у Видалов я ему даже пощечину влепила, впервые применила физическую силу. Раньше я этого никогда не делала.

Такова была природа наших отношений, бурных, эмоциональных, земных и плотских. Вера, которая удерживала нас вместе, одновременно открывала нас друг для друга так, что это делало обоих и уязвимыми, и опасными. И все могло ухудшиться раньше, чем улучшиться.

— Ева, я... — Он запустил пальцы в свою шевелюру.

— Я люблю тебя, Гидеон.

— Боже! — Он уставился на меня. На его лице было написано отвращение, а уж было оно направлено на меня или на него самого, я не знала. — Да как ты могла такое сказать?

— Потому что это правда.

— Ты видишь только то, что снаружи. — Он указал на себя. — И не видишь всего того сумасшествия, всей той надломленности, что у меня внутри.

— А ты, случайно, не меня имел в виду? А то ведь, сам знаешь, я тоже не вполне в себе и тоже надломлена, — со вздохом сказала я.

— Может быть, — с горечью произнес он, — поэтому тебя и тянет к тому, кто внушает страх.

— Прекрати. Знаю, тебе плохо, но от того, что ты выплеснешь все это на меня, станет только хуже.

Бросив взгляд на часы, я увидела, что уже четыре утра, и направилась к нему, считая необходимым преодолеть свой страх, прикоснуться к нему и ощутить его прикосновение.

Он выставил перед собой руку, как бы удерживая меня на расстоянии.

— Ева, я отправлюсь домой.

— Приляг здесь на диване. И пожалуйста, Гидеон, давай хоть по этому поводу не будем спорить. Я вся изведусь от беспокойства, если ты уйдешь.

— Куда больше ты будешь беспокоиться, если я останусь.

Он смотрел на меня, потерянный, гневный, полный ужасающего желания. Его глаза молили о прощении, но он не был готов принять его от меня.

Я подошла и взяла его за руку, пересиливая охватившую меня при этом прикосновении тревогу. Нервы мои оставались оголенными, горло и рот саднило, память о его попытках насильственного проникновения — таких же, как у Натана, — была еще слишком свежа.

— Мы это пре... одолеем, — заверила его я, ненавидя себя за дрожь в голосе. — Вот поговоришь с доктором Петерсеном, и мы найдем выход.

Его рука поднялась и коснулась моего лица.

— Не окажись здесь Кэри...

— Он здесь был, и со мной все будет в порядке. Я люблю тебя. Мы это преодолеем. — Я прижалась к нему, обняла его, сунула руки ему под рубашку, чтобы прикоснуться к голой коже. — Мы не позволим прошлому отнять у нас то, что имеем. — Говоря это, я не была уверена в том, кого именно из нас двоих пытаюсь убедить.

— Ева. — Он так крепко обнял меня, что у меня перехватило дыхание... — Мне так жаль. Это убивает меня. Пожалуйста, прости меня... Я не могу тебя потерять.

— Тебе это не грозит. — Я закрыла глаза, сосредоточиваясь на нашем телесном контакте.

На его запахе. Вспоминая, как, будучи с ним, не боялась ничего на свете.

— Мне так жаль... — Его дрожащие руки гладили мою спину. — Я сделаю все...

— Тсс. Я тебя люблю. У нас все будет хорошо.

— Прости меня, Ева. — Повернув голову, он нежно меня поцеловал. — Ты нужна мне. Мне страшно при одной мысли о том, что со мной будет, если я лишусь тебя...

— Я никуда не уйду. — Кожу под беспрестанно поглаживавшими мою спину ладонями начало покалывать. — Я здесь, на месте. Больше никаких побегов.

Он помолчал, обдавая мои губы резким дыханием, а потом наклонился и закрыл мой рот поцелуем. Мое тело тут же откликнулось на этот нежный зов: я невольно выгнулась, прижимаясь к нему и привлекая его к себе.

Он принялся массировать мои груди, его большие пальцы надавливали на соски, пока они не напряглись. У меня вырвался стон, в котором смешались страх и желание, и при этом звуке он содрогнулся.

— Ева...

— Я... я не могу.

Воспоминание о том, что прервало мой сон, было еще слишком свежим. Мне было больно отказывать ему. Я знала: ему от меня требуется то же самое, что нужно было от него мне, когда я рассказала ему про Натана. Доказательство того, что желание никуда не делось, что как бы ни были безобразны нанесенные в прошлом шрамы, они не в состоянии повлиять на наши с ним отношения.

Но дать ему это было выше моих сил. Пока. Я чувствовала себя слишком ранимой и уязвимой.

— Просто обнимай меня, Гидеон. Пожалуйста.

Я заставила его опуститься вместе со мной на пол, надеясь, что сумею его убаюкать, и крепко прижала к себе, закинув на него ногу и обхватив рукой твердый, плоский живот. Он с нежностью обнял меня, поцеловал в лоб и вновь жарким шепотом попросил прощения.

— Не покидай меня, — прошептала я. — Остайся.

Гидеон не ответил, никаких обещаний не прозвучало, но и объятия его не разжались.

* * *

Проснулась я через некоторое время, слыша прямо под ухом ровное биение сердца Гидеона. Все лампы так и оставались зажженными, а на полу, пусть и устланном ковром, было жестко и не слишком удобно.

Гидеон лежал на спине, его прекрасное лицо казалось во сне совсем юным. Рубашка его задралась, обнажив пупок и рельефную мускулатуру брюшного пресса.

То был мужчина, которого я любила. То был мужчина, чье тело дарило мне бесподобное наслаждение, чья забота трогала меня снова и снова. Он никуда не делся. Но, судя по глубокой складке, залегшей между его бровями, продолжал страдать.

Моя рука скользнула ему в штаны. Впервые за все время нашего общения его член не походил на раскаленный стальной штырь, но начал набухать и твердеть, стоило мне погладить его. Мое возбуждение еще мешалось со страхом, но я уже понимала, что потерять его боюсь больше, чем жить с поселившимися в нем демонами.

Гидеон шевельнулся, его рука на моей спине напряглась.

— Ева?..

И я ответила ему так, как не смогла раньше.

— Давай забудем, — выдохнула я прямо ему в рот. — Сделай так, чтобы мы забыли.

— Ева!

Он принялся осторожно снимать с меня рубашку. Я тоже раздевала его с опасением. Нас тянуло друг к другу, но сближались мы так, словно оба были хрупкими. Связь между нами еще была непрочной, оба мы опасались за будущее, боялись тех ран, что могли нанести друг другу своими зазубренными гранями.

Его губы сомкнулись вокруг моего соска. Нежное посасывание было таким приятным, что я охнула и выгнулась навстречу его руке. Он гладил меня, проводя ладонью от груди до бедра, и эта ласка ускоряла биение моего сердца.

Его губы скользнули к другой моей груди. Виноватым, страдающим голосом он бормотал извинения, мешавшиеся со страстными вздохами. Он прикоснулся языком к набухшему соску, потом облизал и наконец вобрал его влажными, жаркими губами.

— Гидеон.

Его умелые, нежные движения усиливали мое желание. Сознание затуманивалось, а тело уже потерялось в нем, жадно вождедея насладиться его красотой.

— Не бойся меня, — прошептал он. — Не отталкивай меня.

Он поцеловал мой пупок и опустился ниже, пристраиваясь у меня между ног. Его волосы упали мне на живот. Раздвинув дрожащими руками мою промежность, он обнюхал мой клитор. А легкие, дразнящие движения его языка, облизывавшего мои половые губы и проникавшего в дрожавшую половую щель, доводили меня до грани безумия.

Спина моя выгнулась. С губ срывались хриплые призывы. Все мое тело напряглось до такой степени, что казалось, ему этого не выдержать. И тут нежнейшим толчком кончика языка он довел меня до оргазма. Я закричала, жаркое облегчение прокатилось по моему извивавшемуся телу.

— Я не могу отпустить тебя, Ева. — Гидеон навис надо мной, в то время как я дрожала от наслаждения. — Не могу!

Стирая с его лица следы слез, я всматривалась в покрасневшие глаза. Вид его страдания причинял мне боль, ранил мое сердце.

— Я не позволила бы тебе, даже если бы ты попытался.

Взяв свой член в руку, он медленно, осторожно ввел его в меня. Я прижалась затылком к полу, в то время как он проникал все глубже, с каждым толчком погружаясь в мое тело еще на дюйм. Когда же я приняла его целиком, последовали размеренные, осторожные толчки. Закрыв глаза, я сосредоточилась на связи между нами. Гидеон опустился на меня, придавив своим весом, и мой пульс сбился с ритма. Я замерла, охваченная внезапной паникой.

— Ева, посмотри на меня, — произнес он таким сиплым голосом, что я его не узнала. Я взглянула на него — и увидела в его взгляде муку. — Люби меня! — еле слышно взмолился он. — Давай любить друг друга, ангел мой. Обнимай меня. Ласкай меня.

— Да!

Мои руки легли ему на спину и заскользили по дрожащим мускулам вниз, к ягодицам. Сжимая крепкую, мускулистую плоть, я стала побуждать его двигаться чаще, проникать глубже. Ритмичные толчки его огромного члена сквозь мою сжавшуюся половую щель вызывали в моем теле жаркие волны экстаза. Как же это было здорово! Я обхватила ногами его движущиеся бедра, дыхание мое участилось, а холодный узел внутри начал таять. И все это время мы смотрели друг другу в глаза. По моим вискам катились слезы.

— Я люблю тебя, Гидеон.

— Пожалуйста... — Он закрыл глаза.

— Я люблю тебя.

Умелыми круговыми движениями бедер он вкручивал в меня член, подводя к оргазму. Мое влагалище сжималось, стараясь удержать его член в глубине.

— Кончи, Ева! — прохрипел он.

Я стремилась к этому, старалась преодолеть страх, вновь накативший на меня, когда его тело оказалось на мне. Страх мешался с желанием, удерживая меня на грани.

Он издал хриплый стон, полный боли и муки.

— Мне нужно, чтобы ты кончила, Ева... ощутить тебя... Прошу...

Стиснув мои ягодицы, он изменил наклон моих бедер, снова и снова устремляя свои яростные толчки в чувствительную точку внутри. Он был неукротим, неутомим, трахал меня долго и яростно, до тех пор, пока мое сознание не утратило какой-либо контроль над телом. И тогда я кончила, неистово и бурно. Чтобы приглушить рвавшиеся из меня крики, я впиалась зубами в его плечо. Внутри меня все дрожало от наслаждения. Гидеон откликнулся низким грудным рычанием, выражавшим мучительное наслаждение.

— Еще! — потребовал он и усилил толчки настолько, что ко всей гамме ощущений добавилась еще и восхитительная толика боли.

То, что он снова доверился нам обоим настолько, что позволил себе причинить мне эту легкую боль, окончательно развеяло мои последние опасения. Мы доверяли друг другу, а стало быть, учились доверять и нашим инстинктам.

Я кончила снова, неистово, так что даже пальцы на ногах свело словно судорогой. А ощутив знакомое напряжение в Гидеоне, я сильнее прижала его бедра к себе в безумном желании ощутить в себе его струю.

— Нет!

Вырвавшись, Гидеон перекатился на спину и прикрыл глаза рукой. Он наказывал себя, не позволяя своему телу разделить наслаждение с моим.

Его поблескивавшая от пота грудь ходила ходуном. Член, такой brutальный, со вздувшимися венами, тяжело лежал на животе.

Игнорируя возгласы Гидеона, я зажала его пенис в кулак и принялась водить руками вверх и вниз, одновременно жадно обсасывая чувствительную головку. Бедра его ходили ходуном, ноги дергались.

— Черт побери, Ева! Так! — Он охнул, на миг замер в напряжении, руки его вцепились мне в волосы, бедра снова вскинулись. — О, так! Соси! Соси сильнее... О боже!

Он испустил струю, такую сильную, что я чуть не захлебнулась. Рот мой заполнился семенем, но я не прекращала орудовать рукой, сглатывая все новые и новые порции извергающейся жидкости, пока он, содрогнувшись от переизбытка ощущений, сам не попросил прекратить.

Я выпрямилась. Гидеон сел, крепко обнял меня, а потом увлек обратно на пол, где уткнулся лицом мне в шею и проплакал до рассвета.

* * *

Во вторник, отправляясь на работу, я надела черную шелковую блузку с длинным рукавом и слаксы, так как ощущала потребность в установлении барьера между собой и миром. На кухне Гидеон взял мое лицо в ладони и припал к губам с непередаваемой нежностью. Но в его взгляде сохранялся затаенный страх.

— Ланч? — спросила я, чувствуя, как нам обоим необходимо ощущать и поддерживать существующую между нами связь.

— У меня бизнес-ланч. — Он пробежал пальцами по моим распущенным волосам. — Ты пойдешь? Я могу распорядиться, чтобы Энгус доставил тебя на работу вовремя.

— С удовольствием. — Я вспомнила о расписании мероприятий, посещений и встреч, которое он прислал мне на смартфон, и добавила: — К тому же завтра вечером нас ждет важный обед в «Уолдорф-Астория».

Его взгляд смягчился. Одетый по-деловому, он выглядел мрачным, но собранным. Хотя я знала, что на самом деле это не так.

— Ты правда не собираешься со мной расставаться? — тихо спросил он.

Я подняла руку и показала ему кольцо:

— Мы с тобой связаны, Кросс. Привыкай к этому.

По дороге на работу и на ланч в ресторан «Жан Жорж» я сидела у него на коленях, в его объятиях. За все время ланча я едва ли произнесла больше дюжины слов, но получила огромное наслаждение от заказанных Гидеоном специально для меня великолепных блюд.

Я молча сидела с ним рядом, положив — под скатертью все равно было не видно — левую руку на его крепкое бедро в знак молчаливого подтверждения моей привязанности к нему. Взаимной. Все время, пока он обсуждал вопросы, связанные с новой собственностью на Сент-Круа, его рука, сильная и теплая, накрывала мою. Эта связь оставалась неразрывной на протяжении всего ланча. Мы предпочли есть одной рукой, но не разъединяться.

Я чувствовала, как с каждым проходившим часом из нас обоих вытекал ужас прошедшей ночи. Ясно было, что к коллекции Гидеона добавился еще один шрам, еще одно горестное воспоминание. Причем такое, которое я, со страхом, разделю с ним, однако власти над нами это иметь не будет. Мы не позволим.

* * *

После работы Энгус отвез меня домой. Гидеон задерживался в офисе и собирался позднее приехать прямо к доктору Петерсену. Время в дороге я использовала на то, чтобы внутренне собраться и подготовиться к очередной тренировке у Паркера. Я думала о том, не пропустить ли ее, но пришла к выводу, что для меня важно выдерживать расписание. Сколько бы всего ни обрушилось на меня в последнее время, соблюдение графика относилось к тому немногому, что всецело зависело от меня.

После полутора часов, проведенных в спортзале, в компании Паркера, я выбралась из машины доставившего меня домой Клэнси с чувством облегчения, а также гордости оттого, что заставила себя пойти на тренировку, когда мне этого меньше всего хотелось.

Войдя в вестибюль, я увидела у стойки консьержа Трея.

— Привет, — окликнула его я. — К нам?

Он повернулся ко мне. Его карие глаза лучились, улыбка была открытой. Трею были присущи доброжелательность и прямота, существенно отличавшие его от прежних увлечений Кэри. А может быть, мне просто следовало назвать его нормальным? Лишь немногие люди в нашей с Кэри жизни могли бы считаться таковыми.

— Кэри дома нет, — ответил мне он. — Мы только что звонили.

— Можешь подняться вместе со мной и подождать. Я больше никуда не собираюсь.

— Ну, если ты не возражаешь... — Он подстроился под мой шаг, когда я, помахав рукой консьержу, направилась к лифтам. — Я кое-что для него принес.

— Я не возражаю, — заверила его я, улыбаясь в ответ.

— А ты что, с тренировки? — спросил он, заметив мой спортивный костюм.

— Ага. Хотя как раз сегодня предпочла бы туда не ходить.

— Это чувство мне прекрасно знакомо, — рассмеялся он, когда мы вошли в лифт. А потом замолчал. Мы поднимались в тишине, постепенно становившейся гнетущей.

— Все в порядке? — спросила я.

— Ну... — Трей поправил ляжку своего рюкзака. — Мне показалось, что в последние дни Кэри был не в своей тарелке.

— Да ну? — Я прикусила губу. — Это в каком смысле?

— Сам не пойму. Объяснить трудно. Просто чувствую: что-то с ним происходит, но что именно, понять не могу.

Вспомнив о блондинке, я внутренне вздрогнула.

— Может, он весь на нервах из-за работы с «Грэй айлз», а тебя не хочет беспокоить. Ему ведь известно, что ты и так по горло занят работой и учебой.

— Может, и так. Во всяком случае, это не лишено смысла. Спасибо. — Напряженные плечи Трея слегка расслабились.

Запустив Трея в квартиру, я предложила ему чувствовать себя как дома, и он отправился в комнату Кэри бросить свой рюкзак, а я решила проверить голосовую почту.

И тут в коридоре раздались крики, заставившие сердце сжаться от испуга и подумать о другом использовании телефона. Неужели к нам кто-то забрался? Крики повторились, но теперь я четко различила голос Кэри и вздохнула с облегчением. С телефоном в руке я отправилась посмотреть, что же там творится, и чуть не столкнулась с Татьяной, выскочившей из-за угла коридора и на ходу застегивавшей блузку.

— Оопс! — хмыкнула Татьяна, но вид у нее был совсем не виноватый. — Счастливо оставаться!

Звук захлопнувшейся за ней двери заглушил голос Трея:

— Пошел ты к черту, Кэри. Мы говорили об этом. Ты обещал!

— Да ты из мухи делаешь слона, — отбрыкивался Кэри. — Это вовсе не то, что ты видел!

Трей вылетел из спальни Кэри так стремительно, что мне пришлось вжаться в стенку. Кэри, с завязанной на талии простыней, выскочил за ним следом. Когда он проносился мимо меня, я бросила на него прищуренный взгляд, в ответ он показал мне средний палец.

Я оставила мужчин выяснять отношения, а сама отправилась к себе в душ, мысленно сокрушаясь из-за того, что стоит в жизни Кэри появиться кому-то приличному, как он тут же все портит. Однако я не теряла надежды на то, что рано или поздно он сумеет переломить ситуацию.

Когда спустя полчаса я выбралась на кухню, в квартире царила тишина. Я сосредоточилась на готовке, решив поджарить свинину и свежую картошку со спаржей — любимое блюдо Кэри. Вдруг к ужину он останется дома и ему необходимо будет поднять настроение.

Я ставила свинину в духовку, когда в коридоре появился Трей. Это удивило меня, а потом печалило. Видеть, как он покидает наш дом покрасневший, взъерошенный, расстроенный, радости было мало. Неудивительно, что, когда Кэри объявился на кухне, распространяя запах мужского пота и секса, мое сочувствие переросло в раздражение. Направляясь к винному холодильному шкафу, он бросил на меня хмурый взгляд, который я встретила, скрестив руки на груди.

— Трахать убитого горем возлюбленного на той самой простыне, на которой ты только что поимел Татьяну, не лучший способ исправить ситуацию.

— Заткнись, Ева.

— Думаю, он сейчас ненавидит себя за то, что уступил.

— Я же сказал, кончай меня доставать!

— Прекрасно.

Я отвернулась от него и занялась картошкой, которую надо было приправить, прежде чем отправить в духовку следом за мясом.

Кэри достал из буфета бокалы.

— Знаю, ты меня осуждаешь. Прекрати. Он бы так не возмутился, если бы застукал меня с парнем.

— Хм... И в этом вся его вина?

— Могу добавить: в твоей личной жизни тоже не все так уж гладко.

— Кэри, удар ниже пояса. И вообще, я не собираюсь служить тебе боксерской грушей. Сам все запутал, тебе же хуже. Но ты это заслужил.

— Только не надо на меня свысока смотреть. Спишь с парнем, который норовит тебя изнасиловать.

— Ты не прав!

Фыркнув, он прислонился к барной стойке. Его зеленые глаза были полны боли и гнева.

— Если ты собираешься оправдать его тем, что он напал на тебя в беспамятстве, тогда и алкоголики с наркоманами тоже не могут быть ни в чем виноваты. Они ведь, когда под кайфом, не ведают, что творят.

Его слова сильно задели меня и потому, что в них было немало правды, и потому, что, произнося их, он старался посильнее меня уязвить.

— Открывай бутылку. Спокойно спать ты все равно не сможешь.

Выпрямившись, Кэри откупорил выбранную им бутылку и наполнил бокалы, один из которых подтолкнул по стойке ко мне.

— Уж если кто и знает, что такое иметь дело с людьми, причиняющими боль, так это я. Ты любишь его. Ты хочешь спасти его. Но кто будет спасать тебя, Ева? Я ведь не собираюсь вечно отираться поблизости, когда ты будешь с ним, а этот малый представляет собой бомбу замедленного действия с тикающим часовым механизмом.

— Стало быть, Кэри, тебе охота потолковать об отношениях, причиняющих боль? — парировала я, стараясь увести его в сторону от ранящей меня правды. — Ты с Треем так обошелся, чтобы защитить себя, да? Решил, что лучше отделаться от него раньше, чем у него появится шанс тебя разочаровать?

Губы Кэри скривились в горькой усмешке. Он чокнулся с моим так и стоявшим на стойке бокалом.

— Ну, за нас, со всеми нашими заморочками! По крайней мере, мы друг у друга есть.

Он вышел, и я глубоко вздохнула. Ведь знала, что так и будет. Все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Удовлетворение и счастье никогда вместе не присутствовали в моей жизни дольше нескольких мгновений, да и те на поверку оказывались иллюзией.

Всегда было что-то скрыто. Таилось, дожидаясь своего часа, чтобы выпрыгнуть из засады и все разрушить.

Гидеон появился как раз в тот момент, когда я извлекала блюдо из духовки. В одной руке он держал сумку с одеждой, в другой — с ноутбуком. Я опасалась, что после встречи с доктором Петерсенем он отправится домой, и почувствовала облегчение, когда он позвонил и сказал, что едет ко мне. Но когда я открыла дверь и увидела его на пороге, внутри у меня все дрожало.

— Привет, — тихо произнес он, идя за мной на кухню. — Запах просто обалденный.

— Надеюсь, ты голодный. Еды полно, но я сомневаюсь, что Кэри присоединится к нам, чтобы помочь с ней управиться.

Положив свои вещи на барную стойку, Гидеон, внимательно приглядываясь к моему лицу, осторожно приблизился ко мне.

— Я тут кое-что с собой прихватил, чтобы остаться на ночь, но, если ты захочешь, я тут же уйду. В любой момент. Только скажи.

Я резко выдохнула, твердо решив не допустить, чтобы мои действия диктовались страхом.

— Я хочу, чтобы ты был здесь.

— Я сам этого хочу. — Он помедлил возле меня и спросил: — Можно тебя обнять?

— Нужно! — Я повернулась к нему и крепко обхватила его руками.

Он прижался своей щекой к моей и обнял меня. Но не так естественно и непринужденно, как раньше. Мы оба были напряженными, и это так не походило на наши прежние объятия.

— Как твои дела? — спросил он.

— Сейчас, когда ты здесь, уже лучше.

— Но ты все равно нервничаешь. — Он прижался губами к моему лбу. — Впрочем, я тоже.

Понятия не имею, как мы сможем снова лечь вместе спать.

Чуть отстранившись, я взглянула на него. Меня и саму это пугало, а мой недавний разговор с Кэри только ухудшил дело.

«... бомба замедленного действия...»

— Что-нибудь придумаем, — заявила я.

— Натан когда-нибудь пытался с тобой связаться?

— Нет. — При этом я не могла избавиться от глубоко укоренившегося страха, что рано или поздно, случайно или нет, могу с ним встретиться. Он ведь жил где-то в одном мире со мной, дышал одним воздухом... — А что?

— Да вот, сегодня это не давало мне покоя. Отодвинувшись, я присмотрелась к его лицу, и у меня в горле застрял ком, таким измученным он выглядел.

— Почему?

— Да уж больно много между нами с тобой всего. Нелегкий багаж.

— Думаешь, слишком много?

— Так думать я не могу, — произнес Гидеон.

Мне просто в голову не приходило, что тут можно сказать или сделать. Какие заверения могла я ему дать, если сама не была уверена в том, что моя любовь и его желание достаточны для того, чтобы заставить наши отношения работать.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил он.

— Все мысли у меня о еде. Я проголодалась. Может, сходишь спросишь Кэри, не присоединится ли он к нам? А потом за стол, а то уже слюнки текут.

Поскольку Гидеон нашел Кэри спящим, мы уселись вдвоем за обеденный стол, на котором горели свечи. Получился почти торжественный ужин, что, правда, плохо вязалось с пижамными штанами и поношенными футболками, в которые мы оба переоделись, приняв душ. Меня не покидала тревога за Кэри, однако тихий, спокойный вечер вдвоем с Гидеоном был как раз тем, что нам обоим требовалось.

— Вчера я пригласил на ланч в своем кабинете Магдалену, — сообщил он, после того как мы насладились первыми кусочками.

— Ничего себе! — Пока я подбирала кольцо, Магдалена приятно проводила время наедине с моим мужчиной?

— Не бери в голову, — предостерег он. — Она ела в кабинете, уставленном твоими цветами, видела на моем письменном столе фото, где ты посылаешь воздушные поцелуи. Ты присутствовала там в не меньшей степени, чем она.

— Извини. Непроизвольная реакция.

Он поднес мою руку к губам и быстро, жарко поцеловал тыльную сторону ладони.

— Мне легче становится, когда вижу, что ты по-прежнему меня ревнуешь.

Я вздохнула. Сегодня весь день у меня в голове был полный сумбур. Я никак не могла определиться с эмоциональной оценкой тех или иных событий.

— А ты сказал ей что-нибудь насчет Кристофера?

— Из-за этого я и пригласил ее на ланч. Показал ей видео.

— Что? — нахмурилась я, вспомнив, что мой телефон разрядился как раз в машине. — Как ты это сделал?

— Забрал твой телефон к себе и скачал видео. А вчера вечером вернул тебе заряженным. Ты не заметила?

— Нет.

При всей его склонности к доминированию, такие моменты задевали меня за живое и требовали обсуждения.

— Тебе не следовало взламывать мой телефон.

— А кто взламывал? Ты даже пароль не установила.

— Не важно! Это вторжение в мою долбаную личную жизнь! Господи... — «Ну почему, черт возьми, никто в моей жизни не признает за мной права на личное пространство?» — Тебе бы понравилось, если бы я стала просматривать твои материалы?

— А мне от тебя скрывать нечего. — Он вытащил смартфон из кармана штанов и протянул мне. — И тебе бы не стоило.

Сейчас, когда все было так зыбко и неустойчиво, ссориться мне совсем не хотелось, но дело зашло слишком далеко, чтобы спустить все на тормозах.

— Есть у меня что от тебя скрывать или нет — не имеет значения. Не в этом дело. Я имею право на свое личное пространство, и прежде чем знакомиться с моей информацией или чем-то имеющим ко мне отношение, ты должен попросить разрешения у меня. Тебе следует прекратить брать все, что захочется, без моего ведома.

— А что тут такого личного, тем более твоего? — нахмурился он. — Ты сама показала мне это видео.

— Гидеон, не будь как моя мама! — сорвалась я на крик. — Не доводи меня до предела, могу не выдержать.

Он отпрянул, явно удивленный тем, как я все это восприняла.

— Ладно. Прощу прощения.

Я отпила вина, стараясь умерить гнев и раздражение.

— Ты за что извиняешься? О чем сожалеешь — о том, что вывел меня из себя? Или о том,

что это сделал?

Выдержав паузу в несколько сердцебиений, Гидеон ответил:

— Прошу прощения за то, что вывел тебя из себя.

Нет, ну надо же, он и вправду не врубился, в чем тут дело.

— Неужели ты не видишь, насколько это неправильно?

— Ева, — Гидеон со вздохом запустил руку в волосы, — я четверть каждого дня провожу внутри тебя. Когда ты устанавливаешь границы снаружи, я ничего не могу поделать с ощущением того, что они довольно произвольны.

— А это тоже не имеет значения. Они очень важны для меня. И если ты хочешь узнать что-то относящееся ко мне, то должен спросить меня.

— Хорошо.

— Больше так не поступай, Гидеон. Я не шучу.

— Хорошо. Я все понял, — ответил он с каменным лицом.

Теперь, поскольку ссориться мне на самом деле не хотелось, я вернулась к началу.

— Ну и как она на это отреагировала?

Он заметно расслабился:

— Ну, ей, разумеется, было нелегко. Особенно из-за того, что я это видел.

— Она сама видела нас в библиотеке.

— Это мы с ней не обсуждали, да и потом, о чем тут, собственно, говорить? Не извиняться же мне за то, что занимался любовью со своей девушкой. — Он откинулся назад на стуле и хрипло вздохнул. — Что уязвило ее по-настоящему, так это физиономия Кристофера на видео, его лицо, на котором было написано, как он на самом деле к ней относится. Тяжело узнать, что тебя просто-напросто используют. Особенно если это человек, который делал вид, будто о тебе заботится.

Чтобы скрыть свою реакцию, я снова наполнила вином наши бокалы. Гидеон говорил так, словно основывался на личном опыте. Что же такое на самом деле таилось в его прошлом?

— Ну а как ты сам с этим разбираешься? — пригубив вина, спросила я.

— А что я могу сделать? Годами я пытался найти подход к Кристоферу. И с одного боку заходил, и с другого. И деньгами осыпал, и угрозами. Но он даже не попытался измениться. Я уже давно усвоил, что способен лишь минимизировать последствия. Ну и, ясное дело, с самого начала старался держать тебя от него настолько далеко, насколько это возможно.

— Теперь, когда я все знаю, буду тебе в этом помогать.

— Отлично. — Глядя на меня поверх бокала, Гидеон отпил вина. — Ты ничего не спрашиваешь о моем визите к доктору Петерсену.

— Это не мое дело. Если только ты сам не захочешь поделиться. — Я встретила с ним взглядом, очень желая, чтобы как раз это он и сделал. — Я готова тебя выслушать, как только тебе понадобится слушатель, однако сама задавать вопросы не собираюсь. Когда будешь готов впустить меня внутрь, тогда и впустишь. Но мне страшно интересно узнать, понравился ли он тебе.

— Пожалуй, — улыбнулся Гидеон. — Во всяком случае, разговорить человека, заставить его взглянуть на, казалось бы, очевидное с неожиданной позиции он умеет здорово. А такое мало у кого получается.

— Да. Уведет разговор в сторону, а потом вернется к тому, с чего начали, но ты вдруг увидишь все это под совершенно иным углом и удивишься: «Почему я сам об этом не догадался?»

Пальцы Гидеона поглаживали ножку его бокала.

— Он прописал мне кое-что принимать на ночь, перед сном. По дороге к тебе я заехал в

аптеку и купил лекарство.

— А как ты относишься к приему лекарств?

Он поднял на меня темные, беспокойные глаза.

— Чувствую, что без этого не обойтись. Мне необходимо быть с тобой, но так, чтобы обеспечить твою безопасность, чего бы это ни стоило. Доктор Петерсен заявил, что курс приема препаратов в сочетании с сеансами психотерапии оказывал нужное воздействие на некоторых пациентов с «нетипичными формами сексуальной парасомнии». Я должен этому верить.

Потянувшись к нему, я сжала его руку. Согласие на лечение — это значительный шаг, особенно со стороны человека, предпочитавшего долгое время не вспоминать о своих проблемах.

— Спасибо.

— Как я понял, — напрягся Гидеон, — людей с подобными, связанными с аномальным поведением во сне проблемами не так уж мало. Доктор привел мне пример: зарегистрирован случай, когда один пациент двенадцать лет насиловал свою жену во сне, прежде чем они обратились за помощью.

— Двенадцать лет? Боже мой!

— Возможно, они тянули с этим так долго потому, что во сне у этого парня лучше обстояло дело с потенцией, — угрюмо проворчал Гидеон. — И я не знаю, что это, если не убийственный удар по «эго».

— Да уж, черт возьми!

— Мне ли не знать, верно? Но так или иначе, я не хочу, чтобы ты считала себя обязанной делить со мной постель. Как ни крути, а волшебных пилюль не существует. Я могу лечь спать на вашем диване или отправиться домой, хотя честно признаюсь, что предпочел бы диван. У меня день лучше складывается, если я собираюсь на работу вместе с тобой.

— У меня тоже.

Поймав мою руку, Гидеон поднес ее к губам.

— Я и представить себе не мог, что со мной возможно такое... Что в моей жизни появится кто-то, знающий меня так, как ты. Кто-то, с кем можно свободно обсуждать за обедом все свои заморочки, потому что они не вызывают отторжения... Я благодарен тебе, Ева.

Сердце мое сжалось от сладкой боли. Он смог произнести эти прекрасные, эти превосходные слова!

— То же самое я чувствую по отношению к тебе.

Возможно, мои чувства были глубже, потому что я любила его, но вслух об этом говорить не стала. Рано или поздно он сам все поймет. Я не собиралась отступаться, пока он не станет абсолютно, безвозвратно моим.

* * *

С закинутыми на кофейный столик босыми ногами и ноутбуком на коленях Гидеон выглядел так по-домашнему, что это отвлекало меня от телевизионных шоу.

«И как только мы до этого дошли? — мысленно спрашивала я себя. — Этот невероятно сексуальный мужчина и я?»

— А ты подглядываешь, — пробормотал он, не отрывая взгляда от экрана ноутбука. Я показала ему язык. — Это что, мисс Трэмелл, сексуальное предложение?

— Как ты заметил, что я на тебя смотрю? Ты же вроде бы работаешь.

Он оторвался от экрана, и наши взгляды встретились. Его голубые глаза излучали мощь и

жар.

— Да я всегда тебя вижу, ангел мой. С тех пор как ты меня открыла, я вообще только тебя одну и вижу.

* * *

Среда у меня началась с ощущения того, что Гидеон, пристроившись сзади, впихивает в меня свой член. То был новый, но уже полюбившийся мне способ пробуждения.

— Вот те на, — пробормотала я, прогоняя остатки сна, в то время как он, обхватив рукой за талию, притянул меня ближе к своей теплой, крепкой груди. — Какой-то ты шаловливый нынче утром.

— А ты каждое утро невероятно сексуальная, — пробормотал он, покусывая мое плечо. — Просыпаюсь, а ты рядом — это такой балдеж!

Тот факт, что ночь прошла спокойно и ничто не прервало наш сон, мы отпраздновали парочкой оргазмов.

* * *

Днем в компании Марка и его приятеля Стивена я отправилась в чудесный мексиканский ресторан, расположенный в погребе. Спустившись по бетонным ступенькам, мы оказались в просторном, светлом зале. Все официантки были в черных жилетках.

— Советую непременно затащить сюда своего парня, — заявил Стивен, — и подбить его заказать «Маргариту» с гранатовым соком.

— Классная штука? — спросила я.

— О да.

Пошедшая принять заказ официантка принялась беззастенчиво заигрывать с Марком, кокетливо помахивая своими на зависть длинными ресницами. Марк тоже в долгу не остался. Принеся заказ, пышногрудая рыжеволосая особа, которую, судя по беджику, звали Шауна, вконец расхрабрилась. Всякий раз, проходя мимо нашего столика, она непременно касалась сзади плеча или шеи Марка. Тот, в свою очередь, поощрял ее, и в конце концов Стивен начал нервничать. От меня не укрылись его хмурые взгляды и покрасневшее лицо. Беспокойно ерзая, я считала минуты, дожидаясь, когда приправленная напряжением еда наконец закончится.

— Может, встретимся вечерком? — подавая счет, предложила Шауна Марку. — Одна ночь со мной — и я тебя вылечу.

Я охнула. Она что, серьезно?

— Тебя хватит на семь часов? — промурлыкал Марк. — Шауна, так и надорваться недолго. Знаешь, что бывает, когда почернеешь...

Напиток, который я тянула через соломинку, попал не в то горло, и я закашлялась.

Стивен, вскочив на ноги, обогнул стол и стал хлопать меня по спине.

— Черт побери, Ева, — говорил он сквозь смех, — мы ведь просто прикалывались, тебя разыгрывали. Не дуйся на нас.

— Что?! — охнула я.

Ухмыляясь, он обошел меня и обнял официантку.

— Познакомься, Ева. Шауна — моя сестра. Шауна, это Ева, та самая, которая облегчает Марку жизнь.

— Это хорошо, — хмыкнула Шауна, — потому что от общения с тобой она у него только усложняется.

— Так потому он и держит меня при себе, — подмигнул мне Стивен.

Сейчас, когда брат с сестрой стояли обнявшись, я уловила сходство, которого не заметила раньше, и, обмякнув на стуле, уставилась на Марка сузившимися глазами.

— Ну и шуточки! Мне казалось, Стивен вот-вот лопнет от злости.

Марк поднял руки, показывая, что сдаётся.

— Идея целиком принадлежала ему, с него и спрос. Он ведь у нас обожает мыльные оперы, не забыла?

Стивен качнулся на каблуках, ухмыльнулся и сказал:

— Не слушай его, Ева. Кто из нас поставщик идей, так это Марк.

Шауна вытащила из кармана визитную карточку и вручила мне.

— Тут номерок, — хмыкнула она, — можешь мне брякнуть. Уж я-то всю дерьмовую подноготную этой парочки знаю, так что у тебя будет возможность отыгаться.

— Предательница! — с деланным возмущением воскликнул Стивен.

— Вот еще, — пожала плечами Шауна. — Мы, девочки, должны быть заодно.

* * *

После работы мы с Гидеоном отправились в его спортзал. Народу было много, раздевалка набита битком. Переодевшись и оставив свои вещи в шкафчике, я вышла в холл, где меня ждал Гидеон.

Увидев Дэниела, тренера, с которым разговаривала при первом посещении «Кросс-тренинга», я помахала ему рукой. За что схлопотала шлепок по заднице.

— Эй! — В ответ я хлопнула Гидеона по руке. — А ну, прекрати!

Схватив меня за волосы, завязанные в конский хвост, он запрокинул мою голову так, что мои губы оказались подставленными ему, и пометил свою территорию крепким, сочным поцелуем. И от этого у меня по коже пробежал электрический ток.

— Если ты так представляешь себе сдерживание, — прошептала я ему в губы, — то должна сказать, что это куда больше смахивает на стимуляцию.

— Непременно возьму это на заметку, — отозвался он, покусывая мою нижнюю губу. — Но не советую тебе, Ева, испытывать мои границы таким образом.

— Да не беспокойся. У меня для этого свои способы найдутся.

Гидеон первым взошел на бегущую дорожку, предоставив мне приятную возможность полюбоваться его поблескивающим от пота телом... на людях. Как бы часто ни видела я его таким наедине, зрелище это не переставало меня волновать.

И, боже мой, как же мне нравились его связанные сзади в хвостик волосы. И перекатывающиеся под слегка загорелой кожей мускулы. И звериная грация его движений. Трудно было не возбудиться при виде того, как этот сугубо городской, элегантный мужчина демонстрировал свое животное начало.

Я не могла оторвать от него взгляд и радовалась тому, что вовсе не должна это делать. В конце-то концов, он мой. Одна лишь эта мысль доставляла мне удовольствие. Ну и потом, все женщины в зале тоже глазели на него. Всякий раз, когда он переходил от тренажера к тренажеру, за ним следовало множество восхищенных взглядов.

Когда он увидел, с каким вождением я смотрю на него, я послала ему многозначительный взгляд и провела языком по нижней губе. Его выгнутые брови и

сожалеющая полуулыбка вызвали у меня дрожь внизу живота. Я и припомнить не могла, когда в последний раз была столь мотивирована во время тренировки. Полтора часа пролетело незаметно.

Когда мы снова забрались в «бентли» и поехали к пентхаусу, я уже просто извивалась на сиденье, вновь и вновь бросая на Гидеона взгляд, исполненный молчаливого призыва.

— С этим придется повременить, — сказал он, держа меня за руку.

Его заявление меня ошарашило:

— Что?

— Что слышала. — Он поцеловал мои пальцы, и у меня еще хватило духу ответить ему кривой улыбкой. — Отложенное удовольствие, ангел мой.

— Чего ради нам его откладывать?

— А ты только подумай о том, как безумно нас будет тянуть друг к другу после ужина.

Я подалась ближе, чтобы Энгус не мог нас услышать, хотя он, будучи профессионалом, не обращал на наши разговоры никакого внимания.

— Ждать или нет, зависит от нас. Лично я выбираю «нет».

Однако поколебать его решимость мне не удалось. Он не поддался, предпочтя мучить нас обоих. Мы раздели друг друга, прежде чем отправиться под душ, потом вымыли друг друга, трогая и поглаживая все изгибы и выпуклости наших тел, а затем оделись к обеду. Он облачился в строгий вечерний костюм, но галстука не повязал, а его накрахмаленная белая рубашка была расстегнута у ворота, открывая взгляду полоску кожи. Платье для коктейлей, подобранное им для меня, было от Веры Вонг, из золотистого шелка, без бретелек, с открытой спиной и многоуровневой юбкой на несколько дюймов выше колен.

При виде этого платья я улыбнулась, понимая, как он заводился, представляя себе, что весь вечер будет видеть меня в нем. Платье было великолепным, восхищало меня, только вот рассчитан этот фасон был на высоких, стройных моделей, а не низеньких девушек с пышными формами вроде меня. В жалкой попытке придать своему облику скромности я зачесала распущенные волосы так, чтобы они падали на грудь, но, судя по выражению лица Гидеона, это не больно-то помогло.

— Боже мой, Ева. — Он поерзал в брюках. — Знаешь, у меня изменилось мнение насчет этого платья. Тебе не следует появляться в нем на людях.

— Поздно уже мнение менять.

— Но я полагал, что ткани будет куда больше.

— Ну что я могу на это сказать: его покупал ты, — с ухмылкой пожала плечами я.

— Я пересмотрел свою точку зрения. А сколько времени потребуется, чтобы его снять?

— Ну не знаю, — ответила я, облизав нижнюю губу. — Почему бы тебе не проверить?

Его глаза потемнели.

— В таком случае мы отсюда не выберемся.

— Я бы не стала сокращаться.

Гидеон выглядел обалденно круто, и я хотела его — как и всегда — черт знает как сильно.

— Может, найдется что-нибудь накинуть сверху? Парку, например, или плащ?

Со смехом я достала из комода свою сумочку и взяла его под руку.

— Не переживай. Ты притянешь к себе решительно все взгляды, так что на меня никто и внимания не обратит. — Я потащила его к выходу, при этом он смотрел на меня с хмурым недоверием.

— Нет, серьезно. У тебя что, сиськи больше стали? Почему они из этого платья вываливаются?

— Гидеон, мне двадцать четыре года, — сказала я. — Мое тело сформировалось давным-

давно. Ты видишь то, что имеешь.

— Ага, да только предполагалось, что кое-что смогу видеть только я один, потому как только мне это позволено.

Мы перешли в гостиную, и пока направлялись к холлу, я с удовольствием созерцала сдержанную красоту дома Гидеона. Меня восхищало его гостеприимное тепло. Выдержанное в старинном духе убранство удивительно удачно сочетало в себе элегантность и комфорт. А ошеломляющие виды, открывавшиеся из окон, дополняли интерьер, не отвлекая от него.

Темные сорта дерева, состаренный камень, теплые тона и акцентирующие внимание элементы убранства — все это представляло собой несомненную демонстрацию богатства, однако подобранную со вкусом. В этом интерьере любой чувствовал себя уютно, не беспокоясь, а вдруг он не то тронет или не туда сядет. Этого не допускала сама организация пространства.

Мы вошли в личный лифт, и, как только двери закрылись, Гидеон повернулся ко мне и стал подтягивать вверх мой корсаж.

— Опробетчиво поступаешь, — предупредила я. — Этак ты мою промежность напоказ выставишь.

— Черт побери!

— Давай лучше позабавимся. Я прикинусь шальной блондинкой, охотящейся за твоим членом и твоими миллионами, а ты останешься самим собой. Плейбой-миллиардер со своей последней игрушкой. Просто напусти на себя скучающий вид, а я буду тереться о тебя и всячески обхаживать.

— Не вижу ничего забавного, — буркнул он, но потом просветлел: — А как насчет шарфика?

* * *

Поскольку обед был устроен ради сбора средств на новый приют для женщин и детей, подвергшихся насилию, нам пришлось пройти сквозь журналистский строй. Это пробуждало во мне страх публичности, и я, чтобы отвлечься, сосредоточилась на Гидеоне, так как ничто не могло завладеть моим вниманием столь полно, как он. Ну а поскольку все мое внимание было приковано к нему, мне выпала возможность наблюдать за тем, как частное лицо прямо на глазах преобразуется в публичную персону.

Маска легко скользнула на свое место. Радужная оболочка глаз обрела льдисто-голубой оттенок, а его чувственный рот лишился каких-либо изгибов. Я чуть ли не физически ощущала окружившее нас силовое поле его воли. Щит, отделивший нас от всего остального мира просто потому, что так пожелал Гидеон. Стоя рядом с ним, я осознавала, что никто не дерзнет заговорить со мной, пока не получит от него соответствующего сигнала.

Правда, этот запрет на прикосновения не распространялся на взгляды.

Когда Гидеон следовал в танцевальный зал, люди оборачивались в его сторону и провожали его взглядами. Меня подобный избыток внимания заставлял нервничать, но он, казалось, вообще не обращал на это внимания и выглядел совершенно невозмутимым.

Вздумай я, как собиралась, тереться о Гидеона и ворковать, мне пришлось бы сначала постоять в очереди, потому что стоило нам остановиться, как его тут же осадили со всех сторон. Уступив место желающим поговорить с ним, я отошла в сторону и огляделась в поисках шампанского. Рекламу этого мероприятия обеспечивало агентство «Уотерс, Филд и Лимэн», так что среди присутствующих были и знакомые мне лица.

Взяв бокал с подноса проходившего мимо официанта, я вдруг услышала, как меня

окликнули по имени, и, обернувшись, увидела племянника Стэнтон. Темноволосый, зеленоглазый, он был примерно моего возраста. Я познакомилась с ним еще в ту пору, когда приезжала к матери на каникулы, и сейчас обрадовалась встрече.

— Мартин! — Я раскинула руки, и мы обнялись. — Ну, как дела? Ты прекрасно выглядишь.

— Только что собирался сказать то же самое. — Он оценивающе посмотрел на мое платье. — Слышал, что ты перебралась в Нью-Йорк, и собирался как-нибудь с тобой пересечься. Ты давно в городе?

— Не очень. Несколько недель.

— Допивай шампанское, — сказал он. — И пойдем потанцуем.

Приятно возбуждись шампанским, я направилась с ним на танцпол, где уже звучала песня «Summertime» в исполнении Билли Холидей.

— Стало быть, — начал он, — ты работаешь?

Во время танца я рассказала ему о своей работе и поинтересовалась, чем занят он. То, что Мартин успешно делает карьеру в инвестиционной компании Стэнтон, меня не удивило.

— Я люблю бывать на окраинах и как-нибудь обязательно приглашу тебя на ланч.

— Это было бы здорово.

Музыка смолкла, и, отступив на шаг, я налетела на кого-то, стоявшего позади меня. Руки поддержали меня за талию, и, оглянувшись через плечо, я обнаружила стоящего за мной Гидеона.

— Привет, — пробурчал он, не сводя ледяного взгляда с Мартина. — Познакомь нас.

— Гидеон, это Мартин Стэнтон. Мы уже давно знаем друг друга. Он племянник моего отчима. — Я набрала в грудь побольше воздуха и продолжила: — Мартин, это Гидеон Кросс, он занимает важное место в моей жизни.

— Кросс. — Мартин с улыбкой протянул руку. — Наслышан, конечно, а как же иначе. И рад знакомству. Возможно, мы еще увидимся на каком-нибудь семейном сборище.

— Рассчитываю на это. — Гидеон обнял меня за плечи.

Какой-то знакомый окликнул Мартина по имени, и он, подавшись вперед, поцеловал меня в щеку.

— Непременно позвоню насчет ланча. Может, на той неделе?

— Отлично.

Я ощущала исходившую от Гидеона энергию, однако его лицо было спокойным и бесстрастным.

Танцуя со мной под «What a Wonderful World» Луи Армстронга, Гидеон проворчал:

— Не уверен, что он мне нравится.

— Мартин — отличный парень.

— Только до тех пор, пока знает, что ты моя.

Гидеон прижался щекой к моему виску и положил ладонь на мою оголенную спину. То, как он держал меня в объятиях, не оставляло ни малейших сомнений в том, что я принадлежу ему. Я же получала удовольствие от возможности на людях ощущать так близко его тело и, вдыхая его запах, расслаблялась в его умелых руках.

— Мне это нравится.

— Отличная мысль, — прошептал он, наклонив лицо еще ближе.

Блаженство. Оно длилось столько же, сколько и танец.

Мы выходили с танцевальной площадки, когда я заметила Магдалену. Узнать ее мне удалось не с первого взгляда, потому что она подстригла волосы. Стройная, в строгом черном платье для коктейлей, выглядела она классно, но ее затмевала потрясающая брюнетка, с которой

разговаривала Магдалена.

Гидеон запнулся, чуть замедлив шаг, но потом спокойно пошел дальше. Я посмотрела вниз, подумав, что он обо что-то споткнулся, но тут услышала его тихий голос:

— Мне нужно кое-кому тебя представить.

Пока я пыталась сообразить, куда мы идем, собеседница Магдалены заметила Гидеона и повернулась к нему. В тот миг, когда их взгляды встретились, я ощутила, как напряглась под моими пальцами его рука.

И было понятно почему.

Женщина, кем бы она ни являлась, была без ума от Гидеона. Это было написано на ее лице, запечатлено в светлых, сверхъестественно-голубых глазах. Ее красота ошеломляла, изысканность казалась сюрреалистической. Иссиня-черные волосы свободно падали почти до самой талии. Платье на ней было того же льдисто-голубого цвета, что и глаза, кожа вызолочена загаром, фигура стройная, с превосходными формами.

— Коринн, — приветствовал ее Гидеон с большей, чем обычно, хрипотцой в голосе. Он отпустил меня и взял ее руки в свои. — Ты не сообщила мне, что вернулась. Я обязательно с тобой встретился бы.

— Я послала тебе несколько сообщений домой, на голосовую почту.

Голос ее, приятный и мягкий, вполне соответствовал внешности.

— Да в последнее время я редко бывал там.

Кажется, это напомнило ему о том, что я по-прежнему рядом. Гидеон снова привлек меня к себе и сказал:

— Коринн, это Ева Трэмелл. Ева, это Коринн Жиро. Мы старые друзья.

Я протянула ей руку, и она ее пожала.

— Друзья Гидеона — мои друзья, — произнесла она с теплой улыбкой.

— Надеюсь, это относится и к подругам тоже?

Наши взгляды встретились, и я увидела в ее глазах понимание.

— К подругам в особенности. Не согласишься ли ты отпустить его на минутку? Мне хотелось бы кое с кем его познакомиться.

— Разумеется. — Голос мой прозвучал спокойно, хотя на самом деле спокойствием тут и не пахло.

Гидеон небрежно чмокнул меня в висок, после чего шагнул к Коринн и предложил ей руку, оставив Магдалену в неловкой близости от меня. По правде говоря, я ей сочувствовала, уж больно подавленной она выглядела.

— Магдалена, а тебе идет новая прическа.

Она взглянула на меня, и сначала ее рот напрягся, но потом она расслабилась и вздохнула, словно уступая:

— Спасибо. Пришло время ее изменить. Да и многое другое, как мне кажется. Например, нет смысла подражать той, что ушла, а теперь вернулась.

— Не понимаю, — растерянно нахмурилась я.

— Я говорю о Коринн. — Она присмотрелась к моему лицу. — Ну да ты ведь не в курсе. Они с Гидеоном были помолвлены, больше года, но потом она разорвала помолвку, вышла замуж за богатого француза и уехала в Европу. Но брак распался. Сейчас они разводятся, вот она и вернулась в Нью-Йорк.

«Помолвлены».

Я почувствовала, как кровь отлила от моего лица, взгляд сместился туда, где мужчина, которого я любила, стоял с женщиной, которую когда-то, возможно, любил он, и придерживал ее рукой за нижнюю часть спины, тогда как она со смехом к нему льнула.

Живот мой скрутило от ревности и болезненного страха, а в голову ударила неожиданная мысль: а с чего я, собственно говоря, взяла, будто у него до меня никогда не было серьезных романтических отношений? Вот ведь тупица. Видя, какой он крутой, могла бы соображать получше.

Магдалена коснулась моего плеча:

— Ева, тебе лучше присесть. Ты побледнела.

Я и сама чувствовала, что мне не хватает воздуха, а сердце бешено колотится.

— Ты права.

Я рухнула на ближайший свободный стул. Магдалена села рядом.

— Ты его любишь, — сказала она. — Я этого сначала не поняла. Извини. И еще извини за то, что наговорила тебе при первой встрече.

— Ты тоже его любишь, — глядя в сторону, без всякого выражения отозвалась я. — В то время я еще его не любила. Еще нет.

— Но это меня не извиняет. Так ведь?

Благодарно приняв предложенный бокал шампанского, я, прежде чем официант успел отойти, взяла второй для Магдалены. Мы чокнулись, проявляя солидарность покинутых женщин. Мне хотелось бежать отсюда. Хотелось встать и уйти. Чтобы Гидеон, поняв, что меня нет, был вынужден убраться следом за мной. Чтобы он почувствовал ту же боль, что и я. Чтобы и его мучили ужасные мысли, из-за которых я ощущала себя маленькой и слабой.

Магдалена, сидевшая рядом в сочувственном молчании, действовала на меня успокаивающе. Уж она-то знала, каково это, любить Гидеона, слишком сильно желать его. Было видно, что она расстроена так же сильно, как и я, и это служило лишним подтверждением того, что Коринн представляет собой реальную угрозу.

Уж не сох ли он по ней все это время? И не из-за нее ли он отгородился от других женщин?

— Вот ты где.

Я подняла взгляд на подошедшего Гидеона. Коринн, ясное дело, стояла с ним рука об руку, и выглядели они самой настоящей парой. Причем, надо отдать должное, парой потрясающе эффектной.

Коринн присела рядом со мной, а Гидеон провел пальцами по моей щеке.

— Мне нужно кое с кем поговорить. Принести тебе что-нибудь?

— «Столичной» с клюквенным соком. Хочу надрызгаться. В хлам.

— Ладно, — нахмурившись, ответил он.

— Ева, очень рада с тобой познакомиться, — начала Коринн. — Гидеон так много о тебе рассказывал.

— Ну, вряд ли так уж много. Ведь вы с ним очень долго не виделись.

— Зато разговаривали почти каждый день, — улыбнулась она, и взгляд ее был чистым и открытым, никакой лжи и злобы. — Мы с ним давно в дружеских отношениях.

— Более чем в дружеских, — с нажимом произнесла Магдалена.

Коринн нахмурилась, и тут до меня дошло. Она считала, что я ничего не знаю. Интересно, кому это пришло в голову, что лучше мне не рассказывать: ей, Гидеону или им обоим? И зачем умалчивать, если нечего скрывать?

— Да, это правда, — с явной неохотой признала Коринн. — Но это было давно, несколько лет назад.

— Ты все еще любишь его, — повернувшись на стуле лицом к ней, сказала я.

— Ты не можешь меня винить за это. Любая женщина, которой довелось провести с ним время, влюбится в него. Он прекрасен и недоступен: сочетание, которому невозможно противиться. — Ее улыбка смягчилась. — Гидеон сказал мне, ты подвигла его к тому, что он

начал раскрываться. Я благодарна тебе за это.

«Я это сделала не для тебя», — чуть было не сорвалось у меня с языка, и тут же в моем перевозбужденном сознании зашевелился червячок сомнения. А вдруг, сама того не ведая, я сделала это для нее?

Я нервно чертила по столу круги ножкой пустого фужера из-под шампанского.

— Он собирался на тебе жениться.

— А я ушла, совершив самую большую ошибку в своей жизни. — Она поднесла руку с длинными тонкими пальцами к шее, словно тербя ожерелье, которого там не было. — Я была молода, и в некоторых отношениях он меня пугал. Прежде всего, своим обостренным чувством собственника. Лишь побывав замужем, я поняла, что собственнический инстинкт несравненно лучше, чем безразличие. По крайней мере, для меня.

Я отвела взгляд, борясь с подступившей к горлу тошнотой.

— Ты молчишь, и это ужасно, — сказала она.

— А что тут вообще говорить? — подала голос Магдалена.

Мы все любили его. Все были для него доступны. И он должен сделать выбор между нами.

— Тебе следует знать, Ева, — снова заговорила Коринн, глядя на меня своими потрясающей чистоты аквамариновыми глазами, — он рассказал мне о том, какое особое место ты занимаешь в его жизни. Мне потребовалось некоторое время, чтобы набраться храбрости вернуться сюда и встретиться с вами обоими. Я даже отказалась от билетов на самолет, заказанных пару недель назад. А потом прервала его, беднягу, звонком, когда он толкал речь на каком-то благотворительном мероприятии, сообщила, что в пути, и попросила помочь мне устроиться.

Я застыла, ощутив вдруг себя хрупкой, словно треснутый бокал. Речь наверняка шла о том самом благотворительном собрании в тот вечер, когда мы с Гидеоном впервые занялись сексом. В тот самый, когда мы «окрестили» его лимузин. А потом он внезапно меня покинул.

— Позже он перезвонил мне, — продолжила Коринн, — сообщил, что у него кое-кто есть. И он хочет, чтобы, когда я буду в городе, мы встретились. И в конце концов я справилась со своей робостью. Никогда прежде он не просил меня познакомиться с другой своей женщиной.

«О господи!»

Я взглянула на Магдалену. В тот вечер Гидеон поспешно покинул меня ради *нее*. Ради Коринн!

— Прощу прощения, — сказала я и, поднявшись из-за стола, отправилась на поиски Гидеона.

Я нашла его в баре и перехватила в тот самый момент, когда он отвернулся от бармена с двумя стаканами в руках. Забрав свой, я опрокинула его, так что у меня зубы заныли, стукнувшись о кубики льда.

— Ева... — В его голосе проскользнула нотка укора.

— Я уйду, — ровным голосом произнесла я, огляывая его, чтобы поставить пустой стакан на стойку. — Бегством это не считаю, потому что сообщаю тебе об этом заранее и предоставляю возможность отправиться со мной.

Он тяжело вздохнул, и я увидела, что он понял мой настрой. А он понял, что я это увидела.

— Я не могу уйти.

Я отвернулась. Он схватил меня за руку.

— Ты ведь знаешь, что я не могу остаться, если ты уйдешь. Но ты, Ева, раздуваешь скандал на пустом месте.

— На пустом месте? — Я уставилась на его руку, державшую меня. — Я тебя предупреждала, что нрав у меня скандальный и ревнивый. А сейчас ты дал мне для этого веские основания.

— Похоже, твое предупреждение было нацелено на то, чтобы послужить оправданием для нелепых выходов.

Лицо его оставалось спокойным, голос тихим. Глядя со стороны, никто бы не заметил между нами какого-либо напряжения, но это было видно в его глазах. Жгучее вождение и ледяная ярость. Сочетание того и другого делало его просто неотразимым.

— Нелепых? А как насчет Дэниела, персонального тренера? Или Мартина, члена моей приемной семьи? — Подавшись поближе, я перешла на шепот. — А ведь мне даже перепихнуться ни с кем из них не довелось, не говоря уж о том, чтобы договариваться насчет свадьбы. И, черт побери, я не трепалась ни с кем из них каждый долбаный день!

Неожиданно Гидеон обхватил меня за талию и привлек к себе.

— Тебя нужно немедленно оттрахать, — прошептал он мне на ухо, покусывая зубами мочку. — Мне не следовало заставлять тебя ждать.

— А может, ты специально сдерживался, — выдала я. — Решил сохранить пыл нерастраченным на тот случай, если окажется, что старый огонь разгорелся с новой силой и тебе захочется отодрать вместо меня кого-то еще.

Гидеон отставил стакан и, прижимая к себе стальной рукой, повел меня сквозь толпу к дверям, на ходу вытащив из кармана смартфон и распорядившись подать лимузин. К тому моменту, когда мы вышли на улицу, нас уже ждал длинный сверкающий автомобиль. Затолкнув меня в открытую Энгусом дверь, Гидеон распорядился:

— Гоняй вокруг квартала, пока не поступит другого указания.

Скользнув внутрь, он оказался позади меня, обдавая жарким дыханием мою голую спину. Я рванулась к другому сиденью, чтобы отстраниться от него...

— Стоп! — рявкнул он.

Тяжело дыша, я сползла на колени на покрытый ковром пол. Я понимала, что, даже убежав на край земли, никуда бы не делась от того факта, что Коринн Жиро больше подходила Гидеону, чем я. Ее невозмутимое спокойствие оказывало воздействие даже на меня, сходящую с ума от самого возмутительного факта ее существования. Моего наихудшего кошмара.

Он запустил руку в мои распущенные волосы, удерживая меня на месте. Расставив ноги по обе стороны моих, он чуть усилил хватку, отведя мою голову назад, так что она коснулась его плеча.

— Ева, я собираюсь дать тебе то, что нужно нам обоим. Мы будем трахаться столько времени, сколько потребуется, чтобы утолить страсть. А насчет Коринн можешь не беспокоиться. Все это время она будет торчать в танцевальном зале, а я — глубоко в тебе.

— Да, — прошептала я, облизывая сухие губы.

— Ева, ты забыла, кто подчиняется, — прорычал он. — Я уступил тебе контроль. Я всячески приспособился к тебе. Я готов на все, чтобы удержать тебя и сделать счастливой. Но из этого не следует, будто меня можно укротить и подчинить. Не надо принимать снисходительность за слабость.

Охваченная огнем желания, я тяжело сглотнула.

— Гидеон...

— Подними руки и возмись за оконный поручень. Не отпускай его, пока я не скажу, поняла?

Я выполнила его приказ, просунув руки в кожаную петлю. И почувствовала, как тело мое воспряло к жизни, дав понять, насколько прав он был относительно того, в чем я нуждалась. Как же хорошо он меня знал, этот мой любовник.

Запустив руки в корсаж, Гидеон крепко сжал мои набухшие груди, а когда принялся покручивать и подергивать соски, голова моя склонилось к нему. Сковывавшее мое тело напряжение стремительно исчезало.

— Боже! — Его губы шевелились у моего виска. — Как здорово, когда ты отдаешь мне себя вот так... полностью, разом, словно это огромное облегчение.

— Трахни меня! — взмолилась я, исходя от желания. — Пожалуйста!

Отпустив мои волосы, он залез мне под платье и спустил с меня трусики. Сброшенный пиджак упал на сиденье. А затем рука Гидеона скользнула между моими ногами. Ощувив, что моя промежность уже набухла и увлажнилась, он издал какой-то первобытный звук.

— Ты создана для меня, Ева. Ты не выдержишь долго без моего члена внутри.

При этом его умелые пальцы уже проскользнули в мое влагалище, размазывая влажные выделения по клитору и наружным половым губам. Два пальца, словно ножницы, двигались внутри меня, подготавливая к проникновению его огромного члена.

— Ты хочешь меня, Гидеон? — хрипло спросила я, желая поглубже вобрать в себя эти пальцы, но меня ограничивала необходимость держаться за поручень.

— Больше, чем следующий вздох. — Его теплый бархатистый язык обольстительно скользил по коже. — Мне ведь тоже долго без тебя не выдержать, Ева. Ты моя зависимость... одержимость.

Он слегка укусил меня, сопровождая это свидетельство животной потребности утробным похотливым рычанием. Он трахал меня двумя пальцами, а другой рукой массировал мой клитор. Эта одновременная стимуляция раз за разом заставляла меня кончать.

— Гидеон! — выдохнула я, почувствовав, что у меня уже нет сил держаться за поручень.

Гидеон отпустил меня, и я услышала эротический звук расстегивавшейся на ширинке молнии.

— Отпусти руки, ложись на спину и раздвинь ноги.

Я легла на сиденье, с дрожью предвкушения предоставляя свое тело в его распоряжение. Наши взгляды встретились как раз в тот миг, когда его лицо выхватил из сумрака случайный свет фар.

— Не бойся. — Он навалился на меня, и я ощутила мучительное блаженство.

— Я слишком возбуждена, чтобы бояться. — Ухватившись за него, я всем телом подалась навстречу его затвердевшей плоти. — Я хочу тебя.

Головка его члена слегка ткнулась в мои половые губы. Движением бедер он ввел член в меня, и в момент этого жаркого контакта мы оба хрипло выдохнули. Я обмякла на сиденье, цепляясь ослабевшими пальцами за его талию.

— Я люблю тебя, — прошептала я, глядя, как он начинает двигаться. Каждый дюйм моей кожи горел, словно под жарким солнцем, а грудь так распирало от желания и эмоций, что трудно было дышать. — И ты нужен мне, Гидеон.

— Я твой, — прошептал он, в то время как его член, словно поршень, ходил туда и обратно. — Невозможно быть твоим в большей степени.

Я дрожала и напрягалась, подавая бедра навстречу его нескончаемым размеренным толчкам. А потом кончила, зайдясь в немом крике, содрогаясь и выдаивая его, пока он, что-то прорывав, не возобновил свои толчки с еще большей яростью. Я подмахивала бедрами, побуждая его к продолжению, и он, стиснув меня, засаживал мне мощно и быстро. Голова моя тряслась, я бесстыдно стонала. То, что он всецело обладал мною, приводило меня в восторг, даря ни с чем не сравнимое наслаждение.

Обезумев друг от друга, мы трахались, словно дикие звери, и эта первобытная страсть возбудила меня настолько, что, казалось, зарождавшийся безумный оргазм способен меня убить.

— Как ты хорош, Гидеон! Как хорош...

Схватив за ягодицы, он рванул меня наверх, навстречу последнему толчку, засадив в самую глубь, так что из моего горла вырвался крик болезненного наслаждения. Я кончила снова.

— О боже, Ева!

Издавая нечленораздельные звуки, он испустил мощную струю, наполнив меня своим жаром. Придавив мои бедра, Гидеон вкручивался в меня, проникая настолько глубоко, насколько это было возможно.

Когда все закончилось, он резко вздохнул и поцеловал в мокрую шею.

— Я хочу, чтобы ты знал, что для меня делаешь. Хочу найти для этого нужные слова. — Я сжала его в объятиях. — Ничего не могу поделать с тем, что дурею рядом с тобой. Это просто уж слишком много, Гидеон. Это...

— ...невозможно контролировать. — И он снова возобновил движения. Ритмично. Размеренно. Словно в нашем распоряжении была целая вечность. И с каждым новым движением туда-сюда его член увеличивался. — А тебе нужен контроль.

Особенно сильный толчок лишил меня дыхания.

— Мне нужна ты, Ева. — Он двигался во мне, прожигая взглядом мое лицо. — Мне нужна ты!

* * *

Остаток вечера Гидеон сам от меня не отходил и меня от себя не отпускал. Держал мою левую руку своей правой в течение всего банкета, в очередной раз предпочтя есть одной рукой, но не разрывать нашей связи.

Коринн, сидевшая за нашим столом по другую сторону от него, посмотрела на него с любопытством:

— Мне казалось, что ты вроде бы всегда был правой.

— Им и остаюсь, — заявил он, поднял над столом наши соединенные руки и поцеловал кончики моих пальцев.

Я почувствовала себя глупо и неуверенно, что, на мой взгляд, не ускользнуло от Коринн. К сожалению, этот романтический жест никак не повлиял на то, что застольную беседу Гидеон вел в основном с ней, из-за чего я переживала и огорчалась. Большую часть времени я видела лишь затылок Гидеона.

— Хорошо, что это не курица.

Я повернулась к мужчине, сидевшему рядом со мной. Я настолько была поглощена попытками подслушать разговор Гидеона, что просто не замечала своего соседа по столу.

— А мне курица нравится, — заявила я. Впрочем, поданная к столу тилапия меня тоже устроила — тарелка моя была уже пуста.

— Но конечно, не резиновая, — ухмыльнулся он и от этого неожиданно помолодел, несмотря на совершенно седые волосы. — Ага, вот и улыбка появилась, — произнес он, — причем очаровательная.

— Спасибо. — Я представилась.

— Доктор Терренс Лукас, — сказал он. — Но я предпочитаю Терри.

— Доктор Терри. Очень приятно познакомиться.

— Просто Терри, Ева, — снова улыбнулся он.

После нескольких минут разговора я решила, что, несмотря на седину, доктор Лукас не намного старше меня. Лицо его было симпатичным, без морщин, зеленые глаза — умными и добрыми. Похоже, ему лет тридцать пять — сорок.

— Вы выглядите скучающей, как и я, — заявил он. — Такие мероприятия, конечно, позволяют собрать уйму денег для приюта, но проходят довольно тоскливо. Может, согласитесь пойти со мной в бар? Я угощаю.

Проверяя хватку Гидеона, я попыталась убрать руку. Он напрягся.

— Ты что делаешь? — прошипел он.

Оглянувшись, я увидела, что он смотрит на меня, а потом перевел взгляд на стоявшего позади меня доктора Лукаса. И взгляд этот заметно похолодел.

— Скучно ведь, когда тебя игнорируют, — сказал Терри, опершись руками о спинку моего стула. — Вот она и собралась развеять тоску с тем, кто счастлив оказать знаки внимания такой красавице.

Мне тут же стало не по себе: казалось, будто даже воздух между двумя мужчинами начинает потрескивать от напряжения. Я попыталась высвободить руку, но Гидеон меня не отпустил.

— Отвали, Терри, — предостерег Гидеон.

— Кросс, ты ведь был так поглощен миссис Жиро, что даже не заметил, как я сел за ваш стол. — Ухмылка Терри сделалась еще шире. — Ну что, Ева? Пойдем?

— Не вздумай, Ева.

Лед в голосе Гидеона заставил меня поежиться, однако я чувствовала себя уязвленной, а потому сказала:

— Это ведь не его вина, что он прав.

Пальцы Гидеона сжались так, что мне стало больно.

— Не сейчас!

— Вам не стоит терпеть такое обращение. Все деньги мира не дают никому права на подобный приказной тон, — глядя на меня, произнес Терри.

Разозленная и страшно расстроенная, я уставилась на Гидеона.

— Кроссфайр!

У меня вовсе не было уверенности в том, что «стоп-слово» подействует на Гидеона вне спальни, однако он отпустил мою руку, словно она его обожгла. Отодвинув стул, я бросила

салфетку на тарелку.

— Извините меня. Вы оба.

Прихватив сумочку, я ровным и легким шагом направилась напрямиком к туалетам, чтобы привести в порядок макияж и внутренне собраться, но, увидев по дороге подсвеченный указатель выхода, свернула туда. Уже на тротуаре, я вытаскала смартфон, отправила эсэмэску.

Не сбегаю. Просто ухожу.

Затем я поймала такси и отправилась домой лелеять свою злость.

* * *

Добравшись до дома со страстной мечтой о горячем душе и бутылке вина, я повернула ключ в замке, открыла дверь — и оказалась в сцене из порновидео. Моему ошарашенному сознанию потребовалось несколько секунд, чтобы понять увиденное. Я даже дверь за собой успела закрыть, прежде чем бросившиеся мне в глаза разрозненные части тел сложились в некую общую картину. Одна женщина лежала на полу, раздвинув ноги, другая уткнулась лицом ей в промежность, в то время как Кэри остервенело трахал ее, а какой-то парень наяривал самого Кэри в задницу.

Будучи сыта по горло всем, что сегодня на меня навалилось, я истошно завопила, но соперничать со включенной на полную мощность стереосистемой было невозможно. Тогда, сорвав с ноги туфлю, я запустила ею в динамик. Вызванный этим сбой звучания заставил всю групповуху, расположившуюся на полу гостиной, осознать факт моего появления. Я подскочила к магнитофону и вырубил звук.

— А ну, выметайтесь, на хрен, из моего дома. Живо! — заорала я.

— А это еще кто, черт возьми? — спросила рыжая девица из самого низа этой пирамиды. — Твоя жена?

По лицу Кэри промелькнуло виноватое, смущенное выражение, но потом его сменила нахальная улыбка.

— Соседка по квартире. Присоединяйся, детка, тут всем места хватит.

— Кэри Тейлор, не заводь меня, — предупредила я. — Сегодня и так далеко — далеко! — не лучший вечер.

Темноволосый самец оторвался от Кэри и, встав, направился ко мне. Когда он подошел поближе, я заметила возбужденную пульсацию на его шее и неестественно расширенные глаза.

— Могу его улучшить, — предложил он с похотливым взглядом.

— Пошел на хрен! — Я приняла стойку, намереваясь, если потребуется, отшить его не только словесно, но и физически.

— Оставь ее, Йен! — крикнул Кэри, поднимаясь на ноги.

— Ну давай, детка, — вкрадчиво произнес Йен, используя, что меня особенно задело, то словечко, которое я привыкла слышать от Кэри. — Тебе позарез надо хорошенько оттянуться. Я покажу, как это делается.

Он уже находился в нескольких дюймах от меня, а в следующий момент с воплем летел на диван. Гидеон, дрожащий от ярости, оказался между мной и всей компанией.

— Кэри, забери это дерьмо к себе в комнату, — прорычал он. — Или куда хочешь.

Йен стонал на моем диване, зажимая разбитый нос руками и пытаясь унять кровотечение.

— Ева, ты мне, на хрен, не мамаша, — бросил Кэри и подхватил с пола свои джинсы.

Я обошла Гидеона.

— Тебе мало того, что ты, по своей долбаной дури, с Треем расплевался, идиот?

— Трей тут ни при чем!

— А кто такой Трей? — поинтересовалась, поднимаясь на ноги, фигуристая блондинка.

Потом ее оценивающий взгляд упал на Гидеона, и она тут же принялась откровенно демонстрировать свое действительно красивое тело. Однако все ее потуги не произвели на него ни малейшего впечатления, что в конечном счете заставило ее покраснеть и натянуть подхваченное с пола облегающее золотистое платье. А я, будучи в соответствующем настроении, подбавила:

— Не принимай на свой счет, тут ничего личного. Он предпочитает брюнеток.

Гидеон наградил меня просто убийственным взглядом. Да, таким взбешенным я его никогда не видела. Его буквально трясло от гнева.

Напуганная этим взглядом, я непроизвольно отступила. Он непристойно выругался.

Неожиданно почувствовав страшную усталость и разочарование по отношению ко всем мужчинам в моей жизни, я отвернулась.

— Кэри, убери всю эту шваль из моего дома.

Я направилась в коридор, сбросив на ходу вторую туфлю, по дороге в ванную стянула платье и включила душ. Как только вода нагрелась, я залезла под него. Но стоять не было сил, и я опустилась на пол, закрыла глаза и обхватила руками колени.

— Ева. — Услышав голос Гидеона, я съежилась еще больше. — Черт побери! — прорычал он. — Меня в жизни никто так не доставал, как ты.

Я посмотрела на него сквозь завесу упавших на лицо мокрых волос. Он мерил шагами мою ванную, расхристанный, без пиджака.

— Вали домой, Гидеон.

Он остановился и посмотрел на меня с недоверием.

— Ну уж нет, в этом хреновом бардаке я тебя не оставлю. Кэри, черт его дери, умом тронулся. А тот обдолбанный придурок уже лапы к тебе тянул. Я вовремя появился.

— Кэри бы ничего плохого не допустил. Но в любом случае, я не могу разбираться и с ним, и с тобой одновременно.

На самом деле у меня не было ни малейшего желания разбираться ни с кем из них. Мне просто хотелось побыть одной.

— Ну так займись мной одним.

Нетерпеливым движением ладони я убрала волосы с лица.

— Вот как? Предполагается, что я должна отдать предпочтение тебе?

Он отшатнулся, как от удара.

— У меня складывалось впечатление, что мы оба отдаем предпочтение друг другу.

— Ага, мне тоже так казалось. До нынешнего вечера.

— Господи! Неужели тебе до сих пор Коринн не дает покоя? — Он широко развел руками. — Я ведь здесь, с тобой, так? А с ней едва успел попрощаться, припустив за тобой вдогонку. Опять!

— Пошел на хрен. Не надо мне твоих одолжений.

Как был, одетый, Гидеон шагнул под душ, поднял меня на ноги и поцеловал. Крепко. Его рот жадно припал к моему, руки, схватив за плечи, удерживали меня на месте. Но я не уступала, не поддавалась. Даже когда он попытался соблазнить меня алчущими, чувственными движениями языка.

— Почему? — спросил он, скользнув губами к моей шее. — Почему ты сводишь меня с ума?

— Не знаю, что за проблема возникла у тебя с доктором Лукасом, я, во всяком случае, никакого повода не давала. Но он был прав. Весь вечер твое внимание было отдано Коринн. За обедом ты меня попросту игнорировал.

— Ева, для меня вообще невозможно тебя игнорировать. — Его лицо было мрачным и напряженным. — Если ты со мной в одном помещении, я больше никого не вижу.

— Забавно. Всякий раз, когда я смотрела на тебя, ты смотрел на нее.

— Глупости! — Он отпустил меня и убрал с лица мокрые волосы. — Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

— Так ли? Да, ты хочешь меня. Я нужна тебе. Но не любишь ли ты Коринн?

— Ох, ну вообще охренеть можно. Нет! — Он выключил воду и обнял меня. — Хочешь, чтобы я признался тебе в любви, Ева? Все из-за этого?

Ощущение было такое, будто он изо всей силы врезал мне под дых. Такой боли я отроду не испытывала и даже себе не представляла. Слезы жгли глаза. Я поднырнула под его руку и разрыдалась.

— Иди домой, Гидеон. Пожалуйста.

— Я дома. — Он обнял меня сзади и уткнулся лицом в мои мокрые волосы. — Я с тобой.

Я попыталась высвободиться, но была слишком вымотана. Физически. Эмоционально. Слезы лились ручьем, и остановить их не было сил. А я терпеть не могла плакать у кого-нибудь на глазах.

— Уходи! Пожалуйста.

— Я люблю тебя, Ева. Конечно люблю.

— Боже мой! — Я задергалась, забилась, пытаюсь вырваться. Все, что угодно, лишь бы освободиться от человека, превратившегося для меня в источник боли и мучений. — Мне не нужна твоя долбаная жалость. Я просто хочу, чтобы ты отвалил.

— Да не могу я, Ева. Сама знаешь, не могу. И кончай дергаться. Лучше выслушай меня.

— Гидеон, все, что ты говоришь, ранит.

— Это неправильное слово, Ева, — упрямо гнул он свое, прижавшись губами к моему уху. — Поэтому я его и не говорил. Это неправильное слово для тебя и чувства, которое я к тебе испытываю.

— Заткнись. Если ты вообще хоть немножко обо мне заботишься, так просто заткнись и проваливай.

— Меня любили и раньше, Коррин, другие женщины... Но какого черта они обо мне знали? Как, на хрен, могли любить, понятия не имея о моих долбанных задвигах. Если это и есть любовь, то такое чувство несопоставимо с тем, что я испытываю к тебе.

Я замерла, хотя меня била дрожь. Я видела в зеркале свое лицо с размазанным макияжем и мокрые, растрепанные волосы рядом с губительно красивым лицом Гидеона. Он крепко обхватил меня сзади, и было видно, что его одолевает буря эмоций.

Мы выглядели совсем непонимающими друг друга.

Но зато я понимала, что такое отчужденность, вызванная тем, что люди, с которыми имеешь дело, не видят твоей подлинной сути, или не могут видеть, или предпочитают не видеть. Я ощущала отвращение к себе, к тому, что жила в постоянном обмане, пытаюсь выдать себя за личность, которой хотела бы, но никак не могла быть. Я жила в постоянном страхе, что те, кого я люблю, могут отвернуться, если им откроется истинная, сокрытая внутри меня личность.

— Гидеон...

Его губы коснулись моего виска.

— Думаю, я полюбил тебя с первого взгляда. Но когда мы впервые занялись любовью в

лимузине, это стало чем-то еще. Чем-то большим.

— И тем не менее. В тот самый вечер ты бросил меня, чтобы позаботиться о Коринн. Как ты мог, Гидеон?

Он разжал объятия, но только для того, чтобы подхватить меня на руки и отнести к двери, где на крючке висел мой банный халат. Он закутал меня, усадил на край ванны, а сам сходил к раковине и, вынув из ящика, принес все необходимое для удаления макияжа. А потом присел передо мной на корточки и принялся снимать косметику с моих щек.

— Коринн позвонила во время того званого обеда, а я был в таком настроении, что мог совершить любую глупость, — сказал он, не сводя с моего заплаканного лица теплого, ласкового взгляда. — Мы с тобой только что занимались любовью, соображал я после этого очень плохо. Я сказал ей, что занят и что был кое с кем близок, а когда услышал в ее голосе боль, решил, что мне нужно разобраться с ней, чтобы продвигать наши с тобой отношения дальше.

— Не понимаю. Ты оставил меня одну ради нее. И это, по-твоему, называется «продвигать отношения»?

— Ева, с Коринн у меня все не так просто. — Он приподнял мой подбородок, чтобы стереть размазавшиеся под глазами тени. — Мы с ней познакомились в Колумбийском университете, когда я был первокурсником. Она красивая, милая, в жизни ни о ком дурного слова не скажет. Когда она стала ко мне клеиться, я поддался, и это стало моим первым опытом секса по взаимному согласию.

— Ненавижу ее. — (При этих словах его рот чуточку скривился.) — Это не шутка, Гидеон. Я просто вне себя от ревности.

— Ангел мой, это был всего лишь секс. Как бы неистово мы с тобой ни трахались, мы при этом занимаемся любовью. Каждый раз, с самого первого раза. Ты единственная, кого я воспринял таким образом.

— Ладно. Чуточку получше, — тяжело вздохнула я.

Он поцеловал меня.

— Да, наверное, ты вправе сказать, что тут и ухаживание имело место. Мы оба отличались исключительной сексуальностью, нас тянуло друг к другу, и неудивительно, что помимо постели мы оказывались вместе и в разных местах на людях, как пара. Правда, когда она призналась мне в любви, это меня удивило. И польстило. Она была мне небезразлична. Мне очень нравилось проводить с ней время.

— Оно и по сию пору видно, — буркнула я.

— Да послушай же. — Он постучал по кончику моего носа пальцем. — Я тогда думал, что может быть, тоже люблю ее, только на свой, особый лад... единственный, который мне был известен. И я не хотел, чтобы она была с кем-то другим. Короче, когда она сделала предложение, я ответил согласием.

— Она сделала тебе предложение? — отпрянула я от него.

— Не надо так изумляться, — усмехнулся он. — Ты уязвляешь мое эго.

Облегчение накатило на меня с такой силой, что у меня закружилась голова. Бросившись к нему, я крепко, что было сил, обняла его.

— Эй! — Его ответные объятия были уж никак не слабее. — Ты в порядке?

— Да. Да, мне уже куда лучше. — Подавшись назад, я взяла его за подбородок. — Валяй дальше.

— «Да» я сказал, но, конечно же, толком не подумал. Мы встречались два года, но за это время ни разу не провели вместе, в одной постели, целую ночь. О многих вещах, о которых мы с тобой разговариваем, у нас с ней никогда даже речи не заходило. Она меня, в общем-то, по-

настоящему и не знала, а я убедил себя в том, что если уж меня вообще любят, то за это стоит держаться. Ну а за кого мне в таком случае было держаться, как не за нее? — Он занялся другим моим глазом, аккуратно стирая черные разводы. — Думаю, она надеялась, что помолвка поможет перевести наши отношения на новый уровень. Может быть, я стану более открытым. Может быть, мы будем проводить ночи в отеле, что она, к слову, находила весьма романтичным, а не разбегаться каждый к себе под тем предлогом, что с утра надо на занятия. Не знаю.

Мне подумалось, что все это говорит о его ужасающем одиночестве. Бедный мой Гидеон. Он был одинок так долго. Возможно, всю свою жизнь.

— И возможно, — продолжил он, — решившись через год на разрыв, она надеялась, что это послужит толчком к обновлению, ну как если нажать на газ. Что я всеми силами попытаюсь ее удержать. Но вместо этого я испытал облегчение, потому что уже начал понимать, что жить с нею вместе, в одном доме, не хочу. Ну как я мог объяснить и оправдать необходимость спать в разных комнатах и иметь свое личное пространство?

— А о том, чтобы рассказать ей все, ты не думал?

— Нет, — пожал он плечами. — До встречи с тобой я вообще не считал мое прошлое заслуживающим такого уж внимания. Ну да, в определенной степени оно влияло на те или иные мои действия, однако все было предсказуемо, и я не чувствовал себя несчастным. По правде говоря, я полагал, что жизнь у меня вполне комфортабельная, без заморочек.

— Ох, парень, — наморщила я нос. — Привет, мистер Комфорт. Я мисс Заморочка.

Его зубы сверкнули в ухмылке.

— Да уж, с тобой скучать не придется.

Гидеон швырнул ватную подушечку для снятия макияжа в мусорную корзину, бросил полотенце на образовавшуюся на полу лужицу и скинул туфли. После чего, к огромному моему удовольствию, стал снимать мокрую одежду.

— Ты чувствуешь себя виновным из-за того, что она все еще тебя любит? — поинтересовалась я, не сводя с него восхищенного взгляда.

— Да, так оно и есть. Я знал ее мужа. Он славный и сходил по ней с ума, пока не выяснилось, что она этих чувств не разделяет. Потому у них все и распалось. — Стягивая рубашку, он смотрел на меня. — Я раньше никак не мог понять, с чего это его так прихватило. Женился на девчонке, на которой хотел жениться, жили они не просто вдалеке от меня, а в другой стране. Так в чем проблема? Но теперь до меня дошло. Если бы ты, Ева, любила кого-то другого, это разрывало бы меня на части, ежедневно. Просто убивало бы, пусть даже ты жила бы со мной, а вовсе не с ним. Правда, в отличие от Жиро я бы не отпустил тебя. Возможно, ты бы не принадлежала мне целиком, но оставалась бы моей и я получал бы то, что мог.

Я непроизвольно похлопала пальцами по колену.

— Именно это меня и страшит, Гидеон. Ты не знаешь себе цену.

— Еще как знаю. Двенадцать мил...

— Заткнись! — Голова моя закружилась, и я прижала кончики пальцев к глазам. — То, что женщина влюбилась в тебя и продолжает любить, — не такое уж великое чудо. Ты знал, что Магдалена носила длинные волосы в надежде, что будет этим напоминать тебе Коринн?

— С чего бы это? — нахмурился он.

Я вздохнула, поражаясь его тупости.

— Она была уверена, что тебе нужна именно Коринн.

— Да больно ей надо...

— Неужели? А вот Коринн призналась, что говорит с тобой чуть ли не каждый день.

— Ну не совсем. Порой со мной трудно связаться. Ты же знаешь, как я бываю занят. — Глаза его полыхнули жаром, что было мне так хорошо знакомо. Я знала: он вспомнил о тех моментах, когда занимался мной.

— Гидеон, кончай валять дурака. Она звонила тебе каждый день. — И тут я вспомнила, как Коринн утверждала, что к ней у Гидеона такое же собственническое отношение, как и ко мне. Что жутко меня разозлило.

— И к чему это нас приводит? — ласково спросил он.

— А до тебя не дошло? Женщины на тебя западают, такой уж ты завлекательный. Ты представляешь им чем-то вроде Гран-при, и каждой кажется, что если она не сможет заполучить тебя, значит, должна довольствоваться чем-то второстепенным. А потому и думать не хочет о том, чтобы от тебя отступить. Все они норовят найти самые безумные способы, лишь бы тебя завлечь.

— Все, кроме той, которую хочу я, — отрезал он. — Той, которая тратит уйму времени на нечто совсем противоположное.

Он стоял передо мной обнаженный, и я без всякого смущения смотрела на него, упиваясь его видом.

— Гидеон, будь добр, ответь мне на один вопрос. С чего это ты так хочешь меня, хотя мог бы без усилий получить взамен любую красотку. Только учти, я не напрашиваюсь на комплименты, заверения в чувствах и все такое. Мне нужен честный ответ.

Он подхватил меня на руки и направился в спальню со словами:

— Ева, завязывай с такими мыслями насчет нас, а то, черт возьми, всыплю так, что тебе это понравится.

Впрочем, на самом деле он опустил меня на стул и принялся рыться в ящиках с бельем. А когда выудил оттуда топик и штаны для занятий йогой, я заметила:

— Эй, ты не забыл, что я сплю с тобой голой?

— А мы уходим, — повернувшись ко мне, сказал Гидеон. — Я не уверен, что Кэри не притащит сюда кучу обкуренных придурков. Если мы останемся здесь на ночь, то я, находясь под воздействием лекарств, прописанных доктором Петерсеном, чего доброго не смогу тебя защитить. Нет уж, лучше отправимся ко мне.

Я устала на свои сцепленные руки, размышляя о том, что защита может мне понадобиться и от самого Гидеона.

— Послушай, Гидеон, мы с Кэри давно вместе. Я не могу вот так просто взять и свалить к тебе в надежде, что он как-нибудь сам разберется. Сейчас он нуждается во мне гораздо больше, чем когда-то я нуждалась в нем.

— Ева, — Гидеон принес мне одежду и присел передо мной на корточки, — я понимаю, ты должна поддержать Кэри. Мы вместе подумаем о том, как это лучше сделать, — завтра.

— Спасибо, — сказала я и обхватила его лицо ладонями.

— Ты слишком мне нужна, — тихо произнес он.

— Мы оба нужны друг другу.

Гидеон встал, подошел к шкафу и принялся рыться в своих ящиках. Я начала одеваться.

— Послушай...

Он натянул спущенные на бедрах джинсы.

— Да?

— Теперь, зная расклад, я чувствую себя несравненно лучше, но Коринн все равно остается для меня проблемой. — Я помедлила, держа блузку в руках. — Тебе нужно как можно скорее пресечь ее надежды. Попридержи свое чувство вины и давай начинай отнимать ее от груди.

Гидеон присел на краешек кровати и стал натягивать носки.

— Ева, она мой друг и сейчас переживает трудные времена. Это жестоко — отделаться от нее в такое время.

— Гидеон, подумай хорошенько. У меня в прошлом тоже много чего было, и ты создаешь прецедент того, как мне с этим разобратся. Я ведь могу взять с тебя пример.

— Ты мне угрожаешь? — Он встал, насупившись.

— Предпочитаю рассматривать это как предупреждение. Отношения срываются в обоих направлениях. Ты не единственный ее друг. Если у нее трудное время, пусть поищет кого-нибудь более подходящего, на кого тоже сможет опереться.

Взяв все необходимое, мы вернулись в гостиную, где царил полный разгром. На моем светлом диване остались капли крови, под столом валялся бюстгальтер цвета морской волны. Я подумала: неплохо, если бы Кэри был здесь и внес во все это некоторую ясность.

— Ладно, завтра с ним разберемся. — Я была вне себя от гнева и беспокойства. — Черт побери, надо было его как следует стукнуть. Врезать, чтобы он отрубился, и запереть в комнате, пока мозги на место не встанут.

— Лучше сделать это завтра, когда он будет один и с похмелья. Так гораздо эффективнее, — успокаивающе погладил меня Гидеон.

Внизу нас ждал Энгус. Я уже было собралась залезть в лимузин, когда Гидеон неожиданно тихо выругался.

— Что? — спросила я у него.

— Кое-что забыл.

— Сейчас достану ключи.

Я потянулась к сумке, которую держал Гидеон. В ней лежал кошелек с ключами.

— Не надо. У меня свои есть.

Брови мои поднялись, и на его лице появилась извиняющаяся ухмылка.

— Я их скопировал, прежде чем вернуть тебе.

— Серьезно?

— Будь ты повнимательнее, — произнес он, целуя меня в макушку, — то заметила бы, что, когда я вернул тебе ключи, на брелке добавился еще и ключ от моего дома.

У меня челюсть отвисла. Гидеон уже промчался мимо швейцара обратно в здание. Я вспомнила те мучительные четыре дня, когда казалось, что между нами все кончено, и несказанную боль, испытанную в тот миг, когда эти ключи вывалились из конверта на мою ладонь.

Оказывается, у меня был ключ от его дома и я могла постоянно быть с ним.

Покачав головой, я обвела взглядом принявший меня город, который успела полюбить и которому была благодарна за свалившееся на меня здесь сумасшедшее счастье.

Правда, впереди нас с Гидеоном ждало еще очень много работы. Как бы мы с ним ни любили друг друга, само по себе это еще не давало гарантии заживления наших личных ран. Другое дело, что мы общались, были честны друг с другом и, Бог свидетель, оба были слишком упрямы, чтобы сдаться без боя.

Гидеон вышел из дома, и я забралась в лимузин. Едва мы отъехали, Гидеон подтянул меня к себе, усадил на колени и крепко обнял.

— Вечерок у нас выдался круче некуда, но мы с этим справились.

— Да, справились.

Я запрокинула голову, подставив губы для поцелуя. И он последовал: неторопливый, сладостный, еще одно подтверждение нашей с ним драгоценной, запутанной, сводящей с ума и такой необходимой связи.

Положив ладонь ему на затылок, я запустила пальцы в его шелковистые волосы.

— Жду не дождусь, когда снова заполучу тебя в постель.

Он издал негромкий чувственный рык и атаковал мою шею щекочущими укусами и поцелуями, разогнавшими наших призраков и их тени.

По крайней мере, на некоторое время...